

В.И. Сергеев МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Строй чувашского языка

В.И. СЕРГЕЕВ

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

словоизменение
формоизменение
и формообразование

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

СТРОЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В.И. СЕРГЕЕВ

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

**словоизменение, формоизменение
и формообразование**

**Чебоксары
2017**

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-2
С 32

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор
А.П. Долгова

Рецензенты:

А.М. Иванова, доктор филологических наук,
зав. кафедрой чувашской филологии и культуры
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Л.П. Сергеев, доктор филологических наук,
профессор кафедры чувашского языка и литературы
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я. Яковлева

Сергеев, В.И.
С 32   **Морфология чувашского языка : словоизменение, формоизменение и формообразование** : монография / В.И. Сергеев; науч. ред. А.П. Долгова. — Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 2017. — 400 с. — (Строй чувашского языка).
ISBN 978-5-87677-229-9

Монография подготовлена в рамках проекта создания цикла исследований строя чувашского языка и посвящена системе словоизменения, формоизменения и формообразования современного чувашского языка. Основное внимание уделяется выявлению и описанию системы грамматических (морфологических) категориальных и некатегориальных форм практических всех частей речи. Ряд идей, рассматривающихся и обосновывающихся в данном труде, выводит на решение проблем общетюркологического и общелингвистического характера. Книга адресована специалистам-филологам, преподавателям вузов и учителям общеобразовательных школ, студентам.

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1-2

ISBN 978-5-87677-229-9

© Сергеев В.И., 2017
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнюю треть XX и начале XXI в. тюркологи (в том числе и чувашеведы) термин «словоизменение» «подменяли» сочетанием «морфологическая структура слова». Понимая, что обе эти темы важные и нужные, тем не менее тюркологи не считали их проблемными. Проблема морфологической структуры слова занимает одно из центральных мест в общей и частной грамматической теории, но подробно не изучена, обычно данные темы рассматриваются в соответствующих разделах морфемики и морфологии.

Вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках был поставлен В.В. Радловым в начале XX в. [200]. Со дня выхода его книги прошло полвека, и только в 1964 г. появились специальные исследования. Среди них диссертации С.У. Усманова «Морфологические особенности слова в современном узбекском языке» [174] и А.И. Искакова «Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке» [87]. Морфологическое строение слова стало объектом анализа в статьях Н.А. Баскакова [31], А.М. Щербака [192], Э.В. Севортияна [147]. Эти авторы старались ответить на следующие вопросы: 1) что входит в морфологическое строение слова; 2) соотношение структурных частей слова; 3) морфологическая структура слова и его морфемный состав; 4) морфологическое строение слова и части речи; 5) морфосемантическое строение слова и последовательность морфем; 6) связь фонетического строения слова с его морфологическим строением (вопросы фономорфологии); 7) парадигматический облик слова и его синтагматическая позиция; 8) морфологическое строение слова в статике и динамике, т.е. в языке и речи; 9) морфологическое строение слова в синхроническом и диахроническом плане [147, с. 133].

Обратим внимание на первый вопрос: что входит в морфологическое строение слова или грамматический строй языка? По сей день он ждет конкретного ответа. А.М. Щербак через двадцать лет вернулся к этой проблеме, желая рассмотреть её под другим углом зрения, поставил конкретную задачу:

«Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования», но и здесь нет конкретного ответа, хотя автор понимает, что в агглютинативных языках «элементарная единица плана выражения более или менее строго соотнесена с элементарной единицей плана содержания» [192, с. 39].

Последовательность аффиксальных морфем (морфотактика) в тюркологии (тем более в чувашеведении) основательно не изучена. Возьмем, например, аффиксы категории выделения *-и*, *-скер*.

Особый интерес вызывает формант *-и* как показатель выделения, который отличается своей универсальностью. В других тюркских языках такой категории нет. Для прилагательных это словоизменительный категориальный аффикс выделительности: *асlä* «старший» — *асли* «тот, кто старший»; *хитре* «красивый» — *хитри* «то, что красиво». После словоизменительного аффикса *-и* могут быть аффиксы всех падежей и множественного числа *-сем* (эти формы сами склоняются) + аффикс категории усиления *-ах* (*-ex*, *-x*) + формант прошедшего времени *-ччё*: *хитр-i-сем-ex-чё* «то, что было на самом деле красиво».

Аффикс *-и* может присоединяться к показателю компаратива на *-рах* (*-рех*): *äслäрах(x)-и* «тот, кто поумнее», и процесс агглютинации повторяется, как и в первом случае.

Примеры многоступенчатой агглютинации: *äsl-i-сем-ex-чё* «те же, кто был умным», *äслäрахскерсемехчё* «те, кто был умнее». Этот процесс многоступенчатой агглютинации может повторяться с существительными, в которых *-и* присоединяется к алломорфу местного падежа *-т*, *-р*, *-ч*: *ялта* «в деревне» — *ял-t-i* «тот, кто в деревне», *шывра* «в воде» — *шыв-r-i* «тот, кто в воде», «водяной», *килёнче* «дома» — *килён-ч-i* «тот, кто дома» + аффиксы всех падежей + аффикс категории усиления *-ах* (*-ex*) + аффикс прошедшего времени *-чё* (например, *килёнчи

ехчё* «с тем же, кто был дома»).

Многоступенчатой агглютинации подвергаются:

а) числительные: *алlä-p-i* «тот, кому пятьдесят (лет)», *вätär-p-i* «тот, кому тридцать (лет)», *алlä-p-i-сем-ex-чё* «те, кому действительно было пятьдесят (лет)»;

б) местоимения: *манäнн-i* «то, что принадлежит мне», *санäнн-i* «то, что принадлежит тебе»; *ни-p-ён(h)-i-сем-ex-чё* «те, что действительно было нашим»;

в) причастия прошедшего времени: *вула-н-и* «то, что прочитано», *вула-н-и-сем-ех-чё* «те, что действительно нами было прочитано»;

г) причастия будущего времени: *пул-асс-и* «то, что будет», *пурэн-асс-и-сем-ех-чё*, *пурэн-ас-скер-сем-ех-чё* «те, кому действительно было жить да жить»;

д) инфинитивы: *вула-ма-лл-и*, *вула-ма-лл-и-сем-ех-чё* «то, что действительно нужно было читать», *кай-ма-лл-и* «то, что предстоит пройти, проехать»;

е) некоторые послелоги: *пекк-и*, *евёрл-и* « тот, кто подобен; то, что подобно», (*сан*) *пекк-и-сем-ех-чё*, (*сан*) *евёр-л-и-сем-ех-чё* «те, кто действительно подобен (тебе)».

Во всех этих примерах речь идет о последовательности морфем в словоформах, т.е. о том, что является предметом специального лингвистического исследования (как об этом пишет А.М. Щербак). В более широком плане этот вопрос рассматривается как позиционная характеристика морфем в грамматике порядков, которой посвящена статья И.И. Ревзина и Г.Д. Юлдашевой [137].

По мнению В.Б. Касевича, «грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем, где корню обычно приписывают так называемый нулевой порядок (т.е. корень, позиция корня выступают точкой отсчёта), а всем остальным — те позиционные ранги, или порядки, которые определяются степенью их линейной удаленности от корня. Существенно, что порядок морфемы — это номер той её позиции, которую морфема занимает в словоформе максимально возможного состава. Все остальные позиции именуются “квазипорядками”, поэтому собственный порядок морфемы определяется как “максимальный квазипорядок”» [91, с. 157].

Автор приводит такой пример: в азербайджанском языке в словах *балан* «твой ребёнок», *балалар* «дети», *балаја* «ребенку» аффиксы (квазиаффиксы) *-н*, *-лар*, *-ја* занимают одну и ту же позицию — сразу после корня. Однако это их квазипорядок. Порядок *-н* должен оцениваться как +2, *-лар* — как +1, а *-ја* — как +3, поскольку при одновременном наличии всех трёх они располагаются именно в такой последовательности: *бала-ларына* «твоим детям» (где *-ын* вариант *-н*). Чувашский аналог: *ач-у-се-н-е* «твоим детям» и *ача-се-н-е* «детям», где мы наблюдаем

«подпорядок» расположения морфем. Ср.: азерб. *бала-лар-ын-а* «твоим детям», чув. *ач-у-се-н-е* «твоим детям». В данном случае «суперпорядок» для двух языковых данных нарушается.

Критикуя И.И. Ревзина и Г.Д. Юлдашеву, посвятивших свою статью грамматике порядков, В.Б. Касевич пишет: «Особые грани при использовании грамматики порядков приобретает проблема нулевых показателей. Например, для узбекской словоформы ёз «пиши» устанавливают структуру ёз + Ø₁ + Ø₂ + Ø₃ + Ø₄ + Ø_{5.12} + Ø_{6.5a} + Ø₇, где нули имеют следующие значения: Ø₁ — неинтенсивность (немногократность), Ø₂ — невозвратность, Ø₃ — некаузативность, несовместимость, непассивность, Ø₄ — неотрицательность, Ø_{5.12} — повелительность, Ø_{6.5a} — 2-е л. ед. ч., Ø₇ — невопросительность. <...> В узбекской словоформе ёз «пиши» только один нуль, указующий на императив 2-го л. ед. ч.» [91, с. 158—159].

Эта же тема затронута в учебном пособии Л.П. Сергеева «Чаваш аффиксологийё» (Чувашская аффиксология) [153, с. 61—111].

В названных работах речь идет о словоизменении и формоизменении, иными словами — о словоизменительных и формоизменительных морфемах в тюркских языках. Но никто из авторов не дает определения терминам «словоизменение» и «словоизменительная морфема». Нет внятного толкования этих понятий и в словарях лингвистических терминов. По непонятным причинам «словоизменение» приравнивается к «формообразованию» [142, с. 303].

Определение термина «словоизменительная морфема» мы находим в работе Л.С. Бархударова «Очерки по морфологии современного английского языка»: «Словоизменительными (inflectional) называются морфемы, используемые как средство построения из слов речевых произведений, т.е. являющиеся показателями грамматических отношений между словами» [27, с. 27].

Во «Введении» книги «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» написано: «Аффиксальные морфемы по функции и назначению делятся на словообразовательные, формообразующие и словоизменительные. Аффиксы словоизменения и формообразования в сочетании с основой образуют словоформу, которая входит в парадигматический ряд...» [164, с. 5].

Вышеназванные понятия «позиционная характеристика морфем», «последовательность морфем», «морфологическая структура», «строение слова» можно объединить в рубрики «Морфемотактика (морфемотагмемика)» или «Лексемотактика (лексемотагмемика)», входящие в более широкий раздел под названием «Лингвотактика (лингвотагмемика)».

Предметом исследования в данной работе является морфологический строй, морфологическая структура и морфологическая система чувашского языка. Морфологический строй — способ выражения грамматических отношений между морфемами как синтетическая характеристика языка. Морфологическая структура (лат. *structura* «строение, взаиморасположение») — строение морфологических единиц, совокупность связей между элементами системы. Морфологическая система (греч. *systēma* «целое, составленное из частей») — совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных морфем языка; объединение некоторого разнообразия морфем как бы в единое и чётко расчленённое целое, элементы (морфемы) которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места.

Раздел 1

ТЕОРИИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Введение в теорию агглютинации и лингвотактику

Термин «агглютинация» в словарях лингвистических терминов толкуется однобоко, с учетом грамматики индоевропейских языков, и противопоставляется «фузии»: агглютинация — образование форм слов посредством механического (машинального, не-произвольного, бессознательного, сознательно нерегулируемого) присоединения к неизменяемым основам или корням стандартных аффиксов [165, с. 21]. Агглютинация не есть хаотичное присоединение аффиксов: не только в словоизменении, но и в формоизменении и формообразовании аффиксы вписываются в рамки теории агглютинации и функционируют, основываясь на законах грамматики порядков. Нельзя не согласиться и с положением, что «каждый аффикс при этом выражает только одно грамматическое значение», но раньше твердили, что аффиксы категории принадлежности выражают значение и лица, и числа.

До сих пор агглютинация как грамматическое явление не рассматривалась с точки зрения теории, а на самом деле это действительно теория для агглютинативных (турецких, финно-угорских, монгольских, японского и других) языков.

Что же значит «теория агглютинации»? Теория — это система основных идей в той или иной отрасли знания. Агглютинация — образование грамматических форм путем последовательного присоединения к корню или основе слова грамматически однозначных аффиксов, при котором в большинстве случаев границы морфов остаются отчётливыми.

Агглютинативная теория (не надо путать с теорией агглютинации) — гипотеза о происхождении флективных форм в индоевропейских языках [100, с. 16–17] — порождает закон грамматики порядков (т.е. позиционную характеристику морфем словоизменения) или закон последовательности морфем в словоформах; разработка грамматики порядков в турецких (вообще в агглютинативных языках) находится пока на зачаточном уровне.

В труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» кратко сказано: «Соединение аффиксов с основой в тюркских языках происходит путем агглютинации. Сущность этого способа связи морфем заключается в относительно полном соответствии числа морфем числу граммем, вследствие этого оформление слова происходит посредством последовательного наращивания аффиксов (цепочка аффиксов). Порядок следования аффиксов детерминирован их значением: аффиксы общего значения обычно предшествуют аффиксам более узкого значения... место каждого аффикса определяется его рангом: аффиксы подчинены ранговой иерархии» [164, с. 6]. Что означают термины «аффиксы общего значения» и «аффиксы более узкого значения»? Объяснение отсутствует.

В тюркских языках происходит совмещение двух или трёх аффиксов одного и того же ранга, главным образом падежных, что ведет к двойному или тройному склонению.

При описании закона грамматики порядков чувашского языка, т.е. теории агглютинации, языковеды обходят стороной вопрос о категории выделения на *-и*, *-скер*, которая, как выясняется, является основой теории агглютинации в чувашском языке. Тюркологи, по незнанию материала чувашского языка, умалчивают о существовании такой категории в чувашском языке. Словоизменительная и формоизменительная морфология чувашского языка при описании морфологического строя языка не может обойтись без всеобъемлющей теории категории выделения на *-и*, *-скер*, которая пронизывает все знаменательные части речи, а также послелоги.

Из тюркологов к разработке теории агглютинации был близок А.М. Щербак. Он частично прав в том отношении, что структура слова в тюркских языках прозрачна. Слова, имеющие подвижную морфологическую структуру, состоят из двух элементов: корня (основы) и аффикса или совокупности аффиксов.

Автор подчеркивает, что «аффикс моносемантичен, т.е. передаёт одно значение, вследствие чего количество грамматических показателей соответствует количеству грамматических значений» [190, с. 21], но на странице 24 указывает, что в глагольной словоформе *jaz-dîr-a-ma-dî-m* «я не мог заставить писать» *-м* — аффиксальная морфема лица и числа. Получается, аффикс *-м* не моносемантичен, а бисемантичен. Но это

не только мнение А.М. Щербака, составители словарей лингвистических терминов также утверждают: агглютинация — механическое присоединение однозначных стандартных аффиксов к неизменяемым основам или корням [19, с. 31; 165, с. 12]. Естественно, сочетание «механическое (автоматическое) присоединение» тоже не конкретизирует понятие агглютинации.

Выражения «неизменяемая основа» или «корень» также не соответствуют истине. В чувашском языке некоторые словоформы глагола *тиç* «вариться» образуются от фонетического варианта *нëç*, а глагола *вил* — от *вël*; здесь наблюдается внутренняя флексия (флексия основы): *тиç*: *тиçнё* «сварилось» — *нëçерчё* «сварил»,ср.: *вил* «умереть» — *вëlерчё* «убил», *кур* «видеть» — *кäтарт* (от *кур-тар-т*) «показывать»; от слова *çук* «нет» получается *çухал* «исчезнуть».

По мнению А.М. Щербака, «принципиальное значение имеет вопрос о возможности совмещения в одном парадигматическом ряду двух или трёх падежных аффиксов» (речь идет о двойном или тройном склонении). Приводя пример (др.-турк. *сённ* *атиñ* «твоя лошадь»), автор утверждает, что *-нïç* как показатель родительного падежа утратил собственное (падежное) значение [190, с. 25], что в корне неверно.

В чувашском языкоznании при склонении форм множественного числа на *-сем* в притяжательном (*ача-сен*), дательном (*ача-сен-e*), местном (*ача-сен-че*), исходном (*ача-сен-чен*) падежах в аффиксе *-сен* чувашеведы видят древний вариант морфемы *-сем* в форме *-сен*, на самом же деле здесь присутствуют показатель множественного числа *-се-* и аффикс притяжательного падежа *-н.*

Перейдем к лингвотактике (лат. *lingua* «язык» + тактика). «Тактика» преподносится словарями как военный термин наравне со «стратегией» (греч. *taktika* «искусство построения войск» < *tassō* «строю войска»): 1) составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя; 2) приемы и способы достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо [158, с. 629].

Как лингвистический термин «тактика» (англ. *tactics*) фигурирует лишь в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «1. Значащее расположение элементов высказывания, определяемое как совокупность тагмем. 2. Раздел грамматики,

занимающийся описанием сочетаемости грамматических единиц языка». В первом значении дано словосочетание «совокупность тагмем»; тагмема, по О.С. Ахмановой, — «мельчайшая (минимальная) единица грамматического членения речи на уровне предложения; единица морфосинтаксической организации речи»; а тагмемика — «раздел грамматики, занимающийся описанием тагмем данного языка» [19, с. 467]. Автор удовлетворился кратким определением термина «тагмемика», между тем его следует понимать шире. Тагмемика (греч. *tágma* «ряд, порядок, строй») — концепция грамматического описания единиц языка, предложенная в 1950—1960 гг. К.Л. Пайком и его учениками (главным образом в США). Одни и те же единицы языка, по мнению Пайка, должны рассматриваться во множественной перспективе — одновременно в разных аспектах («перспективах»), как заполняющие определенную позицию («прорезь») в тексте и поведении человека вообще; как член какого-либо класса, как функционирующие в определенной роли в предложении или в тексте, как связанные с другими элементами текста [199, с. 158]. Единицы языка: 1) речевые (звук, фонема, слог, фонетическое слово, речевой такт, фраза); 2) морфологические (морфема, слово); 3) синтаксические (словосочетание, предложение). Одни и те же языковые единицы могут изучаться в различных разделах лингвистики. Слово в лексикологии изучается с точки зрения семантики, т.е. плана содержания языковой единицы, происхождения, сферы применения, коннотативной окраски системных отношений (синонимии, антонимию, омонимии, паронимии); в морфемике слово исследуется с точки зрения его морфемного состава; в фонетике — с точки зрения звукового состава; в синтаксисе — выполняемой синтаксической функции.

Единица языка — отдельная, относительно самостоятельная единица в числе языковых единиц (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических), но и единица речи, т.е. единица языка в его применении (в высказывании, реплике, диалоге, речевом акте как фигуре речи), а также единица текста, т.е. речевого произношения (ключевое слово, текстовый фрагмент, композиционная часть, категории текстового времени и пространства). Набор этих «перспектив» для каждой единицы называется тагмой. Единицы языка рассматриваются в одном ряду с единицами поведения — бихевиоремами

(англ. *behavior* «поведение»). В основу бихевиоризма положен принцип поведения человека как совокупности реакций организма на стимул внешней среды. В теории бихевиорем язык трактуется как вербальная (и эмоциональная) реакция субъекта на высказывание другого субъекта. В теории бихевиорем (и в бихевиоризме в целом) введено терминологическое противопоставление эмических (ср.: фонемика) и этических (ср.: фонетика) единиц. Фонемика — подраздел фонологии, объектом исследования которого является теория фонем и их описание; фонетика — раздел языкоznания, изучающий звуковой строй языка (звуки речи, правила их сочетаемости в слове и потоке речи, звуковые законы, позиционные и исторические чередования, а также ударение и интонация). Фонология, или фонематология, — раздел языкоznания, изучающий звуковую систему языка с функциональной точки зрения.

В тагмемике отсутствует последовательный формальный аппарат, позволяющий предсказывать возможность или невозможность наличия конкретных новых единиц языка [100, с. 502].

Исходя из вышесказанного термин «лингвотактика» должен быть интерпретирован шире и глубже того, что сказано О.С. Ахмановой. Описать лингвотактику нужно в следующих разделах: 1) а) звуко- или фонотактика, б) морфо- или морфемотактика, 2) словотактика, 3) семотактика, 4) лексемотактика, 5) дериватотактика, 6) синтагмотактика, 7) фраземотактика, 8) паремиотактика, 9) афоризмотактика.

Сложность феномена лингвотактики заключается в систематизации, классификации языковых единиц, предполагающая иерархию категорий (таксонов) от низшей к высшей (от фонемы до текста), от вида к роду или от рода к виду (гипонимические отношения), т.е. таксономию (классификацию и систематизацию сложноорганизованных единиц лингвистики, имеющих обычно иерархическое строение). Лингвотактика (также лингвотагмемика) характеризуется многоаспектностью подходов к изучению ее сущности, механизмов формирования языковых единиц и их функций. Лингвотактика зиждется на лингвотагмемике (также на лингвосинтагматике) — одном из способов всестороннего, разноспектного описания языковых единиц от низшей до высшей. Лингвотактика как раздел лингвистики изучает формальные и содержательные отношения между знаками, элементами языка.

Цель лингвотактики — изучение элементов высказывания и выявление расположения единиц в линейной последовательности: слова в пределах фразы или речевого такта, морфемы в составе слова и словоформ, звуки (фонемы), взятые изолированно или в пределах морфем, слов, и их содержательный анализ.

Морфотактика, морфемотактика. Последовательность морфем в словоформе и грамматике порядков

На возможность различных (иногда прямо противоположных) интерпретаций одной и той же совокупности языковых (в частности, морфологических, а именно словоизменительных) явлений давно обратили внимание лингвисты. С ситуацией неединственности (множественности) истолкований одних и тех же фактов словоизменения, формоизменения и формообразования естественным образом связана проблема оценки альтернативных (фр. *alternative* < alter «один из двух») описаний — необходимость выбора между взаимоисключающими возможностями, которая, по признанию ряда исследователей, является одним из центральных вопросов современной лингвистической науки [18, с. 306; 44, с. 74].

Важнейшим критерием оценки морфолого-словоизменительного описания является его эмпирическая (основанная на опыте) адекватность (приравненность). Описание словоизменения, формоизменения и формообразования в морфологии считается адекватной в той мере, в какой они оказываются совместимыми с реальными фактами языка. К тому же и сама теория может оцениваться как адекватная в той мере, в какой она допускает построение адекватной чувашской грамматики (морфологии).

До сих пор в чувашеведении (да и в тюркологии, в лингвистике в целом) нет четкого толкования терминов «словоизменение», «формоизменение» и «формообразование».

Начнем объяснение этих терминов, увязывая их с агглютинацией. Агглютинация (лат. *agglutination* «приkleивание, склеивание») — способ образования новых слов и их форм посредством механического (машинального) присоединения к неизменяемым (немотивированным) основам и корням стандартных аффиксов:

1) существительные: *acha-сем* «дети», *acha-м* «мой ребёнок», *ач-у* «твой ребёнок», *ач-и* «его (её) ребёнок», с формантами всех падежей: *acha-н*, *acha-н-а*, *acha-ра*, *acha-ран*, *acha-па*, *acha-сэр*, *acha-шайн*; ср. дериват *acha-лăх* «детство»;

2) прилагательные: *лайăх-рах* «лучше», *лайăхх-и*, *лайăх-скер* « тот, хороший», *лайăхх-än* «хорошенько»;

3) числительные: *иккë-мëш*, *ик-шер*, *икк-ён* «второй, по два, вдвоем».

В приведенных примерах к основе (корню) существительного *ача* «ребёнок, дитя», прилагательного *лайăх* «хороший», числительного *иккë*, *икё* «два» присоединяются присущие этим частям речи стандартные аффиксы, каждый из которых выражает (по мнению некоторых тюркологов) только одно грамматическое значение. Этот вид агглютинации мы назовем словоизменением, образованием грамматических разновидностей в пределах морфологической парадигмы этих частей речи.

Посредством аффикса *-сем* (*-лар* (*-лер*) в других тюркских языках) образуется словоизменительная морфологическая категория, указывающая на неопределенное множество (количество) предметов.

Категория единственного числа как морфологическая категория в чувашском языке отсутствует, поскольку особого словоизменительного форманта единственного числа нет, поэтому целесообразнее считать категорию единичности за понятийную категорию. Понятийная категория парности в чувашском языке передается немаркированной основой существительных так называемого нулевого единственного числа: *куç курмасть* «глаза не видят», *ура утмасть* «ноги не ходят», *хálха илтмест* «уши не слышат», *ал çéкленмест* «руки не поднимаются». К тому же собирательность и множественность как понятийные категории в чувашском языке передаются так называемой нулевой формой единственного числа, т.е. немаркированной основой существительных: *пёр витре çырла* «целое ведро ягод», *пёр пёрне кámпа* «полный кузов грибов», *хáяр татрämär* «собирали огурцы», *йёkel пухrämär* «собирали жёлуди», *çырла пухrämär* «собирали ягоды» и т.д.

Парно-повторные слова типа *хир-хир* « поля », *ял-ял* « деревни », а также слова *хурт-кăпишанкä*, *шáна-пáван* « насекомые », имеющие собирательное значение и выражающие понятие множественности, также передаются немаркированной основой существительных, так называемой формой единственного числа.

Известно, что по морфосемантическому строению существительное (т.е. субстантив) имеет три основополагающие грамматические категории — множественного числа, принадлежности и падежа, соотносимые с понятийными категориями множест-

венности, посессивности и склонения. К тому же, как и все именные части речи, существительное имеет в других тюркских языках и категорию сказуемости, которой нет в чувашском языке.

Замечено давно, что взаиморасположение формантов выше-названных морфологических (грамматических) категорий не свободно, а подчинено строгому порядку. Этот «строгий порядок» исследуется так называемой лингвотактикой (лингвотагмемикой) или грамматикой порядков. Лингвотактика — комплексная лингвистическая дисциплина, исследующая состав и устройство разделов языкоznания (a priori) и, как языковая эксцентрика, изучающая значащее линейное (последовательное) расположение элементов слова (лексемы) или высказывания (речи), определяемая как совокупность тагм (сintагм). Здесь не ставим целью исследовать и описать всю лингвотактику (лингвотагмемику), а сосредоточимся на понятии «морфотактика».

Морфотактика — изучение элементов (морфов, морфем) слов и лексем и выявление расположения морфем, морфов в линейной последовательности (a posteriori), т.е. это изучение и описание закономерностей сочетания морфем, являющихся предметом морфемики и морфологии. Противопоставляется: а) фонотактике — закономерностям сочетания фонем, являющимся предметом фонологии; б) сintагмотактике (в сintаксисе).

А.М. Щербак называет морфемотактику «последовательностью морфем в словоформе» и считает её предметом специального лингвистического исследования. Он не столь категоричен в этом вопросе, использует выражение «может быть»: «Последовательность аффиксов — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие процесса развития словоформы в отдельных языках или группах родственных языков»; «Последовательность аффиксальных морфем *может быть* (курсив наш. — В.С.) предметом специального лингвистического исследования...» [192, с. 39, 43].

Вопрос о последовательности морфем в языкоznании поднимался не раз. Например, В.И. Цинциус, этой теме посвятившая статью под названием «Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках», считает, что изучение порядка расположения морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но в особенности для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий» [180, с. 149].

Э.В. Севортян пишет: «В советской тюркологии уже были попытки установить закономерности или правила расположения морфологических показателей в грамматической части слова. Указывалось на то, что морфемы в грамматической части слова расположены в порядке возрастающей конкретности их значения, как, например, *ат-лар-ым-ныц* «моих коней», где значение показателя принадлежности *-ым* будто бы более конкретно, чем значение множественности. <...> О самих значениях грамматических морфем в слове принято говорить, что они в речи моносемантичны, как того требует агглютинативный строй тюркских языков...» [147, с. 139]. Далее Э.В. Севортян указывает на нарушение последовательности морфем, например: основа + аффикс множественности (вернее, множественного числа. — В.С.) + аффикс принадлежности. Хотя в большинстве тюркских языков — *ат-лар-ым* «мои кони», в чувашском — *ут-äm-сем* «мои кони» или *лаша-м-сем* «мои лошади». По Э.В. Севортяну, «исторически размещение показателей принадлежности и множественности (множественного числа. — В.С.) было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар*» [147, с. 137]. Ср.: чув. *ача-м-сем*, тат. *бала-м-лар* «дети мои».

Итак, под «словоизменением» в подлинном смысле этого слова следует понимать изменение корней или основ слов по формуле (первый этап):

- 1) основа или корень слова + показатель множественного числа *-сем*: *сын-сем* «люди», *ача-сем* «дети»;
- 2) основа или корень + форманты принадлежности: *ача-м* «мой ребёнок», *ач-у* «твой ребёнок», *ач-и* «его (её) ребёнок», *ач-är* «ваш ребёнок», *ял-äm* «моё село», *ял-у* «твоё село», *ял-ë* «его (её) село»;
- 3) основа или корень слова + аффиксы падежей: *ача-н*, *ача-н-а*, *ача-ра*, *ача-ран*, *ача-сäр*, *ача-шän*, *ял-är*, *ял-н-а*, *ял-та*, *ял-тан*, *ял-шän*;
- 4) основа или корень слова + показатель прошедшего времени или состояния *-ччё*: *ача-ччё* «был ребёнком», *пысäк ял-ччё* «было большим селом»;
- 5) основа или корень слова + аффикс усиления *-ax (-ex, -x)*: *ача-ах* «ребёнок есть ребёнок»; *сын ысын-ах* «человек и есть человек».

Учитывая тотальность употребления этих формантов с именами существительными, мы обязаны назвать их категориальными формами, вернее, словоизменительными категориальными формами.

Агглютинативная природа чувашского языка (да и всех тюркских языков) не останавливается на первом этапе. На втором этапе мы наблюдаем процесс словоформоизменения (кратко — формоизменения). Формоизменение — это дальнейшее изменение категориальных, иногда и некатегориальных форм (маркированных форм множественного числа, принадлежности и падежей), т.е. агглютинация по формуле:

1) формооснова множественного числа на *-сем* (*сын-сем*) + падежные аффиксы: *сын-се-н*, *сын-се-н-е*, *сын-се-н-че*, *сын-се-н-чен*, *сын-сем-п*, *сын-сем-с*ёр, *сын-сем-ш*ён, *ача-се-н*, *ача-се-н-е*, *ача-се-н-че*, *ача-се-н-чен*, *ача-сем-п*, *ача-сем-с*ёр, *ача-сем-ш*ён;

2) формооснова множественного числа на *-сем* + некоторые аффиксы принадлежности (неполная парадигма, неполное формоизменение, основанное на принципе избирательности), так называемое формообразование (образец некатегориальной формы):

а) формооснова множественного числа + аффикс 1 лица единственной принадлежности. *Серем չинче канса выртаççे халё / Xäравсäр танкистсем — туссемёл ман* (Я. Ухс.) «И на траве тут лежа отдыхают бесстрашные танкисты — мои друзья»; *туссемёл* — окказиональная форма формообразования;

б) формооснова множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности: *тäван-сем-ёр* «мои родные», но *тäван-äр-сем* «ваши родные». *Тавах сире, уйсем-хирсемёр* (А. Алга) «Спасибо вам, мои поля, луга»;

в) формооснова множественного числа + аффикс 1 лица множественной принадлежности: *тäван-äm-äр-сем* «мои родные»;

г) усложненный вариант: формооснова с аффиксом 1 или 3 лица единственной принадлежности + аффикс множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности. *Куюн пек чётресе чёнет сামах: // «Ан тивёр, тусамсемёр, эп мён тунä?»* (А. Лукин) «Дрожа, как заяц, молвит слово: “Не троньте вы меня, друзья мои, что я-то сделал?”»; *Халал сире, чаваш ывälесемёр* (Ю. Семендер) «Завещаю вам, сыны чувашского народа». *Ывл-ё-сем-ёр* образовано по непривычной для нас формуле: основа (или корень) + аффикс 3 лица + аффикс множественного числа + аффикс 2 лица множественной принадлежности;

3) формооснова множественного числа + *-ччё* (показатель прошедшего времени): *ача-сем-ччё*. *Энир ун чух ачасемччё* «Мы были тогда детьми»;

4) формооснова множественного числа + аффикс усиления *-ax* (*-ex*, *-x*). *Сысна-сем сысна-сем-ex* «Свиньи и есть свиньи».

Морфотактика (последовательность аффиксов) — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие определённого процесса развития словоформы чувашского языка, но есть исключения, в особенности в языке поэзии. В таблице, предложенной Э.В. Севортьяном, таких нюансов нет. Автор приводит некоторые разновидности морфологического строения слова в тюркских языках:

«Именная или номинализированная основа:

- 1) + аффикс принадлежности (словоизменение. — *B.C.*);
- 2) + падежный аффикс;
- 3) + аффикс множественности;
- 4) + аффикс принадлежности + падежный аффикс (формоизменение. — *B.C.*);
- 5) + аффикс множественности + аффикс принадлежности;
- 6) + аффикс множественности + аффикс принадлежности + падежный аффикс» [147, с. 143].

В языке не всё основано на принципе тотальности употребления морфологических (грамматических) формантов. Часто он прибегает к принципу избирательного употребления аффиксов. В одно время эти форманты в чувашеведении получили название «формы внепадежной системы». Само словосочетание «внепадежной системы» говорит о том, что словоформы с данными формантами не могут считаться категориальными формами. Таковыми являются следующие словоформы имён существительных:

1) уподобительная форма на *-ла* (*-ле*, *-ма*, *-ле*): *ачалла* «поздетски», *упалла* «наподобие медведя» и т.д., но нет словоформы *курайманлăхла*, *Иванла*;

2) форма обладания на *-лă* (*-лĕ*): *кĕрĕклĕ* «в шубе», *куçлă* (*Уй куçлă*, *вărман хăлхалă* «Поле с глазами, лес с ушами»), но нет *Петĕрлĕ*, *Иванлă*;

3) форма предельности на *-чен* (*-ччен*): *ирччен* «до утра», *Петĕрччен* «до Петра»;

4) форма направительности на *-алл* (*-елл*): *ялалла* «по направлению к деревне»; *хирелле* «по направлению к полю», но нет *юратăвала*.

5) форма достаточности на *-лăх* (*-лĕх*): *пûртлĕх ѹывăç* «дровесина (с расчётом) на дом», но нет *Йăванлăх*;

6) разделительная форма на *-шар* (-*шер*): *улмашар* «по яблоку», *кэнекешер* «по книге», *тенкёшер* «по рублю», но нет *Яккушар*;

7) форма частотности на *-серен*: *килсерен* «в каждом доме», *ялсерен* «в каждой деревне», но нет *Петёрсерен*, *юратусерен*;

8) форма выделительности на *-скер*: *ачаскер* «будучи ребёнком», *тихаскер* «всё ещё жеребёнок», но нет *саванайскер*, *юратускер*;

9) форма образа действия на *-айн* (-*ён*): *вárманайн* (*курайн*) «(виднеться) лесом (как лес)», но нет *áратайн* (*туйайн*);

10) сравнительная форма на *-рах* (-*рех*): *ачарах* «пока ещё ребёнок», *путекрех* «ягнёнок ещё», но нет *аттерех*.

Приведенные формы (заметьте: существительных) не могут считаться категориальными, поскольку не подчиняются принципу тотальности (всеобщности) употребления, для этих формантов характерен принцип избирательности. Эти формы существительных следует именовать некатегориальными, а образованные граммемы (лексемы) называть формообразовательными единицами, при которых показательна не абсолютная, а относительная частотность, отражаемая понятиями «меньше», «реже».

Таким образом, агглютинация в чувашском языке зиждется на трех измерениях, и грамматический (морфологический) строй будет описан нами с опорой на них; это:

1) словоизменение: выявляются тотальные словоизменительные морфологические категории числа, принадлежности, падежа, склонения, времени и усиления, основанные на принципе тотальности употребления формантов;

2) формоизменение: подлежит тотальному изменению не корень и не основа слова, а маркированная та или иная словоформа основы (основоформа), образующая формоизменительные категориальные и некатегориальные формы;

3) формообразование: немаркованные и маркованные основы, подчиняясь принципу избирательности употребления формантов, образуют только некатегориальные формы как в словоизменении, так и в формоизменении.

Все эти три измерения (словоизменение, формоизменение, формообразование) основаны на квантитативном методе, который позволяет описывать поведение аффиксальных морфем, частоту употребления тех или иных формантов, их распределение, сочетаемость с другими аффиксальными морфемами количественно.

Если исходить из положения, что термины «словоизменение» и «формообразование» в русском языкознании (по мнению

А.В. Бондарко) равны по значению [142, с. 303, 379], то в чувашском языкоznании следует различать образование основных и вторичных категориальных форм и формообразование некатегориальных форм. Ср.: *икишер* «по две», *виçишер* «по три» и т.д. — категория разделительности числительных, а *тенкёшер* «по рублю», *улмашар* «по яблоку» — образование некатегориальной формы разделительности на *-шар* (*-шер*) у существительных, ибо абстрактные имена существительные типа *юрату* «любовь», *курайманлых* «ненависть» и т.д., а также имена собственные *Петёр*, *Шупашкар* не принимают формант *-шар* (*-шер*), показывая подчинение принципу избирательности в употреблении формообразующих аффиксов. В случае *кёнекешер* «по (одной) книге», *калемишер* «по ручке» мы получаем так называемые граммемы — элементарные некатегориальные грамматические единицы формообразования.

Формообразование, как и словоизменение, — это образование грамматических форм слова с помощью словоизменительных аффиксов. В этом отношении реестровые словарные существительные *кёнеке* «книга», *ача* «ребёнок», *сын* «человек» стоят в стороне от процесса формообразования, ибо в них нет явного эксплицитного формообразовательного или словоизменительного форманта. В этих словах некоторые языковеды находят имплицитно «нулевые морфемы»: *сётел-* $\emptyset_1 + \emptyset_2$, где $\emptyset_1$ — нулевая морфема так называемого единственного числа, к тому же слово, оказывается, в основном падеже ($\emptyset_2$). Это явление известно давно и получило название «фокусническая лингвистика» в противовес «лингвистике божественной истины» (God-given truth). Конечно, понятие «нулевой морф» является, в определённом смысле, научной фикцией [см.: 44, с. 76—78]. «Фокусничество» нулевой морфемы заключается в том, что морфема выражается не материально, а имплицитно (логически, понятийно, т.е. «с потолка»). Мы сначала противопоставляем логически понятийные категории единичности и множественности. Множественность как понятийная категория грамматически выражается аффиксом *-сем*: *сын-сем* «люди», а у единичности нет грамматического показателя, и лингвисты вынуждены прибегнуть к «фокусничеству».

Вышеназванные три измерения пригодны для каждой знаменательной части речи в отдельности. Например, у прилагательных формы *-рах* (*-рех*) образуют словоизменительную ка-

тегорию сравнения (принцип тотальности употребления), а для существительных характерна лишь некатегориальная форма сравнения, с охватом лишь 10—12 и более лексем (принцип избирательности).

Что такое слово и словоформа, лексема и граммема?

Слово, по одному из толкований (в лингвистике нет общепринятого определения), это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью.

В данном определении термина «слово» каждая часть вызывает сомнение; цельнооформленность, по мнению О.С. Ахмановой, — «нераздельность, неделимость, невозможность разделения на части и помещения между ними других элементов (единиц) языка» [19, с. 509]. Сразу возникают вопросы. В словообразовании производные (мотивированные) слова свободно делятся на морфемы и появляется возможность разделения на части; например: *этем* + *-лех* «человечность», «человечество», где *этем* — корень слова, а *-лех* — словообразовательный формант, а в слове *шāтаслāх* «всхожесть (семян)» между корнем *шāт* (глагол) и дериватом *-лāх* вклинивается аффикс причастия будущего времени *-ас*. Подобное встречается и в словоизменении: *вул-a-n* (краткая форма настоящего времени); *вул-a-t-ān* (полная форма) «читаю», здесь между основой слова и показателем 1 лица вклинивается вариант аффикса настоящего времени *-t-*. Нарушается в словоформах и фонетическая цельнооформленность; ср.: *кур-ай-ма-н-лāх* — диал. *кур-i-ма-н-лāх* «ненависть».

Что касается идиоматичности, то в нашем случае и она неоднозначна. Идиоматичны только производные слова, т.е. идиоматичность — свойство значения производных языковых единиц и фразеологизмов, отнюдь не немотивированных слов.

Словоформа (грамматическая форма слова) — данное слово в данной грамматической форме. Словоформа, или форма слова, — способность лексемы распадаться на основную (основу, корень) и формальные части, т.е. слово в определенной грамматической форме. Словоформой является конкретная грамматическая единица речевого ряда, в которой реализуется значение, приспособленное к требованиям контекста и ситуации. При этом словоформу называют как актуальным, так и речевым словом.

В лингвистике часто встречается отождествление термина «словоизменение» с термином «формообразование» [106, с. 424; 165, с. 682—883]. И в связи с этим фигурируют термины «словоформа», «форма слова», «грамматическая (морфологическая) форма слова», «лексема», «граммема».

Лексема в морфологии употребляется в значении «слово в совокупности всех его формальных модификаций, тождественных в семантическом плане», т.е. лексема — основная единица как лексического, так и морфологического состава языка в совокупности всех её грамматических форм.

Грамматическая (морфологическая) форма — формальная (словоизменительная, формоизменительная или формообразовательная) разновидность слова вместе с показателем его грамматического значения.

Граммема — элементарная грамматическая (морфологическая) частная разновидность грамматической (морфологической) категориальной или некатегориальной формы.

Итак, слово — основная единица лексико-грамматической системы языка, двусторонний языковой знак, характеризующийся планом выражения и планом содержания. Признаки слова — фонетическая и грамматическая (морфологическая) оформленность, свободная выделимость и воспроизведимость в речи, способность сочетаться с другими словами и образовать словосочетания и предложения — одинаковые для понимания людей, говорящих на данном языке. Основная функция слова — номинативность. Различают корень слова — центральную морфему слова, обязательно присутствующую в каждом слове и заключающую в себе основной элемент лексического значения слова. Бывают свободные (*вәрман* «лес», *вәрманң* «лесник», *вәрманлық* «перелесок») и связанные (несвободные) корни, которые употребляются только в сочетании с аффиксами в составе производной основы;ср.: рус. *пт-ица*, *пт-ашка*, *пт-ич-ник*, *пт-ен-ец*, где отрезок *пт-* есть связанный корень, в чув.: *ип-сёр* «безобразный»; *хар-сär* «смелый, храбрый, буйный». Учитывая наличие деривационного аффикса *-сär* (-*cér*), эти слова следует считать производными, но слова *ип*, *хар* утратили корневое значение, и их следует принять за связанные корни. В ряде тюркских языков *кор* «стыд», «позор» < араб. *кор* ~ чув. *хар*; *ип* < араб. *ар* «позор, стыд, срам» [178, I, с. 172; II, с. 310].

Раздел 2

ОСОБЕННОСТИ АГГЛЮТИНАТИВНОГО СТРОЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА. СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ И ФОРМОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Грамматические (морфологические) категории Сквозные и стержневые категориальные формы

Начнем с объяснения терминов «категория», «грамматическая категория». Термин «категория» относится к общенаучным. В лингвистике (в морфологии) этот термин указывает на группу языковых единиц (словоформ), обладающих общим свойством, и на само это свойство в отвлеченном виде.

Понятие «морфологическая категория» относится к числу центральных понятий грамматики как одного из разделов лингвистики. Компоненты грамматической категории называются граммемами (элементарные грамматические единицы).

Главным характерным признаком, объединяющим граммемы в категорию, в настоящее время считается признак содер жательный [40, с. 31–32], а опора на форму не всегда учитывается. Но иногда мы видим их совмещение: «Грамматическая категория — это класс грамматических значений, объединяющий в себе формальные единицы...» [142, с. 59].

Учение о грамматических категориях тесно связано с учением о частях речи. Скорее всего, нужно говорить о связях частей речи с морфологическими категориями. Морфологические категории небезразличны к тому, в словах каких частей речи они реализованы. Морфологические категории получают частеречную интерпретацию. Морфологические категории разных частей речи характеризуются нетождественной структурой, например, у существительных чувашского языка категория множественного числа относится как к словоизменению (*сётел-сем* «столы»), так и формоизменению (*ял-т-и-сем* «деревенские», «те, кто в деревне»), но у прилагательных имеется только формоизменительная категория множественного числа: *сарп-и-сем* «те, жёлтые»,

илем-л-и-сем «те, красивые», *пёчёк-скер-сем* «те, маленькие». И.П. Павлов допускает, что «по своим грамматическим функциям, а также по фонетической структуре *-хи* не расходится с *-и*, поэтому *вполне можно* (курсив наш. — В.С.) рассматривать их как алломорфы одного и того же выделительного суффикса» [120, с. 5—6]. Однако следует отметить, что по грамматическим функциям они расходятся, не говоря уже о фонетической структуре.

Долгое время термин «морфологическая категория» толковали однобоко: «Морфологические категории в славянских языках и в других языках... мы рассматриваем вслед за многими как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием» [40, с. 10—11]. Впоследствии А.В. Бондарко внес некоторые уточнения в это определение и не настаивал категорически принять систему оппозитивных морфологических форм.

Далее кратко об используемых нами словах «сквозной» и «стержневой». «Сквозной» означает «проходящий через все знаменательные части речи (и отчасти причастен к некоторым послогам)», например, словоизменительная и формоизменительная категория выделения, категория падежа и категория множественного числа, они и являются «стержневыми» (самыми главными, основными) категориальными формами ряда частей речи.

Словоформы являются категориальными, если формант, образующий категорию, подчиняется принципу тотальности употребления (т.е. больше половины или 75—90 %, до 99—100 % слов той или иной части речи), то перед нами категориальная форма, будь то в словоизменении или формоизменении. Некатегориальные формы подчинены принципу избирательности употребления (т.е. условно меньше половины слов той или иной части речи).

Категориальные формы выделения на *-и*, *-скер* и некатегориальная форма на *-хи* как отличительная черта морфологического строя чувашского языка

Чувашский язык — единственный из тюркских языков, в котором зафиксирована категория выделения на *-и*, *-скер*. Ни тюркологи, ни чувашеведы, кроме И.П. Павлова [123], на это не обратили серьёзного внимания, а между тем эта категория, как сквозная и стержневая, охватывающая почти все части речи

в словоизменении и формоизменении, демонстрирует особый способ выражения грамматических отношений между словами.

Категория выделения, по мнению И.П. Павлова, относится к категориальным формам, обслуживающим по несколько частей речи [123, с. 4—5]. В действительности категория выделения присуща прилагательным и причастиям, аффикс выделения может присоединяться к наречиям, но не ко всем; даже наречия времени принимают их выборочно. Ср.: *ёлэк* «раньше» — *ёлэххи* «давний», *халь* «сейчас» — *халххи* «современный», но *ёнтэ*, *ўлэм*, *тек*, *паçар*, *кёç*, *час*, *час-часах*, *начас* не употребляются с этим аффиксом.

Категория выделения в чувашском языке образуется посредством аффиксов *-и*, *-скер*, притом они не варианты и не алломорфы, а вполне самостоятельные и не зависимые друг от друга форманты выделения.

В чувашском языкоznании часто аффикс *-скер* рассматривают вместе с аффиксами *-и*, *-хи*, т.е. функции аффиксов *-и*, *-хи* отождествляются с функцией аффикса *-скер*, хотя семантически они дифференцированы. Если форма на *-и* выражает выделение предмета из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, форма на *-скер* обозначает предмет, выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку без какого-либо противопоставления. Форма на *-скер* часто употребляется с добавочным оттенком значения (причины, уступки, условия и др.), форма на *-и* выступает без этих значений [123, с. 11]. По сравнению с аффиксом *-и*, аффикс *-скер* выборочно присоединяется как к маркированной, так и к немаркированной основе существительных: *ачаскер*, *ачапаскер*; *тихаскер*, *тихарахскер*, *куркракхскер*. В этом отношении он напоминает аффикс *-хи*, который, подчиняясь принципу избирательности, примыкает к именам с временными значениями. За падежными аффиксами *-скер* следует также выборочно. Все это подтверждает то, что формы на *-хи*, *-скер* не являются показателями общей словоизменительной категории выделения имён существительных. Говорить об общей категории выделения имён существительных на *-и*, *-хи*, *-скер* будем только условно, без учёта требований, предъявляемых к категориальным формам.

С точки зрения происхождения (этимологически) форманты *-и* и *-скер* разные: *-и*, возможно, сокращенный вариант аффикса *-хи*, восходящего к общетюркскому форманту *-гы* (*-ге*, *-кы*, *-ке*). Ср.: тат. *көзгө* ~ чув. *кёрхи* «осенний», тат. *кичке* ~ чув.

каçхи «вечерний»; тат. *язы* ~ чув. *çурхи* «весенний». Но по значению они расходятся, поскольку в тюркских языках нет категории выделения, то слова с аффиксом *-ы* (*-ге*, *-кы*, *-ке*) в татарском языке выражают значение «относящийся к тому, что обозначено производящей основой» [167, с. 360].

Аффикс *-скер*, вероятно, заимствован из марийского языка, где *ўзгөр* имеет значение «вещь, предмет». В памятниках письменности чувашского языка XVIII в. аффикс функционировал как самостоятельное слово *ўскер* со значением «вещь, предмет» [75, с. 192].

Формоизменительным аффикс выделения *-и* называется потому, что присоединяется к какой-нибудь словоизменительно маркированной основе существительных, например к падежным аффиксам:

а) к форме притяжательного падежа: *амайш-ё-нн-и*: *куçёсем амайшённи пек* «глаза как у матери», *кämälë аши-ё-нн-и евёр* «характер как у отца»; *сын-се-нн-и (пек)* «как у людей»; *Иван-анн-и* «то, что принадлежит Ивану»;

б) к форме направительности: *урам-алл-и* «то, что выходит на улицу»; *пёр çул-алл-и хёрсем* «девушки-ровесницы»;

в) к форме местного падежа: *ял-т-и* «то, что в деревне», *шыв-р-и* «то, что в воде», «водяной»; *вáрман-т-и* «то, что в лесу», «леший», *кил-ё-н-ч-и* «то, что находится дома», «домашний»;

г) к форме исходного падежа: *ёç-ренн-и-пе ёç-рен маррине каламарё* «с работы или не с работы — он не сказал»;

д) к форме творительного падежа: *Мэн ёç-n(-ин)-е пёлмestён. Ёна каламарё* (Мранька) «По какому делу, не знаю. Он этого не говорил»;

е) к форме лишительного падежа: *лаша-сáрр-и* «безлошадный», *ывáлсáр-хёrsёри* *кулянатъ* «у кого нет сына и дочери, тот горюет»;

ж) к форме причинно-целевого падежа: *шыв-шайнн-и* « тот, кто хочет воды».

Все это сигнализирует о том, что в формоизменительной позиции у существительных проявляется формоизменительная категория выделения на *-и*.

Об особенностях употребления аффиксов *-и*, *-ё* в чувашском языке нет четкого толкования. Следует учесть, что в словоизменительной морфологии аффикс *-и* считается показателем 3 лица категории принадлежности существительных и формантом категории выделения прилагательных.

Выделительный аффикс *-и* не может присоединиться к основному падежу существительного, т.е. к основе слова, в таком случае аффикс *-и* — не показатель выделительности, а формант 3 лица категории принадлежности. В примере: *Эн çирён те таса йывайçине / Пёлеççे нурте*. *Эн* — юман (Калган). В словоформе *йывайçине* И.П. Павлов находит только аффикс выделения *-и*, что не вполне верно [118, с. 127]. В этой же работе в словоформах *арçынн-и-н-е, майр-и-нн-е, çунатт-и-н-е, (улма) йывайç-и-н-е, çырл-и-н-е, алл-и-н-е, ур-и-н-е* автор в форманте *-и* находит показатель 3 лица категории принадлежности. Это говорит о том, что у существительных нет немаркированной словоизменительной категории выделения, хотя выделительность в значении принадлежности отчасти сохраняется.

К существительным аффикс принадлежности *-и* присоединяется после основ на гласные *a, e*, которые с присоединением аффикса *-и* выпадают, т.е. подвергаются гаплологии (греч. haploos «простой, одиночный» + logos «учение») — фонетическому сокращению основы слова, пропуску одного из двух гласных звуков, избежав явление хиатуса (зияния): *ача* — *ач-и* «его (её) ребёнок» от *ача-и*; *ёне* — *ён-и* «его, её корова» от *ёне-и*; *пёрене* — *пёрен-и* «его (её) бревно» от *пёрене-и*.

После падежных аффиксов (т.е. в формоизменении) формант *-и* считается элементом категории выделения: *сын-йнн-и* «то, что принадлежит человеку»; *ача-нн-и* «то, что принадлежит ребёнку»; *ача-р-и* «то, что находится у ребёнка»; *хула-ранн-и* « тот, кто из города»; *шал-сäрр-и* «беззубый»; *шыв-шанн-и* « тот, кто хочет воды».

То же в местоимениях: *ман-йнн-и* «моё; то, что принадлежит мне», *сан-йнн-и* «твоё; то, что принадлежит тебе», *унянни* «его, её», *пирённи* «наш», *цирённи* «ваш», *вёсенни* «их». Эти местоименные формы Н.А. Андреевым названы формами абстрактной принадлежности неправильно, ибо аффикс *-и* здесь показатель выделения [17, с. 147].

Что касается аффикса *-ё*, то аналогичной (с формантами *-и*) градации никто не проводил, а между тем смысловое значение аффикса *-ё* требует пересмотра. В словоизменении *-ё* действительно является аффиксом 3 лица категории принадлежности: *кил-ё, çур-ч-ё* «его (её) дом», *чун-ё* «его (её) душа».

Должен ли финальный *-ё* в формоизменении считаться показателем выделения по аналогии с аффиксом *-и*: *çунат*

«крыло» — *çунатти*, *çуна-ч-ё*, *çунатт-и(й)-ё* «его (её) крыло», *турат* «ветка» — *турачё*, *туратти*, *тураттийё* «его (её) ветка»?

Ср.: — *Килтен-и эсё?* «Ты из дома?»

— *Кил-тен-ё* (*кил-тенн-и*) *килтенех та-ха...* «Из дома-то из дома».

В последнем примере словоформы *кил-тен-ё* и *кил-тенн-и* функционально равнозначны, отсюда напрашивается вывод: формоизменительные форманты *-и*, *-ё* выполняют и функцию выделения. Ср.: *Шурă сухал Тăхтаман* / *Упăшк-и(й)-ё пулмалла* (К. Ив.) «Тахтаман седобородый должен мужем стать её»; *Кĕтмел сырл-и(й)-ё вучахри кăваррăн* (Я. Ухс.) «Бруслица красная как уголь в очаге»; *Улм-и(й)-ё-сем илемлë те тутлă* (Медведев) «А яблоки прекрасны и вкусны».

Н.И. Ашмарин приводит склонение формы *усалскерё* и в примечании пишет: «От неупотребительной в именительном падеже формы **усалскерё*, т.е. *усалскер* с суффиксом притяжательным 3 лица, встречается следующие формы: Р. *усалскерийён*, ДВ. *усалскерне*, Исх. *усалскерёнчен*. Значения этих форм, очевидно, не отличаются от значения обычных форм прилагательного на *-скер*, напр., в буинск. говор. *Çав усалскерийён шухашё çапла-çке!* или *Çав усалскерён шухашё çапла-çке!* — «Такова мысль этого негодяя» [20, с. 167]. Н.И. Ашмарин ничего не говорит о значении аффикса *-ё*, следующего за аффиксом *-скер*.

Когда аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи* считались единными, не делимыми на морфемы аффиксами, они квалифицировались как деривационные аффиксы — считались прилагательнообразующими (такое практиковалось в школьных учебниках долго), затем аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи* были признаны «подлинно синтаксическими» [11, с. 97]. При этом подчеркивалось, что отыёмные формы (*вăрманти* «находящийся в лесу», *уйри* «находящийся в поле», *ялэнчи* «находящийся в деревне» и т.д.), употребляясь атрибутивно, не теряют грамматических и лексических признаков имени существительного; например, могут обрастиаться, как любые существительные, зависимыми словами. И на этой основе предлагалось считать формы на *-ри*, *-ти*, *-чи*, а также *-хи* особыми (функциональными) формами частей речи, от которых они образуются. Таким путём эти аффиксы были исключены из числа деривационных, при этом упоминался и их универсальный характер: словообразовательные (или лексические) обычно присоединяются к ограниченному кругу слов с опреде-

ленной семантикой, а аффиксы *-ри*, *-ти*, *-чи*, подобно падежным, могут примыкать к любому имени существительному и не только к существительному [11, с. 95–98].

И.А. Андреев объявил эти аффиксы синтаксическими, но не определил их подлинный морфологический статус. Если речь идёт о морфологических явлениях, то они должны быть чётко выражены в терминах того уровня языка, к которому относятся. Объявляя их синтаксическими, мы ограничиваемся рамками синтаксиса, так и не попав в область морфологии. Например, аффиксы многих падежей тоже являются синтаксическими, но они имеют свое терминоимя в морфологии. Форманты *-ри*, *-ти*, *-чи* можно назвать аффиксами категории выделения, учитывая их универсальность, но эта категория относится одновременно к словоизменительной и формоизменительной морфологии, поскольку *-ри*, *-ти* следуют за основой слова, а *-чи* всегда за формой притяжательного падежа.

Вслед за И.А. Андреевым форманты *-ри*, *-ти*, *-чи*, *-хи* исследователи начали считать только синтаксическими аффиксами, не подлежащими рассмотрению в качестве аффиксов относительных прилагательных. Более того, И.П. Павлов *-ри*, *-ти*, *-чи* не считает единными неделимыми морфемами: «Прежде всего следует отметить, что суффикса *-ри* (*-ти*, *-чи*) как такового нет. Это не сложный суффикс, а отрезок словоформы, состоящий из двух чётко разложимых суффиксов: суффикса местного падежа *-ра* (*-ре*, *-та*, *-те*, *-че*) и суффикса выделения *-и*» [120, с. 5]. Возможно, *-и* действительно этимологически восходит к обще-турецкому *-гы* (*-ге*) и общеалтайскому *-ки*, а *-ри* (*-ти*, *-чи*) — «совпадает с отрезком (а не суффиксом) *-дагы* (*-деге*) других тюркских языков» [120, с. 5], где *-да* (*-де*) — аффикс местного падежа. Членимость сегментов *-ти*, *-ри*, *-чи* (на *-т*, *-р*, *-ч* + *-и*) доказывается наличием других форм, где *-и* вычленяется в качестве аффикса выделения. Например, не считается единым аффиксом *-ни* в словоформах прошедшего причастия: *кайни* «отъезд», *килни* «приезд», *пёлни* «знание», *вулани* «чтение»; морфемная членимость в виде *кай-н-и*, *кил-н-и*, *пёл-н-и* считается закономерной. По этому образцу мы членим словоформы будущего причастия: *кил-ес-с-и*, *пёл-ес-с-и*, *вул-ас-с-и* лишь с той разницей, что перед *-и* происходит геманация звука *с*.

После выяснения составного характера аффиксов *-ри*, *-ти*, *-чи*, состоящих из равноправных членов, мы не можем вклю-

чить форму выделения на *-и* в морфологию словоизменения, она должна по праву принадлежать формоизменительной морфологии.

Аффикс *-хи* образует словоформы только от существительных с временным значением и присоединяется к основе слова. С этих позиций аффиксы *-и* и *-хи* морфологически неравнозначны: *-и* — показатель только формоизменительной, а *-хи* — словоизменительной и отчасти формоизменительной морфологии.

Аффиксы падежей, оканчивающиеся на гласные *a*, *e*, перед формантом выделения *-и* подвергаются гаплологии: *ял-та + -и > ял-т-и*; *хула-ра + -и > хула-р-и*; *ёс-не + -и > мён ёс-п-и-н-е пёймерём* «по какому делу, я не узнал». Это же явление характерно и для образования форм наличности на *-лā* (*-лē*): *ываллāхёрл-и хумханатъ* «у кого есть сын и дочь, тот волнуется».

Аффикс *-хи*, по сравнению с *-и*, в существительных может присоединиться к основе слова с временным значением, но слов с таким значением мало, а это значит, что в этих случаях *-хи* выполняет лишь формообразовательную функцию. Примеры: *çулла-хи* «летний», *хэйле-хи* «зимний», *суркунне-хи* «весенний», *ёмёр-хи* «вековой»; *кёркунне-хи* «осенний», *çур-хи* «весенний», *кёр-хи* «осенний», *ир-хи* «утренний», *каç-хи* «вечерний», *пёркун-хи* «тогдашний», *тунтикун-хи*, *ытларикун-хи*, *юнкун-хи*, *кёçнерникун-хи*, *эрнекун-хи*, *шаматкун-хи*, *вырсаңикун-хи* «воскресный»; *иртнёкун-хи* «вчерашний», *пёр çул-хи* «одного года», «одногодки», *килес* *çул-хи* «то, что в будущем году».

В формоизменительной позиции аффикс *-хи* при существительных встречается не так часто, как аффикс *-и*: *револючи-чен-хи* «дореволюционный», *çул-серен-хи* «ежегодный».

Принцип избирательности употребления форманта *-хи* при существительных как в словоизменении, так и в формоизменении не даёт нам права причислить приведенные примеры к категориальным формам выделения, они лишь некатегориальные формы выделения.

По продуктивности употребления аффикс *-хи*, по сравнению с формантами *-и*, *-скер*, занимает главенствующее место лишь в наречиях времени:

а) в позиции словоизменения: *паян-хи* «сегодняшний», *ёнер-хи* «вчерашний», *пёлтэр-хи* (этимологически: *бир* + *йыл* + *тыр*;ср.: тат. *былтыр*) «прошлогодний», *ыран-хи* «завтрашний», *наçар-хи*

«недавний», ялан-хи «всегдашний», ёлек-хи, авал-хи «древний, вековой, старинный»: куллен-хи (этимологически: кун-лен) «ежедневный», суллен-хи «ежегодный»; халь-хи «теперешний» кацал-хи «нынешний, этого года» (этимологически: ку-çул-хи), чылай-хи «давнишний», хайсан-хи «какого времени»;

б) в позиции формоизменения: мал-тан-хи «прежний», кай-ран-хи «поздний», çер-ле-хи «ночной», кантар-ла-хи «дневной» (этимологически: кун < күн «день» + дүз ~ чув. -тар; күндүз ~ чув. кантар) «когда солнце прямо над головой, в зените» [75, с. 99–100] (возможно, слова кантарла, çерле следует считать существительными, а не наречиями, как и çу «лето» → çулла «лето», хёл «зима» → хёлле «çулла»), авал-тан-хи «древний, древнейший», а также в словоформах, основы которых — не существительные: тахсан-(та + хайсан)-тан-хи «бытующий истари»; халь(и)-чен-хи «прошлый, виçмине-хи «послезавтрашний», таватмине-хи «через три дня на четвёртый (день)», пирвай-хи (юр) «первый (снег)».

Итак, аффикс -хи в наречиях невозможно считать категориальной формой выделения, ибо он присоединяется лишь к наречиям времени, но не ко всем, в языке нет форм: час-хи, тайтиши-хи, анчах-хи, ёнтэ-хи, кэç-хи. Остальные разряды наречий вовсе не принимают этого аффикса. Отсюда вывод: аффикс -хи при наречиях (времени) относится к разряду формообразующих и образует некатегориальную форму выделения наречий времени.

Аффикс -хи не употребляется ни с первообразными, ни с производными именами прилагательными, здесь уместны лишь форманты -и, -скер. В словоформах лайаххи « тот, кто хороши », ухмаххи « тот, кто дураковат » нет показателя выделения -хи ; в словах, оканчивающихся на х, происходит геминация конечного звука: лайахх-и « тот, кто лучше », ухмахх-и « тот, кто туп », таран-рахх-и « то, что поглубже ».

Употребление аффикса -хи с числительными — редкое явление: пэр-ле-хи «общий», пэрре-хи-н-че «однажды»: вайтар-алла-хи (сын) «человек в возрасте, близком к тридцати годам», вуниккэ-чен-хи (вайтам) «время, близкое к двенадцати часам».

Очень редко аффикс -хи присоединяется к местоименным словоформам: çав-айн-чен-хи, çав-айн-тан-хи, çак-айн-чен-хи (ёссем-пуçсем) «(дела) до того (начиная с того; раньше этого времени)».

И.П. Павлов в словоформе *хайхи* формант *-хи* считает реликт-аффиксом, а основу *хай* считает указательным местоимением [118, с. 191]. На наш взгляд, *хай* — не что иное, как указательная частица.

Аффикс *-хи* присоединяется к так называемым деепричастным формам на *-иччен*, на самом деле этот сложный формант содержит аффикс предельности, характерный в основном для существительных и наречий (*-чен*: *ир-чен* «до утра», *паян-чен* «до сегодняшнего дня»). Присоединяясь к подобным глагольным формам, аффикс выделения *-хи* образует некатегориальную форму выделительности: *тäm ўжичченхи ирхи вাহт* «время утра до того, как были заморозки»; *вárмана çитичченхи сырма* «овраг, что находится до того, как будет лес»); *энé савичченхи каччá* «парень, бывший чьим-то до того, как я полюбила его»; *яла кёричченхи калаçу*, «разговор, который был до того, как вошли в деревню».

Словоформы на *-скер* имён существительных встречаются очень редко: *ача-скер*, *тиха-скер*, *путек-скер*; *ача-рах-скер*, *тиха-рах-скер*, *путек-рех-скер*; *ят-лай-скер*: *Чакка ятлásкер* (Эльгер) «по имени Чакка».

Формант *-скер* В.Г. Егоровым назван частицей: «Частица *-скер* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете. Она присоединяется... иногда и к существительным. <...> В настоящее время эта частица окончательно перешла в формообразующий аффикс» [73, с. 342]. В понимании В.Г. Егорова, «формообразующий» означает «словоизменительный».

Для прилагательных чувашского языка категория выделения на *-и* и *-скер* является категорией последовательно коррелятивной, т.е. употребительной почти во всех случаях. Иногда мы замечаем автономность аффикса *-скер*: *Хуси, тачкаскер, ла-ратъ саралса* (Эльгер) «Хозяин, толстяк, сидит развалившись». Мы не говорим: *Хуси, тачки, ла-ратъ саралса*. Иногда сталкиваемся с явлением нагнетания этих двух аффиксов: *тискер — тискерскер — тискерскерри*, где *ти-* — возможно, связанный корень; *пёчкскер — пёчкскерри*; *тачкаскер — тачкаскерри*; ауслаутный *и* в этих примерах может быть заменен звуком (фонемой, морфемой) *ё* в значении выделения: *ухмахскерри — ух-махскерё*.

Аффиксы выделения *-и*, *-скер* могут быть в позиции формоизменения: *äслä — äсли — äслäраххи* « тот, кто поумнее»;

ухмах — ухмахскер — ухмахраххи « тот, кто поглупее ». В этих примерах нет аффикса -хи, конечный х геминирует.

Аффиксы -и, -скер принимают и интенсивные формы прилагательных: шап-шурă — шап-шурри, шап-шуураскер; кăн-кăвак — кăн-кăвакки, кăн-кăвакскер; сип-симĕс — сип-симĕssi, сип-симĕсскер; çан-çутă — çан-çутти, çан-çутаскер; ем-ешĕл — ем-ешĕли, ем-ешĕлскер; çатта(çан)-çарамас — çатта (çан)-çарамасси, çатта (çан) çарамасскер; хĕп-хĕрлë — хĕп-хĕрли, хĕп-хĕрлескер; сан-сарă — сан-сарри, сан-сараскер. Часто оттенки значений интенсивов с аффиксами -и, -скер весьма трудно передать по-русски, поскольку в русском языке нет категории выделения. Нет её, как мы уже отметили, и в тюркских языках. Наличие выделительного суффикса -ik отмечено в венгерском языке, и дано следующее объяснение: «К формам сравнительной степени прилагательных... с суффиксом -bb (-ebb/-abb) может присоединяться так называемый выделительный суффикс -ik, придающий форме сравнительной степени значение “более... из двух”, например, a fehrebbik “более белый из двух”. После форм с суффиксом -ik не может стоять показатель множественного числа, но может следовать притяжательный признак, притяжательное окончание» [98, с. 850].

По сравнению с венгерской выделительной формой, чувашская форма выделительности прилагательных на -и, -скер может принимать аффикс множественного числа и склоняться:

Осн.	äслисем	äслäскерсем
Прит.	äслисен	äслäскерсен
Дат.	äслисене	äслäскерсене
Мест.	äслисенче	äслäскерсенче
Исх.	äслисенчен	äслäскерсенчен
Твор.	äслисемпе	äслäскерсемите
Лиш.	äслисемсĕр	äслäскерсемсĕр
Прич.	äслисемшиён	äслäскерсемшиён

Наличие категории выделения, по словам И.П. Павлова, отмечено в удмуртском языке, возможно, она возникла под непосредственным влиянием чувашского языка [123, с. 3]. Но фонетический облик выделительного суффикса -яз (-ез, -ыз) в удмуртском отличается от чувашского -и (-хи).

И.П. Павлов, ссылаясь на Г.Й. Рамstedta, допускает, что алломорфы -и (-хи) восходят к общеалтайскому суффиксу -ki:

авал + -ки ~aval-xi, kāçal + -ки ~kāçal-xi, т.е. к перешел в *х*, а затем звук *х* выпал вовсе [123, с. 6—7]. Назвать аффикс (по И.П. Павлову — суффикс) *-ки* общеалтайским вряд ли уместно, ибо в тюркских языках, кроме чувашского, этот формант в значении выделительности встречается редко.

В монгольских языках суффикс *-ki* (*-ke*) употребляется не только с формами местного и родительного падежей имен существительных, но и с формами прилагательных, наречий и др.:ср.: монг. *olan* «много» — *olanki* «те, кто (что) в большинстве» [123, с. 7].

Особый интерес представляет суффикс *-xi* в бурятском языке; от именных основ *тугаар* «давно» — *тугаар-xi* «давнишний» (ср. чув. *авал-xi*). Местоимения образуются в бурятском языке путем суффикса *-xi*: *энде-xi* «здешний» (ср.: чув. *кун-t-i* «здешний»; *вål кунти* «он здешний»; возможен и такой вариант: *вål кун-t-i-скер* «он здешний»; *тэндэ-xi* «тамошний» (ср.: чув. *лер-i* «тамошний», *лерелли* «то, что находится там, дальше», *леререхри* « тот, кто ещё подальше», «находящийся подальше» (примеры из бурятского языка см.: [37, с. 22—23]).

Суффикс *-xi* в бурятском языке считается одним из самых продуктивных в образовании имён прилагательных от именных основ и наречий. При помощи суффикса *-xi* образуются прилагательные от формы дательно-местного падежа: *арада-xi* «задний» (ср. чув. *хыçал-t-i*); *булан-да-xi* (ср. чув. *кётес-p-i*) «угловой»). Прилагательные на *-xi* в бурятском языке образуются также от наречий времени и места: *тугаар-xi* «недавний» (ср. чув. *авал-xi*); *гурдур-xi* (ср. чув. *мал-t-i*) «находящийся впереди», *углоогуур-xi* (ср. чув. *ир-xi*) «утренний» [53, с. 115]. Эти примеры напоминают то время, когда в чувашском языкоизнании *-ri*, *-ti*, *-chi*, *-xi* принимались за деривационные (прилагательнообразующие) форманты.

При самостоятельном употреблении количественные числительные чувашского языка изредка принимают аффикс выделения *-i*: *виçç-i-n-e хитре çыртäm* «цифру “три” я написал чётко». В числительных выделительный аффикс *-i* следует за формантом местного падежа: *-t*, *-p*, *-ч*: *вätäp-t-i* «тридцатилетний», *хёрëх-p-i* «сорокалетний», *утмайл-се-n-ч-i* «лет шестидесяти». Как и существительные *ял-t-i*, *шыв-p-i*, *ял-ё-n-ч-i*, эти словоформы числительных склоняются, в том числе принимая аффикс множественного числа *-sem*:

Осн.	<i>аллā-p-i</i>	<i>çитмёл-t-i</i>
Прит.	<i>аллā-p-i-n</i>	<i>çитмёл-t-i-n</i>
Дат.	<i>аллā-p-i-n-e</i>	<i>çитмёл-t-i-n-e</i>
Мест.	<i>аллā-p-i-n-che</i>	<i>çитмёл-t-i-n-che</i>
Исх.	<i>аллā-p-i-n-чен</i>	<i>çитмёл-t-i-n-чен</i>
Твор.	<i>аллā-p-i-pe</i>	<i>çитмёл-t-i-pe</i>
Лиш.	<i>аллā-p-i-сёр</i>	<i>çитмёл-t-i-сёр</i>
Прич.	<i>аллā-p-i-шён</i>	<i>çитмёл-t-i-шён</i>

Формант выделения *-скер* также выступает за аффиксом местного падежа и подвергается полному склонению:

Осн.	<i>иккē-pe-скер</i>	<i>тäххäр-ta-скер</i>
Прит.	<i>иккē-pe-скер-ён</i>	<i>тäххäр-ta-скер-ён</i>
Дат.	<i>иккē-pe-скер-(n)e</i>	<i>тäххäр-ta-скер-n-e</i>
Мест.	<i>иккē-pe-скер-te</i>	<i>тäххäр-ta-скер-te</i>
Исх.	<i>иккē-pe-скер-тен</i>	<i>тäххäр-ta-скер-тен</i>
Твор.	<i>иккē-pe-скер-pe</i>	<i>тäххäр-ta-скер-pe</i>
Лиш.	<i>иккē-pe-скер-сёр</i>	<i>тäххäр-ta-скер-сёр</i>
Прич.	<i>иккē-pe-скер-шён</i>	<i>тäххäр-ta-скер-шён</i>
Осн.	<i>çитмёл-се-n-ч-i</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер</i>
Прит.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-n</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-ён</i>
Дат.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-n-e</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-n-e</i>
Мест.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-n-che</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-te</i>
Исх.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-n-чен</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-тен</i>
Твор.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-pe</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-pe</i>
Лиш.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-сёр</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-сёр</i>
Прич.	<i>çитмёл-се-n-ч-i-шён</i>	<i>аллā-се-n-ч-i-скер-шён</i>

Возможно образование выделительной формы от порядковых числительных: *виççē-мёши-ён-че-скер* (*виççē-мёши курс-ра-скер*), *иккē-мёши-ён-ч-i* (*иккē-мёши клас-ри*). Примечательно, что числительное *нёр* «один» может быть в форме выделения на *-i*, *-скер*: *нёр-i* «кто-то», *нёр-нёри* «кто-нибудь», *нёри марин нёри* «кто-нибудь», *нёри-нёри* «некоторые, один из них», *нёри-нёр* «кто-нибудь, некоторый», *нёр-скер*: «кто-то, какой-то». По мнению Н.А. Андреева, эти словоформы выступают в значении неопределенных местоимений [16, с. 140].

В «Материалах...» Н.И. Ашмарин пишет: «В чувашском языке... взаимность действия (Gegenseitigkeit) выражается удвоением числительного один — «нёр», причем вторая часть удвоения

наращивается местоименными суффиксами», образуя следующие формы:

Для 1 лица:

- И. нет
Р. *něr-něréměřen* «мы друг друга»,
«мы один другого»
ДВ. *něr-něréměre*
М. *něr-něréměrte*
Исх. *něr-něréměrten*, *něr-něrěrten*
Т. *něr-něréměrpe*

Для 2 лица:

- нет
něr-něrěrēn, *něr-něrěvěn*
«вы друг друга»
něr-něrěre, *něr-něrñe*
něr-něrěrte, *něr-něrěnthe*
něr-něrтen, *něr-něrěnthen*
něr-něrěrpe

Для 3 лица:

- И. нет
Р. *něr-něriйěn*, *něr-něrinčen*, *něr-něrin*, курм. (курмышский говор. — В.С.) *něr-něriйän* «оны друг друга»
ДВ. *něr-něrне* (*něr-něrinе*. — В.С.)
М. *něr-něrinche*
Исх. *něr-něrinchen*
Т. *něr-něrinne*, курм. также *něr-něrinna* и пр.»

Далее следует примечание: «Нужно заметить, что форма для 3 лица часто употребляется безразлично и для других лиц, напр. буин. (буинский говор. — В.С.)... *Пěr-něrinne týrě täräp* (*аван тäräp*) “Живите друг с другом мирно (хорошо)”» [20, с. 211–212].

Итак, в словоформах *něr-něrinchen*, *něr-něrinchen*, *něr-něrinne* инлаутный *-и* Н.И. Ашмарин считает аффиксом 3 лица притяжательности, а не формантом выделения. Н.И. Ашмарин для всех трех лиц исключил формы именительного падежа, что кажется неверным: для 1 лица в именительном падеже множественного числа должно быть *něr-něréměr*, для 2 лица множественного числа — *něr-něrěr*, для 3 лица единственного числа — *něr-něri*.

Числительное *něr* в форме выделения сочетается с вопросительным местоимением *хăш(ě)*: *хăшě-něri* «иной, некоторый»; *хăшě-něri* имеет самостоятельное употребление, а *хăш-něr* выступает как определение. *Семисем хăшин-něrin ытла та пысăк* «Семьи у некоторых очень большие».

Вызывает особый интерес словоформа *хăшě-něri*, на наш взгляд, оба компонента композиты *хăш(-ě)-něr(-и)* оформлены

аффиксами выделения *-ё* и *-и*: первый компонент — вопросительное местоимение *хайшё*, второй — числительное *пёр* в форме выделения с аффиксом *-и*. Словоформа *хай(ё)-пёр(и)* имеет полное притяжательное склонение: *хайшён-пёрин*, *хайшне-пёрне*, *хайшё-пёринче*, *хайшё-пёринчен*, *хайшё-пёринте*, *хайшё-пёринсёр*, *хайшё-пёринишён*. Принимая аффикс множественного числа *-сем*, эта словоформа опять подвергается полному склонению: *хайшё-пёрисем*, *хайшё-пёрисен*, *хайшё-пёрисене*, *хайшё-пёрисенче*, *хайшё-пёрисенчен*, *хайшё-пёрисеме*, *хайшё-пёрисемсёр*, *хайшё-пёрисемишён*. В формах некоторых падежей *хайшё* допускает двухвариантность: *хайшёнте* ~ *хайшинте*, *хайшёнсёр* ~ *хайшинсёр*, *хайшенишён* ~ *хайшинишён*.

Многие местоимения употребляются в форме выделения: *çакскер* «вот этот самый, он самый», *мёнлескер* «какой», *нимскер* «ничто», *темскерле* «какой-то», *пуринте* «всем, у всех» (от *пурте* «все») и т.д. Усеченная форма *мё* (< *мён*) + *-скер* — *мёскер* «что такое, что за» относится к словоизменению, отсюда словоформы *мё-скер-ле?* «какой? что за?», *мё-скер-шён?* «почему, зачем, отчего?»

Личные местоимения чувашского языка в форме притяжательного падежа (т.е. в формоизменении) могут принимать аффикс выделения *-и*, как бы образуя «формы притяжательных местоимений», которых в собственном смысле слова нет в тюркских языках, но словоформы сохранились [20, с. 147]. Опираясь на эти словоформы, мы можем говорить о формоизменительной категории выделения личных местоимений.

1 л. значения единичности: *манни*, *манянни* «мой; то, что принадлежит мне» ~ тат. *минеке* «мой».

2 л. значения единичности: *санни*, *санянни* «твой» ~ тат. *синеке*.

3 л. значения единичности: *унни*, *унянни* «его (её)» ~ тат. *аныкы*.

1 л. значения множественности: *пирённи* «наш, свой» ~ тат. *безнеке*.

2 л. значения множественности: *сирённи* «ваши» ~ тат. *сезенке* «ваши».

3 л. значения множественности: *вёсенни* «их» ~ тат. *аларныкы* «их».

Как видим, чувашскому аффиксу выделения *-и* в татарском соответствует *-ке (-кы)*, но в татарском языкознании этот формант не носит название «выделительного аффикса», скорее всего, татарский аффикс соответствует чувашскому форманту *-хи*: *яз-ги* ~ чув. *çур-хи* «весенний», *көз-гс* ~ *кёр-хи* «осенний»; *кич-ке* ~ чув. *каç-хи* «вечерний».

В татарском языке аффикс *-гы* (*-кы*, *-ге*, *-ке*) выражает значения: относящийся к тому, что обозначено производящей основой (*тән-гә* ~ чув. *çәрлехи* «ночной»); относительный признак с точки зрения места и времени (*кичә-гә* ~ чув. *ёнерхи* «вчерашний», *былтыргы* ~ чув. *пәлтәрхи* «прошлогодний», *кәндезгә* ~ чув. *кәнтәрлахи* «дневной»); *-га* (*-гә*, *-ка*, *-кә*) как словообразовательный аффикс наречий: *мәңгегә* «навечно» [167, с. 360].

В чувашском языке лично-возвратные местоимения принимают выделительный аффикс после формы притяжательного падежа (формоизменения): *хам-анн-и* «то, что принадлежит мне самому» и т.д.

Словоформы *пирённи*, *пирённисем*, *хамарённи*, *хамарённисем*, субстантивируясь, выражают значения «наш», «наши», «свой», «свои» (т.е. родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью, политическими взглядами; свой человек, свои люди).

Формоизменительная категория выделения на *-и* личных, лично-возвратных местоимений проявляется после форм местного падежа: *ман-р-и* «находящийся у меня»; *сан-р-и* «находящийся у тебя», *ун-р-и* «находящийся у него (у неё)». В этих примерах склоняемыми основами являются формы притяжательного падежа: *ман*, *сан*, *ун*; но в 1 лице лично-возвратных местоимений склоняемой является словарная основа 1 лица: *хам* — *хам-р-и*, а во 2 и 3 лице склоняемой становится опять форма притяжательного падежа: *хәв-ян-т-и*, *хай-ён-ч-и*. Во множественном числе склоняемые основы предстают двояко: *пир-т-и*, *пирён-т-и*; *сир-т-и*, *сирён-т-и*; *вә-се-н-ч-и*, ср.:

<i>хам-är-т-и</i>	<i>хамär-т-и-сем</i>
<i>хäвär-т-и</i>	<i>хäвär-т-и-сем</i>
<i>хай-ён-ч-и</i>	<i>хай-се-н-ч-и-сем</i>

Н.И. Ашмарин, касаясь форм *мананнē*, *мананē*, *маннē*, *манē* (тат. *минеке* «мой»), а также *хайённē*, *хайянē* «его (ее) собственный», включая сюда же формы существительных типа *сыннаннē*, в примечании пишет: «Здесь считаю нужным заметить, что родительный падеж... также может принимать суффикс притяж. 3-го лица для образования самостоятельно употребляемых прилагательных» [20, с. 191—192].

Ясно одно: Н.И. Ашмарин аффикс *-ё* в подобных формах считает суффиксом 3 лица, но непонятно, почему он формы *мананнē*, *хайённē* (а также *сыннаннē*) считает прилагательными.

То, что Н.И. Ашмарин, Т.М. Матвеев формант *-и* при прилагательных считают за аффикс притяжательности 3 лица [20, с. 172; 104, с. 39—40], является заблуждением, в формах *вайл-i*, *асл-i* нет «притяжательного суффикса 3-го лица», есть аффикс выделения *-и*.

Н.И. Ашмарин, приводя склонение местоимения *мёнле* «как» в форме выделения *мёнли*, не определяет статус ауслаутного *-и*, видимо, придерживается мнения, что это вторая форма прилагательного на *-и¹*. Приведем образец склонения словоформ *мёнли* и *мёнлескер* (по Н.И. Ашмарину) [20, с. 203]:

И.	<i>мёнли was für ein</i>	<i>мёнлескер</i>
Р.	<i>мёнлинён, мёнлин</i>	<i>мёнлескерён</i>
ДВ.	<i>мёнлине (мёллине)</i>	<i>мёнлескере, мёнлескерне</i>
М.	<i>мёнлинче (мёллинче)</i>	<i>мёнлескерте</i>
Исх.	<i>мёнлинчен (мёллинчен)</i>	<i>мёнлескертен</i>
Т.	<i>мёнлине (мёллина)</i>	<i>мёнлескерне</i>

Формоизменительная категория выделения на *-и*, *-скер* глагольных (категориальных причастных и деепричастных) форм

Формоизменение причастий на *-нä (-нë), -кан (-кен), -ан (-ен)*

Причастие на *-нä (-нë)* в субстантивной форме (по И.А. Андрееву) выступает с аффиксами *-и*, *-скер* и обозначает: а) имя действия: *Капла калани хёрсе кайнä каччайän вут çине шыв сапнä некех тулчë* (Арт.) «Эти слова для разгорячившегося парня как ушат холодной воды»; б) имя деятеля: *Сырни-пурни пусма вëç-нек килет тессë²* (Посл.) «Суженый придёт прямо к крыльцу»; *Ёнер çeç сысна ашне тутанса пыхнäскерсем, ун шаршине манман ёнтë* (Кибек) «Только вчера полакомившиеся свининой, конечно, они (волки) не забыли её запаха».

Причастие на *-нä (-нë) + -и* в роли дополнения: *Курманнин курас килет, курнин тарас килет* (Посл.) «Кто не испытал, тому хочется испытать, кто испытал, тому хочется избежать»;

¹ В «Заметках по грамматике чувашского языка» Н.И. Ашмарин в словоформах *ачараххи*, *курäкраххи* элемент *-и* считает аффиксом выделения [25, с. 16].

² Некоторые примеры заимствованы из книги И.А. Андреева «Причастие в чувашском языке» [8].

*Патшана, Ծитсен, вёсем
Мён курни-илтни Ծинчен
Пёлтерес хара-хара* (Бараев)

«Явившись к царю, со страхом рассказали об увиденном».

Причастие на *-нä* (-нë) + *-скер*: *Кузнецов генерал, тёлёнсе кайнäскер, маларах иртсе тäчё* (Алга) «Генерал Кузнецов, удивленный, прошел несколько вперед»;

Акай тухать кäçачé / Йыт çäménchen тунäскер (Свад. песня)
«Вот выносят валенки, валянныне из собачьей шерсти».

Причастие на *-нä* (-нë) + *-и* в роли обстоятельства причины: *Савяннипе Сетнерёэн / Чёри кäрт-карт сикет-çке* (К. Ив.) «От радости сердце у Сетнера встрепенулось».

Причастие на *-нä* (-нë) + *-и* в роли сказуемого придаточного предложения:

*Сүлелле пäхрäm та — тёлэнтэм
Кайак хурсем картипе кайнинчен,
Шухäшиласа пäхрäm та — тёлэнтэм
Самräк ёмэр иртсе кайнинчен* (Фольк.)

«Взглянув на небо, я удивился: как вереницей улетают дикие гуси. Задумавшись, я удивился: как быстро проходит молодость».

В некоторых случаях сказуемое условного придаточного предложения может быть выражено причастием на *-нä* (-нë) в отрицательной форме:

Урамäрсем тýрё те, Ԧулäр хура:

Энир çüremenне кам çýрё? (Фольк.)

«Ваши улицы прямые, дороги чёрные, кому же ходить, как не нам?»;

Ёскёрсем те хäватлай, куркäр тысäк,

Энир юрламанне та кам юрлэ?

«Пиршества ваши замечательные, ковши большие: кому же петь, как не нам?».

Словоформы *çüremenне, юрламанне* — усеченные формы от *çüremennine, юрламанинне*; ср.: *Энир йёменнине те кам йёрес?* [А, V, с. 134] «Кому же плакать, как не нам?».

Причастия на *-кан* (-кен), *-акан* (-екен), употребляясь без определяемого имени, субстантивируются как лексически (обозначает действующее лицо), так и синтаксически. Показателями лексической субстантивации являются:

а) показатели категории принадлежности: *вулакан-äm*: *хисеплë вулаканäm* «дорогой мой читатель», *вулакан-у* «твой

читатель», т.е. «читатель твоих произведений», *вулаканē* «его (её) читатель», *вулаканамär* «наш читатель», *вулаканär* «ваши читатели».

В ЧРС в реестре словарной статьи выведено субстантируированное имя *вулакан* «читатель», наряду с *вулавçä* «чтец», «читатель»: *журнал вулаканесем* «читатели журнала»; ср.: *вулаканисем*; *вулакансен* (*вулавçäсен*) *конференцийē* «конференция читателей»;

б) показатель множественного числа *-сем*: *вулакансем* «читатели», *вулакансен* *конференцийē* «читательская конференция»;

в) комбинация аффиксов принадлежности и аффикса множественного числа *-сем*: *вулаканамсем* «мои читатели», *вулаканамärcem* «наши читатели», *вулаканусем* «твои читатели», *вулаканärcem* «ваши читатели», *вулаканесем* «его (её) читатели», *вулаканесем* «их читатели».

В атрибутивном употреблении причастие на *-кан* (-*кен*), подобно имени прилагательному, может присоединять аффикс категории сравнения *-тарах* (-*терех*): *тäрäшакантарах* *студент* «более старательный студент», *пёлекентерех* *ача* «ребёнок, который больше знает».

И.А. Андреев, наряду с аффиксами выделения *-и*, *-скер*, включил в этот ряд аффикс *-ё* и указал, что причастие на *-акан* (-*екен*) с указанным аффиксом *-ё* приобретает выделительное значение, ср.: *кämäла каяканни ~ kämäla kаяканё* « тот, кто нравится», *халäха пäтратаканни ~ халäха пäтратаканё* «возмутитель спокойствия людей», *ёç шыраса каяканни, каяканскер, каяканё* « тот, кто идет на поиски работы». Он прямо не говорит, что *-ё* есть аффикс 3 лица категории принадлежности, но утверждает, что причастия на *-акан* (-*екен*) с аффиксами *-и*, *-ё* склоняются «по типу склонения существительных с аффиксами принадлежности» [8, с. 130]. Более конкретно об этом сказано далее: «Субстантируированное причастие на *-акан* (-*екен*) может принимать и аффиксы принадлежности: *çäлакан* “спаситель”, *çäлаканäm* “мой спаситель”, *çäлакану* “твой спаситель”, *çäлаканё* “его (её) спаситель”, *çäлаканамär* “наш спаситель”, *çäлаканär* “ваши спасители”, *çäлаканес* “их спаситель”» [8, с. 131].

И.А. Андреев писал о придании выделительного значения только аффиксом *-ё*, хотя на самом деле все аффиксы принадлежности содержат тайное (скрытое) выделительное значение (см. об этом на с. 53 настоящей монографии).

Будучи знатоком фольклорных произведений, он привёл несколько примеров причастия на *-кан* (-кен) с аффиксом *-ё* в выделительном значении. Приведём пример из фольклора:

<i>Aх, ѿста-ши куккужё,</i>	<i>«Ах, где же кукушка,</i>
<i>Хитре аватаканё?</i>	<i>Красиво кукующая?</i>
<i>Вайманта-չке куккужё,</i>	<i>В лесу же кукушка,</i>
<i>Хитре аватаканё.</i>	<i>Красиво кукующая.</i>
<i>Ах, ѿста-ши тир(ё)н тайван,</i>	<i>Ах, где же наша родня,</i>
<i>Пире хайналаканё?</i>	<i>Нас угощающая?</i>
<i>Ак չак ялта, չак килте</i>	<i>В этой деревне, в этой избе</i>
<i>Пире хайналаканё.</i>	<i>Нас угощающая».</i>

Автор пишет о лексической субстантивации (полном переходе в разряд существительных) причастия на *-акан* (-екен) и с долей вероятности к таким словам относит: *ыйткалакан* «нищий», *айтплакан* «обвинитель», *айтланакан* «обвиняемый», *пайлакан* «делитель», *пайланакан* «делимое», *каскалакан* «плотник», но усомнился и написал, что говорить «о полной субстантивации таких слов весьма затруднительно», ибо «при этих словах невозможны определения», но в то же время писал и о возможности иметь определения: *ватәй ыйткалакан, çётэկ-çурәк ыйткалакан* « оборванный нищий» [8, с. 131]. Между тем в ЧРС субстантированное имя *каскалакан* «плотник, столяр, деревообделочник» представлено с определениями *катка-ничке каракалакан* « бондарь», *çётел-пукан каракалакан* « мебельщик», вопреки мнению И.А. Андреева, который считал, что нельзя сказать *ватәй каракалакан* «старый плотник, столяр», *йста каракалакан* «искусный, опытный столяр, плотник» (перевод наш. — В.С.).

Говоря о причастиях на *-акан* (-екен) с аффиксами *-и*, *-ё* в роли подлежащего, И.А. Андреев приводит такой пример: *Лаши лайăх, çуни лайăх, лараканё չук* [А, VIII, с. 39]. При этом считает *-ё* в слове *лараканё* аффиксом принадлежности 3 лица [8, с. 139], а в формоизменительной морфологии, на наш взгляд, они представляют аффикс выделения: *ял-т-и, шыв-р-и, виççё-р-и, каç-н-и, нул-асс-и; ур-акан-ё, иккё-мёш-ё*.

Причастия на *-акан* (-екен) с аффиксами *-и*, *-скер*, *-ё* выступают в роли сказемого. И.А. Андреев примеров причастий на *-акан* (-екен) с аффиксом *-ё* приводит мало. Эпё сүрекенни тө лаша кўлекенни չեç (Талвир) «А я только боронующий и запрягающий лошадей»; Ёç шырама каяканскер вәл «Он тот,

кто идёт искать работу». Возможны такие варианты: *Эпё ыйту параканे* (*параканни*), *эсэ хуравлакане* (*хуравлаканни*) «Я тот, кто задает вопросы, а ты — отвечающий».

Используются эти причастия и в качестве обращения:

Кäвик кäвакарчан, чакäр күс,

Кураканни, тулä сапäрсам.

Пирён тäвансем ай аякра,

Кураканни, салам ярäрсам (Фольк.).

«Сизая голубушка, светлые глаза, посыпте ей пшеницы, кто увидит. Наши родные от нас далеко, передайте привет, кто увидит». В этой же функции могут выступать формы: *кураканнисем, куракане*, *кураканесем*.

Есть особенности употребления причастия на *-екен* от глагола *те* «говорить, сказать; полагать, думать»: *Вилес текен вилеймен, каяс текен каяиман* (Посл.). «Думавшему умереть не пришлось умереть, думавшей выйти (замуж) не пришлось выйти (замуж)»; *Вилес текенни вилеймен, качча каяс текенни каяиман* «Думавшему умереть не пришлось умереть, думавшей замуж пойти не пришлось пойти»; *Вилес текеннийё вилеймен, качча каяс текеннийё каяиман* — перевод аналогичен.

Такая трансформация не всегда адекватна: *Иллек М. Виçпурт Шämäршай текен (теекен) ялта ىурالنى* «Н. Ильбеков родился в деревне, называемой Трёхизб-Шемурша». В данном примере причастие *текен* (*теекен*) невозможно заменить словоформами *текенни, текенни, текене, текенскер*.

Причастие на *-ан* (-ен) в основном не принимает аффиксов *-и, -ё, -скер*. Исключение составляют индивидуально-авторские слова (окказионализмы).

*Хура кусlä Петёре,
Сүмёнче тапкаланса,
Алхасса выртанскерे,
Супäрлаты вäл юрласа*
(П. Хузангай).

«Черноглазого [сына] Петра,
Того, кто лежит рядом, брыкаясь,
Дурачясь,
Обнимает она, песню напевая»

Причастие на *-ан* (-ен) иногда принимает аффикс множественного числа *-сем*:

Лава каянсем (ср.: *каякансем*), *Чакка та пёрле,*
Пулнä таврэнма тäват кун չинче (Эльгер)

«Крестьяне, выезжающие в извоз, среди них и Чакка, обещали вернуться через четыре дня».

И.А. Андреев словоформу *кураймансем* включил в разряд причастий на *-ан* (-ен) [8, с. 153], на самом деле членимость этой формы такова: *кур-ай-ма-н-сем*: *кур-* — основа слова, *-ай* — аффикс возможности совершения действия (т.е. оптатив, желательное наклонение), *-ма* — аффикс отрицательной формы (отрицательного аспекта), *-н* — показатель прошедшего причастия, *-сем* — формоизменительный аффикс множественного числа; форма *курайман* противостоит форме *курайнā(скер-сем)*. Ср.: *Ал тивменни аллā չул выртать тесçē* (Посл.) «То, чего не касаются руки, лежит нетронутым пятьдесят лет, говорят» — отрицательная словоформа *тивменни* противостоит утвердительной форме *тивни*.

В данном плане нет чёткого объяснения и у В.Г. Егорова: «Отрицательная форма прошедшего причастия (!) образуется... от стяженной формы причастия на *-ан* (-ен), принимая примету отрицания *-м* между основой глагола и аффиксом *-ан* (-ен): *сырман* “не писавший”, *çимен* “не евший”» [70, с. 222], т.е. автор не хочет эти словоформы противопоставить утвердительной форме причастия прошедшего времени: *сырнā* — *сырман*, *çинē* — *çимен*. В этом отношении прав был И.П. Павлов, считавший *-ма* аффиксом отрицательного аспекта, а *-н* — стяженной формой (контракцией) аффикса причастия прошедшего времени на *-нā* [118, с. 275].

В.Г. Егоров приводит аналогичный пример: *Ёнтē пире кураймансем пиրён çине күс хыврēç* (Трубина) «Теперь ненавидящие нас будут наблюдать за нами». Не демонстрируя морфемную членимость словоформы *кураймансем*, автор представил объяснение: «Правильные же отрицательные формы прошедшего времени (вернее, причастия прошедшего времени. — В.С.), образованные от утвердительной формы на *-нā*, сохранились только в бранных выражениях: *aça çапманā* (возможен вариант *aça çапман* (*çап-ма-н.* — В.С.) “не пораженный(-ая) громом”; *мур хирменē* (вариант: *мур хирмен.* — В.С.) “не погубленный(-ая) мором”» [70, с. 222]; ср.: *aça çапасшē*, где *çап-ас-шē* в форме причастия будущего времени.

И.А. Андреев с сомнением пишет о «формах на *-ман* (-мен)» (которых в языке нет): *тунā ёç* «выполненная работа» — *туман ёç* «невыполненная работа»; *Пёлмен ёçе ан тытāн* «Не принимайся за дело, которого не знаешь». Здесь *пёлмен* (по И.А. Андрееву) является отрицательной формой причастия на *-акан*

(-екен). *Ку таранччен пёлмен япалана пёлтём* «Узнал то, чего не знал до сих пор», здесь *пёлмен* является отрицанием к причастию на *-нä* (-нë) [8, с. 154], а в словоформе *кураймансем* (*кур-ай-м-ан-сем*) автор обнаруживает причастие на *-ан* [8, с. 153].

Формоизменение причастия на *-ac* (-*ec*, *-c*)

До сих пор нет чёткости определения статуса аффикса *-и* при причастиях на *-ac* (-*ec*): в словоформе *кур-асс-и* чувашеведы в финальном *-и* склонны видеть аффикс принадлежности 3 лица, поскольку она стоит в ряду форм *кур-асс-äm*, *кур-асс-у* с аффиксами принадлежности *-äm* и *-u*; а И.А. Андреев *-ssi* считает субстантивной формой причастия на *-ac* (-*ec*): *каясси*, *пырасси*. Эти формы могут выступать:

а) в роли подлежащего: *Уй-хире удобренисем турттарасси те сителëксэр пулса пырать* «Слабо ведётся вывоз удобрений на поля». В этом примере И.А. Андреев словоформу *турттарасси* считает субстантивной формой причастия будущего времени на *-и*. Но в примере *Пырасси пырайт ма-ха...* «Пойти-то пойду...» употребление «субстантивной формы» на *-ssi* (такой формы нет! — В.С.) почему-то считает употреблением в функции инфинитива [8, с. 163, сноска]. Причем до этого [8, с. 158] сделана ссылка на труд Н.И. Ашмарина, в котором указано, что причастие будущего времени когда-то в чувашском языке имело форму на *-cä* (-*cë*) [25, с. 68];

б) в роли дополнения: — *Юратъ, Сёма, — тем каласскернех (кала-с-скер-н-е-х.* — В.С.) пўлчё ѣна Кузьма Мироныч (Арт.) — «Хорошо, Сёма, — перебил его на полуслове (букв.: намеревающегося сказать) Кузьма Мироныч»; *Ҫичё ҫуллăха срокчен тултарассишиён кёрешү вайлансах пырать* «Усиливается борьба за досрочное выполнение семилетки»; *Ял куласси Ҫес юлчё, яла култарас мар* «Осталось стать посмешищем на селе, не будем же смешить народ»;

в) именное значение также имеет, по мнению некоторых чувашеведов, сказуемое, выраженное причастием на *-ac* (-*ec*) в субстантивной форме на *-и*:

Пирэн турнăра мëскер кăна пулса иртмест-тëр! *Вăл хир урлă каçасси мар* (Хуз.) «Чего только не бывает в нашей жизни! Это — не поле перейти»; ср.: *Ёмёр ёмëрлесси — уй урлă каçасси мар* (Посл.) «Век прожить — не поле перейти»;

г) причастие на *-ac* (-*ec*) в роли сказуемого придаточного подлежащного:

Сынсем ешёл хурэн ай касаççе,

Эпир касассисем те ай ўсеççе.

Сынсем сарă хĕрпе выляççе,

Эпир выляссисем те ай ўсеççе (Фольк.)

«Люди рубят молодую берёзу, а те, что нам рубить, ещё только растут. Люди играют с красной девицей, а те, с кем нам играть, ещё только растут»; *Кăсал тырă пулмасси ун чухнек сисĕнчĕ* (Х. Уяр) «Тогда ещё чувствовалось, что не будет нынче урожая»;

д) в роли сказуемого придаточного дополнительного:

Аслисемне эп калаçăттăм,

Чĕлхем çыхланассинчен хăратăн (Фольк.)

«Поговорил бы я со старшими, да боюсь, что язык будет заплетаться».

Формоизменение причастия на *-малла* (-мелле)

Форма так называемого причастия долженствования¹, образуемая при помощи аффикса *-и*, может обозначать имя действующего лица: *Тармалисем тарса пёттрэç пулмалла* (Агаков) «Те, кому надо было сбежать, видимо, разбежались».

В словоформе *пурэн-малл-и-скер* наблюдается нагнетание двух аффиксов выделения *-и* + *-скер*: *Вăл пуртĕрех тăван килĕнчен каймалли çын, хăй çурчĕне пурэнмаллisker* (Ильбек) «Он тот, кому всё равно нужно уйти из родного дома, кто должен жить своим домом».

Эти формы функционируют:

а) в роли подлежащего: *Таврара куса илĕртмелли чăнах та нимех те çук ёнтĕ* (Х. Уяр) «Вокруг действительно нет ничего такого, что могло бы прельстить взор»;

б) в роли дополнения: *Сул çине тухсан кĕтмеллинчен тарăхтаракан япала урăх çук* «Когда находишься в пути, нет ничего хуже, чем ждать»;

в) в роли сказуемого придаточного предложения: *Ёçре çирĕп дисциплина пулмалли пуриншён те паллă* «Всем известно, что на работе должна быть крепкая дисциплина».

Чувашские языковеды не пишут о том, что *-и* является показателем выделительности в словоформах *ятламалли*, *вуламалли* и т.д. Только И.А. Андреев в словоформах *ўкмеллескер*, *ятламалли* в аффиксах *-и*, *-скер* видел особые морфологические показатели [8, с. 207], но не назвал их аффиксами выделения.

¹ О нашем мнении о «причастии долженствования» см. на с. 315—316, «о долженствовательном наклонении» — на с. 290—292 данной книги.

О так называемом причастии возможности на -и

В чувашском языкоznании в словоформах *кури-курми, пици-пицми, кусна виçейми, сисéнмирех, курса тăранайми, ытараимискер, юрлайи те юрлайми* не вычленяют аффикс выделения *-и*, возводимого к тюркским *-гы (-ge), -ку (-ke)* (~чув. *-xi*). По В.Г. Егорову, происхождение этого аффикса неясно [70, с. 230]. Н.И. Ашмарин писал, что причастие возможности на *-и*, несомненно, имеет родство с тюркским будущим причастием, оканчивающимся на *-ку (-gu)* [20, с. 311]. Возникает вопрос: не родствен ли аффикс *-ку (-gu)* общетюркскому *-гы (-ge, -кы, -ке)*? Ср.: тат. *мен + -ге* «верховой», *менгэе ат* «верховая лошадь»; тат. *юрга ~* чув. *çärxa* «иноходь»; туркм. *йорга* «рысь (аллюр)», хак. *чорга*, алт. *дъорго* «иноходь, иноходец» [75, с. 208; 178, II, с. 99]. Практически все языковеды утверждают, что причастие возможности на *-и* употребляется только (или в большинстве случаев) в парной форме — утвердительно-отрицательной (*кури-курми* «плохо видящий, подслеповатый») и указывает на недостаточное, неполноценное проявление выражаемого им качества [70, с. 230; 118, с. 283; 154, с. 394].

Формант *-и* присутствует в таких словоформах, как *киличчен* «до того, как прийти». Является ли *-иччен* единым аффиксом? В.Г. Егоров *-иччен* делит на аффикс причастия возможности *-и* и послелог *-чен* «до» [70, с. 487]. Такое разложение аффикса И.П. Павлов сначала считал правильным [116, с. 259], а затем отказался от этой мысли: «Хальхи вăхăтра *-иччен* аффикс çав морфемăсенчен тăратъ теме йывăр» (Сложно утверждать в настоящее время, что аффикс *-иччен* состоит из этих морфем) [118, с. 294]. Л.П. Сергеев соглашается с мнением И.П. Павлова о неразложимости композитного аффикса *-иччен* [154, с. 399]. Мы поддерживаем точку зрения В.Г. Егорова о разложимости этого аффикса на *-и* и *-чен* (формант категории предельности; ср.: *уявчен* «до праздников», *апатчен* «до обеда», *паянчен* «до сегодняшнего дня», *ыранччен* «до завтра» и т.д., где *-чен* — аффикс предельности).

Хотя И.П. Павлов считает аффикс *-иччен* неразложимым, тем не менее пишет: «С деепричастием на *-иччен* может употребляться сочетание аффикса отрицания с аффиксом невозможности. Так бывает тогда, когда деепричастие имеет значение степени и меры: *ут-ай-м-и-чен*, *ут-и-м-и-чен* (диал.) “до того, что не

мог ходить”; *çи-ей-м-и-чен* “до того, что не мог есть” [118, с. 259]. Интересно здесь то, что в примерах автор разделяет *-иччен* на две части: *-и + -чен*. Основным значением деепричастия на *-иччен* И.П. Павлов считает «предел времени в будущем» [116, с. 260], но не учитывает, что в зависимости от контекста оно может выражать предел времени в прошлом: *апатчен ёçлемелле* «надо работать до обеда», *каничен ёçлемелле* «до отдыха нужно работать» (в будущем); ср.: *апатчен ёçлерёмёр* «работали до обеда», *каничен ёçлерёмёр* «работали до отдыха» (в прошлом).

А не является ли аффикс *-и* в словоформах *кайичен* «до ухода», *киличен* «до прихода» формантом выделения? Ведь значения предельности во времени, меры и степени развития глагольного действия сигнализируют косвенно о значении выделения. Но чувашские языковеды не указывают на значение выделительности *-и* в составе *-иччен*. Л.П. Сергеев словоформы *çити*, *ути*, *кайи*, *пёли*, *çити-çитми*, *пёли-пёлми*, *ути-утми* включает в ряд словоформ с выделительными аффиксами, не останавливаясь на значении аффикса *-и*; ср.: *кити*, *хулари*, *юлташанни*, *хёрги*, *лутри*, *виççёри* и т.д. [154, с. 28—29].

Мы же полагаем, что *-и* в словоформе *кури* «могущий видеть», *курми* «не могущий видеть» имплицитно выражает значение выделительности: *Кури* *куça* *курми* *туса ан çуре* «Не притворяйся невидящим, когда видишь». Ср.: *Пули-пулми хёрсемшён / Пар ут кўлсе ан тухár* (Фольк.) «Не выезжайте на паре запряженных лошадей ради девушек недостойных»; выделение: выезжать не ради случайных, а ради хороших, достойных девушек; *пули-пулми тавар* — выделение: не особого качества, а какой попался, возможно, плохой товар.

Формы выделения на *-и*, *-хи*, *-скер* наречий

Наречия с временным значением в словоизменении принимают в основном аффикс выделения *-хи*: *авалхи* «прежний, древний», *ёлэкхи* «старинный», *паянхи* «сегодняшний», *çулленхи* «ежегодный», *ёнерхи* «вчерашний», *ыранхи* «завтрашний», *яланхи* «постоянный, повседневный», *çёрлехи* «ночной», *пёркунхи* «недавнишний», *паçáрхи* «недавнишний», *хальхи* «нынешний», *кёçёрхи* (*каç*) «в этот, настоящий вечер».

Нужно отметить, что не все наречия времени употребляются с аффиксом выделения *-хи*: *тек* «постоянно», *çёркё* (диал.)

«минувшей ночью», час «скоро», ўлём «в будущем», вара «потом», таташ «постоянно, все время», анчах «только что», кёс «скоро» остаются вне системы выделения. Это говорит о том, что аффикс -хи в наречиях с временным значением выполняет роль формообразования, значит, наречия не имеют категории выделения, а имеющиеся немногочисленные примеры представляют некатегориальную форму выделения.

С аффиксом выделения -и выступают некоторые наречия образа действия: ахальли «простой, обыкновенный», аранни «тот, кто слаб».

Аффиксы выделения -и, -хи могут присоединяться и к маркированным основам: хуллентереххи «тот, кто помедленнее», ерипентереххи, ерипентерехскер «тот, медлительный», малти «тот, передний».

Принимая аффиксы выделения -и, -хи, -скер, наречия времени склоняются:

Осн.	<i>ёнерхи</i>	<i>нёттёрхи</i>	<i>хальхи</i>
Прит.	<i>ёнерхин</i>	<i>нёттёрхин</i>	<i>хальхин</i>
Дат.	<i>ёнерхине</i>	<i>нёттёрхине</i>	<i>хальхине</i>
Мест.	<i>ёнерхинче</i>	<i>нёттёрхинче</i>	<i>хальхинче</i>
Исх.	<i>ёнерхинчен</i>	<i>нёттёрхинчен</i>	<i>хальхинчен</i>
Твор.	<i>ёнерхине</i>	<i>нёттёрхине</i>	<i>хальхине</i>
Лиш.	<i>ёнерхисёр</i>	<i>нёттёрхисёр</i>	<i>хальхисёр</i>
Прич.	<i>ёнерхиишён</i>	<i>нёттёрхиишён</i>	<i>хальхиишён</i>

Выделительные формы наречий времени принимают аффикс множественного числа -сем и склоняются:

Осн.	<i>нёттёрхисем</i>	<i>нацáрхисем</i>	<i>ёнерхисем</i>
Прит.	<i>нёттёрхисен</i>	<i>нацáрхисен</i>	<i>ёнерхисен</i>
Дат.	<i>нёттёрхисене</i>	<i>нацáрхисене</i>	<i>ёнерхисене</i>
Мест.	<i>нёттёрхисенче</i>	<i>нацáрхисенче</i>	<i>ёнерхисенче</i>
Исх.	<i>нёттёрхисенчен</i>	<i>нацáрхисенчен</i>	<i>ёнерхисенчен</i>
Твор.	<i>нёттёрхисемпе</i>	<i>нацáрхисемпе</i>	<i>ёнерхисемпе</i>
Лиш.	<i>нёттёрхисемсёр</i>	<i>нацáрхисемсёр</i>	<i>ёнерхисемсёр</i>
Прич.	<i>нёттёрхисемшиён</i>	<i>нацáрхисемшиён</i>	<i>ёнерхисемшиён</i>

Склоняются также формы сравнения в форме выделения: *авалтараххи*, *анчахраххи*, *хальтерехскер*, *самайраххи*. Поскольку не все наречия (даже наречия времени) принимают аффиксы выделения -и, -хи, -скер, то такое склонение следует считать формообразовательным склонением.

Формы выделения на -и, -скер послелогов

В составе некоторых послелогов содержится элемент *-и*: *вали* «для», *сити* «до», *тери* «до», *пирки* «из-за», но трудно безоговорочно утверждать, что этот элемент — показатель выделения: *-и* в послелоге *вали* считается аффиксом принадлежности (ср.: *валē* «доля») [75, с. 46]. М.Р. Федотов корнем слова считает *вал [178, I, с. 98], а в слове *пирки* (*пирке*) он находит корень *пир*, но не уточняет сути аффикса *-и*: *пир-ки* или *пирк-и* [178, I, с. 433—434].

Часть послелогов открыто принимает аффиксы выделения *-и*, *-скер*: *евёрр-и*, *евёрскер* «подобно, наподобие»; *евёрлē + -и*, *-скер > евёрли*, *евёрлескер* «то, что похоже»; *пекки*, *пекскер* «то, что подобно»; *хирёцци*, *хирёцскер* «то, что напротив», *юнашарри*, *юнашарскер*; *ялта юнашарри* «то, что рядом с деревней»; *Пире хирёцсисем камсем?* «Кто находящиеся напротив?». Эти послелоги склоняются; принимая аффикс множественного числа *-сем*, образуют вторичное склонение. Неполно склоняемыми считаются: *тавра* (*Тавра չավրանսա շըրերմէր. — Таври таврах յնтē...* «Мы кружили вокруг. — Вокруг-то вокруг...»), *тэррх* (*урама тэррххи* «то, что вдоль улицы»), *урлай*: (*սուլա урли* «то, что поперец дороги», *уй урли* « тот, кто живёт через поле»).

Выделительное формообразование частиц *мар*, *չuk*, *пур* посредством аффиксов *-и*, *-скер*

Отрицательные частицы *мар*, *չuk* и утвердительная частица *пур*, находясь непосредственно после форм существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глагольных форм, могут принимать аффиксы *-и*, *-скер*:

а) после существительных: *Килте марри килте марах-ха վալ* «Он точно не дома»; *Ялта չսկինե պէլտէմէր* «Узнали, что его нет в деревне»; *Үкչи пуррине շարլамарէ* «О наличии денег умолчал»; *Килте հերարդ չսկսէր...* «Так как в доме нет женщины...»;

б) после прилагательных: *Лайҳ марри лайҳ марах յնтē* «Что нехорошо, то действительно нехорошо»; *Сывă марскер խանդրան յշէրկէլет* «Покашливает, поскольку нездоров»; *Хայолларахси пурри կামալա չէկլէտ* «Душа радуется оттого, что есть люди посмелее»;

в) после числительных: *Иккэн марри կுչ սմէնչէ* «Всем видно, что не вдвоём»; *Виշշէմէш թէ պորի պորն թէ լայլանտարչէ* «Всех успокоило то, что и третий есть»; *Виշշէշ չսկք տեղէր*

кун тин палāрчē «То, что троих нет, выяснилось на следующий день»;

г) после местоимений: *Манāн пурри паллā* «Известно, что у меня есть»; *Вēсен ук̄са չуккишēн кам айāплā* «Кто виноват в том, что у них нет денег»; *Пёччен марри халē паллā ёнтē* «Сейчас стало ясно, что не одинок».

Выделительное формообразование подражательных слов (мимем, имитативов)

Возьмем мимемы: 1) *лāр-лар* — подражание урчанию дерущихся щенят и *лāри-лари* — подражание оранью ребят [А, VIII, с. 122]; 2) *чāр-чар* — подражание щебетанью птиц, звону струек молока при доении коровы, подражание треску разрываемой бумаги и *чāри-чари* — подражание визгам, крикам неодинаковой силы; 3) *шāр-шар* — подражание резкому звуку разрываемой ткани и *шāри-шари* — подражание ржанью [ЧРС, с. 612], подражание крикам (плачу, шуму) множества лиц [А, XVII, с. 333].

Как видно из примеров, мимемы *лāр-лар* и *лāри-лари*, *чāр-чар* и *чāри-чари*, *шāр-шар* и *шāри-шари* отличаются не только по значению подражания, но и наличием постпозитивного *-и*, значение которого никем не определено, условно назовем его элементом выделения мимем.

Особый интерес вызывают примеры И.П. Павлова [118, с. 313–314]: *Пёри, майорё... питē вāрт-вартскер пулмалла* «Один из них, майор... видать, очень щустрый», где мимема *вāрт-вартскер* представлен в форме выделения на *-скер*; *Вēçкёнrehскер, ѹллттам-яллттамрахскер...* «Чуть хвастоват, к тому же проныра...», где словоформа имеет следующую схему: основа слова — мимема *ਊллттам-яллттам* + *-рах* (форма сравнения) + *-скер* (форма выделения).

Достойны внимания и такие примеры, как *хурсен кикакē* (*кикак* — подражание крику гусей журавлей), *уксах шим-шипē* (*шип-шипē*) (*шим-шип*, *шип-шип* — подражание писку цыплят, гусят), в которых элемент *-ё* не что иное, как элемент выделения, который одновременно выражает и значение аффикса 3 лица. Ср.: *хам-хам* — *хам-хамāм*, *хам-хаму*, *хам-хамē* (в значении «моя, твоя, его (её) собака»), *хам-хамсем* «собаки» (множественное число); *кикак* — *кикакāм*, *кикаку*, *кикакē* (в значении «мой, твой, его (её) гусь»), *кикаксем* «гуси».

По И.П. Павлову, эти мимемы употреблены в значении имен существительных по аналогии со словами *куккук* «кукушка», *чакак* «сорока» [118, с. 314].

* * *

Категория выделения в чувашском языке является уникальной грамматической стержневой и сквозной морфологической словоизменительной, формоизменительной категорией, следы ее проходят не только через знаменательные части речи, частично охвачены ею и подвергнуты формообразованию выделения также и послелоги, некоторые частицы и мимемы.

Заветной мечтой морфолога И.П. Павлова было описать эту «универсальную категорию» чувашского языка, увязав с отдельными частями речи, и выявить специфику категории в каждом отдельном случае. Однако И.П. Павлов не смог реализовать эту задачу. Он также оставил без полного ответа поставленные им самим вопросы: какие основания имеются для отнесения форм на *-и* (*-хи*) и на *-скер* в отдельную грамматическую категорию; каким частям речи присуща категория выделения и др. [123, с. 4, 10].

Отвечая на первый вопрос, он указал на «общие признаки», объединяющие формы на *-и* (*-хи*), *-скер* в одну категорию, и считал, что «суффиксы (термин И.П. Павлова. — В.С.) присоединяются обычно к одним и тем же основам слов и словоформам» [123, с. 10], допустив ошибку насчет аффикса *-хи*, который стоит особняком: нельзя сказать *кёр-и* (только *кёр-хи*), *сур-и* (только *сурхи* и т.д.). В то же время он указал, что категориальные выделения на *-и*, *-скер* отличаются друг от друга семантически: «если формы на *-и* выражают выделение предмета (добавим: лица. — В.С.) из общей среды, противопоставляя его по какому-то одному свойству, то формы на *-скер* обозначают предмет (и лицо. — В.С.), выделяя его из среды ему подобных по их характерному признаку, без какого-либо противопоставления». В позиционном отношении аффикс *-хи*, принятый И.П. Павловым за алломорф выделительного форманта *-и*, резко противостоит аффиксам *-и*, *-скер*, что дает право рассмотреть его только как формообразовательный аффикс. Прав он в том, что «формы на *-и* употребляются в речи намного продуктивнее, чем формы на *-скер*» [123, с. 11], добавим: и на *-хи*.

В учении И.П. Павлова не совсем верно высказывание «выделительные суффиксы могут употребляться со всеми словами нескольких частей речи» [123, с. 12]: аффикс *-хи* не участвует в выделении прилагательных, числительных, местоимений в качестве категориальной формы.

Категорию выделения мы можем назвать стержневой (главной) потому, что с этой категорией связаны такие важные морфологические категории, как категория множественного числа в формоизменении: *ял-т-и-сем* «деревенские», *сарр-и-сем* «жёлтые», *алл-р-и-сем* «те, кому пятьдесят (лет)»; *курнä-скер-сем*, «те, кто видел», *курасс-и-сем* «то, что предстоит увидеть», *вула-малл-и-сем* «то, что предстоит прочитать», *ман пекк-и-сем* «то, что наподобие меня».

Аффиксы выделения также тесно связаны с падежными аффиксами, выделительные формы являются образцом полного склонения слов тех частей речи, в которых выделение проявляется как категориальная форма. А у послелогов, частиц и мимем мы находим формообразовательное (некатегориальное) склонение.

Выделение проявляется и в аффиксах принадлежности, об этом мало кто писал. Говоря *кёнаке-м* «моя книга», я выражаю одновременно предмет обладания и лицо обладателя, выделяя свою книгу среди других книг; *кёнакү* «твоя книга» — подчёркнуто выделяю книгу своего собеседника; *кёнаки* «его (её) книга» — выделяю книгу 3 лица.

Исследователи чувашского языка нередко путают аффикс 3 лица *-и* с аффиксом выделения *-и*. При этом следует придерживаться правила: *-и* после основ существительных — аффикс принадлежности 3 лица, в формоизменении *шыв-р-и* формант *-и* — показатель выделения; в прилагательных (*хёрл-и*, *хёрлë-х-и*) в значении категории выделения; в числительных (в формоизменении: *хёрëх-p(e)-и* > *хёрëх-p-и*) формант *-и* — выделительный аффикс; в причастиях прошедшего (*вула-н-и*), будущего (*пул-асс-и*) времени *-и* — аффикс категориального выделения; а в послелогах (при словоизменении: *пекк-и*, *евёpp-и*) формант *-и* — показатель некатегориального выделения, то же и в частицах: *марр-и*, *сукк-и*, *пурр-и*.

Итак, основной категорией, «цементирующей» вокруг себя морфологические категории падежа, множественного числа, в чувашском языке является категория выделения, которой

нет в других тюркских языках, и «некатегориальные формы выделения» с точки зрения чувашского языка, проявляются в некоторых родственных языках [167, с. 360] посредством словообразовательного аффикса *-гы* (-*ге*, -*ку*, -*ке*): ср.: тат. *яз-* + *-гы* ~ чув. *çур-хи* «весенний» *көз* + *-ге* ~ чув. *кёр-хи* «осенний».

Сквозная стержневая категориальная форма множественного числа на *-сем*

Единичность и множественность — понятийные категории. Категории единственного числа нет, поскольку нет языкового морфологического выражения, мы не принимаем статус «нулевой морфемы». Множественное число — морфологическая категория, указывающая на множество предметов, лиц, явлений и состояний посредством аффикса *-сем* в чувашском языке (ср. с тюрк. *-лар* (*-лер*) и другими фонетическими вариантами).

Форма множественного числа существительных

Среди существительных аффикс *-сем* принимают все конкретные названия предметов (в том числе и заимствования): *уйсем*, *хирсем* «поля», *вårмансем* «леса», *ялсем* «села», *хуласем* «города». Л.П. Сергеев допускает [154, с. 277—278], что не принимают аффикса множественного числа *-сем*:

а) абстрактные имена на *-лăх* (-*лëх*): *хаваслăх* «радость», *хитрелĕх* «красота», *асамлăх* «волшебство», «магия», *вëскëнлĕх* «хвастовство», *çивëчлĕх* «бойкость», *сывлăх* «здоровье». Но иногда в диалектах и разговорной речи это допустимо: *Сывлăхсем епле?* «Как здоровье?»;

б) географические названия, имена и фамилии людей, названия планет. Но в фольклоре это правило нарушается: *Үйăхсем пулмин те, çылтăр нумай* «Хотя Луны не видно, звёзд много», где *уйăх* — корневая основа, *-ё* — показатель 3 лица некатегориальной формы принадлежности, *-сем* — аффикс множественного числа;

в) неисчисляемые существительные: *тусан* «пыль», *сëт* «молоко», *уйран* «айран», *турăх* «простокваша», *сăра* «пиво», *çанăх* «мука», *çым* «шерсть».

По первому пункту Л.П. Сергеев отчасти прав, но, по данным Н.И. Ашмарина [21, I, с. 66—85] и нашим наблюдениям, в фольклорных и литературных произведениях, а также в разговорной речи это нарушается: *Яккусем* «Яков и его семья»;

Куркари сәрисене сәтел җинчи витрене ярасъё «Пиво, которое в ковшах, выливают в ведро» [21, I, с. 66, 73];

Шывсем җинче, ёёр җинче

Хұса тұлса вайл тәратть (К. Ив.)

«На морях (букв.: на водах) и на суше

Он является владыкой»;

Сәткенлә пулчар улмисем,

Пәр хүртсәр, тап-таса,

Ивановсем те Җеңпәлсем

Тұманччар мұхтаса (Н. Сандров)

«Пусть будут сочными яблоки,

Без червей, чисты.

Пусть пробуют их, хваля,

Ивановы и Сеспели» (т.е. такие люди, как Иванов и Сеспель. — В.С.);

Вара сан хыңсан құрәнассё

Кавказан пәрлә тәвәсем,

Севан күлли, Карели қаңсё,

Рязань, Воронеж, Пензасем (Н. Сандров)

«И за тобой виднеются

Кавказа ледяные горы.

И озеро Севан, карельские ночи,

Рязань, Воронеж, Пензы» (т.е. подобные Пензе города. — В.С.);

Сывләхсем мәнле, Иван Петрович? (Игнатьев) «Как здоровье, Иван Петрович?» (здоровье — в форме множественного числа. — В.С.);

Вәрәм сүссем чиркүсенче

Уна пекех сұхарассё (Шелеби)

«Длинноволосые в церквях

Медвежьим голосом орут».

Эти примеры говорят о том, что показатель множественного числа -сем обладает тотальностью употребления и по праву носит название форманта словаизменительной категории множественного числа. Данное явление отчасти распространяется на формоизменение; ср. модели:

а) основа слова + падежные аффиксы + аффикс выделения -и или -скер + -сем: *ял-т-и-сем* «деревенские; те, кто находится в деревне»; *хула-ри-сем* «те, кто в городе; городские»; *хұса-сәрр-и-сем* «бесхозные; не имеющие хозяина»; *шывшайнн-и-сем*

«те, кто хочет воды». Такая модель не характерна для дательного и творительного падежей;

б) основа слова + аффиксы принадлежности + *-сем*: *ача-м-сем* «мои дети», *ач-у-сем* «твои дети», *ач-и-сем* «его (ее) дети; *ачамäрсем* «наши дети», *ачäрсем* «ваши дети», *ачисем* «их дети». Имена существительные с аффиксами принадлежности склоняются и во множественном числе:

Осн.	<i>хёрёмсем</i>	<i>ывäläмäрсем</i>	<i>ывäläрсем</i>
Прит.	<i>хёрёмсен(ён)</i>	<i>ывäläмäрсен(ён)</i>	<i>ывäläрсен(ён)</i>
Дат.	<i>хёрёмсene</i>	<i>ывäläмäрсene</i>	<i>ывäläрсene</i>
Мест.	<i>хёрёмсенче</i>	<i>ывäläмäрсенче</i>	<i>ывäläрсенче</i>
Исх.	<i>хёрёмсенчен</i>	<i>ывäläмäрсенчен</i>	<i>ывäläрсенчен</i>
Твор.	<i>хёрёмсемпе</i>	<i>ывäläмäрсемпе</i>	<i>ывäläрсемпе</i>
Лиш.	<i>хёрёмсемсёр</i>	<i>ывäläмäрсемсёр</i>	<i>ывäläрсемсёр</i>
Прич.	<i>хёрёмсемишён</i>	<i>ывäläмäрсемишён</i>	<i>ывäläрсемишён</i>

В примерах *ёне-м-сем*, *ён-ў-сем*, *ён-и-сем*, как утверждают чувашеведы, предмет обладания стоит во множественном числе, а обладатель в единственном; а в примерах *ача-м-äр-сем*, *ач-äр-сем* — предмет обладания и обладатель стоят во множественном числе. Таким образом, в формах принадлежности 1 и 2 лица показатель множественного числа *-äр* выражает лицо и число обладателя, а в 3 лице *-сем* (показатель числа предмета обладания);

в) основа слова + аффикс обладания *-lä* (*-лë*) + *-скер*: *ятлäскер* (существительное *ят* «имя» + *-lä* + *-скер*, далее + *-сем* + падежные аффиксы: *Ялтах, инсе мар* — Чакка *ятлäскер* (Эльгер). «В деревне же, недалеко, по имени Чакка»). Существительные в форме обладания на *-lä* (*-лë*) могут принимать аффиксы *-и*, *-скер* и склоняться, склоняются они и в форме множественного числа с аффиксом *-сем*: *шинеллëскер*, *пальтолли*, *шёлепкеллëскерсем*, *моторлисем*.

Форма множественного числа прилагательных

В качестве прилагательных мы признаем только качественные.

Принимают формант *-сем* субстантированные (самостоятельные) прилагательные в предметном и личном значениях: *вантäсем* «старики», *яшсем* «молодые, молодёжь», *ырдсем* «добрые духи», *ухмахсем* «глупцы».

Аффиксы *-и*, *-скер* при прилагательных являются средством предметного наименования, т.е. служат номинативной цели,

в таком положении они способны принимать аффиксы множественного числа и выступать в значении лиц (*äслисем* «умники; те, кто умён»; *шуррисем* «белогвардейцы; те, что белые»; *хёrlисем* «красногвардейцы; те, что красные») и в предметном значении (*Вäрманта тёрлë чечек пур: саррисем, шуррисем, кäваккисем, хёrlисем* «В лесу есть разные цветы: жёлтые, белые, голубые, красные»). Эти формы могут быть усложнены аффиксом сравнения *-рах (-рех)*: *äслäраххисем* «те, кто умнее»; *чиптерехскерсем* «те, кто пригоже», *хитрепехскерсем* «те, кто красивее» (в значении лиц); *тачкарахскерсем* «те, кто толще» (в предметном значении и в значении лиц).

Н.А. Андреев в словоформах *асли* «старший», *кёсэнни* «младший», *аслисем* «старшие» усматривает субстантивные прилагательные, но аффикс *-и* считает аффиксом принадлежности [15, с. 105], не учитывая, что в прилагательных этот формант является аффиксом выделения.

В чувашеведении не отмечается наличие множественного числа у прилагательных из-за того, что не принимается в расчёт процесс (явление) формоизменения. В прилагательных после аффиксов выделения *-и*, *-скер* всегда может стоять аффикс множественного числа *-сем*. Это говорит о том, что в словоизменении прилагательных нет категории множественного числа, а в формоизменении этот материал достаточно фактичен.

Словоформы по модели «основа слова (прилагательное) + *-и* (или *-скер*)», а также их формы множественного числа склоняются:

Осн.	<i>äсли</i>	<i>äслисем</i>	<i>ырäскерсем</i>
Прит.	<i>äслин</i>	<i>äслисен</i>	<i>ырäскерсен</i>
Дат.	<i>äслине</i>	<i>äслисене</i>	<i>ырäскерсене</i>
Мест.	<i>äслинче</i>	<i>äслисенче</i>	<i>ырäскерсенче</i>
Исх.	<i>äслинчен</i>	<i>äслисенчен</i>	<i>ырäскерсенчен</i>
Твор.	<i>äслине</i>	<i>äслисемне</i>	<i>ырäскерсемне</i>
Лиш.	<i>äслисёр</i>	<i>äслисемсёр</i>	<i>ырäскерсемсёр</i>
Прич.	<i>äслишён</i>	<i>äслисемишён</i>	<i>ырäскерсемишён</i>

Таким образом, в формоизменительной морфологии у прилагательных проявляется как категория множественного числа, так и категория падежа, о которых до сих пор не говорилось.

Форма множественного числа числительных

Числительные могут принимать формант множественного числа как в словоизменении, так и в формоизменении. В словоизменении отвлеченные количественные, т.е. субстантивные, числительные во множественном числе употребляются для указания приблизительности времени: *вуннäсем тёлне кил* «приходи к часам десяти»; приблизительного возраста: *уттäл-сем енне кайнä арсын* «мужчина лет шестидесяти»; приблизительности счёта денег: *нёр вунä пинсем пулмалла* «может быть около десяти тысяч рублей»; оценки: «*иккëсем* *ан ил* «не получай “двоек”».

В формоизменении аффикс *-сем* при субстантивных числительных следует за сочетанием аффикса местного падежа *-m*, *-p*, *-ч* и аффикса выделения *-и*: *вätäртисем* «те, кому тридцать», *алläрисем* «пятидесятилетние», *çитмёлсенчисем* «те, кому около семидесяти» (и все они склоняются), а также за числительными в форме категории порядковости *-мëш*: *пëрмёшсем* «первоклассники, первокурсники», *пëрремёшсем* «передовики». Все эти формы: *пëрмёшсем*, *иккëмёшсем*, *виçсёмёшсем* и т.д. — склоняются.

Личные формы числительных *иксёp*, *иккëшёp*, *иксёмёp* попадают под разряд формообразовательных, но они имеют полную падежную парадигму с показателем множественности *-äp* (*-ëp*): *иксёмёpён*, *иксёpэн*, *иккëшёpэн* и т.д.

В формообразовании числительных известны словоформы с аффиксами выделения *-и*, *-хи*: *нёр-и* «один из них» и *пирвайхи* «первый», которые также обладают полной парадигмой склонения, образуя своего рода падежное формоизменение в пределах формообразовательных типов. Считается, что *пирвайхи* произошло от русского *впервой* в значении «в первый раз» [178, I, с. 434], но корень *пир* все же, на наш взгляд, восходит к тюркскому *пир* «один».

Осн.	<i>нёри</i>	<i>пирвайхи</i> (<i>пирвайхи</i> , <i>первойхи</i>)
Прит.	<i>нёрин</i>	<i>пирвайхин</i>
Дат.	<i>нёрине</i>	<i>пирвайхине</i>
Мест.	<i>нёринче</i>	<i>пирвайхинче</i>
Исх.	<i>нёринчен</i>	<i>пирвайхинчен</i>
Твор.	<i>нёринте</i>	<i>пирвайхите</i> или <i>пирвайхинне</i>
Лиш.	<i>нёринсёp</i>	<i>пирвайхисёp</i>
Прич.	<i>нёриншёpэн</i>	<i>пирвайхиишёpэн</i>

Осн.	<i>пёрисем</i>	<i>пирвайхисем</i>
Прит.	<i>пёрисен</i>	<i>пирвайхисен</i>
Дат.	<i>пёрисене</i>	<i>пирвайхисене</i>
Мест.	<i>пёрисенче</i>	<i>пирвайхисенче</i>
Исх.	<i>пёрисенчен</i>	<i>пирвайхисенчен</i>
Твор.	<i>пёрисемпе</i>	<i>пирвайхисемпе</i>
Лиш.	<i>пёрисемсёр</i>	<i>пирвайхисемсёр</i>
Прич.	<i>пёрисемшиён</i>	<i>пирвайхисемшиён</i>

Форма множественного числа местоимений

В словоизменении форма множественного числа личных местоимений 1 и 2 лица образуется с помощью аффикса колективной множественности *-р*: *эн-р* «мы», *эс-р* «вы», а возвратных местоимений — с помощью аффикса *-ár*: *хам-ár* «мы сами», *хайвár* «вы сами». Формы множественного числа личных и лично-возвратных местоимений *вайл* и *хай* образуются с помощью аффикса коллективизированной множественности *-сем* [17, с. 125]. Указательные и вопросительные местоимения множественное число образуют с помощью аффикса *-сем*.

В формоизменении: субстантированные формы *пирённисем* «наши», *сирённисем* «ваши», *вёсеннисем* «их» имеют полное склонение, то же самое можно сказать о словоформах *хамáрэннисем* «свои; наши», *хайвáрэннисем* «свои; ваши», *хайсеннисем* «свои; их».

Притяжательные местоимения в форме выделения на *-и*: *ма-нинни*, *сананни*, *унанни*, *пирённи*, *сирённи*, *вёсеннини*; *хаманни*, *хайвáнни*, *хайянни*, *хамáрэнни*, *хайвáрэнни*, *хайсенни*, оформляясь с аффиксом *-сем*, склоняются.

Форма множественного числа глаголов

Тему множественного числа с аффиксом *-сем* в категориальных глагольных формах причастий (*вулани-сем* «то, что прочитано», *вулассисем* «то, что предстоит прочитать» и т.д.) мы освещаем в частях, посвящённых категории выделения этих форм (с. 316—321).

В спряжении личных форм глагола выразителем множественного числа является формант *-ár* (*-ёр*) в настоящем, будущем, прошедшем времени: *вулатпár*, *вулáпár*, *вуларáмár*; в повелительном наклонении *-ар* (*-ер*): *вул(a)-ар*, *пёл-ер*; в сослагательном наклонении *-ár* (*-ёр*): *сыряттмáр*, *илемттёмér*.

Сквозные нестержневые категориальные формы

Формы на -чē (-ччē)

В словоизменении:

- а) существительных: *студентчē* (Эпē ун чухне *студентчē* «Я в то время был студентом»); *Петёрччē* (*Юрлаканē* — *Петёрччē*, *ташлаканē* — *Яккуччē* «Петр был певцом, а Яков — танцором»); *Шупашкарччē* (*Юратнā хулам Шупашкарччē* «Моим любимым городом были Чебоксары»);
- б) прилагательных: *хитреччē* «был красивым», *çүллэччē* «был высоким», *яштакаччē* «был стройным»;
- в) числительных: *виççёччē* «было три», *вүннäччē* «было десять»;
- г) местоимений: *эпёччē* «был я», *эсёччē* «был ты», *вälччē* «был он»;
- д) наречий: *ёнерччē* «было вчера», *авалччē* «было давно».

В формоизменении:

- а) существительных — после всех падежных аффиксов, после формы множественного числа на *-сем*, после всех аффиксов категории принадлежности: *ачасäрччē* «был без ребёнка», *ачашäнччē* «хотел(а) ребёнка», *ачапаччē* «был(а) с ребёнком», *ачасемччē* «были детьми», *ачиччē* «был его (её) ребёнком»;
- б) прилагательных — после категории сравнения на *-рakh* (*-рех*), *-тарах* (*-терех*): *асläрахчē* «был немного старше»; после категории выделения: *äсличчē* (чи *äсличчē* «был самым умным»);
- в) числительных — после падежных аффиксов: *виççё-ре-ччē* «был трёх лет»; после аффикса категории порядковых числительных: *нёрремёшчē* «был первым»; после категории разделительных числительных: *пилёкшерччē*, *пиллёкшерччē* «было по пяти»; после аффикса категории образа действия на *-än* (*-ён*, *-н*): *Этир виççёнччē* «Нас было трое»;

- г) местоимений: *этирччē*, *хамäрччē* «мы сами были»; *Ку кёне-ке манайнччē* «Эта книга была моей»; *санашкалччē* «был похожим на тебя», *манашкалскерччē* «был подобным мне»; *Укça-тенкé хамтахччē* «Деньги были при мне»; *çаксемччē* «были эти», *çакнашкалтарахччē* «был подобен этому»;

- д) наречий: *түпемиехччē* «было (наполнено) доверху», *ёлëк-хиччē*, *ёлëкхиехччē*: *Çурчё ёлëкхиехччē* «Дом был старинным», *ёнерхиехччē* «был вчерашним».

Формы усиления на -ах (-ex, -x)

В словоизменении:

- а) существительных: *Ача ачах* «Ребёнок есть ребёнок»; *Сын сынах* «Человек есть человек»;
- б) прилагательных: *Хитре хитрех ёнтө* «Красивый; на самом деле красивый»;
- в) числительных: *Виççë виççех* «Тройка и есть тройка»;
- г) местоимений: *валах* «действительно он», *эсех* «на самом деле ты»;
- д) глаголов: *утах* «шагай же», *чулах* «беги же», *вулах* «читай же»;
- е) наречий: *ёнерех* «вчера же», *ыранах* «завтра же», *сасартыхах* «вдруг». Некоторые языковеды аффикс *-ах* (*-ex*, *-x*) включают в состав основы наречий: *вуçех*, *пачах*, *пуçепех*, *часах*, *кăлăхах*, *таках*, *юриех* [118, с. 297; 154, с. 402], что весьма сомнительно.

В формоизменении:

- а) существительных — после всех падежных аффиксов, после аффикса *-сем*, после всех формантов категории принадлежности: *ачасăрах* «без ребёнка же», *ачапах* «с ребёнком же», *ачанах* «у ребёнка же», *ачарах* «ребёнок ещё», *куштемех*, *пускилсемех*;
- б) прилагательных — после аффиксов выделения: *хĕрлиех*, *симĕсскерех*, *хыткантараххиех*; после аффикса категории сравнения на *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*): *начартараахах* «действительно слабее», *аванраахах* «в действительности лучше»; после аффиксов выделения: *пысăккиех*, *пысăкскерех* «тот же, кто высок»; после аффикса категории образа действия на *-än* (*-эн*, *-н*): *пĕчĕккĕнех* «мало-помалу, помалу, понемногу», *пысăккăнах* «крупно, помногу»;
- в) местоимений — после падежных аффиксов: *манах* «мне же», *санах* «тебе же», *манрах*, *манранах*, *маннăрах*, *манишнăх*; после аффиксов множественного числа на *-р*, *-är*, *-сем*: *этрех*, *эсĕрех*, *вĕсемех*, *хамăрах*, *хайсемех*; после аффикса категории уподобления на *-шкал* (*-шкел*): *манашкалах*, *санашкалах*, *унашкалах*, *չакнашкалах*; после аффикса выделения: *пирĕнниех* «на самом деле наш», *санниех*, *вĕсенниех*, *хамăранниех*; после аффикса сравнения: *хамăрашкалтарахах*, *сир-нешкелтерехех*;
- г) категориальных форм причастий и деепричастий (глаголов): *курентерекенех* (сук) «обзывающих (нет)»; *Кайнă кайнах*

«Раз уж пошли (поехали)»; *Ҫитнә ѡёре ҫитетсех* «Нужно дойти (доехать) до места»; *Ырми-канмиех ан ёсле* «Не работай без отдыха»; *Эсә итлеменсиех, пәлменсиех нул* «Ты притворись неслышащим, незнающим».

Падежные формы

При словоизменении и в особенности при формоизменении падежные аффиксы при полном склонении словоформ могут быть сквозными (проходящими через несколько частей речи):

а) склонение (в словоизменении) существительных, субстантивных числительных, местоимений:

Осн.	<i>этем</i>	<i>вуннә</i>	<i>ҫав</i>	<i>хам</i>
Прит.	<i>этемён</i>	<i>вуннән (çурри түлләк)</i>	<i>ҫавайн</i>	<i>хамайн</i>
Дат.	<i>этеме</i>	<i>вунна (ҫит)</i>	<i>ҫавна</i>	<i>хама</i>
Мест.	<i>этемре</i>	<i>вуннәра</i>	<i>ҫавантара</i>	<i>хамара</i>
Исх.	<i>этемрен</i>	<i>вуннәран</i>	<i>ҫавантан</i>	<i>хамран</i>
Твор.	<i>этемпе</i>	<i>вуннәпа</i>	<i>ҫаванпа</i>	<i>хампа</i>
Лиш.	<i>этемсёр</i>	<i>вуннәсәр</i>	<i>ҫавансәр</i>	<i>хамсәр</i>
Прич.	<i>этемшён</i>	<i>вуннәшән</i>	<i>ҫаваншән</i>	<i>хамишән</i>

В склонении слова *ир* «утро» форма местного падежа отсутствует.

б) склонение (в формоизменении) выделительных форм на *-и*, *-скер* имён существительных, прилагательных, числительных, местоимений, причастий, а также формы множественного числа на *-сем*:

Осн.	<i>ялти</i>	<i>пысäкки</i>	<i>иккёри</i>	<i>пирэнни</i>	<i>вулаканни</i>
Прит.	<i>ялтин</i>	<i>пысäккин</i>	<i>иккёрин</i>	<i>пирэннин</i>	<i>вулаканнин</i>
Дат.	<i>ялтине</i>	<i>пысäккине</i>	<i>иккёрине</i>	<i>пирэнни</i>	<i>вулаканнине</i>
Мест.	<i>ялтинче</i>	<i>пысäккинче</i>	<i>иккёринче</i>	<i>пирэннинче</i>	<i>вулаканнинче</i>
Исх.	<i>ялтинчен</i>	<i>пысäккинчен</i>	<i>иккёринчен</i>	<i>пирэннинчен</i>	<i>вулаканнинчен</i>
Твор.	<i>ялтипе</i>	<i>пысäккипе</i>	<i>иккёрипе</i>	<i>пирэннипе</i>	<i>вулаканнинпе</i>
Лиш.	<i>ялтисёр</i>	<i>пысäккисёр</i>	<i>иккёрисёр</i>	<i>пирэннисёр</i>	<i>вулаканнисёр</i>
Прич.	<i>ялтишён</i>	<i>пысäккишён</i>	<i>иккёришён</i>	<i>пирэннишён</i>	<i>вулаканнишён</i>

Основы некоторых прилагательных при словоизменении могут принять выборочно только аффиксы дательного, местного, исходного, творительного, причинно-целевого падежей.

Как ни странно, категориальная форма образа действия на *-айн* (-ён) прилагательных (*вайлайн*), числительных (*иккён*) и некатегориальные формы существительных (*вэрманайн курэн*) не принимают аффиксов падежей; известны лишь формы исходного падежа на *-тан* (-тен): *иккёйтэн*, *виççёнтэн* *пёри* «один из нас двоих, троих»; *Кучикле иккёйтэн кая вылямаççё* «В игру “кучик” играют не меньше, чем двое» [А, III, с. 96].

в) формоизменительное формообразование — послелоги (выборочно) *пек* (*пекки*, *пекскер*), *евёр* (*евёрри*, *евёрскер*), *юнашар* в форме выделения на *-и*, *-скер*: *ман пекки*, *сан пеккин*, *ун пеккине*, *пенал пеккинче*, *вёсен пеккинчен*, *сан пеккине*, *лешён пеккисёр*, *вёсен пеккишён*, *манпа юнашарри*, *юнашаррин*, *юнашаррине*;

г) частицы *мар*, *çук*, *пур*, находясь непосредственно после существительного или прилагательного, иногда принимают формы сравнения, выделения (*лайдх марскер*, *лайдх мартарааххи*; *килте çукки*, *ялта çукскер*, *йсё пурри* и т.п.) и склоняются.

Частицы *пур*, *çук* иногда называются предикативными словами, что не вполне соответствует истине, ибо термин «предикативный» означает «сказуемостный», т.е. сказуемостное употребление слова [19, с. 346, 416]. В чувашском языке слова *пур*, *çук* выражают не только сказуемость, т.е. предикативность; ими выражаются и определения [19, с. 291]. Возьмём пословицу: *Пур çын пуршайн кулянать*, *çук çын çукишайн кулянать* «Имущий человек горюет из-за изобилия, неимущий горюет из-за скучности». По-другому: *Çук çын çукишайн кулянать*, *пур çын пуршайн кулянать* «Бедняк (букв.: бедный человек) — богатством». В этих предложениях *пур*, *çук* являются не частичками, они выполняют функцию определения, занимая место прилагательного. Как и прилагательные, они принимают аффикс сравнения: *пуртараахисем* [А, IX, с. 298] «более зажиточные», *çукараахисем* «те, кто победнее», *пуртараах çын*, *çукараах çын*. Принимая аффиксы выделения *-и*, *-скер*, они частично субстантивируются: *Çукки çукпа çитермест*, *пурри вёсене сухана күлес çук-ха тесе çитермест* [А, XII, с. 206] «Бедняк не кормит [лошадей], потому что нечем, а богач не кормит с отговоркой, что их не впрягают в пахоту»; ср.: *çукки-пурри* [А, XII, с. 206] «богатые и бедные».

* * *

В словоизменительной морфологии чувашского языка категория выделения проявляется только у прилагательных: *асли* «старший», *лайăххи*, *лайăхскер* «хороший», и основана она на принципе тотальности употребления форм выделительности.

Субкатегориальные падежные аффиксы следуют за категориальной формой выделения. Слова в категориальной форме выделения, принимая категориальную форму множественности *-сем*, склоняются, аффиксы падежей следуют за аффиксом *-сем*, выстраивая формы по модели: основа имени прилагательного + аффиксы выделения *-и*, *-скер* + *-сем* + все падежные аффиксы. Это образец формоизменения, к которому относятся и словоформы: *хитре-рехх-и-сем-не*, *хитре-рехх-и-се-н-че*, *хитре-рехх-и-сем-шён* и т.п.

В формоизменительной морфологии чувашского языка основной категорией, «цементирующей» вокруг себя другие категориальные формы, является категория выделения, ибо категория падежа и множественное число зависимы от неё. Падежные аффиксы могут предшествовать показателям выделения *-и*, *-хи*, *-скер* (*ял-та-скер*, *ял-т-и*) или следовать непосредственно за аффиксами выделения (*илемлे-скер-ён*, *вăрăмм-и-н*); категориальная форма множественного числа на *-сем* не может быть впереди выделительных форм, её место только в постпозиции — за показателями выделения.

Категории выделения в других тюркских языках нет. Монгольские формы выделения на *-ки* (*-ке*) не так продуктивны, как чувашские, то же самое следует сказать о форме выделения в удмуртском языке. Насчет венгерской формы выделения на *-ik* предстоит выяснить.

Свое развитие категория выделения, по мнению И.П. Павлова, получила еще в то время, когда чуваши находились на своей прародине, в соседстве с монголами [123, с. 3]. Но автор не вполне уверен в этом: «И надо полагать, что она (категория выделения. — В.С.) появилась в языке относительно недавно». И далее: «В современном чувашском языке суффикс *-и* употребляется намного продуктивнее, чем общеалтайский *-ki*» [123, с. 7].

Выше мы писали о том, что И.П. Павлов оставил без ответа ряд поставленных им же вопросов [123, с. 4]. Ответ на вопрос о том, какие основания имеются для отнесения форм на *-и* (*-хи*),

-скер в отдельную грамматическую категорию, по нашему мнению, таков: по принципу тотальности употребления аффиксы *-и*, *-скер* в прилагательных (в словоизменении и формоизменении) являются фиксаторами категории выделения, а аффикс *-хи* с прилагательными вовсе не употребляется; в словоформе *лайðх-рахх-и* нет аффикса *-хи*, здесь явление геминации звука *х* в аффиксе *-рах*. А на вопрос, каким частям речи присуща категория выделения, ответ будет следующим: прилагательным — как в словоизменении, так и в формоизменении; другим частям речи: существительным, местоимениям, числительным и глагольным категориальными формам причастий и деепричастий — присуща формоизменительная категория выделения. На вопрос о месте категории выделения среди других грамматических категорий, ответим так: центральное место, так как в формоизменительной морфологии «всё крутится вокруг этой категории».

Для существительных основными считаются категории падежа, множественности и принадлежности. Особый интерес представляет категория принадлежности, присущая только существительным, поэтому даже не возникает вопрос о том, каким частям речи присуща категория принадлежности. С аффиксами принадлежности тесно связаны аффиксы падежей и показатель множественного числа *-сем*, но, в отличие от категории выделения, категория принадлежности не является сквозной, ей не присуща распространенность среди других частей речи, имеются только некатегориальные формы лица числительных: *иксёмер*, *иксёр*, *иккёшё* и др., также *пурсамэр*, *пурсамэр та*, *пурсэр*, *пурёшё* от местоимения *пур*, *пурте*.

Форма множественного числа на *-сем* является сквозной (проходящей почти через все части речи), но не стержневой и охватывает несколько частей речи, в основном в связи с категорией выделения. То же следует сказать об аффиксах падежей, хотя склоняемыми являются основы существительных, субстантивных числительных и местоимений.

Сквозными, но не главными, а побочными категориальными формами являются категория времени на *-чё* (*-ччё*) и категория усиления на *-ах* (*-ex*, *-x*), которые обычно выступают в финале словоформ.

У предмета или лица могут быть связи с прошедшим временем, оформленными с помощью аффикса *-чё* (*-ччё*), и усиле-

нием, показателем которого выступает формант *-ax* (*-ex*, *-x*), но не всегда (например, связь предмета или лица с временем не является постоянной, обязательной, необходимой). Ими пользуются по мере необходимости, в соответствии с контекстом, связанным с реалиями жизни.

На вопрос И.П. Павлова о том, почему личные формы имен числительных или местоимений в грамматиках не рассматривают как отдельную грамматическую категорию [124, с. 5], мы отчасти дали ответ. Уточним: если исходить из положения, что категория распространяется на все множество элементов части речи (подчиняется принципу тотальности употребления), то, что числительные только от двух до семи принимают аффикс 2 лица множественного числа *-ār* (*-ēr*), местоимения *nur*, *nurte* не могут образовать категорию лица, а также принцип избирательности употребления аффикса лица *-ār* (*-ēr*) вынуждают нас признать формы *ikcēmēr*, *ikcēr*, *ikkēšē* (и подобные формы числительных до семи) и *nurcāmār*, *nurcār*, *nurē* (*nurēshē*) некатегориальными формами лица при формообразовании.

Раздел 3

ГРАММАТИКА ПОРЯДКОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Общие замечания

Последовательность аффиксов в чувашских (шире — тюркских) словоформах — явление объективное, исторически обусловленное, отражает своеобразие процесса развития словоформ, именно поэтому она может быть объектом специального лингвистического исследования, объектом грамматики порядков. Морфемный анализ, направленный на установление последовательности морфем, на описание их позиционных характеристик, как нельзя лучше подходит для исследования агглютинирующих языков, в число которых входит и чувашский язык.

Метод описания морфемной структуры в виде упорядоченной «цепочки» элементов известен под разными названиями: дистрибутивный анализ, метод грамматики порядков, методика порядкового членения, анализ ранговой структуры морфем. Здесь мы сталкиваемся с порядковым членением морфем, который целесообразно применять, как пишет А.М. Шербак, «когда принцип построения словоформ является линейным, когда каждая элементарная единица плана выражения более или менее строго соотнесена с элементарной единицей плана содержания, т.е. когда исследуются агглютинативные языки» [192, с. 39—43].

Грамматика порядков рассматривает сложный языковой знак как упорядоченную цепочку простых знаков (элементов), позиция этих элементов имеет большое значение для определения его семантики, при этом последовательность элементов считается стабильной (в нашем случае мы наблюдаем относительно строгий порядок следования морфем). Рассмотрение позиционных характеристик аффиксальных морфем чувашского языка даёт возможность разделить такие явления, как словоизменение, формообразование, словоформоизменение (кратко: формоизменение), категориальная и некатегориальная форма.

Категориальные и некатегориальные формы

Исследования по морфологии чувашского языка (туркских языков) проводились в большинстве случаев в традиционном плане. Многие даже сейчас свои грамматические учения создают подобно образцам грамматик индоевропейских языков, сохранив всю терминологию и описывая при этом материал тюркских языков. Их логика такова: если в индоевропейских языках существует категория единственного числа существительных, то она должна быть и в тюркских языках; глагол в русском языке немыслим вне залога, значит, в тюркских языках происходит то же самое; в русском языке четко противопоставлены видовые формы глагола, поэтому в тюркских языках категория вида обязательна; категория дефинитивности не может отсутствовать в морфологической системе тюркских языков, ибо она известна в индоевропейских языках; в русском языке есть переходность и непереходность глаголов, такое свойство глагола должно быть характерно для тюркских языков; если прилагательным в русском языке присущи степени сравнения, то и в тюркских языках они не могут остаться вне этой категории; в русском языке есть разряд относительных прилагательных, значит, он необходим и в тюркских.

При такой методике исследования на первое место выходит терминология иносистемных языков, а не сам языковой материал. На наш взгляд, исследователь, исходя из содержания общей структуры тюркских (агглютинативных) языков, должен излагать материал сообразно наличию его в том или ином языке. Естественно, в различных языках могут и должны быть какие-то универсальные категории, и поэтому в этих случаях целесообразно отчасти сохранить единство онтологии общих универсалий и соответствующую общую терминологию. Но это вовсе не значит, что в исследуемом языке мы должны обнаружить только универсальные категории, присущие индоевропейским языкам [133, с. 181].

Приведем несколько цитат из трудов авторитетных языковедов. «Видеть в известном языке без всяких дальнейших окличностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обусловливая его строй и состав» [38, с. 4]; «...сами категории могут значительно различаться от языка к языку, если подходить к каждому из них

как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков» [188, с. 78]; «Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира» [46, с. 9].

Даже признавая справедливость этих слов, исследователи иногда не могут освободиться из плена «традиционности» и подойти к исследованию материала описываемого языка творчески.

Первоочередной задачей при исследовании морфологических вопросов конкретного языка следует считать выявление в данном языке системы грамматических категорий — основного костяка его морфологического строя. Мы считаем, что морфологические категории, присущие частям речи, их функции и структура должны быть центральным объектом грамматического исследования. При этом уместно вспомнить слова Л.В. Щербы: «...грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...» [188, с. 79—80].

Основным элементом грамматического строя является грамматическая категория, представляющая собой единство формы и содержания, при исследовании морфологии на первое место должен быть выдвинут вопрос о морфологических категориях. В существующих ныне научных грамматиках тюркских языков (в том числе и чувашского) категориальные формы упоминаются, но нет научной формулировки морфологической категории или категориальной формы. В рекомендациях IV Всесоюзной тюркологической конференции особо отмечено: «Для всех разделов тюркского языкознания насущной задачей является дальнейшее продвижение в теоретических исследованиях. Острые разногласия среди специалистов, показывающие все еще неудовлетворительное состояние решения теоретических аспектов, вызывают такие вопросы, как словообразование и формообразование, части речи и служебные слова, особенности грамматических категорий тюркского языкового строя» [96, с. 92]. Неудовлетворительное состояние решения теоретических вопросов, касающихся морфологических категорий, подчеркнуто в статье «Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет»: «...анализ и истолкование основных морфологических категорий далеко ещё не являются совершенными. Необходима в ближайшее же время организация специальных дискуссий как по общей структуре морфологии тюркских языков... так и по отдельным морфологическим категориям» [173, с. 10].

Неизученность словоизменительных категорий привела к тому, что исследователи перестали видеть их мотивирующую роль при определении классифицирующих лексико-грамматических категорий, т.е. категория частей речи оказалась в отрыве от словоизменительных или частнограмматических. Поэтому различительным признаком для частей речи рекомендовано считать признак синтаксический, а не морфологический. Между тем частнограмматические категориальные и некатегориальные формы являются составными и неотъемлемыми компонентами классифицирующих категорий. Только исследуя эти вопросы с точки зрения двуединства, можно достичь заметных результатов в морфологии.

Таким образом, вопрос о словоизменительных и формоизменительных категориальных и формообразующих некатегориальных формах в тюркских языках (в том числе и в чувашском) является актуальным.

Система языка не является жесткой, в ней содержится множество переходных явлений, занимающих промежуточное положение между различными категориями. Ввиду гибкости языковой системы иногда возникают трудности разграничения грамматических явлений. Казалось бы, между морфологией и синтаксисом как разделами языка существует довольно четкая разница. Ведь морфологией называется раздел грамматики, изучающий слова со стороны их внутренней словоизменительной, формоизменительной и формообразовательной структуры, т.е. морфемного состава, в плане образования словоформ, а также грамматические категории, которые в этих формах выявляются. А синтаксис — это раздел грамматики, изучающий способы соединения слов в словосочетаниях, высказываниях, фраз в предложениях. Таким образом, морфология — это учение о морфосочетании (учение о внутренней валентности словоизменительных морфем), а синтаксис — учение о словосочетании (о внешней валентности слов и словоформ). Разница между ними достаточно отчётливая. Тем не менее некоторые исследователи видят своеобразную зависимость морфологии от синтаксиса. Более того, Ф. де Соссюр в категорической форме утверждает: «С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины» [163, с. 130]. А мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ является прямым противо-

поставлением предыдущему: «...морфология в узком значении слова и синтаксис составляют морфологию в самом широком понимании. Эти противоречия являются объективной причиной возникновения различных теорий, отражающих разные стороны одного и того же явления. В языке, как в природе, нет четких разграничительных рубежей. Тем не менее, сетя на неизвестность таких разграничений, не следует отказываться от известных понятий (как морфология и синтаксис). Нужно всемерно учитывать диалектический характер грамматических явлений и категорий, выявляемых в каждой части грамматики раздельно» [38, с. 25].

Диалектический подход к фактам морфологии заключается в учете взаимосвязей и взаимопереводов в пределах грамматических категорий и появления промежуточных явлений. Промежуточные явления иногда не укладываются в симметричную, искусственно навязанную схему. Например, нижеприведенное утверждение является как бы аксиомой для морфологии всех тюркских языков: «Всякая словоизменительная форма в тюркских языках является универсальной в пределах данной части речи» [144, с. 310]. Иначе говоря, словоизменительные аффиксы образуют категориальные формы слов, как правило, от всех или большинства слов, принадлежащих одной части речи. В течение длительного времени данное положение считалось единственно верным и не подлежащим пересмотру. На самом деле в чувашском языке (шире: в тюркских языках) есть словоизменительные аффиксы, для которых не показательна частая (регулярная) повторяемость или тотальность использования, они подвержены принципу избирательности употребления. Например, аффикс *-рах* (-рех) при существительных: *ачарах* «ещё ребёнок», *тихарах* «ещё жеребёнок», *курәкrah*: *тырәсем курәкrah* «хлеба ещё неспелые», *пүтекрех* «ещё ягнёнок». Этими примерами функция аффикса *-рах* (-рех) при существительных замыкается, но при некоторых существительных (около 20 слов) может выполнять роль формоизменительного аффикса: *вәрманарах кәр* «заходи чуть глубже в лес», *умарах тәр* «встань чуть спереди», при этом он примыкает не к основе существительного, а к форме дательного падежа на *-а* (-е). Если аффиксы чувашского языка рассматривать только с точки зрения словообразования и словоизменения, то *-рах* (-рех) не может быть принят за деривационный элемент, а признать его категориаль-

ным реляционным формантом — значит считать его неуниверсальным. Это говорит о том, что мы должны придумать новый термин. Если форму существительных на *-pax* (*-pex*) считать категориальной, то следует причислить её к числу непоследовательно коррелятивных. Но это противоречило бы утверждению: «Категория распространяется на все слова той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной» [63, с. 25].

Все доводы говорят о том, что форма на *-pax* (*-pex*) у существительных является некатегориальной формой сравнения, выражющей своим значением неполноту оценки качества предмета: *ачарах* «ещё ребёнок», т.е. пока не взрослый.

Об удивительной подвижности грамматического строя тюркских языков пишет В.М. Насилов, по мнению которого одна и та же грамматическая категория способна нести различные синтаксические функции, а словообразующие аффиксы приобретают факультативное значение. Автор их назвал аффиксами включения. На этой основе он приходит к такому выводу: «Традиционными системами аффиксов (системами словообразовательных и словоизменительных аффиксов) не исчерпывается грамматический строй тюркских языков» [110, с. 87].

Нежёсткость языковой системы приводит к проблеме выбора варианта описания при неединственности морфологических решений. Бывают случаи, когда серьёзно доказать неприемлемость одной трактовки или превосходство другой невозможно. Возникает ситуация альтернативного описания того или иного морфологического явления. Вот эту альтернативу мы можем выразить следующими словами: выбирая одно из равных возможных описаний, лингвист должен стремиться — имея в виду единую картину не только исследуемого языка, но и языка как такового — обнажить интуитивную подоплеку своего выбора, указать в явном виде его важнейшие следствия, короче говоря, предъявить свой выбор на суд интуиции читателя в максимально удобной форме.

Выйти на суд читателя со своими формулировками «в максимально удобной форме» можно лишь тогда, когда ты хорошо знаешь исследуемый материал и тебе известны точки зрения коллег по тому или иному вопросу. При этом материал описываемого языка не должен рассматриваться «сквозь призму» других неродственных и даже родственных языков.

Если бы мы встали на путь «втискивания» материала чувашского языка в рамки индоевропейских языков, то нам следовало бы беспрекословно принять следующие утверждения:

1. Категория выделяется при наличии как минимум двух обязательно противопоставленных форм, рядов форм; иначе говоря, морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении. Если положить данный признак в основу чувашских категориальных форм, то, признавая категориальную форму выделения *-и*, *-скер* у прилагательных, мы обязаны искать противопоставленную форму (возможно, с нулевой формой), т.е. признать в чувашском языке наличие категории невыделения. Но о ней никто из исследователей чувашского языка не говорит. Нет такого термина и в специальной статье И.П. Павлова [123]. Как правильно отметили В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, основная форма в тюркских языках (в том числе и в чувашском. — *B.C.*) никак не может быть включена (и никем не включается!) в парадигму категории принадлежности [63, с. 26].

2. Категория всегда связана только с одной частью речи. Факты чувашского языка свидетельствуют об обратном: например, категории множественного числа и падежа характерны не только для существительных, но и для числительных и местоимений, а если учесть формоизменение, то эти категориальные формы проявляются у прилагательных и у глаголов — причастий настоящего, будущего и прошедшего времени.

При определении категориальных форм мы должны исходить из утверждения, что категория распространяется на все множество элементов той части речи, которой она свойственна, то есть является тотальной, универсальной. Под словоизменительной категориальной формой слова следует понимать совокупность форм (парадигму) или одну отдельную форму с автономной семантикой, соблюдающую принцип тотальности употребления в пределах одной или нескольких частей речи. А некатегориальной формой следует считать форму с автономной семантикой, характеризующуюся принципом избирательности употребления в пределах одной или нескольких частей речи и служащей в большинстве случаев для синтаксической связи слов.

Последовательное выделение категориальных и некатегориальных форм в пределах одной части речи как раз служит мор-

фологической характеристикой, присущей только ей. Система категориальных форм является при этом «паспортом» этой части речи, а система некатегориальных форм — «удостоверением личности» конкретной части речи. Это будет чисто морфологический подход к выявлению частей речи с опорой на семантический признак. При такой трактовке вопроса формы словоизменения должны стать надежным критерием определения частей речи, т.е. морфологических классов слов.

Принципы тотальности и избирательности употребления формантов выступают сигналами и путеводной звездой нашего исследования, основанного на количественном методе. С его помощью устанавливается прежде всего частотность форм, которая является определителем категориальных и некатегориальных форм. При исследовании категориальных форм во многих случаях показательна не абсолютная, стопроцентная частотность: термин «тотальность употребления» не означает обязательное употребление формы со всеми словами конкретной части речи. Здесь уместно оперировать относительными понятиями «больше», «меньше». «Больше» означает, что больше половины или не менее 75—95 % слов той или иной части речи принимают ту или иную форму; «меньше» — меньше половины, в некоторых случаях менее 25 % или даже 1—5 % слов, т.е. проявляют избирательность.

Как видим, количественный признак тотальности употребления говорит о том, что при исследовании фактов языка невозможно придерживаться системы полного охвата практически всех слов данной части речи.

В основе исследований категориальных и некатегориальных форм (какими бы ни были методы анализа: дистрибутивный, трансформационный, компонентный, контекстуальный или количественный) лежит семиотический принцип соотнесенности формы и содержания. План выражения (форма) грамматических категорий — внешние выразители категориальных и некатегориальных форм. В своих исследованиях мы придерживаемся прежде всего формальной стороны словоформ, как говорил Л. В. Щерба, «должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» [188, с. 79]. Это не значит, что отрицаем двустороннюю сущность грамматических категорий. На наш взгляд, план выражения является сущ-

ственным при определении категории, но ведущим и определяющим в этом единстве двух планов (выражения и содержания) является категориальное содержание, лежащее в основе той или иной категории, говоря словами Л.В. Щербы, «существование всякой грамматической категории обусловливается тесной, неразрывной связью её смысла и всех формальных признаков» [188, с. 80].

Как и в любом другом случае, мы можем затронуть вопрос об асимметричном дуализме лингвистического знака, т.е. морфемы: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью... один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [90, с. 85].

Тезис об асимметричности связи между означающим и означаемым указывает на то, что не существует регулярных соответствий между этими сторонами знака. Одна и та же морфема может быть бифункциональной — соответствовать разным означаемым, например, аффикс *-лăх* (*-лĕх*) — не только высокопродуктивный деривационный аффикс существительных, но и показатель формы достаточности или предназначения: *кĕпелĕх ситсă* «ситец, достаточный для шитья рубашки», *пуртлĕх пĕре-не* «брёвна, рассчитанные на один дом»; одно и то же означаемое может выражаться разными означающими, например, показателем множественности личных местоимений 1 и 2 лица является аффикс *-р*, лично-возвратных *-ăр*, а 3 лица множественного числа — аффикс *-сем*: *эн-р*, *эс-р*, *в-сем*, *хам-ăр*, *хăв-ăр*, *хай-сем*; значение уподобительности существительных передается аффиксом *-ла* (*-ле*): *упалла* «как медведь», а местоимений — *-шкал* (*-шкел*): *манашкал*, *хамашкал* «как я», «наподобие меня».

Традиционная морфология в план выражения включает как уровень слов, так и уровень морфем: план выражения слова — его морфемное строение. Из этого можно заключить, что уровень слова в морфологии — это уровень конкретных словоформ. В русистике отмечают наличие лишь уровня словоформ: основа (корень слова) + служебный элемент.

Поскольку чувашский язык относится к агглютинативным языкам, то здесь выделяем ещё и уровень основоформ, например, форма притяжательного падежа на *-ăн* (*-ён*) является склоняемой основой многих местоимений. Основоформой категории уподобительности местоимений во всех случаях является

форма дательного падежа на *-a* (*-e*): *сан-а-шкål* «подобно тебе». Это говорит о том, что механизм технического преобразования морфологического фрагмента чувашского языка распадается на подсистемы: словоизменения, формоизменения и формообразования.

Словоизменение, формоизменение и формообразование

В 1960 г. в Ленинграде была проведена специальная конференция, на которой с основным докладом «О границах слова» выступил В.М. Жирмунский [77]. Заслуга В.М. Жирмунского в том, что он охарактеризовал формообразование как самостоятельное морфологическое явление, занимающее в структуре слова место между словообразованием и словоизменением и присущее не только русскому и другим флексивным языкам, но и языкам иных морфологических типов. Задача состояла в том, чтобы выявить специфику формообразования, отличную от специфики словоизменения не только в каждой семье родственных языков, но и в каждом отдельном языке. К сожалению, в тюркологии эта задача до настоящего времени не получила однозначного решения. На наш взгляд, это произошло из-за непризнания наличия в тюркских языках (и не только!) некатегориальных форм наряду с категориальными формами словоизменения и формоизменения, которые подчинены принципу тотальности употребления форм. Некатегориальные формы подчинены принципу избирательности употребления форм, что и является формообразованием (т.е. некатегориальным формообразованием).

Например, А.Н. Кононов в своих фундаментальных грамматиках турецкого и узбекского языков описание глагола представил в двух разделах: «Формообразование глагола» и «Словообразование глагола». В первый из них включены следующие подразделы: 1) залоги глагола; 2) виды; 3) наклонения и времена глагола; 4) лицо и число глагола; 5) модальные формы глагола; 6) причастия; 7) деепричастия. Таким образом, в разделе «Формообразование глагола» помещены и личные (спрягаемые) и неличные (неспрягаемые) формы глагола. Однако термин «словоизменение» в грамматиках А.Н. Кононова отсутствует. Это случилось потому, что автор в понятие формообразования включил и словоизменение [92; 93].

А в более поздних научных грамматиках тюркских языков, в частности караимского [109], гагаузского [128] и карачаево-балкарского [54], описание именных частей речи и глагола включает в себя словообразование и словоизменение.

Особое понимание явлений словоизменения содержится в монографии В.Г. Гузева «Очерки по теории тюркского словоизменения: имя»: «Формообразование — основная разновидность словоизменения, куда входят грамматические формы и категории с их категориальными значениями» [62, с. 137].

В кратком очерке [129] и статье Л.А. Покровской [130] выделены три группы аффиксов по их грамматическим функциям: словообразовательные, формообразовательные, словоизменительные. Если в грамматиках А.Н. Кононова нет раздела «Формообразование имен», то в кратком очерке грамматики Л.А. Покровской такой раздел есть. По признанию самого автора, «деление аффиксов на формообразовательные и словоизменительные в этом очерке было во многом ещё эмпирическим» [130, с. 13]. Вслед за Н.А. Лыковой, опубликовавшей статью «О границах между словоизменением, формообразованием в русском языке» [103], Л.А. Покровская (отмечавшая, что ею «вопрос о формообразовании в гагаузском языке и относящихся к нему аффиксах был окончательно решен» [130, с. 13]), на самом деле ещё глубже увязла в вопросе о формообразовании, так и не нашла «собственный внешний критерий разграничения аффиксов формообразования и словоизменения», ибо признала за словоизменением только многочленные морфологические категории, а одночленную категорию множественности на *-лар* (*-лер*) относила к формообразовательным.

К формообразовательным аффиксам Л.А. Покровская относит аффиксы, образующие: уменьшительно-ласкательные формы имён существительных, прилагательных и наречий; формы, выражающие ослабление и усиление признака, качества прилагательных и наречий; аффиксы, образующие порядковые и разделительные числительные. В сфере глагола к формообразованию следует отнести, по мнению Л.А. Покровской, все неличные формы глагола (инфinitив, причастие, деепричастие, образуемые также единичными аффиксами) [130, с. 14—15].

Что касается материала чувашского языка, то аффиксы порядковых числительных на *-мёши* (*пёрмёши* «первый» и т.д.),

разделительных *-шар* (*-шер*) (*икишер* «по два», *виçшер* «по три» и т.д.) не могут быть отнесены к формообразовательным, ибо они, подчиняясь принципу тотальности употребления, относятся к словоизменительным и образуют категории порядковости и разделительности числительных.

В тюркологии до сих пор причастия и деепричастия не признаются как категориальные глагольные словоформы. Наличие различных форм причастий и деепричастий обуславливает существование словоизменительных морфологических категорий словоизменительного типа. Причастия настоящего, прошедшего, будущего времени и другие являются показателями многочленной морфологической категории. И.П. Павлов в свое время писал: «...деепричастие является в известной степени *узловой категорией* (курсив наш. — В.С.)» [116, с. 240], к тому же многочленной.

Вопрос о нечёткости определения терминов «словоизменение» и «формообразование» описан Л.А. Покровской в статье, упоминавшейся выше [130]. На него нет чёткого ответа не только в чувашском языкоznании и тюркологии, но и в языкоzнании в целом. Доказать это нетрудно. Обратимся к словарям лингвистического толка. Например, в энциклопедии «Русский язык» словарная статья «Словоизменение» как таковая отсутствует, а имеется только ссылка к словарным статьям «Формообразование» и «Форма слова» [142, с. 303]. Словарные статьи на эти термины оформлены известным грамматистом-языковедом А.В. Бондарко. Оказывается, формообразование — образование форм слов, а «форма слова — морфологическая разновидность слова (а также всех слов, которые выступают в данной разновидности), характеризующаяся определенным комплексом грамматических значений, выраженных теми или иными формальными показателями при словоизменении» [142, с. 378]. Итак, А.В. Бондарко допускает, что термины «словоизменение» и «формообразование» равнозначны. По О.С. Ахмановой, формообразование — образование форм слова, выражающих несintаксические категории: формообразование глагольно-видовое, форма несовершенного вида, степени сравнения у прилагательных [19, с. 502]. Э.Р. Тенишев со ссылкой на Е.С. Кубрякову высказал интересную мысль о том, что «в процессе словоизменения форма и лексическое значение исходной основы сохраняются... при формообразовании меняются и форма, и значение основы, но

только в грамматическом плане: возникающая новая основа выражает не лексическое, а грамматическое значение» [164, с. 5]. Мысль эта плодотворная, но требует дальнейшей трактовки.

Аффиксы словоизменения в сочетании с основой образуют словоформу, которая входит в парадигматический ряд. Аффиксы формообразования в сочетании с основой образуют словоформу, которая не входит в парадигму. Это говорит о том, что между словоизменением и формообразованием существует большая разница.

Между тем следует обратить внимание на термины «основа слова» (основа корневая), «основа производная» (маркированная) и «основа непроизводная» (немаркированная).

Основа непроизводная (простая, нечленимая, немаркированная) — та основа, в составе которой не выделяются живые [19, с. 296] словоизменительные аффиксы (суффиксы), состоит только из корня, с которым связывается лексическое, реальное, вещественное значение. Производная грамматическая основа (не путать с производным словом) образована посредством, например, аффикса *-и* — по мнению некоторых чувашеведов аффикса субстантивации, а на самом деле аффикса выделения: *хёрли* «тот, красный», «красноармеец», аналогично *шурри* «белогвардеец», «тот, белый» — включает в свой состав корень и аффиксы и, как правило, является членимой, т.е. мотивированной.

В чувашском языке в составе грамматически мотивированной производной основы существительных могут быть аффиксы: множественного числа *-сем*, принадлежности *-ам* (*-ём*, *-м*), *-у* (*-ў*), *-ё* (*-у*), *-är* (*-эр*) и т.д. Поскольку чувашский язык относится к агглютинативным языкам, то вышеизложенные аффиксы (не только они) могут выступать как компоненты вторичных грамматических основ; ср. *куç-у-сем*, *ача-м-сем*, *ача-м-är-сем*, *ач-и-сем*, *ач-у-па*, *ач-у-сär* и т.д.

Итак, словоизменение — это морфологическое грамматическое изменение непроизводной основы, т.е. основы с одним морфологическим показателем, эта основа называется первичной морфологической основой (*хёр-ү* «твоя дочь»). Первичная морфологическая основа *хёр-ү* «дочь», по законам агглютинации, может дальше изменяться: *хёр-ү-сем* «дочери твои», образуя вторичную, грамматическую производную основу (ср.: основа производная вторичная [19, с. 296]).

Таким образом, если следовать учению О.С. Ахмановой, мы вправе говорить не только о словоизменении в чувашском языке (т.е. об изменении непроизводной основы с одним аффиксом: *сынсем* «люди»), но и о словоформоизменении, т.е. об изменении первичной, вторичной, третичной морфологических основ.

То, что писал В.Д. Старичёнок в «Большом лингвистическом словаре» («словоизменение — изменение формы слова; образование грамматических разновидностей слова в пределах его морфологической парадигмы» [165, с. 576—577]), не вполне соответствует истине, ибо чётко не выражена мысль, что имеется в виду под «формой слова»: морфологически маркированная или немаркированная основа, первичная, вторичная, третичная морфологическая основа?

Морфологическая парадигма отражает реализацию грамматических (морфологических) категорий, т.е. структура парадигмы определяется характером грамматических (в нашем случае — морфологических) категорий и их взаимосвязями внутри частей речи. Парадигма — совокупность всех форм языковой единицы (слова), противопоставленных по определенным грамматическим значениям.

Например, посредством личных аффиксов принадлежности образуется грамматическая категория принадлежности и формируется морфологическая парадигма принадлежности:

единичность предмета обладания и обладателя	множественность предмета обладания и обладателей
1 л. <i>-ам</i> (<i>-ём</i> , <i>-м</i>): <i>ачам</i> , <i>кил-ём</i> , <i>чун-ам</i>	<i>-äm-är</i> (<i>-ём-ёр</i>), <i>-m-är(-m-ёр)</i> : <i>ач-äm-är-сем</i>
2 л. <i>-у</i> (<i>-ў</i>): <i>ач-у</i> , <i>кил-ў</i>	<i>-är</i> (<i>-ёр</i>): <i>ач-är-сем</i> , <i>кил-ёр-сем</i>
3 л. <i>-ё</i> (<i>-и</i>): <i>ач-и</i> , <i>кил-ё</i>	

В чувашеведении специальных исследований, посвящённых проблеме категориальных и некатегориальных форм частей речи, нет. Не разрабатывались вопросы границ между морфологическим и лексико-семантическим словообразованием, между словоизменением и формоизменением, между словообразованием и формообразованием. В тюркологии имеются отдельные работы, касающиеся вопросов словообразования и словоизменения. Среди них статья Н.А. Баскакова, который считает, что одним из основных критериев определения границ между словообра-

зованием и словоизменением является критерий, выявляющий, с одной стороны, отношения лексико-семантические (все смысловые модификации реального и функционального значения слова), а с другой — отношения чисто синтаксические (отношения членов предложения между собой) [35, с. 5]. Н.А. Баскаков, сам того не замечая, из морфологии переходит в синтаксис, и система словоизменения превращается в выражение синтаксических отношений слов между собой (через члены предложения и словосочетания). Между тем словоизменение — это прежде всего описание механизма агглютинации слова, а не членов предложения и словосочетаний. По Н.А. Баскакову, словоизменение реализуется в следующих парадигмах: «1) отношения согласования всех членов предложения и словосочетания между собой выражаются категорией числа с парадигмами для всех частей речи, в том числе для субстантивных и атрибутивно-адъективных форм глагола; 2) отношения определения и определяемого в составе предложения и словосочетания выражаются категорией принадлежности и числа, с парадигмами также для всех знаменательных частей речи и в том числе для соответствующих функциональных форм глагола; 3) отношения субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого) в составе предложения выражаются категорией лица (спряжение) с соответствующими парадигмами для финитных форм глагола» [35, с. 7—8] и т.д.

При такой постановке вопроса приходится искать границы морфологии и синтаксиса. Между тем морфосинтаксис интересует многих тюркологов, пытающихся описать морфологию через синтаксис, а не в терминах морфологии. Впрочем, это не их вина. Как известно, Ф.Ф. Фортунатов и его школа относили к словоизменению только синтаксически обусловленные формы слова, например, у существительных — склонение по падежам, у прилагательных — формы рода, у глаголов — лицо, время, наклонение [179, с. 155—156]. А.И. Батманова справедливо можно считать учеником фортунатовской школы в тюркологии: к словоизменительным категориям он отнёс только категории числа, принадлежности, склонения и спряжения, а все остальные аффиксальные словоформы считал словообразовательными [36, с. 71]. Позже эта точка зрения была развита Н.А. Баскаковым на примерах каракалпакского языка [28].

Важным и бесспорно прогрессивным явился широкий взгляд на формообразование в концепции Л.В. Щербы [188, с. 53—54]. В.В. Виноградов, как и Л.В. Щерба, используя понятие «формообразование», не противопоставлял его «словоизменению», а включил традиционные формы словоизменения в более широкое понятие формообразования. Концепция формообразования, выдвинутая Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым, способствовала не только появлению термина «формообразование», но и обоснованию понятия системы форм одного и того же слова. Однако эта концепция заключала в себе противоречия: с одной стороны, понятие «формообразование» охватывало широкий круг образований, выходящих далеко за пределы собственно словоизменения, а с другой — сохранялся принцип ограничения формообразования сферой форм одного слова, что по существу предполагало тождество формообразования и словоизменения [47, с. 173—180]. Таким образом, неясность в соотношении понятий «словоизменение» и «формообразование» не устранилась.

Неопределенность трактовки терминов «формообразование» и «формоизменение» наблюдается и в тюркологии.

В нашем понимании словоизменение включает в себя все категориальные формы; оно противопоставляется формообразованию, к которому относятся некатегориальные формы любого морфологического класса слов. Категориальные формы определяются тотальностью употребления, а некатегориальные — избирательностью. При этом формообразование и словообразование оказываются не взаимоисключающими, а частично накладывающимися друг на друга понятиями в том плане, что они оба подчиняются принципу избирательности употребления аффиксов: в одном случае аффиксов словообразования, а в другом — аффиксов формообразования.

Словообразование и формообразование различаются функциями: создание либо новых слов, либо новых форм. Это может осуществляться одними и теми же средствами, что свидетельствует о полифункциональности языковых средств. Например, всем известно, что аффикс *-лāх* (-лēх) является высокопродуктивным словообразовательным аффиксом, в то же время посредством этого аффикса образуется форма достаточности, которая может указать ещё и на назначение или предел во времени: *сəхəтлēх* «достаточный на час», *эрнелēх* «достаточный на неделю», *пүртлēх* «предназначенный для дома», но нельзя говорить *мучилēх*, *тиччелēх*.

в значении достаточности (или же назначения либо предела во времени). Лексические единицы, образованные посредством аффикса *-лăх* (-lĕх), обладают всеми категориальными признаками существительного: *куçлăх* — *куçлăхсем*; *куçлăхам*, *куçлăху*, *куçлăхĕ*, *куçлăхамăр*, *куçлăхăр*; *куçлăхăн*, *куçлăха*, *куçлăхра*, *куçлăхран*, *куçлăхпа*, *куçлăхсăр*, *куçлăхшиан*. Слова с формообразовательным аффиксом *-лăх* (-lĕх) таким качествами не обладают совсем или обладают частично; ср.: *силослăх* — *силослăхсем* (?); *силослăхам* (?); *силослăхăн* (?), но есть *силослăхĕ* «то, что предназначено на силос».

Таким образом, словообразовательные и формообразовательные аффиксы могут материально совпадать, т.е. один и тот же аффикс может выступать в двух функциях — в функции словообразования и формообразования. Но при словообразовании образуется новое слово, оно является основным средством обогащения словарного состава языка. А при формообразовании словарная единица не образуется, при этом основа слова сохраняет свои категориальные, смысловые признаки и валентностные свойства, присущие части речи, к которой принадлежит основа.

Как словообразовательные, так и формообразующие аффиксы в чувашском языке имеют ограниченное употребление. Это говорит о том, что возможности образования слова как словарной единицы и образования формы слова как грамматической единицы ограничены определённой сферой значений основ, служащих базой для их образования.

Между формообразованием одной части речи и словоизменением (категориальной формой) другой посредством одного и того же средства функциональные различия также не стираются. Например, при именах прилагательных аффикс *-рăх* (-рех) является аффиксом категории сравнения, т.е. происходит тотальное словоизменение (*хитре* — *хитререх* «красивый — краше», *лайăх* — *лайăхрах* «хорошо — лучше», *пысăк* — *пысăкрах* «большой — больше», *çўмл * — *çўлл рех* «высокий — выше», *лутра* — *лутрарах* «низкий — ниже», *п ч к* — *п ч крех* «маленький — меньше» и т.д.). При именах существительных же аффикс *-рăх* (-рех) редкость: *ача* — *ачарах* «ребёнок ещё»; *тиха* — *тихарах* «жеребёнок ещё» и несколько подобных примеров, не превышающих численностью двух десятков слов, т.е. перед нами чистое формообразование или некатегориальная форма сравнения.

Таким образом, формообразование условно можно назвать «некатегориальным словоизменением».

Формообразование имеет отношение также к формоизменению, ибо в линейной последовательности аффиксальных морфем аффиксы формообразования могут стоять за формами словоизменения.

Словоизменение и словоформоизменение (в дальнейшем — формоизменение), а также их парадигмы непосредственно связаны с категориальными формами. Например, некоторые имена существительные могут быть в форме частотности: *килсерен* «в каждом доме», *ялсерен* «в каждой деревне», *хуласерен* «в каждом городе»; в форме компаративности: *ача-рах*, *тиха-рах*, *курāк-рах*, *путек-рех...* Таких словоформ немного. Эти словоформы не образуют парадигму, и их невозможно назвать категориальной формой существительных. Речь идет о некатегориальных формах и грамматической двойственности. Если учесть положение о том, что грамматическая (морфологическая) категория распространяется на всё множество элементов рассматриваемой части речи (мы будем говорить о принципе тотальности той или иной морфологической формы). Аффикс *-рах* (*-рех*), употребляясь только с десятью существительными, подчиняется принципу избирательности и не может считаться категориальной формой, а это значит, что формы типа *ачарах* «ребёнок ещё», *курāкrah* «незрелый» (*тырāсем курāкrah* «хлеба незрелые», т.е. только в восковой спелости, зрелости) образуют некатегориальную форму сравнения существительных. Этот процесс мы будем именовать в дальнейшем формообразованием.

В разряд формообразования мы включаем все формы, в своё время названные «внепадежными формами» («падеж системине кёмен күлепесем е формäсем»):

а) форму обладания или наличности на *-лā* (-*лē*, -*ллā*, -*ллē*): *пиншаклā*, *шёлепкеллē*, *сумкаллā*, *велосипедлā*. Эти словоформы не следует путать с именами прилагательными типа: *илемлē* «красивый», *аслā* «умный» и т.д. Формы обладания на *-лā* (-*лē*) (типа *утлā* «имеющий коня, конный», *пашаллā* (сын) «(человек) с ружьём» и т.д.) не могут считаться прилагательными, ибо они не принимают аффикс категории компаративности *-рах* (*-рех*), который признаётся главной категориальной формой прилагательных;

б) предельную форму на *-чен* (-*чен*);

в) уподобительную форму на *-ла* (-*ле*, -*лла*, -*ле*);

г) форму предназначения или достаточности на *-лāх* (-*лēх*): *пүртлēх* *йывäц* «лес, рассчитанный на строительство дома»;

- д) форму разделительности на *-шар* (*-шер*);
- е) форму выделительности на *-скер*, *-хи*;
- ж) форму частотности на *-серен* и др.

Существует мнение, что грамматическая (морфологическая) категория всегда связана с одной и только одной частью речи. Это слишком категоричное высказывание, так как, например, категории множественного числа и падежа свойственны как существительным, так и местоимениям. В чувашском языке категория лица и категория выделения обслуживаются несколько частей речи. В таких случаях, когда между грамматическими категориями разных частей речи устанавливается отношение детерминации или отношение интердепенденции (взаимозависимости), они составляют особый сложный механизм, в котором категории, присущие только одной части речи, выступают как составляющие элементы других частей речи, и эти категории объединяются в одну суперкатегорию. Такие суперкатегории обслуживаются несколько частей речи.

Словоизменительные аффиксы и формообразовательные элементы (форманты) являются морфологическими признаками частей речи — они составляют бинарную систему, с одной стороны, словоизменительных морфем (парадигму) и образуют грамматическую категорию, а с другой стороны, формообразование также напоминает словоизменение, но оно остается вне грамматической категориальности.

Философские, логические, логико-грамматические, понятийные и языковые категории

Категория (в философии) — основное понятие, отражающее наиболее общие и существенные свойства, стороны, отношения явлений действительности и познания, т.е. категория — научное понятие, выраждающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности. Как научное понятие термин «категория» широко употребляется во всех разделах науки. В философии, например, различаются категории количества, качества, времени, пространства и т.д. Количественная категория — это категория, характеризующая предметы и явления внешнего мира со стороны величины, объема, числа. В философии время — объективная форма существования бесконечно развивающейся материи. Пространство — объективная реальность, форма суще-

ствования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. Вне времени и пространства движение материи невозможно. Философские термины категорий времени и количества употребляются и в языкоznании; например, число — грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли, т.е. грамматическое число и имена числительные соотносимы с философской категорией количества.

Поскольку язык есть общественное явление, его сущность раскрывается, как правило, через отношение к обществу. Это отношение состоит в том, что язык представляет собой продукт общественных отношений, а также служит для удовлетворения потребностей общества. Все это говорит о существовании философских (логических, понятийных) проблем языкоznания. Эти проблемы касаются природы и сущности языка (в первую очередь, его социальной природы), отношения языка и мышления, языка и общества, системы и структуры в языке, его знакового характера, языкового значения, происхождения, эволюции и истории языка, идиоэтнического и универсального в языке, возникновения и развития философии языка [100, с. 545].

Язык при длительном социальном использовании вырабатывает свои структуры, и они устанавливаются в зависимости от действующих законов мышления. Человек строит свою речь с образно нормам его сознания и при этом прибегает к использованию грамматических форм с соответствующим значением. Эти формы, употребляясь длительно, вырабатывают свои закономерности в морфологических и синтаксических сочетаниях. Логические (понятийные) категории мышления находят формальное лингвистическое (языковое) выражение, и при этом создаются особые грамматические категории. Логические категории лежат в основе грамматических, и наоборот. Логические и грамматические категории вырабатывают в языке логико-грамматическое значение, используют разные грамматические формы для выражения вкладываемого в них содержания логических категорий. Например, множественность (множество) как логическая категория может передаваться различными грамматическими средствами (а иногда передаётся логическими и фонетическими средствами). В чувашском языке множество (логическая категория) передается: 1) аффиксом *-сем* (показателем морфологической категории множественного числа): *сынсем* «люди», *ёнесем* «коровы», *сётелсем* «столы», *пужансем* «стулья»; 2) син-

таксически (сочетанием слов): *нумай ын* «много людей», *тэмишё ёне* «несколько коров», *çирём сётел* «двадцать столов» (при этом существительные в чувашском языке остаются в так называемой форме единственного числа, а в русском — множественного); 3) лексически: *кётү* «стадо», *ушкайн* «группа», *эртел* «артель»; 4) фонетически: *Уçланкара сырла-а-а!*.. «В поляне ягод!..»; 5) редупликацией: *ял-ял витёр тухрämär* «проехали много деревень».

Субъект (логическая категория) тоже может передаваться различными грамматическими категориями: 1) может быть выражен подлежащим (как отдельный член предложения), 2) личными формами принадлежности, когда одновременно выражаются и предмет обладания, и лицо обладания: *кёnekе-м* «моя книга», *кёnek-ў* «твоя книга», *кёnek-и* «его (её) книга; 3) личными окончаниями глаголов: *вула-т-áp* «читаю», *вула-т-án* «читаешь», когда субъект выражается личными формами спряжения.

Принадлежность, в свою очередь являясь логической категорией, в языке находит выражение: 1) лексическое: *атте* «мой отец»; *анне* «моя мать» (мама); 2) морфологическое: *пичче-м* «мой брат», *аппа-м* «моя сестра»; 3) синтаксическое: *ман çурт* «мой дом»; *сан пýрт (çёнé)* «твой дом (новый)»; 4) морфолого-синтаксическое: *хаман хёрём* «моя дочь».

По мнению лингвистов, расхождения между грамматикой и логикой состоят в том, что грамматические и логические категории очень редко покрывают друг друга; почти никогда число первых и вторых не совпадает и т.п. Однако, каковы бы ни были различия в умственных навыках различных народов, существование некоторых основных черт нельзя отрицать. Есть общечеловеческая логика, и главные логические категории мы находим у всех мыслящих людей: они, естественно, лежат в основе грамматических категорий.

Важно иметь в виду, что многие логические категории не выступают в языке вне их грамматического использования. Грамматические категории могут, соответствуя содержанию логических, получать самостоятельную грамматическую форму.

И.И. Мещанинов понятийные категории называет особой разновидностью логико-грамматических категорий. По мнению автора, «этая разновидность логико-грамматических категорий выступает со специальным назначением: передавать логическую категорию грамматической формой, устанавливающей её содерж-

жание. Здесь же грамматическая форма оказывается носителем содержания ею же выделяемой логической категории» [107, с. 12].

Таким образом, в языкоznании выработался термин «понятийная категория». Она, как разновидность логико-грамматических категорий, выражается не только грамматическими формами, как предполагал И.И. Мещанинов, но и различными языковыми (лексическими, фонетическими) средствами. Например, интенсив в чувашском языке выражается редупликацией (*хёrlë-хёrlë* «красный-красный»), частичной редупликацией (*хунхура* «черным-черно»), синтаксически (*питет пысăк* «очень большой», *чи çўлë* «самый высокий»), фонетически (*çў-ў-ўлë* «очень высокий», *на-а-ачар* «очень худой»).

«Понятийные категории (в языкоznании) — смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами (разрядка наша. — В.С.). В отличие от скрытых грамматических категорий понятийные рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения (прямому или косвенному, явному или неявному, лексическому, морфологическому или синтаксическому)» [107, с. 385].

Существует мнение, что средствами выражения понятийных категорий «выступают граммемы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и суперсегментные единицы языка (просодический контур и порядок слов)» [107, с. 38]. Отметим, что среди средств выражения понятийных категорий указывается просодический контур, иначе просодика (ударение, припев) — система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смыслоразличительную роль.

Впервые просодика как способ выражения множественности (как понятийная категория) нами была упомянута в кандидатской диссертации «Способы выражения множественности в чувашском языке» [148, с. 21], в которой рассматриваются четыре способа выражения множественности: морфологический (аффиксальный), синтаксический, лексический и фонетический (интонационный), в последнем случае говорящий не прибегает

к открытому тексту (или к формальному выражению), чтобы выразить множество или собирательность, а выражает количество интонацией. Например, в зависимости от интонации слово *acha* «ребёнок» в связном предложении *Acha урамра вылять* «Ребёнок играет на улице», может означать сугубо единичность, т.е. одного ребёнка, но это же слово может передать значение множества детей, если мы произносим *acha-a-a*, делая на нём большое силовое, динамическое ударение, а само слово в целом произносим с восходящей интонацией: *Acha-a-a урамра вылять!* «Дете-е-ей (неопределённое множество) на улице играет!». Эта тема подробно рассмотрена в статье «Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке» [149]. Но в ней интонация (просодика) не названа граммемой и не упомянут термин «понятийная категория». Иногда языковеды скрытые категории отождествляют с понятийными. В нашей работе вместо двухчленного термина будет фигурировать трёхчленный — «скрытые морфологические категории». Например, единичность и множество — понятийные категории, в чувашском языке они могут быть выражены:

	Единичность	Множество
Лексически	<i>çын</i> «человек»	<i>кётү</i> «стадо»
Синтаксически	<i>nёр çын</i> «один человек»	<i>çёр çын</i> «сто человек»
Морфологически (аффиксально)	?	<i>çынсем</i> «люди»
Фонетически	<i>çын</i>	<i>çы-ын</i> (урамра) «наро-оду (на улице)»

Поскольку для выражения множественности есть специальный морфологический показатель — аффикс *-сем*, то морфологическая категория множественного числа является явной, конкретной. В то же время для выражения единичности нет специального форманта (аффикса). Это говорит о том, что в чувашском языке нет морфологической категории единственного числа. Единственное число является «скрытой категорией», а точнее — понятийной или логико-грамматической, но только не морфологической. Категории, такие как изъявительное на-клонение, положительный аспект, не имеющие специальных морфологических категориальных форм, не могут считаться явными морфологическими. То же нужно сказать о категориях

основного падежа, основного залога глагола, основной (положительной) формы прилагательных. Эти логические категории подняты в ранг морфологических необоснованно, на самом деле они являются скрытыми, т.е. логическими, тем не менее бытуют в исследованиях как грамматические (морфологические) категории.

К числу логико-грамматических категорий в чувашском языке можно отнести и категорию дефинитивности (или определённости — неопределенности). Категория дефинитивности — одна из категорий семантики высказывания; её функция — «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность» [100, с. 349].

У категории дефинитивности в чувашском языке нет определённого формального категориализующего форманта, поэтому она не может считаться чисто морфологической. Считается, что значение определённости — неопределенности придаётся имени существительному перечисленными ниже грамматическими способами и средствами.

1. Аффиксальный способ

а) аффиксы принадлежности конкретизируют предмет, выделяя его среди однородных: *тусам* «мой друг», *тусу* «твой друг», *тусё* «его друг». Нужно иметь в виду, что категории принадлежности и дефинитивности в чувашском языке (а равно и в тюркских языках) относятся к разным сферам: принадлежность, выраженная аффиксами лица, — морфологическая (грамматическая); дефинитивность — логико-грамматическая;

б) аффикс выделительности *-и*: *Хирти сарă чечеке / Ашă куста кам пăхмĕ* (К. Ив.). «Кто приветливо не взглянет / На цветок родных полей?» (перевод П. Хузангая);

в) аффикс множественного числа *-сем*: *çынсем* «люди», с одной стороны — определённость: люди, а не животные и не предметы; с другой стороны — неопределенность (какие люди — чуваши, русские, американцы или французы, молодые или старые, какой профессии — это неизвестно);

г) аффикс притяжательного падежа *-än* (-ён): *шкул çурчë* «здание школы» — *шкулän çурчë* «здание (данной) школы». По мнению отдельных языковедов, в первом случае более выраже-

на неопределённость, а во втором случае — определённость [9, с. 78–79].

2. Синтаксический способ

а) сочетание существительного с количественным числительным *нёр* «один» (*нёр ын* «некий человек», «один человек»); с одной стороны, здесь *нёр* обозначает определённое количество (один), но, с другой стороны, ясно выражена качественная неопределённость (какой человек — молодой или старый, мужчина или женщина, врач или учитель — на эти вопросы у чувашеведов ответа нет);

б) местоимение *темёнле* (*темле*) в сочетании с существительными выражает неопределенность: *темёнле кёнеке* «какая-то книга».

3. Лексический способ

а) существительные в словарной или реестровой форме: *ача* «дитя», «ребёнок»; известно, что *ача* «дитя или ребёнок» — живое существо человеческого рода; неизвестно — мужского или женского пола, какой национальности, возраст и т.д.

б) местоимения *такам* «кто-то», *темён* «что-то» указывают на неопределенность качества и количества.

По мнению некоторых исследователей, категория дефинитивности обнаруживается не только у имён существительных, но и у глагольных форм, в частности у причастий прошедшего и будущего времени. Что касается чувашского языка, неопределенность действия выражена более всего в причастиях прошедшего времени на *-нă* (*-нё*): *кайнă*, *килнё*, *вуланă*, где результативность действия сопровождается значением неочевидности, заглазности, поэтому в тюркологии эту форму иногда называют повествовательно-неопределенным временем или прошедшим неочевидным временем.

Как мы уже отметили, в лингвистике в данный момент нет чёткого разграничения понятийных (логико-грамматических, или логических) категорий от языковых. Возьмём категорию одушевлённости и неодушевлённости и обратимся к лингвистическим энциклопедическим словарям.

В. В. Лопатин в словарной статье, посвященной указанной теме, пишет: «Одушевлённость — неодушевлённость — грамматическая категория имён существительных, прилагательных, отчасти числительных и местоимений» [142, с. 174—175]. По мнению автора, эта категория имеет морфологическое выражение

в единственном числе только у существительных мужского рода 1 склонения, а во множественном числе — у существительных всех родов и типов склонения (кроме несклоняемых). Но он не проводит чёткого разграничения морфологического и лексического способов выражения данной категории.

В.А. Виноградов категорию одушевлённости — неодушевлённости считает чисто понятийной, отражающей разделение человеком окружающего мира на живое и неживое. По его мнению, эта категория получает в языке двоякое выражение — лексическое и грамматическое; в семантическом аспекте — номинативная категория существительного, для прочих частей речи имеет статус синтаксико-семантической категории. Степень выраженности данной категории по языкам различна. Может иметь косвенное и нерегулярное выражение, что позволяет автору причислить данную категорию к понятийной [100, с. 342].

Категория одушевлённости — неодушевлённости и в чувашском языке является чисто логической, она находит выражение лишь косвенно (предметы распадаются на одушевленные и неодушевленные в нашем сознании, никаких грамматических средств выражения нет). Отчасти категория одушевлённости — неодушевлённости в чувашском языке получает лексическое выражение: одушевлённость и неодушевлённость выражены в местоимениях *кам?* *мён?* В чувашском языке имена существительные различаются по названиям предметов активных и неактивных (пассивных). К активным относятся только названия людей (имена собственные и нарицательные), отвечающие на вопрос *кам?* (кто?). Остальные названия, включая названия одушевленных предметов (животных, птиц, рыб, насекомых), относятся к неактивным, или пассивным [14, с. 6], и отвечают на вопрос *мён?* (что?).

В контексте языкоznания 30—40-х гг. XX в. теория понятийных категорий создается как своеобразная антитеза логицизму и психологизму грамматических концепций.

Как отмечают лингвисты, термин «понятийная категория» встречается у Л. Ельмслева и О. Есперсена раньше, чем в работах И.И. Мещанинова, но в их толковании данный термин отождествляется с логическими категориями, в свою очередь понимаемыми неоднозначно. По мнению И.И. Мещанинова, «понятийная категория» является компонентом иерархической системы содержательных операциональных единиц. В эту систему

входят такие термины, как «грамматическое понятие» и «грамматическая категория». Указывается, что только в соотношении с этими двумя компонентами модели описания уточняется содержание термина «понятийная категория языка». «Всякое понятие, существующее в сознании человека, — указал И.И. Мещанинов, — может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать в нём определённую систему». Здесь же имеется уточнение: «...не всякое передаваемое языком понятие является “понятийной категорией”» [107, с. 15]. Ими становятся такие понятия, которые выступают в языковом строе и получают в нем определенное построение. Понятийные категории находят свое выражение, по И.И. Мещанинову, в определённой лексической, морфологической или синтаксической системе. Следовательно, понятийные категории он рассматривал как категории языковые. Выявляясь в семантической стороне лексики, синтаксическом строе и морфологическом оформлении слова, по мнению автора, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий.

К понятийным категориям в разных языках, согласно точке зрения И.И. Мещанинова, относятся непредметность и предметность, субъект, атрибутивность, модальность, а также количество и качество. Некоторые из перечисленных категорий, относящиеся к философским и логическим категориям, находят языковое выражение и становятся логико-грамматическими или понятийными (языковыми).

Среди понятийных категорий И.И. Мещанинов выделяет фактически лишь три разряда. Они могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии, где становятся грамматическими понятиями. Как видим, И.И. Мещанинов в 40-х гг. XX в. в качестве средств выражения логических категорий не называет супрасегментные средства (просодический контур, интонация). В области изучения синтаксиса находятся и формы слов с их отношениями и связями.

Как известно, классы и формы слов были в первую очередь объектом морфологии, а затем синтаксиса.

Итак, принимая во внимание то, что морфологии присущи морфологические категории, а синтаксису — синтаксические, и учитывая взаимозависимость синтаксиса и морфологии, мы можем вслед за В.Г. Адмони сформулировать обобщенное опре-

деление термина: «грамматическая категория — это всякое системное, более или менее фронтально проведенное объединение некоторого множества грамматических явлений, обладающих каким-либо общим, формально выраженным семантическим или функциональным признаком» [1, с. 66].

Наша работа посвящена словоизменению, формоизменению, формообразованию и реальным морфологическим категориям, поэтому определение понятия «синтаксическая категория» остается вне нашего поля зрения. Укажем лишь, что многие морфологические категории обладают определенной синтаксической направленностью, но мы не утверждаем, что морфология всегда во всем объеме служит синтаксису.

Словоизменительные и формоизменительные морфологические категории

Лингвисты в своих исследованиях, посвященных сугубо морфологическим категориям, употребляют обобщенный родовой термин «грамматическая категория». Нет особых причин игнорировать данный термин, но для точной интерпретации морфологических явлений все же более удачным и точным следует считать конкретизированный термин «морфологическая категория».

Определение этого термина в течение XX в. не оставалось неизменным. Можно выделить три периода: 1) первая половина XX в. вплоть до 60-х гг.; 2) 60-е гг.; 3) 80-е гг. В основе данной периодизации лежит положение «морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении» [40, с. 15]. До появления статьи Д.А. Штелинга «О неоднородности грамматических категорий» [185], в которой автором предложено следующее суждение: «Собственно грамматическую категорию можно определить как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или группы) форм: это единство взаимоисключающих противоположностей» [185, с. 56], понятие противоположности в определение категориальных форм вовсе не включалось, или, в крайнем случае, понятие оппозиции не занимало главенствующего положения. Ср.: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику» [127, с. 27];

«Грамматические категории — это объединения, группы, совокупности однородных грамматических явлений и прежде всего совокупности однородных грамматических слов при различии их форм [139, с. 245]; «Реально существующее в языке единство грамматического значения и средств его формально-грамматического выражения есть один из важнейших объектов грамматического изучения. Это единство и называется грамматической категорией» [51, с. 120]. Б.Н. Головин оставил всю жизнь верным данному определению, хотя впоследствии он несколько видоизменил его: «Грамматическая категория — это реально существующее в языке единство некоторого грамматического значения и формальных средств выражения [52, с. 180].

Штelingовское определение грамматической категории подвергалось критике лишь односторонне: исследователи не приняли утверждение о выражении грамматической категорией отношений двух (и только двух!) рядов форм. Но принцип противоположения (противопоставления, т.е. оппозиции) был принят за основу в определении грамматической категории. В.М. Никитевич, например, свое определение начинает именно этим словом: «Противоположение рядов форм со значениями, представляющими собой какое-то расчленение общего и объединяющего значения, и есть та более высокая ступень языковой организации, которой характеризуется грамматическая категория» [112, с. 11].

Противоположение стало признаваться качественным моментом в организации грамматической структуры. Оно якобы отражает закон познания вообще, сущность которого заключается в раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними. По мнению Д.А. Штelingа и поддерживающих его теорию, в грамматической категории отражается основной закон человеческого мышления — закон единства противоположностей. На наш взгляд, искусственно выведенный А.Д. Штelingом «закон противопоставления двух (и не более) форм» не что иное, как теория обязательного структурного параллелизма или языковой симметрии.

Уместно привести остроумное высказывание В. Хааса: «По-видимому, достаточно какой-либо путанице обладать высокой степенью изощренности, чтобы она утвердилась на многие годы» [197, с. 37].

В действительности оппозиционная теория грамматической категории со страниц русских грамматик успела перескочить во все грамматики национальных языков. Этой теорией «зародилась» и тюркология: «Категория морфологическая — совокупность аффиксальных морфем, реализующих конкретные формы слова, отражающих противопоставляющиеся друг другу лексические или грамматические отношения, объединённые единым, более абстрактным значением, присущим слову, функционирующему в составе словосочетания или предложения» [33, с. 12—24].

В чувашском языкознании вплоть до 90-х гг. XX в. новые исследования по морфологии не появлялись, но «оппозитивная теория» категории уже успела занять место в программе преподавания современного чувашского языка Чувашского государственного университета: «Грамматические категории — система противопоставленных друг другу грамматических величин (рядов морфологических форм) с однородным содержанием», указаны и типы оппозиций: бинарные и небинарные, привативные и эквиполентные [134, с. 11].

Кстати, привативные и эквиполентные оппозиции чувашскими лингвистами не освещались. В 60-х и 70-х гг. прошлого столетия в русистике существовало непоколебимое утверждение «морфологическая категория основана на оппозиции, противопоставлении», приведенное нами выше. Но теоретик морфологических категорий А.В. Бондарко постоянно подчеркивал, что эта черта характерна лишь для языков флексивно-синтетического типа. Ср.: 1) «морфологические категории в славянских языках и в других языках представляемого им типа мы рассматриваем вслед за многими исследователями как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм (в пределах определенной части речи) с однородным содержанием» [40, с. 10]; 2) «единственным требованием к плану выражения морфологических категорий (в языках флексивно-синтетического типа) является наличие противопоставленных друг другу рядов морфологических форм» [40, с. 32].

Это «строжайшее требование» к морфологическим категориям в начале 80-х гг. прошлого века подвергается пересмотру в трудах самого же А.В. Бондарко. Он пишет: «Обычно основным признаком структуры грамматических категорий... признается оппозиция. Не отрицая значимости грамматических оппозиций,

мы стремимся показать, что содержательная структура грамматических категорий может включать не только оппозиции, но и неоппозитивные различия» [43, с. 29]. Оппозиция трактуется автором как один из возможных способов объединения компонентов грамматической категории, другим способом (средством), по мнению А.В. Бондарко, является отношение неоппозитивного различия. В качестве примеров грамматических категорий, в структуре которых заключено отношение неоппозитивного различия, служат многочленные категории падежа, наклонения, залога. Разграничение отношений оппозиции и неоппозитивного различия в структуре грамматических категорий в славянских языках дало возможность А.В. Бондарко сформулировать закон о необязательности оппозиции в грамматических категориях в языках некоторых структурных типов, в т.ч. агглютивативного типа [43, с. 34].

В конце 70-х — начале 80-х гг. в тюркологии появилась мысль о том, что тезис об обязательной противопоставленности членов грамматической категории не должен абсолютизоваться [63, с. 34].

Опровергая тезис об обязательности оппозиции в структуре грамматической категории, В.Г. Гузев сформулировал следующее определение: «Под грамматической категорией следует понимать структурную единицу более высокого, чем форма, порядка — такую, которая может представлять собой как совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными служебными грамматическими значениями, так и одну отдельную форму с автономной семантикой» [59, с. 8]. Важным в этом определении является признание отдельной формы с автономной семантикой в качестве грамматической категории.

В совместно написанной статье В.Г. Гузев и Д.М. Насилов вскорь выскажали мысль о том, что категории не являются обязательными для тюркских языков [63, с. 33]. Мысль эта может быть и плодотворной, но она не была развита авторами. В нашем понимании здесь речь должна идти о некатегориальных формах. Теория оппозиции, привнесённая из фонологии, при рассмотрении грамматики тюркских языков себя не оправдывает. К тому же члены фонологических оппозиций ни в одном языке любого типа не составляют категории. Признак оппозиции также не во всех случаях может быть положен в основу

понятия синтаксической категории. Так, по данным А.В. Бондарко, такие величины, как простое предложение, подлежащее, предикативность, не характеризуются оппозитивными признаками [40, с. 15].

Если тезис о том, что категория выделяется при наличии как минимум двух обязательно противопоставленных рядов форм или классов слов, не оправдывает себя на почве тюркских языков, то мы должны искать то исходное положение, которое характеризовало бы морфологическую категорию наиболее верно. На наш взгляд, такой характеристикой может служить принцип тотальности употребления: «категория распространяется на всё множество элементов той части речи, которой она свойственна, т.е. является тотальной, универсальной» [63, с. 25].

Двусторонняя сущность морфологических категорий

Говоря о двусторонней сущности морфологических (шире — грамматических) категорий, мы должны ответить на вопрос, какая из сторон — содержательная или формальная — является основной или определяющей для категории.

Существуют две противоположные точки зрения на морфологические категории по их отношению к планам содержания и выражения.

Л.В. Щерба высказал следующую мысль: «Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными» [188, с. 79].

Казалось бы, автор целиком и полностью стоит на позиции определения категории с формальной стороны. Но в другой своей работе автор высказывал совершенно противоположное мнение: «Существование всякой грамматической категории обусловливается тесной, неразрывной связью её смысла и всех её формальных признаков. Не видя смысла, нельзя ещё устанавливать формальных признаков, так как неизвестно, значат ли что-либо, а следовательно, существуют ли они как таковые и существует ли сама категория» [187, с. 65].

Таким образом, Л.В. Щерба убедительно доказывает, что двусторонняя содержательно-формальная (или формально-со-

держательная) концепция морфологической категории является единственно верной. Но нельзя пройти мимо такого выражения: «если нет внешних (формальных) выражителей, то нет в языковой системе и самих категорий» — при определении морфологической категории важным оказывается указание на форму выражения категориального содержания. При этом мы можем сослаться на А.А. Шахматова, который соотносит категорию с морфологическим формальным выражением: «Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий» [183, с. 434].

Однако А.А. Шахматов также не был последователен в этом вопросе, в той же работе он решительно выскazывается за семантическое обоснование грамматической категории, которую он определяет как «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» [183, с. 420]. Как справедливо подчеркивает А.В. Бондарко, в этом рассуждении по существу представлена семантическая концепция грамматической категории, близкая к теории понятийных категорий [40, с. 27].

А.А. Шахматова, развивавшего теорию грамматических категорий на основе понятийных, можно назвать основоположником теории о явных и скрытых категориях, хотя сам автор этими терминами не пользовался. Как известно, термин «скрытые грамматические категории» был введен в грамматическую теорию Б.Л. Уорфом [203, с. 88].

Двусторонняя формально-содержательная концепция морфологической категории представляется нам более убедительной. Если морфологию называем системой форм словоизменения и формоизменения, то при определении морфологических категорий должны исходить прежде всего из формы с учетом содержания. Включение в определение морфологической категории указания на формы выражения категориального содержания очень необходимо. Данное определение даёт возможность отличить морфологические категории, т.е. явные категории от скрытых. Морфологические категории выявляются прежде всего морфологическими средствами.

Явные (морфологические) и скрытые (логические) категории

Явные морфологические категории имеют (и должны иметь!) внешние выразители этих категорий. Если мы говорим о категории множественного числа в чувашском языке, то прежде всего имеем в виду множество словоформ, образованных с помощью аффикса *-сем*: *ачасем* «дети», *сынсем* «люди», *юмансем* «дубы», *шывсем* «воды» (различные) и т.д. Итак, множество словоформ, отличающихся друг от друга основами, но имеющих одну и ту же словоизменительную морфему *-сем*, мы называем категориальной формой множественного числа существительных.

По отношению к единственному числу существительных мы не можем говорить, что оно представлено множеством словоформ, имеющих одну и ту же словоизменительную морфему, поскольку внешнего выразителя морфологической категории единственного числа существительных в чувашском языке нет.

Таким образом, мы не можем выявить морфологически категориальную форму единственного числа существительных в чувашском языке. Не поможет, на наш взгляд, и введение термина «нулевая морфема». Мы имеем дело с оригинальным примером скрытой морфологической категории единственного числа. Перед нами пример не открытой морфологической категории, а образец понятийной (логической) категории. Понятийная категория единичности, как и категория множественности, находит различные способы выражения в чувашском языке. Множественность как понятийная категория может быть выражена: синтаксически (путем словосочетаний): *пин кёнеке* «тысячи книг» (букв.: тысяча книга), *нумай ын* «много людей» (букв.: много человек) и т.д.; фонетически (ритмико-интонационный способ): *Кампа-а-а!* «Грибо-о-ов!» (т.е. уйма грибов); лексически: *халăх* «народ», *кётү* «стадо».

Прежде чем заниматься исследованием морфологических категорий, языковед должен чётко представить границы grammatischen und понятийных категорий.

Если единичность — понятийная категория (морфологической категории единственного числа в подлинном смысле этого слова в чувашском языке нет), а множественность — понятий-

ная категория, множественное число — морфологическая категория, то онтологически они являются несовместимыми. Ставшая банальной теория оппозиций, или противопоставлений, заставляла языковедов считать категориальные формы единственного и множественного числа существительных взаимоисключающими, т.е. грамматическими категориями обязательно надо было считать множество категориальных форм, ибо вне такого отношения они якобы существовать не могут. Фактически в противопоставлении *сётел* «стол» — *сётелсем* «столы» морфологический (аффиксальный) способ выражения множественности *-сем* взаимодействует в чувашском языке с неграмматическим, чисто логико-лексическим способом указания на единичность или множественность предмета. Заметьте: форма так называемого единственного числа в чувашском языке, как во всех тюркских (возможно, и в алтайских) языках, способна выражать и выражает во многих случаях неопределенное множество предметов. Это говорит о том, что скрытые морфологические категории отличаются от явных тем, что выявляются не чисто морфологическими средствами. Это — один из видов скрытых морфологических категорий. Бывают, по мнению исследователей, другие виды, которые для своего выражения используют функциональные особенности других категориальных форм, т.е., не имея своего означающего, за счет означающих других категорий. В.Г. Адмони называет их комплексно выражеными (или комплексными) морфологическими категориями [1, с. 71]. К числу таковых в чувашском языке можно отнести категорию дефинитивности (определенности — неопределенности), изъявительное наклонение. Эти категории не построены на оппозиции маркированная — немаркированная форма. Здесь совершенно иной тип отношений, ибо в этих случаях речь идет не о функциональных нулях (или о нулевой морфеме).

Проблема морфемного статуса нулевой морфемы вызвала разные толкования. Понятие невыраженного, но имплицированного члена той или иной категории вводило в заблуждение не одно поколение лингвистов. Но, как отмечает И.П. Иванова, «введение нулевой морфемы как равноправной морфологической единицы не только вступает в конфликт с общепринятыми определениями морфемы, но и нарушает принципы типологического анализа» [86, с. 167]. Если же морфему принимать как единицу, имеющую не только содержание, но и звуковую

форму, как единицу линейно выделяемую, то включение нулевой морфемы в общий морфемный ряд представляется невозможным. Понятие «единственное число» мы выделяем не paradigmatically, а логически, подразумевая под этим понятийную единичность.

Если признать наличие нуля во всех случаях постоянного отсутствия морфологического показателя той или иной грамматической категории, можно договориться до множественности нuleй. При такой трактовке слово *сётел* «стол» в чувашском не должно считаться одноморфемным. В крайнем случае, по данным нынешней морфологии, оно должно быть двуморфемным или трёхморфемным: *сётел* + Ø (показатель единственного числа) + Ø (показ. основного падежа).

В свою очередь глагольная лексема *вула* «читай» или «читать», по данным современной «нулеологии», должна состоять более чем из шести нuleй: -Ø (показ. осн. залога); -Ø (показ. повел. накл.); -Ø (показ. ед. ч.); -Ø (показ. актива); -Ø (показ. 2 л. ед. ч.); -Ø (показ. положит., утверд. аспекта); а в словоформе *вулатай* «читаю» мы обязаны указать наличие нулевого показателя изъявительного наклонения, естественно, нулевую морфему (или просто «нуль») нельзя считать эксплицитным морфологическим показателем, поэтому многие лингвисты, объявляя «нуль» имплицитным морфологическим показателем, создают только видимость нуля. Ведь всем известно, цифровой знак Ø «нуль» обозначает отсутствие величины [113, с. 369]¹, в нашем понимании — отсутствие морфемы. Нуль (лат. nullus — никакой) — число, от прибавления (или вычитания) которого к любому числу последнее не меняется: $a + 0 = 0$ (нуль), произведение любого числа на нуль дает нуль: $a \times 0$ (нуль) = $0 \times a = 0$, деление на нуль невозможно [160, с. 904]. Видимо, настала пора более трезво посмотреть на факты языка: морфологическое явление, чтобы стать явлением категориальным, обязательно должно иметь внешний выражитель, т.е. формальный показатель, причем он должен обладать принципом тотальности употребления, иначе говоря, распространяться на всё множество (или на большинство) элементов той части речи, к которой принадле-

¹ Ноль, нуль — «в математике: действительное число, от прибавления которого никакое число не меняется» [114, с. 412]. Добавление нuleй в математике всё же значимо: 10 (десять), 100 (сто), 1000 (тысяча) 1000 000 (миллион). Но в лингвистике такое добавление нuleй даёт нуль.

жит. Всё это ещё раз убеждает нас в том, что под морфологической категорией или категориальной формой следует понимать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, соблюдающие принцип тотальности употребления в пределах одной или нескольких частей речи. Исходя из данного определения морфологические категории следует считать одно-, двух-, трёхчленными или более. Некоторые категориальные формы, присущие одним частям речи, могут распространяться на другие. Если они на почве других частей речи подчиняются принципу тотальности употребления, категориальная форма терминологически и фактически сохраняется.

Если же та или иная категориальная форма на почве другой части речи перестаёт быть тотальной и подчиняется принципу избирательности употребления, то такая форма должна называться некатегориальной. Следовательно, некатегориальной формой следует считать как совокупность форм, так и одну отдельную форму с автономной семантикой, характеризующиеся принципом избирательности в пределах одной или нескольких частей речи и служащие в большинстве случаев для синтаксической связи слов. Например, отмечаем наличие категории компаративности (или сравнения) имён прилагательных, ибо все качественные имена прилагательные принимают формант *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*). В то же время у имён существительных категории компаративности нет, для них существенна лишь некатегориальная форма компаративности, ибо число существительных, которые можно использовать с аффиксом *-рах* (*-рех*), не превышает двух десятков: *ача* «дитя, ребёнок» — *ачарах* «всё ещё ребёнок»; *тиха* «жеребёнок» — *тихарах* «жеребёнок ещё»; *курак* «трава» — *куракрах* (*тырәсем куракрах* «хлеба ещё незрелые»); *хёлерех* *кёрсен* «ближе к зиме»; *çаварах тухсан* «ближе к лету». Таким образом, именам прилагательным присуща категория компаративности, поскольку аффикс *-рах* (*-рех*) распространяется на все качественные прилагательные чувашского языка, а имена существительные имеют лишь некатегориальную форму компаративности, поскольку форма на *-рах* (*-рех*) распространяется лишь на 0,1 % существительных чувашского языка. Такое высказывание еще не стало лингвистической аксиомой. По словам В.Г. Гака, словоизменительные категории «характеризуются

тем, что слово может изменяться по субкатегориям. Таких грамматических категорий большинство. Среди них различаются: чисто грамматические категории, которые распространяются на все слова данной части речи (по нашей терминологии — категориальные формы. — *B.C.*); лексико-грамматические категории, которые распространяются лишь на часть слов данного класса (в нашем понимании — некатегориальные формы. — *B.C.*)» [50, с. 34].

Х.Г. Нигматов вслед за А.В. Бондарко грамматические категории классифицирует по особенностям образования. В тюркских языках, по мнению Х.Г. Нигматова, все грамматические категории, кроме категории залога и степени признака, являются последовательно коррелятивными, т.е. все формы определенной категории свободно организуются от всех лексических основ, с которыми могут вступать в синтагматическую связь показатели форм этой категории. Что касается категории залога, то она является непоследовательно коррелятивной, так как все формы залога не могут образоваться от всех глаголов; на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения, широко отмеченные в тюркологии [111, с. 4].

Как было уже подчеркнуто, словоформы могут считаться категориальными формами лишь при последовательно коррелятивной градации, а непоследовательная коррелятивность дает повод говорить о некатегориальной словоформе, т.е. о формообразовании или о словообразовании, когда при помощи словообразовательного аффикса основа слова приобретает качественно новое значение, а при формообразовании новые лексические единицы не образуются.

Словоизменение и словоизменительная категориальная форма в грамматике порядков

Позиционные характеристики (последовательность морфем как в словоизменении, так и в формоизменении и формообразовании) рассматриваются в грамматике порядков, т.е. грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем. Существенно, что порядок морфем (последовательность морфем в словоформе) должен быть предметом специального лингвистического исследования.

Словоизменение в чувашском языке (как во всех других тюркских языках) строится по схеме: основа слова + словоизменительный аффикс (показатель категориальной формы). Это определение дает нам право говорить о словоизменительной категории, а часть морфологии, занимающая изучением словоизменения, по праву должна носить название «словоизменительная морфология» или «морфология словоизменения».

В чувашском языке словоизменительные категории имеют не все части речи, а лишь некоторые. Среди них:

имя существительное	
основа	+ аффикс <i>-сем</i> — категория множественного числа
	+ аффиксы падежей — категория падежа
слова	+ аффиксы лица — категория принадлежности
	+ аффикс <i>-чё (-ччё)</i> — категория прошедшего времени
	+ аффикс <i>-ах (-ex, -x)</i> — категория усиления;
имя прилагательное	
основа	+ аффикс <i>-рах (-рех)</i> — категория компаративности
	+ аффиксы <i>-и, -скер</i> — категория выделительности
слова	+ аффикс <i>-айн (-ён)</i> — категория образа (способа) действия
	+ аффикс <i>-чё (-ччё)</i> — категория прошедшего времени
	+ аффикс <i>-ах (-ex, -x)</i> — категория усиления;
имя числительное	
основа	+ аффикс <i>-мёш</i> — категория порядковости
	+ аффикс <i>-шар (-шер)</i> — категория разделительности
слова	+ аффикс <i>-айн (-ён)</i> — категория образа действия
	+ аффикс <i>-чё (-ччё)</i> — категория прошедшего времени
	+ аффикс <i>-ах (-ex, -x)</i> — категория усиления;
глагол	
основа	+ аффикс <i>-кала (-келе)</i> — категория многократного действия (многократности)
	+ аффикс <i>-ас (-ес)</i> — причастная категория будущего времени
слова	+ аффикс <i>-кан (-кен, -акан, -екен)</i> — причастная категория настоящего времени
	+ аффикс <i>-нă (-нё, -н)</i> — причастная категория прошедшего времени
	+ аффиксы <i>-а (-е), -са (-се), -сан (-сен)</i> — категориальные формы деепричастий.

Формоизменение и формоизменительная категориальная форма в грамматике порядков

Чувашскому языку (как и всем тюркским языкам) присуща агглютинативная морфология — выражение грамматических категориальных и некатегориальных форм путем соположения морфем. Процесс последовательного наращения аффиксов к основе слова (агглютинация) является закономерностью в тюркских языках. Аффикс при этом чаще всего является показателем какой-нибудь одной категории или формы и не может выражать несколько грамматических значений, как в русском языке. Например, в русском *товарищ-ам* компонент *-ам* определяет сразу число и падеж, а чувашское *юлташ-се-н-е* «товарищам» членится на основу *юлташ*, аффикс множественного числа *-се* (алломорф аффикса *-сем*), показатель генитива *-н*, аффикс дательного падежа *-е*.

Примеры подобного типа говорят о том, что в чувашском языке, как во всех тюркских языках, имеется не только словоизменение (изменение немаркированной основы), но и формоизменение (изменение маркированной основы). Многие категориальные формы способны присоединять другие аффиксы. Например, форма множественного числа *-сем* изменяется по падежам, а формы падежей способны принимать аффиксы прошедшего времени *-чё* и усиления *-ах* (*-ex*, *-x*). Формоизменение — способность морфологически маркированной основы присоединить к себе другие аффиксы категориальных и некатегориальных форм. Для формоизменения важна схема: основа слова + аффикс, указывающий на категорию максимально широкого объема, далее — аффиксы категории узкого объема (по Н.К. Дмитриеву) [65, с. 45]. Существует и такое мнение: «Чем меньше абстрагирована категория, которую представляет данный аффикс, тем ближе к лексической основе расположен её показатель» [55, с. 90].

Введение в грамматическое учение термина «формоизменение» представляется значимым, поскольку это поможет выявить в языке новые категориальные формы, которые до сих пор не были предметом описательной морфологии. Например, в чувашском языкоznании до сих пор не отмечено наличие у прилагательных категории множественного числа. Верно, что в словоизменительной морфологии такая категория для имён

прилагательных нехарактерна, но в формоизменительной морфологии это явление вполне закономерное; выделительные категориальные формы на *-и*, *-скер* способны принимать аффикс *-сем*, тем самым образуя формоизменительную категорию множественного числа прилагательных. Если исходить из несостоятельной оппозитивной теории грамматических категорий, то формы *лайা�ххи*, *лайা�хскер* «тот, кто хорош» должны считаться формами единственного числа. Но таковыми мало кто их считает, хотя возможность введения «мифического» нулевого морфа не исключена:

лайা�хх-и + *-Ø* — *лайা�хх-и-сем*

лайах-скер + *-Ø* — *лайах-скер-сем*

Термин «формоизменение» ввел в тюркологию В.Г. Гузев, по мнению которого он свойствен только многочленным категориям, конституируемым личными формами. С этих позиций, указывает автор, склонение или залоги — «типичные словоизменительные категории, к которым приложимо только понятие “формообразование” и которые не имеют формоизменительного механизма. В то время как глагольная категория времени или именная категория принадлежности — такие словоизменительные категории, в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать механизм формоизменения» [59, с. 9].

На наш взгляд, формоизменение свойственно не только многочленным, но и одночленным категориям. Например, форма прошедшего времени *-чё* (*-ччё*) является не только словоизменительной категорией, она может быть показателем формоизменительной морфологии. Например, *студент-чё* «был студентом», *студент-сем-ччё* «были студентами»; *хитре-ччё*, *хитре-скер-ччё* «был красивым», *вицё-ччё* «было в количестве трёх», *вицё-мёш-чё* «был третьим» и т.д.

Формоизменение служит для распознания двусторонне связанных аффиксальных морфем, показателей категориальных и некатегориальных форм. Словоизменительные морфемы являются односторонне связанными; примыкая к немаркированной основе слова, они свободно проявляют свою категориальную и некатегориальную сущность, т.е. становятся открытыми выразителями грамматического значения. Но есть морфемы, которые самостоятельно себя не проявляют, «ключом» их распознания в этом случае служит не только основа слова, но и последующие грамматические показатели. К таковым можно отнести аффиксы с временным значением, которые грамматически значимыми

становятся лишь в сочетании с аффиксами лиц: *кур-т-äm* «я видел» (или, по утверждению М.Р. Федотова, *кур-тä-m*), где форманты прошедшего категорического времени *-t-* (или *-tä-*) вовсе не употребительны в самостоятельном использовании: мы не говорим: *кур-t* (или: *кур-tä*). В этом случае временной показатель *-t-* (*-tä-*) проявляет свое значение лишь в двусторонней связи: *кур-т-äm* (или *кур-тä-m*), *кур-т-än* (или *кур-тä-n*) «ты видел», *кур-ч-ē* «он видел». Это говорит о том, что категория лица в глаголах является только формоизменительной категорией.

Двусторонне связанными аффиксальными морфемами в чувашском языке также являются: а) форманты отрицательной категории *-mas* (*-mec*), *-ma* (*-me*), *-m*: *кур-mas-t-äm* (или *кур-mas-tä-n*) «я не вижу», *кур-ma-p-äm* (или *кур-ma-pä-m*) «я не видел», *кур-m-ē* «он не увидит»; б) форма оптатива *-ai* (*-eij*): *кур-ai-ac-čē* (орф. *кураясчē*) «хотелось бы увидеть», *кур-ai-ma-pä-m* «не пришлось увидеть». В последовательной цепи морфем *кур-ai-ma-pä-n* ни одна из них самостоятельно не способна выразить значение, присущее им: мы не говорим *курай* (хотя, как отмечает Н.И. Ашмарин, такая форма была употребительна раньше в значении повелительного наклонения: *шыв айне чамай* «нырни в воду» [25, с. 54]; нет в языке самостоятельной формы *кур-ai-ma-* в отрицательной форме, неупотребительна форма *кур-ai-ma-p(ä)-* со значением прошедшего времени. Главными проявителями их категориальных значений являются показатели лица.

Этот вопрос в чувашском языкоznании (шире: в тюркологии) не изучен. Вопрос о формоизменении в тюркских языках должен быть поставлен и решён научными методами. Прежде всего, нужно выявить перечень категориальных форм, которые, прибавляясь к маркированной основе, способны вызвать формоизменение (точнее, словоформоизменение). Известно, например, что показатель прошедшего времени *-čē* (*-čchē*) ни при каких условиях не может служить базой для формоизменения. Но этот формант сам свободно может быть компонентом формоизменительной категории: *acha-na-čchē*, *хитре-скер-čchē*, *пиллēk-pe-čchē*, *вайл-čchē*.

Ср.: *acha-sem-čchē*

форма категории выделительности + *-sem* + *-čchē*: *ach-i-sem-čchē*

все падежные формы + *-čchē*: *acha-na-čchē*; *acha-shän-čchē*, *acha-säp-čchē* и т.д.

все формы категории принадлежности + *-čchē*: *acha-m-čchē*, *ach-y-čchē*, *ach-i-čchē*, *acha-m-är-čchē*, *ach-är-čchē*.

Формообразование, форма слова и словоформа в грамматике порядков

В языкоznании нет, наверное, более запутанного термина, чем «формообразование». Большинством лингвистов оно признается как словоизменение: формообразование — образование форм одного и того же слова (например, форм наклонения, времени, лица, числа и рода глагола) [142, с. 379]. А.В. Бондарко, изучая историю разработки понятия «формообразование», приходит к выводу: «В результате сосуществования расширительной и ограничительной тенденций в проблематике формообразования-словоизменения сложилась весьма неопределенная ситуация». Автор предлагает считать формообразованием не только образование форм одного и того же слова, но и образование форм разных слов, т.е. формообразование есть образование любых форм в рамках данной части речи [40, с. 114—115].

Те, кто придерживается морфосинтаксического подхода к морфологическим явлениям, предлагают считать формообразование образованием форм слов, выражающих несинтаксические категории.

В тюркологии подобную точку зрения на формообразование поддержал Ф.Г. Исхаков: «При помоzi этиx (формообразовательных. — В.И.) аффиксов образуются различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением» [89, с. 107]. По мнению автора, формообразовательные аффиксы бывают двух типов. Одни из этих аффиксов, не затрагивая основных лексических значений слов, добавляют к семантике лексем некоторые особые значения. К ним Ф.Г. Исхаков относит аффиксы существительных в ласкательно-уменьшительной форме, интенсивной, недостаточной и превосходной степени прилагательных, аффиксы порядковых и собирательных числительных, залогов, некоторых видов форм глаголов. Другие формообразовательные аффиксы, по его мнению, совершенно не изменяя лексического значения слова, добавляют к нему лишь особые грамматические значения. К ним он относит аффикс множественного числа существительных, аффикс отрицательной формы глагола, аффиксы, образующие формы времен и наклонений глаголов, формы причастий и деепричастий.

При помоzi словоизменительных аффиксов, как писал Ф.Г. Исхаков, «образуются также различные грамматические

формы слова, но связанные только с синтаксическим его употреблением» [89, с. 107]. К ним автор относит падежные аффиксы и аффиксы принадлежности имен существительных, личные аффиксы глаголов и т.п.

Почти аналогичная точка зрения была высказана в свое время И.П. Павловым, который, в отличие от Ф.Г. Исхакова, аффиксы времён и наклонений считает словоизменительными аффиксами [118, с. 8].

О сложностях, возникающих при таком распределении форм, в довольно четкой форме изложено в рецензии И.А. Андреева на книгу И.П. Павлова. Рецензент считает включение причастных, деепричастных и инфинитивных аффиксов в число формообразующих морфем неправомерным, ибо назначение вышеуказанных аффиксов прежде всего синтаксическое: они указывают на синтаксическую связь глагольного корня с другими словами [10, с. 194].

В.Г. Гузев советует различать две разновидности словоизменения: формообразование и формоизменение. Формообразование признается автором основной разновидностью словоизменения, охватывающей «не только категории с личными формами, но и все остальные категории». С этих позиций склонение и залоги признаны автором типичными словоизменительными категориями, к которым приложимо только понятие «формообразование» и которые не имеют формоизменительного механизма. Глагольная категория времени или именная категория принадлежности являются словоизменительными категориями, «в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать и механизм формоизменения» [59, с. 8—9]. На наш взгляд, такое разделение словоизменения для понимания сущности грамматических явлений ничего нового не дает.

Здесь будет уместно привести слова В.М. Жирмунского: «...с точки зрения академической грамматики, существуют три группы морфем: флексии, формообразующие суффиксы и словообразующие суффиксы. Но нас интересует не название, а принципиальный вопрос: где же проходит в языке граница между словоизменением и словообразованием, тождественно ли понятие формообразования с понятием словоизменения... Вопрос этот остается открытым. Можно думать, что под “формообразованием” понимается категория, переходная между сло-

воизменением и словообразованием, очертания которой представляют существенные различия в языках разного типа» [77, с. 16–17].

Огромная заслуга В.М. Жирмунского, как считает Л.А. Покровская, состоит в том, что он «верно охарактеризовал сущность формообразования как самостоятельного морфологического явления, занимающего в структуре слова своё место между словообразованием и словоизменением и присущего не только русскому и другим флексивным языкам, но и языкам других морфологических типов. Задача состояла в том, чтобы выявить специфику формообразования в каждой семье родственных языков, отличную от специфики словоизменения» [130, с. 12].

Критикуя А.Н. Кононова, В.Г. Гузева и авторов грамматик караимского, гагаузского, карачаево-балкарского языков, Л.А. Покровская признаётся: «В конце 60-х годов мной в морфологии гагаузского языка были выделены три группы аффиксов по их грамматическим функциям: 1) словообразовательные, 2) формообразовательные, 3) словоизменительные... Однако деление аффиксов на формообразовательные и словоизменительные в этом очерке было во многом ещё эмпирическим... При подготовке к переизданию... вопрос о формообразовании в гагаузском языке и относящихся к нему аффиксах был мной окончательно решен. Решению вопроса отчасти помогло исследование формообразования в русском языке» [130, с. 13]. Далее, опираясь на работу Н.А. Лыковой, которая без каких-либо доказательств и теоретических оснований в зону формообразования «загоняет», помимо форм инфинитива, форму степени сравнения прилагательных и наречий, формы прошедшего времени, глагольных наклонений, залогов и видов, субъективной оценки имен существительных и прилагательных [103, с. 51], Л.А. Покровская устанавливает «собственный внешний критерий разграничения аффиксов формообразования и словоизменения» для тюркских языков. Не вдаваясь в подробности, скажем, что ей удалось в очередной раз внести путаницу в так называемый «процесс формообразования», ибо она решила, что к формообразовательным аффиксам следует отнести аффикс множественности *-lar* (со всеми фонетическими вариантами), аффиксы, образующие уменьшительно-ласкательные формы имён существительных, прилагательных и наречий, форманты, выражющие ослабление и усиление признака, качества

прилагательных и наречий, аффиксы, образующие порядковые и разделительные числительные. В сфере глагола к формообразованию, по её мнению, «следует отнести все неличные формы глагола (инффинитив, причастие, деепричастие), образуемые также единичными аффиксами, не противопоставленными друг другу как члены определенных парадигм» [130, с. 15]. Автор считает определяющими признаками формообразования единичность и непротивопоставленность в парадигме, на самом деле здесь намешаны разноуровневые явления.

Наша интерпретация термина «формообразование» связана с делением грамматических форм на категориальные и некатегориальные. В связи с этим морфология как раздел науки состоит из трёх частей: словоизменения — учения о категориальных формах немаркированной основы или лексического слова; формоизменения — учения о возможностях агглютинации словоформ (маркированных основ), включая категориальные и некатегориальные формы; формообразования — учения о некатегориальных формах, образование которых основано на принципе избирательности.

В данной работе мы также придерживаемся мысли, что ядром морфологической категории являются словоизменительные и формоизменительные форманты, т.е. словоизменение и формоизменение — центр морфологии, а формообразование составляет её периферию, и поэтому форманты, характеризующие его, носят название некатегориальных.

Итак, словоизменение — это категориальное изменение немаркированной основы слова со следующим непосредственно за ней показателем той или иной категории, подчиняющейся принципу тотальности употребления (больше 50 %, возможно и до 100 % основ той или другой части речи): *пұрт-сем* «дома», *лаша-сем* «лошади»; *сұрт-әм* «дом мой», *чун-у* «душа твоя», т.е. почти со всеми существительными. Формоизменение (словоформоизменение) — категориальное изменение маркированной основы (т.е. словоформы) со следующим за ней показателем той или иной категории (или категорий), подчиняющейся (или подчиняющейся) принципу тотальности употребления: *ача-сем + -не* «с детьми» (ср.: *ача-па* «с ребёнком» — словоизменение, а *ача-сем-шён* «за детей» — формоизменение; *сұрт-у-сем* «твои дома» — формоизменение). Формообразование — некатегориальное словоформоизменение

маркированной или немаркированной основы со следующими за ней показателями той или иной некатегориальной формы (или форм), подчиняющейся (или подчиняющихся) принципу избирательности употребления: *улма-шар* «по яблоку», *тенкёшер* «по рублю», *ача-рах* «всё ещё ребёнок», «ещё ребёнок», *вárман-а-рах* (*кёрсен*) «при углублении в лес», *uya(y)-a-рах тухсан* «как только вышли в поле» (перевод приблизительный). Эти примеры показывают, что под влиянием формообразовательного аффикса *-рах* (*-рех*) формант дательного падежа в свою очередь превращается как бы в формообразовательный элемент, т.к. он под влиянием аффикса *-рах* (*-рех*) подчиняется при этом принципу избирательности употребления (мы же не говорим: *сын-а-рах*, *этем-е-рех*).

Об основообразовании

Словоизменение, формоизменение и формообразование составляют общую формальную структуру чувашского языка — один из основных его уровней, его строевой каркас — морфологию. В 80-е годы XX века в тюркологию вошёл термин «основообразование». Это новый термин, по значению он не совпадает (как полагают некоторые лингвисты) с термином «словообразование».

Существует мнение, что деривационный аффикс в тюркских языках, в том числе и в чувашском, создаёт новую лексическую единицу с новым содержанием, а реляционный (словоизменительный) — выражает отношение между готовыми лексическими и морфологическими единицами. Выработаны достаточно чёткие критерии, по которым словообразовательные формы отличают от словоизменительных: деривационный аффикс, как бы он ни был продуктивен, образует новое слово не от любого слова той или иной части речи, т.е. словообразовательные форманты имеют в тюркских языках ограниченное употребление. Иначе говоря, аффиксальное словообразование подчиняется принципу избирательности употребления. Словоизменительные аффиксы образуют грамматическую форму слова от всех или почти от всех слов одной части речи и подчиняются принципу тотальности употребления. Большинство словоизменительных (категориальных) формантов служит синтаксической связи слов в высказываниях.

нии (в словосочетаниях и предложениях), а деривационные аффиксы в синтаксической функции не выступают. Формообразующим аффиксам тоже присущ принцип избирательности употребления, но, в отличие от деривационных, они выступают в большинстве случаев в синтаксической функции.

В тюркологии существует мнение, что «в глагольной словоформе можно выделить комплекс основообразующих категорий, которые входят в состав словоформы, но сами её не образуют», а «залоговые показатели — это элементы лексического основообразования, противопоставленные блоку категорий (наклонение, время), образующих грамматическую основу словоформы» [58, с. 11]. В действительности, с точки зрения морфологической техники, основообразование (рассмотренное Э.А. Груниной на примере так называемых залоговых форм тюркских языков) стоит ближе к словообразованию: 1) подобно словообразовательным категориям, залог необязателен в структуре словоформы; 2) залогообразование обнаруживает не альтернационный, а деривационный тип отношений, выявляющий отношение производности; 3) объединение залоговых форм напоминает скорее словообразовательное гнездо, нежели словоизменительную парадигму; 4) залоговые формы не связаны оппозитивными отношениями; 5) лексикографическая практика интуитивно квалифицирует залоговые формы того или иного глагола как словообразование.

В лингвистике отмечают двояко выраженную (собственно залоговую и словообразовательную) природу залогообразующих форм [164, с. 270]. При этом возникает дилемма: как интерпретировать залоговые значения, меняющие семантическую валентность лексемы — как словообразование или как грамматическую (морфологическую) категорию? По мнению Э.А. Груниной, «есть основания рассматривать ПЗ (понудительный залог. — *B.C.*), а также ВЗ (взаимный залог. — *B.C.*) как грамматические категории номинативно-расширяющего типа, входящие в сферу основообразования (грамматического расширения основы) и не относящиеся к словоизменению» [58, с. 11—12]. Отсюда автор делает обобщающий вывод: «Тюркские залоги — разнородные категории... которые объединяет статус их существования как категорий... относящихся к категориям основообразования, т.е. к особому типу морфологических катего-

рий, не принадлежащих ни к словообразованию, ни к словоизменению» [58, с. 11–13].

Заявление Э.А. Груниной о том, «что морфологическая по своей технике категория залога в тюркских языках входит в сферу основообразования (промежуточный тип между категориями словообразования и словоизменения)», заслуживает внимания. Но в чувашском языке встречаются случаи двойного употребления залоговых форм, например аффиксов так называемого понудительного залога: *кёрле-ттер-тер* «заставить звучать, шуметь, грохотать», *вёрен-т-тер* «заставить учить», в которых результатом «основообразования» следует считать лишь формы *кёрлеттер* «шуметь, тарахтеть, грохотать» и *вёрент* «учить, обучать», но не *кёрлеттертер*, *вёренттер*, *вёренттерттер*. На наш взгляд, в словах *кёрлеттер*, *вёрент* аффиксы *-тер*, *-т* являются словообразующими (так называемые залоговые формы лексикализованы полностью и перешли в разряд лексических единиц), следующие за ними аффиксы — не что иное, как аффиксы понудительной формы. Более подробно эти вопросы рассмотрены в разделе о глаголе (с. 275—280).

Раздел 4

МОРФОЛОГИЯ, ОСНОВАННАЯ НА СЛОВОИЗМЕНЕНИИ, ФОРМОИЗМЕНЕНИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИИ

Уровни морфологии. Части речи, имеющие категориальные и некатегориальные формы

Морфологией обычно называется раздел грамматики, изучающий словоизменение, прежде всего в плане образования форм слов, их системы и грамматические категории, которые в этих формах выявляются. Основным предметом морфологии до сих пор считали систему морфологических противопоставлений, свойственных данному языку, или систему его грамматических категорий и способов их выражения, и это считалось достаточным критерием для определения предмета морфологии. Морфология чувашского языка, на наш взгляд, должна исследовать не только вопросы словоизменения, но и формоизменения, а также формообразования.

Морфология словоизменения — раздел морфологии, изучающий образование грамматических форм слов с особым вниманием к грамматическим категориям и занимающийся вопросами словоизменения непроизводной основы (или корня) слова, т.е. исследованием изменения немаркированной, первичной основы.

Морфология формоизменения (или *словоформоизменения*) — раздел морфологии, занимающийся исследованием категориальных словоформ с особым вниманием к грамматическим средствам, создающим как бы удвоение, утройство и т.д. форм слов. При этом исследователь прежде всего должен обратить внимание не столько на изменение основы слова, сколько на изменение словоформы, т.е. вторичной производной формоосновы, исследуя дальнейшее изменение маркированной основы.

Морфология формообразования — раздел морфологии, изучающий некатегориальные формы маркированных и немаркированных основ.

В морфологию традиционно также включают учение о грамматических классах слов (о частях речи). Выражение «часть речи»

следует принять как условный, но прочно устоявшийся термин, давно утерявший мотивационную связь с обозначаемым явлением. Он возник в древнегреческой грамматике в то время, когда еще не была установлена строгая дифференциация слова как единицы лексики и слова как элемента предложения. В результате совокупного применения трех критериев классовой идентификации слов: семантического, формального и функционального — все слова любого языка распределялись по рубрикам знаменательных и служебных частей речи. Функциональный критерий распределения слов по частям речи предполагает раскрытие их синтаксических свойств в предложении и мало связан с морфологией, поэтому при определении составов частей речи может быть легко устранен.

В чувашском языке морфологические классы слов могут быть классифицированы на основании семантического (обобщенное значение предмета, качества, количества, состояния или действия) и морфологического признака. Согласно морфологическому признаку различаются: 1) части речи, имеющие морфологические категории и обладающие способностью к формуизменению: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол; 2) части речи, не имеющие морфологических категорий, лишь отчасти обладающие формообразованием: частица, послелог, имя действия, наречие и подражательное слово; 3) части речи, не имеющие морфологических категорий и не обладающие слабо развитым формообразованием: союз, междометие.

С этой точки зрения в морфологии в число частей речи союз и междометие включаться не могут. С другой стороны, если определять части речи, основываясь на частнограмматических категориях, можно констатировать, что причастие и деепричастие в чувашском языке являются категориальными, а не неличными формами глагола.

Слова группируются в грамматические классы в зависимости от их общих лексических и грамматических значений, грамматических категорий, совокупность которых определяет положение этой группы слов в общем грамматическом строе языка. Прав был Л.В. Щерба, говоря: «Однако в вопросе “о частях речи” исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация

особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...» [188, с. 78].

Категорию частей речи относят к общим лексико-грамматическим категориям и называют словоклассифицирующей. Словоклассифицирующие и словоизменительные грамматические категории являются ступенями в языковой системе, фиксирующими и раскрывающими существенные стороны морфологии любого языка. Исследование этих категорий составляет задачу «внутренней» морфологии, по сравнению с «внешней», так называемой аналитической морфологией, где грамматическое значение выражается сочетанием слов. Ср.: рус. *прочту*, буду читать и чув. *вулāп* «буду читать», *вуланā пулāп*.

Наиболее ярким опознавательным знаком части речи выступает значение слова. Л.В. Щерба по этому поводу заметил: «...если мы знаем, что *какаду* — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное». И ещё: «Впрочем, едва ли потому мы считаем *стол*, *медведь* существительными, что они склоняются: скорее, мы их потому склоняем, что они существительные» [188, с. 79, 80—81].

Л.С. Бархударов считает, что при отнесении слова к той или иной части речи ведущим должен быть не семантический (смысловой), а формально-грамматический критерий. «Иначе говоря, — пишет автор, — мы не потому относим слова к существительным, что они обозначают предметы, а, наоборот, считаем, что они обозначают предметы лишь потому, что определяем их как существительные по целому ряду грамматических признаков» [28, с. 53].

Настала необходимость примирить эти две противоположные точки зрения, ведь определения частей речи в школьных учебниках до сих пор грешат однобокостью: имя существительное — часть речи, обозначающая предмет или предметность; глагол — часть речи, объединяющая слова, которые обозначают действие или состояние. При этом почему-то предметность, действие и состояние во всеуслышание объявляются отвлеченными грамматическими значениями, а на самом деле они являются лексическими (или даже понятийными).

Определения имени существительного и глагола должны выглядеть так: имя существительное — это часть речи, обозначающая предмет и выражающая лексическое значение предметно-

сти в частных грамматических категориях числа, принадлежности, падежа и т.д.; или: имя существительное — знаменательная часть речи, включающая слова, которые имеют значение предметности и обладают в силу этого грамматическими категориями числа, принадлежности и падежа; глагол — это часть речи, которая обозначает процесс и выражает это значение в категориях лица, числа, наклонения, времени и т.д.

В силу названных причин мы проводим классификацию слов как лексико-грамматических единиц. Морфологический подход к классификации частей речи предполагает установление их через частнограмматические категории. При этом семантический принцип сохраняется.

К примеру, слово *çanu* в творительном падеже:

<i>Ханха тăрри шартлатать</i>	И трещат, трещат ворота
<i>Саламатта çanupa</i> (К. Ив.)	Под ударами плетей.

На русский язык *çanu* может быть переведено как «хлестание», «битье». Казалось бы, *çan* (глагол) + -у дает возможность отнести слово к именам существительным; ср.: *сыру* (*сыр-* + -у) «письмо», *пуху* (*пух-* + -у) «собрание», *нёлү* (*нёл-* + -ү) «знание» и т.д. К тому же значение отвлеченной предметности налицо. Но слова *сыру*, *пуху* и *нёлү* могут изменяться по лицам, числам, падежам и, соответственно, иметь категории числа, лица, падежа, а слово *çanu* стоит вне этих категорий. Только по той причине, что стоит в творительном падеже, нельзя причислить его к словам, изменяющимся по падежам, поскольку на самом деле оно не склоняется. Таким образом, *çanu* выделяется в особый класс имён действия (*ёс ячё*) — слов, не обладающих грамматическими категориями, в силу чего им присуще лишь частичное формообразование.

Морфологические признаки частей речи являются оппозиционными знаками. При этом необходимо знание не только словоизменительной, но и формоизменительной и формообразовательной морфологии.

Некоторые исследователи считают причастия и деепричастия отдельными частями речи. Инфинитив в чувашском языке является неличной категориальной формой глагола, поскольку аффиксу *-ма* (-*me*) присуща тотальность употребления, он не может быть причислен к формообразующим, таким образом, инфинитивный аффикс *-ма* (-*me*) также следует рассматривать в качестве показателя, образующего категориальную форму словоизменения.

Существует мнение, что система словообразования в тюркских языках не является единой и общей. Она имеет две основные подсистемы: а) собственно дериватологию — подсистему лексико-семантического словообразования, когда аффиксы изменяют реальное значение слова; б) подсистему морфологического словообразования, когда изменяется реальное значение производной основы и морфологически это выражается через категориальные формы, которые не присущи производящей основе. При морфологической деривации появляется новый элемент морфологической действительности — новая единица части речи, чаще другой, чем исходная единица. Получается, что аффиксы морфологического словообразования преобразуют слова одной части речи в другую тотально. К такому выводу приходит Н.А. Баскаков, предлагающий исследовать тюркский глагол с позиций семантических и функциональных категорий [33, с. 48]. Вряд ли можно согласиться с его утверждением, что «именно словообразование определяет признаки и критерии частей речи, словоизменение их не определяет» [33, с. 4]. Но как определить, к какой части речи относятся те или иные непроизводные слова, если у них нет деривационных признаков?

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

A. Словоизменение существительных

Категория числа

«Категория числа в языке — это чисто грамматическая категория, основанная на общих свойствах грамматической абстракции, обладающая всеми необходимыми чертами грамматического яруса структуры языка, обязательно выраженная каким-либо грамматическим способом и имеющая грамматическую форму», — писал А.А. Реформатский в статье «Число и грамматика» [138, с. 400].

Во многих языках, по мнению лингвистов, категория числа выражается противопоставлением двух членов — единственного и множественного числа. То же самое отмечается в чувашском языкоизнании. Подчеркивается также, что значение числа существительного обращено к внеязыковой действительности. Отражая непосредственно внеязыковую действительность, число выступает как номинативный элемент значения имени существительного.

Казалось бы, в языке нет проще категории числа существительных, в которой бинарное противопоставление рядов словоформ как будто налицо. В то же время именно при описании категории числа существительных мнение ученых расходится: она выдвигает перед исследователями противоречивый материал, который толкуется по-разному. Разногласия вызваны непониманием её как чисто грамматического явления и числа (количества) как философской (логической) мыслительной категории. Языковая категория числа является средством выражения мыслительной (понятийной) категории количества, которая в разных языках выражается разными средствами: лексическими, грамматическими, синтаксическими. Непонимание этого разнообразия средств выражения квантитативности выдвигает порой перед исследователями непреодолимые препятствия.

Говоря о грамматической (морфологической) категории числа, чувашские лингвисты не сомневаются в том, что в чувашском языке есть единственное и множественное число: множественное число выражается аффиксом *-сем*, т.е. оно маркировано, а единственное число является немаркированной основой существительного: *сётел* «стол» — *сётелсем* «столы», *ача* «ребёнок» — *ачасем* «ребята» и т.д. В этом случае можно говорить, что аффикс *-сем*, присоединяясь к именам существительным, образует категориальную форму множественного числа: *хёрсем* «девушки», *сынсем* «люди», *кёнакесем* «книги», а существительные *хёр* «девушка, девочка», *сын* «человек», *кёнаке* «книга» считаются именами в единственном числе, которое не выражено никаким грамматическим способом, т.е. не имеет маркированной морфологической формы.

При таком понимании вне морфологической категории множественного числа остаются все другие средства выражения множественности. К таким способам выражения множественности (как понятийной категории) мы относим:

а) редупликацию основы: *хир-хир урлă каçräмäр* «переехали (перешли) несколько полей»; *ял-ял витёр тухräмäр* «прошли (проехали) несколько деревень». При этом *хир-хир*, *ял-ял* не числятся во множественном числе, хотя выражают неопределенное понятийное множество предметов, названных в основах слов *хир* «поле» и *ял* «деревня». Если употребить слово во множественном числе — *ял-ялсем*, то это уже будет не выражение множества предмета, которое передано основой *ял* «деревня»,

поскольку *ял-ялсем* в диалектах чувашского языка понимается в значении «сельчане» или «жители, представители некоторых деревень». Ср.: *Ял-ялсем тыра вырма тухнă та ёнтē* «Жители нескольких деревень уже вышли на уборку хлеба»;

б) удлинение одного из гласных основы: *Кামпа-а-а кунта!* «Грибо-о-ов здесь!»; *Ача-а-а урама!* «Дете-е-ей на улице!»;

в) выражение существительным собирательного множества (лексический способ): *халăх* «народ», *кĕтүй* «стадо», *ушкай* «толпа» и т.д.;

г) передачу в определённом контексте идеи неопределенной множественности через форму единственного числа: *сырла татрăмăр* «собирали ягоды», *кăмпа пухрăмăр* «собирали грибы»;

д) синтаксический способ: *пилĕк кĕнеке* «пять книг», *темиçе ача* «несколько ребят» и т.д.

Во всех этих случаях существительные остаются в единственном числе, но выражают неопределенное множество предметов.

А может ли категориальная форма, выраженная аффиксом *-сем*, передавать значение единичности предмета? Оказывается, может. В чувашском языке существуют такие формы почтительности, как *аттесем* «отец», *аннесем* «мать». Хотя здесь наяву форма множественного числа, выражаемая реалия мыслится в единственном числе, если отец живет один: *аттесем патне кайрäm* «съездил (сходил) в дом к отцу», *аннесем патне кайрäm* «съездил (сходил) в дом к матери», *аннесем патёнче пултäm* «был в доме матери»; естественно, *аттесем*, *аннесем* передают во многих случаях значения типа «отец и его семья» или «мать и окружающие её родные люди» (необязательно семья).

Форма множественного числа существительных в чувашском языке несёт разную функциональную нагрузку. В таких примерах, как *Мускавсем*, аффикс *-сем* является полифункциональным: а) выступает как аффикс множественного числа: *Америкара Мускавсем темиçе те* «В Америке есть несколько городов под названием Москва»; б) не выражает того, что обозначено основой, т.е. *Мускавсем* имеет значение нарицательного существительного «москвичи» (жители Москвы); в) выражает значение сугубо единичного предмета (лица): *Вăл Мускавсем мар-и вара?* «Разве он не москвич?» В таких случаях *-сем* выступает на месте русских словообразовательных суффиксов *-ич*, *-ец* и др., и следует полагать, что в чувашском языке он тоже имеет тен-

денцию превращения из словоизменительного аффикса в словообразовательный.

Явно выраженный деривационный характер аффикса *-сем* проявляется в словах *хёрсем* «золовка» и *ывайлсем* «деверь», которые являются словарными единицами, и здесь процесс лексикализации формы множественного числа налицо. Это было подмечено в свое время Н.И. Ашмариным, который писал: «... слова *ывайлсем*, *хёрсем* в этом случае теряют смысл множественного числа и склоняются как единственное (*ывайлсемён*, *ывайлсене* и т.д.), причем даже могут принимать вторично знак множественного числа: *ывайлсемсем* — (мои) младшие деверья, *хёрсемсем* — (мои) младшие золовки» [20, с. 152]. Это напоминает установку Ф.Ф. Фортунатова, решившего разорвать падежно-числовую парадигму существительных, объявив формы множественного числа словообразовательными, т.е. квалифицируя формы единственного и множественного числа существительных как разные слова [179, с. 162]. Исследователи не последовали примеру Ф.Ф. Фортунатова, считая такое допущение явной логической ошибкой.

Следует обратить внимание на появившееся в последнее время в тюркологии мнение, что в морфологии тюркских языков представлена только одна форма — форма с *-лар*, являющаяся самостоятельным, автономным средством указания на множественность предметов, не входящим ни в какие морфологические ряды. По мнению В.Г. Гузева и Д.М. Насилова, основная форма имени существительного без показателя *-лар* (в примере узб. *китоб* «книга») не несет информации о количестве предметов [63, с. 27]. Здесь авторы явно не учитывают уровень исследуемого материала: путают морфологическое с синтаксическим, т.е. синтетическое с аналитическим. Конструкция *бир* «один» + имя существительное (*бир китап* «одна книга»), по их мнению, является грамматическим образованием, и поэтому вопрос о том, является ли это образование аналитической формой, ещё не решён.

В работе С.Н. Иванова говорится, что «значение единичности содержится наряду с другими значениями в самой форме единственного числа и не привносится в нее посредством тех показателей единичности, с которыми она сочетается» [83, с. 34]. Значение единичности в данной конструкции лишь уточняется, или же *бир*, выступая как бы в значении неопределенного артикля индоевропейских языков, выражает неопределенную единичность.

Если признать, как предлагаю В.Г. Гузев и Д.М. Насилов, что в тюркских языках указанные конструкции являются формой единственного числа, то следует признать в них наличие двойственного числа, выраженного конструкцией *ики* «два» + имя существительное, тройственного числа и т.д., что представляется абсурдом. К тому же авторы утверждают, что в тюркских языках форма множественного числа выражена аффиксом *-лар* (*-лер*), как будто нет аффикса *-сем* в чувашском языке. Известно, что Н.И. Ашмарин особенностям употребления чувашского аффикса *-сем* посвятил целых 37 страниц своего труда по синтаксису чувашского языка [21, I, с. 50—87].

Следует подчеркнуть, что аффикс множественного числа в чувашском языке относится не только к словоизменительной морфологии, но и с успехом может фигурировать в формоизменительной (словоформоизменительной) морфологии; ср.: *кёнеке-сем* «книги» и *кёнеке-м* «моя книга» — *кёнеке-м-сем* «мои книги», *кёнек-ў* «твоя книга» — *кёнек-ў-сем* «твои книги», *кёнек-и* «его (её) книга» — *кёнек-и-сем* «его (её) книги».

В нашей работе мы отдаём дань традиции, и поэтому термин «единственное число» у существительных временами употребляется, но чисто условно. С другой стороны, на наш взгляд, всё познаётся в сравнении: познать категорию множественного числа помогает термин, обозначающий мнимое единственное число. Форма единственного числа существительных воспринимается как лексическая словарная единица вокабуляра.

Категория принадлежности и формы косвенной принадлежности

Категорией принадлежности называется словоизменительная морфологическая категория, выражающая одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя [65, с. 54]. Она существует для того, чтобы передать отношение одного предмета (лица) к другому, если есть в этом необходимость; если же такой необходимости нет, то говорящий или пишущий не обращается к данной категории. Это одна из основных категорий имён существительных, на которой строится тюркская (в том числе и чувашская) грамматика (морфология).

В современном чувашском языке словоизменительная морфологическая категория принадлежности образуется при помощи следующих аффиксов:

аффиксы единичной предметной и личной принадлежности	аффиксы множественной предметной и личной принадлежности, или множественного числа
1 л. <i>-äm</i> , (<i>-äm</i> , <i>-m</i>)	1 л. <i>-m</i> , <i>-äm</i> , <i>-äm</i> + <i>-är</i> (<i>-ärp</i>)
2 л. <i>-y</i> (<i>-yj</i>)	2 л. (?) + <i>-är</i> (<i>-ärp</i>)
3 л. <i>-č</i> , <i>-u</i>	3 л. <i>-č</i> , <i>-u</i> + (?)

Категория прямой (конкретно-личной) принадлежности. В категории конкретно-личной принадлежности существительных, на первый взгляд, проявляется конкретная морфологическая противопоставленность аффиксальных морфем, но эта оппозиция нарушается в двух случаях: во 2 и 3 лице, обозначающих множество. Это положение заставляет нас не признать наличия нулевого аффикса единственного числа у категории принадлежности существительных, ср.:

единственное число:

- 1 л. *acha-m* «дитя моё», *çurtäm* «мой дом», *kinäm* «моя сноха»;
- 2 л. *ach-y* «дитя твоё», *çurtu* «дом твой», *kiny* «сноха твоя»;
- 3 л. *ach-i* «дитя его (её)», *çurçe* «дом его (её)», *kinē* «сноха его (её)»;

множественное число:

- 1 л. *achamär* «дитя наше», *çurtämär* «дом наш», *kinämär* «сноха наша»;
- 2 л. *achär* «ваше дитя», *çurtär* «дом ваш», *kinär* «ваша сноха»;
- 3 л. (*vësen*) *achi* «их ребёнок», *çurçe* «их дом», *kinē* «их сноха».

Аффиксы личной принадлежности во множественном числе имеют ряд различий, на которые следует обратить внимание. Если в 1 лице наблюдаем «нагромождение» типа аффикс 1 лица *-äm* (*-äm*, *-m*) + аффикс множественности лица *-är* (*-ärp*), то в 3 лице нет показателя личного множественного числа, таким образом, отдельно взятая форма 3 лица *achi*, *kënekü*, *kinē*, *çurçe*, *cëtelë* и т.д. может трактоваться лишь как форма личной единичности. Предметное число в категории принадлежности выражается аффиксом *-sem*.

Множественность предметного числа:

- 1 л. *achamsem* «дети мои», *çurtämsem* «дома мои»
- 2 л. *achusem* «дети твои», *çurtusem* «дома твои»
- 3 л. *achisem* «его (её) дети», *çurçesem* «его (её) дома».

Множественность личного и предметного числа:

1 л. *ачамäрсем* «наши дети», *суртäмäрсем* «наши дома»

2 л. *ачäрсем* «ваши дети», *суртäрсем* «ваши дома»

3 л. (*вëсен*) *ачисем* «их дети», *сурчëсем* «их дома».

В 3 лице личное множественное число аффиксально не выражается, принадлежность передаётся не морфологически, а синтаксически: *вëсен ачисем* «их дети», *вëсен кёnekисем* «их книги».

В чувашеведении стало аксиомой следующее положение: как предмет обладания, так и обладатель могут стоять в единственном и множественном числе, и здесь возможны четыре варианта:

1. Предмет обладания и обладатель стоят в единственном числе: *лаша-м* «моя лошадь», *лаш-у* «твоя лошадь», *лаш-и* «его (её) лошадь», при этом ничего не говорится о показателе единственного числа и о нулевом морфе. Здесь представлены лишь аффиксы лица *-м*, *-у*, *-и*; если вклиниить в вышеприведенные словоформы «нулевые морфы», то это выглядит так: *лаша + -Ø + -m + -Ø*, *лаш + -Ø + -y + -Ø*, *лаш + -Ø + -u + -Ø*. Каждый здравомыслящий человек, глядя на эти нули, скажет: «Почему вы так коверкаете наш язык?»

2. Предмет обладания стоит во множественном числе, а обладатель — в единственном: *лаша-м-сем* «мои лошади», *лаш-у-сем* «твои лошади», *лаш-и-сем* «его (её) лошади»; формантом множественного числа здесь выступает аффикс *-сем*, а показателя единственного числа нет.

3. Предмет обладания стоит в единственном числе, а обладатель — во множественном: *лаша-м-äр* «наша лошадь», *лаш-в-äр* «ваша лошадь», *лаш-и* (3 лицо и только. — В.С.).

4. Предмет обладания и обладатель стоят во множественном числе: *лаша-м-äр-сем* «наши лошади», *лаш-äр-сем* «ваши лошади», *лаш-и-сем* «их лошади».

В последнем примере совсем не ясно, почему *-и* — это обладатель во множественном числе? Ведь в пункте 1 чётко сказано, что *-и* указывает на обладателя в единственном числе [14, с. 34; 118, с. 76—77].

Из этой путаницы Л.П. Сергеев выходит, на первый взгляд, просто: «Камäнлähх форми чäваш чёлхинче тäватä тëслë. Ку вäl япали те, хуси те е пёччен, е нумай пулнинчен килет: 1) япали пёрре, хуси те пёрре (пёччен)» (Форма принадлежности в чувашском языке бывает четырёх видов. Это зависит от единичности или множественности предмета или обладателя: 1) пред-

мет один и обладатель один); но тут же попадает в сети прежних положений: «...япала ячё те, сাপачё те пёрреллё хисепре» (...и имя существительное, и лицо в единственном числе), и так по всем четырём пунктам [154, с. 267]. Л.П. Сергеев спорный вопрос о единственном числе не поднимает, отмечает лишь: «Пёрреллё хисепэн ятарлә морфологи палли çук» [154, с. 277] (Единственное число не имеет специфических морфологических признаков). Но что имеет в виду автор, когда говорит: «Пуплевре япала ячён пёрреллё хисеп формипе çакан пек чух усә курассё» [154, с. 278] (В речи форму единственного числа имён существительных употребляют в следующих случаях...) Имеет в виду нулевую форму? Ведь форма, форма грамматическая (морфологическая), предполагает «разновидность слова вместе с показателем его грамматического значения». Аффиксы принадлежности *-äm* (*-ëm*, *-m*), *-u* (*-ÿ*), *-ë* (*-u*) — форманты лица, а не единственного числа. Это наглядный пример фокуснической имплицитно-ложной эксплицитности единственного числа, с проблемой фокуснической имплицитно-ложной эксплицитности мы сталкиваемся и при рассматривании спряжения глаголов, но об этом позже.

В чувашском языкоznании наличие категории принадлежности принимается всеми. Но в недавнем времени возник ряд «недоуменных вопросов» И.П. Павлова: «1. Не является ли категория лица в чувашском языке общей категорией для нескольких частей речи? 2. Следует ли отделять категорию принадлежности в особую грамматическую единицу имен существительных, как это принято в грамматиках тюркских языков? 3. Почему личные формы имён числительных или местоимений в грамматиках не рассматривают как отдельную грамматическую категорию?» [124, с. 5].

На первые два вопроса И.П. Павлов даёт следующие ответы: в чувашском языке имеется только общая категория лица; выделение категории принадлежности имён существительных не оправдано [124, с. 13]. На третий вопрос у него ясного ответа нет.

Если исходить из положения, что категория распространяется на все множество элементов части речи, то местоимение *pur*, сочетаясь с некоторыми аффиксами лица, не может образовать категориальную форму единолично; то же самое нужно сказать о числительных от 2 до 7: *иксëмëр* «мы вдвоём», *иксëр* «вы вдвоём», *иккëшиë* «они вдвоём»; *ултсамäр* «мы вшестером»,

улттайш «они вшестером»; *çичсемёр* «мы всемером», *çичсёр* «вы всемером», *çиччайш* «они всемером».

Имя существительное в сочетании с аффиксами лица чётко и предельно конкретно выражает отношение между обладателем (лицом) и обладаемым (предметом); *кёнекем* «моя книга», *кёнекү* «твоя книга», *кёнеки* «его (её) книга» и т.д., т.е. в вышеприведенных примерах принадлежность вещи выражена в аффиксах лица. В то же время отсутствуют отношения между обладателем и обладаемым в формах числительных (от 2 до 7) и в местоимении *пур*. В глаголах аффиксы лица выражают значения действия субъекта, производящего данное действие: *сыртам* «я писал», *сыртайн* «ты писал», *сырчё* «он писал».

Выходит, категория принадлежности имён существительных основана на свойствах личных аффиксов, выраждающих значение принадлежности, такого значения у личных аффиксов никакой другой части речи нет. Отсюда вывод: категория принадлежности включает в себя ряды морфологических форм с аффиксами лица, выраждающими принадлежность предмета обладателю, и в силу этого должна считаться категориальной формой.

Для доказательства наличия в чувашском языке общей категории лица, необходимо найти абсолютную тождественность аффиксов лица всех частей речи. Но такой тождественности в материально выраженных формах существительных и глаголов нет. Ср.:

имя	глагол
<i>пуç-äm</i> «моя голова»	<i>кай-р-än</i> «ты ушёл, поехал»
<i>пуç-у</i> «твоя голова»	<i>кай-р-äm</i> «я ушёл, поехал»
<i>пуç-ë</i> «его голова»	<i>кай-р-ë</i> «он ушёл, пошёл»

Во 2 лице единственного числа (*ачу* «твой ребёнок», *куратайн* «видишь») аффиксы *-у* и *-än* в синхронном плане материально различаются. К тому же нельзя не обратить внимания на последовательность аффиксов лица в именах и глаголах. Если в именах аффиксы лица относятся к словоизменению (примыкают прямо к корню или основе слова), то в глаголах встречается формоизменение (все аффиксы лица следуют только за аффиксами, выраждающими временное значение). Таким образом, категория принадлежности является объектом словоизменительной морфологии, а категория лица глагола — формоизменительной морфологии. Поставить знак равенства между ними

невозможно ни по линии выражаемых им значений, ни по последовательности морфем в словоформе. К тому же имеется материальное несовпадение морфем лица в именах и глаголах (даже в самих временных формах глагола: *куратай* «вижу», *кур-ă-н* «увижу», но *кураттам* «видал»; *кур-тă-м* «видел»).

Принадлежность (притяжательность) — понятийная категория, выражается не только морфологическим способом. В чувашском языке известны три способа выражения принадлежности: а) морфологический, когда значение принадлежности выражается аффиксально; б) синтаксический, когда оно передаётся словосочетанием, где первым членом синтагмы выступают личные и лично-возвратные местоимения 1, 2, 3 лица: *ман(ăн)* *кĕнеке*, *хам(ăн)* *кĕнеке* «моя, своя книга», *сан(ăн)* *кĕнеке*, *хăвăн* *кĕнеке* «твоя книга», *ун(ăн)* *кĕнеки*, *хăйĕн* *кĕнеки* «его (её), своя книга; ср.: *Унăн* *кĕнеке* *çук* «У него нет книги»; *Унăн* *хăйĕн* *кĕнеке* *тулмалла* «У него должна быть своя книга»; в) для выражения принадлежности в 3 лице употребляется морфолого-синтаксический, а не чисто синтаксический способ: *унăн* *кĕнеки* «его (её) книга, *хăйĕн* *кĕнеки* «его (её), своя книга»; *вĕсен* *кĕнеки*, *хайсен* *кĕнеки* «их книга». Морфолого-синтаксический способ выражения принадлежности, таким образом, является синтезом двух первых: *ман* *кĕнекем* «моя книга», *хамăн* *кĕнекем* «моя, своя книга», *сан* *кĕнекү* «твоя книга», *хăв* *кĕнекү* «твоя книга, своя книга», *ун* *кĕнеки* «его (её) книга», *тиреn* *кĕнекемĕр*, *хамăр* *кĕнекемĕр* «наша книга», *сиреn* *кĕнекĕр*, *хăвăр* *кĕнекĕр* «ваша книга», *вĕсен* *кĕнеки*, *хайсен* *кĕнеки* «их книга».

Принадлежность представляет собой непостоянный признак слова, т.е. слово может не выражать связь предмета с лицом, поэтому и нет надобности включить основную форму в парадигму категорий принадлежности.

В чувашском языке парадигма категории принадлежности включает 5 форм, каждая из которых имеет материальный морфологический показатель, и все формы по значению противопоставлены друг другу.

Как утверждают исследователи, двучленные категории (например, категория числа) строятся на основе оппозитивного отношения между значениями граммем, тогда как многочленные категории могут быть связаны как с оппозициями, так и с неоппозитивными различиями. Что касается категории принадлежности в чувашском языке, то в ней совмещаются

оппозитивные и неоппозитивные различия: 1 и 2 лицо единичности обладателя противопоставлены как по форме, так и по содержанию 1 и 2 лицу множественного числа: *хёрэм* «дочь моя» — *хёрэмэр* «дочь наша»; *хёру* «дочь твоя» — *хёрэп* «дочь ваша».

Для 3 лица такой материально выраженной оппозиции нет: *унан хёрэ* «его (её) дочь», *вёсен хёрэ* «их дочь». Добавление личных местоимений *унан* и *вёсен* перед притяжательными формами существительных не создает морфологической оппозиции на уровне морфологических граммем, поэтому оппозитивные отношения существуют лишь на уровне синтагм (точнее, на уровне личных местоимений: *унан* и *вёсен*).

Формы косвенной принадлежности. В тюркологии до сих пор не писали о формах косвенной принадлежности. Исследователи вслед за Н.К. Дмитриевым говорили лишь о конкретной принадлежности (башк. *ат-ым* «мой конь», предмет обладания выражен основой *ат*, имя обладателя выражено аффиксом принадлежности *-ым* «мой»), и все аффиксы лица, как в единственном числе, так и во множественном, выражают конкретную принадлежность [66, с. 23, 25—27]:

<i>ат-ым</i>	<i>лаша-м</i>	<i>ат-ыбыш</i>	<i>лаша-м-ärp</i>
		<i>ут-äm</i>	
<i>ат-ын</i>	<i>лаш-у</i>	<i>ат-ыгыш</i>	<i>ут-v-äp, лаша-v-äp</i>
		<i>ут-у</i>	
<i>ат-ы</i>	<i>лаш-и</i>	<i>ат-тар-ы</i>	<i>уч-ë-сем, лаш-и-сем</i>
	<i>уч-ë</i>	<i>ут-äm-ärp</i>	

В тюркологических исследованиях писали в основном о конкретной (реальной) принадлежности, а что касается абстрактной принадлежности, то приводили примеры такого типа: *Был ат минеке* «Этот конь мой» [65, с. 5]; чув. *Ку лаша манянни* «Эта лошадь моя» [14, с. 33—34].

С.Н. Иванов отметил, что «внутри категории принадлежности существует раздвоение значений: на значения конкретно-предметной отнесённости и отвлечённо-предметной отнесённости. Значение отвлечённо-предметного отношения по самому существу своему несовместимо со значением реальной принадлежности» [83, с. 112]. На наш взгляд, отвлечённо-предметная отнесённость — это не что иное, как косвенная принадлежность. Прав был Н.К. Дмитриев, когда писал: «...большинство

турских грамматик не трактует категорию принадлежности именно как грамматическую категорию с определённым содержанием (*sic!* — *B.C.*) и формой. Они говорят лишь о её форме (ср. с мнением И.П. Павлова, который “погнался” за формой и потерял содержание. — *B.C.*), т.е. об аффиксах, которые при этом невольно смешивают с личными окончаниями русского и европейского глагола. Такое построение кажется нам беспринципным и по существу неправильным... Её форма (система определённых аффиксов) тесным образом связана с внутренним содержанием, с её спецификой и является одной из характеристик особенностей тюркской грамматики.

Термин “принадлежность”, конечно, условный. Он передаёт не только понятие собственности в её юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим» [66, с. 23].

В поисках «логических отношений» мы обратимся к примеру *ачам* «дитя мое», где предмет обладания выражен словом *ача*, а обладатель — аффиксом принадлежности *-м*. Аффикс принадлежности *-м* оправдывает себя лишь в том случае, если говорящий обращается к своему ребёнку или говорит о собственном ребёнке, т.е. при этом выражается конкретная (реальная) принадлежность. Но бывает так, что говорящий обращается к чужому ребёнку и даже к взрослому человеку (чужому) с укором: *Ачам-ачам, мён туса хутан халь?* «Что же ты наделал сейчас, браток?» Или пример из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина: *Ачам, мён пулчё сана, ма макран?* «Детка (или дитято мое), что случилось, почему плачешь?» Из контекста неясно: это собственный ребёнок говорящего или чужой? Но в примере *ачамашкай* прямо указано обращение к другому, чужому ребёнку: *Иксёмёр май килтереймёнёр, ачамашкай* «Нет, мы, брат, с тобою не сладимся (не говоримся) [A, II, с. 165].

На месте словоформы *ачам* так называемой косвенной принадлежности свободно могут фигурировать словоформы 1 лица категории принадлежности: *ывайлам* (диал. *ульям*) — обращение матери или отца к своему сыну (прямая принадлежность): *Ывайлам, шыв асса кил-ха* «Сынок (букв.: сын мой), принеси-ка воды»; *ывайлам* — обращение к знакомому или вовсе не знакомому мальчику (косвенная принадлежность); *Мён пулчё, ывайлам?* «Что случилось, сынок?»; *хёрем* — обращение матери или отца к дочери: *Хёрем, выльхсене утә пама манмаран-и?*

«Дочка (букв.: дочь моя), не забыла ли ты дать скотине сена?» (прямая, конкретная принадлежность); *хёрём* — обращение ко всем незнакомым (и знакомым) девушкам взрослых мужчин (и женщин) [А, XVII, с. 34]; *кинём* — обращение к снохе — жене сына (прямая, конкретная принадлежность); *Хёрёме калам — кинём, илт* «Что сказано дочери, пусть услышит сноха» (косвенная принадлежность); в загадке *Лечёксецё кинём пур, алакан-тёпелён кускалать (шаптар)* «Крошка-сношка по избе снуёт» (метла) словоформа *кинём* выражает косвенную принадлежность метафорически.

Если словоформа *чёрем(ç)ём* передает значение «милый (милая)», то она выражает значение косвенности (метафорически). Употребление личных местоимений в форме родительного падежа в сочетании с существительными с аффиксом принадлежности создаёт особую эмоциональную насыщенность: *Ман хуламам варанать ирхи шусямпа* «Город мой пробуждается с рассветом». Формы 1 и 2 (иногда и 3) лица допускают инверсию членов притяжательной конструкции: *чёремçём манай* «сердце моё». Заметьте: в слове *чёремçём* аффикс 1 лица употреблен дважды: *чёре-м(ç)-ём* (ср.: *ачамамсем* «дети мои»), тем самым повышается эмоциональность выражения.

Употребление морфолого-сintаксической формы принадлежности в чувашском языке может быть контактным и дистантным: *ман Шупашкарäm* «мои Чебоксары», *ман юратнä шурä Шупашкарäm* «мои любимые белые Чебоксары».

Есть некоторые особенности в употреблении аффиксов принадлежности. Например, термины родства в 3 лице принимают аффикс *-(и)ё*: *атте* «отец» — *ашиё* «его (её) отец», *анне* «мать» — *амайё* «его (её) мать», *мучи* «дядя» — *мучайё* «его (её) дядя».

Термины кровного родства и без оформления с аффиксом лица *-м* (*-äm*, *-ём*) могут выражать значение принадлежности 1 лицу: *атте* «отец» и «мой отец»; *анне* «мать» и «моя мать»; *ничче* «брать» и «мой брат»; *аппа* «сестра» и «моя сестра» и т.д.

Следует заметить, что в ряде случаев формы принадлежности служат в качестве вокатива. В таких случаях принято считать, что только притяжательные формы с аффиксом 3 лица могут выполнить такую роль: *ашиё* — обращение жены к мужу; *амайё* — обращение мужа к жене, при этом выражается взаимная почтительность при обращении их друг к другу.

В чувашском языке отмечены и другие формы вокатива, причем М.Р. Федотов основными считает притяжательные аффиксы

1 лица единственного числа: *хёрём* «дочка (моя)», *ывайлам* «сынок (мой)», *ачам* «дитя (моё)»; *ачамсем* «дети (мои)» [176, с. 29]. Заметим: таким образом старшие обращаются не только к своим, но и к другим детям, с которыми они почтенно разговаривают. Иногда доходит до курьёзов: младшие по возрасту начинают разговор со взрослыми с присловия *ачам*, которое в данном случае выступает как вводное слово: *Ачам, ан та кала-ха* «И не говори, ей-богу».

Почти незамеченной осталась форма 2 лица единственного числа с аффиксом -у (-յ), которая в красночетайско-сундырском говоре употребляется в качестве вокатива. Приведём примеры из книги Б. Чиндыкова «Чүк уйăхё»: *Роза аку, мана пёр кёленче эрех парăr-ха, э?* «Тётя Роза (букв.: Роза — сестра твоя), дайте мне бутылку водки»; *Аçу, жё лавкая ан кай халь...* «Отец, ты в магазин сейчас не ходи...». Во втором предложении обращение *аçу* (букв.: отец твой) равнозначно слову *атте* «отец мой», «папа». *Галя акуна тёл пулатän та:* — Гальаку, эсир ёне сума пёлётэр-и? «Встречаю тёту Галю, спрашиваю: — Гальаку, вы умеете корову доить?». В литературном языке более применимо *Галя атта*. — *Здоровă, Валькă пичу, — терē арсын ача* «— Здравствуйте, дядя Валентин, — сказал парнишка».

Странным кажется и то, что такая форма 2 лица может употребляться и вне вокатива. Например, первый рассказ Б. Чиндыкова так и называется — «*Аçу*» («Отец твой»), в литературном чувашском языке оно должно звучать как «*Атте*» («Отец мой»). В этом же рассказе мы находим следующее предложение: *Аçуна ану та çыварса кайнă ёнтë* «Твой отец и твоя мать уже заснули». На самом деле в рассказе под этими формами понимается «мой отец», «моя мать». Вот такие метаморфозы, связанные с употреблением форм 2 лица единственного числа, встречаются в диалектах чувашского языка.

Следует также отметить, что форма 3 лица употребляется не только в притяжательных конструкциях типа *Кашкăr Микули* «Волков Николай», *Упрам Матрӯнē* «Абрамова Матрёна или Матрёна Абрамовна» и т.д., но и с собственными именами, передавая при этом пренебрежительно-уничижительный оттенок значения: *Олегĕ мэн хăтланать тата?* «А что вытворяет Олег (его, её)?»

Иногда форма 3 лица употребляется без видимой надобности: *Атăлĕ тарăн, шывĕ тăрă* (Фольк.) «Волга (его, её) широка,

вода (её) прозрачна»; *Хули аякра мар-ха вål* «Город-то (его, её) недалеко находится».

Наличие таких форм, как *Олег̑, Атälé, шывé, хули*, говорит о том, что имеет место не прямая, конкретная принадлежность, а косвенная. Под прямой принадлежностью понимаются отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому и является его органичной частью: *сётел ури* «ножка стола», *этем (сын)* *алли* «рука человека», *хёвэл пайäрки* «луч солнца» и т.д. Косвенная принадлежность предполагает косвенную причастность, когда один предмет не является органичной частью другого предмета или же принадлежность одного предмета другому носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью: *Сынни сынах вål* «Человек-то он человек», *Ачи лайäх-ха* «Парень он хороший».

В тюркологии формы косвенной принадлежности до сих пор не отмечены. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков признают наличие категории косвенной принадлежности [39].

В чувашском языке форма косвенной принадлежности является некатегориальной, поскольку не подчиняется принципу тотальности. С формой косвенной принадлежности существительных на *-ё (-и)* мы сталкиваемся в словоформах *кунёпе* «весь день», *хёлёпе* «всю зиму», *ялёпе* «всей деревней», *тёнчипе* «всем миром», которые до сих пор считались наречиями. Логично допустить, что слово *ачам* «дитя», «браток» (при обращении к чужому ребёнку) тоже относится к форме косвенной принадлежности; то же можно сказать о словоформе *аçu-пäчу* (букв.: ребятня твоя), употребляемой в ситуации, когда родители ругают своих детей.

Форма 3 лица весьма активна и при формировании изафетных терминоконструкций типа *кäвакарчан күçे* «незабудка», *уна сарри* «папоротник», *вёлтэрэн тäрри* «зяблик» и т.д.

В словах *улмуçci* «яблоня», *çапуçci* «цепь», *хутруçci* «мотовило», *пучуши* «лухушка» и т.п. аффикс 3 лица в современном языке входит в состав корня или основы слов, поскольку они стали словарными единицами именно в таких формах.

Как показывают примеры, форма 3 лица весьма употребительна в чувашском языке при выражении разных значений. В словах чувашского (общетюркского) происхождения очень мало существительных, не принимающих аффиксы принадлежности.

Совсем другую картину мы наблюдаем в словах, заимствованных через посредство русского, типа *кофе*, *кенгуру*, *какаду*; эти слова не принимают показателей принадлежности, скорее всего, потому, что не было надобности выражать принадлежность их кому-либо, ибо кофе чували не пили, кенгуру и какаду (как животное и птица) им малоизвестны.

Категория прямой (непосредственной, неотчуждаемой, органичной) принадлежности опирается на принцип тотальности (всеобщности) употребления формантов принадлежности в именах существительных 1, 2, 3 лица, в то время как те же аффиксы *-ам* (-*ём*, -*м*), *-у* (-*ў*), *-ё* (-*и*), *-ам-ар* (-*ём-ёр*), *ар* (-*ёр*) подчиняются принципу избирательности при косвенной (отчуждаемой, неорганичной, относительной) принадлежности. Аффиксы принадлежности 1 и 2 лица *-ам* (-*ём*, -*м*), *-у* (-*ў*) при косвенной принадлежности распространяются лишь на термины родства и на существительные, обозначающие лицо. Употребление аффикса 3 лица *-ё* (-*и*) более широкое по сравнению с аффиксами 1, 2 лица, а значение косвенной принадлежности присуще и существительным, обозначающим объекты живой и неживой природы. Но это не даёт права считать косвенную принадлежность категориальной формой.

Если категорией прямой принадлежности называется грамматическая категория, указывающая одновременно и на предмет обладания, и на лицо обладателя, то при косвенной принадлежности лицо обладателя завуалируется, т.е. принадлежность предмета лицу носит условный характер. Вот примеры из стихотворений:

*Чёкең, чёкең, чёкеңәм,
Ларса канма пәлмерән
«Ласточка, ласточка, ласточка,
Не знаешь ты покоя».*

Словоформа *чёкеңәм* создает лишь особую эмоциональную насыщенность в форме обращения 1 лица, и аффикс *-ём* употреблена формально, не выражает подлинного лица обладателя, этим создается значение косвенной принадлежности.

*Кунё пулчё питё шәрәх,
Сивё шывшан аши ңұнать
«Выдался денёк очень знойным,
Хочется воды студёной».*

В этом примере словоформа *кунё* может предположительно иметь при себе определения: *çу кунё* «летний денёк», *ута уйдхён кунё* «июльский денёк» и т.д., но об этом мы можем только догадаться; в ней не проявляется ни лицо обладателя, ни предмет обладания, значит, *кунё* представляет собой форму косвенной принадлежности.

Это говорит о том, что в самих формах с аффиксами принадлежности существует раздвоение значений: значение конкретно-предметной (прямой) отнесённости и значение отвлечённо-предметной (косвенной) принадлежности: *Салтакё вәрәм та яштакаскер* «Солдат высок и строен». *Салтакё* (букв.: его (её) солдат) — неизвестно чей солдат: солдат Родины, солдат роты, солдат матери или отца; *Ачи лайдх* «Мальчик-то хорош». Словоформа *ачи* (букв.: его (её) дитя) выражает обобщенное значение, этим словом можно передать значения «мальчик», «девочка», «малыш» и даже «взрослый».

Форма косвенной принадлежности 3 лица с аффиксом *-ё* (*-и*) широко представлена в изысканных полуфразеологических конструкциях:

а) в названиях травянистых растений: *шайл курәкё* «тысячелистник»; *антәс курәкё* «девясил»; *չимәк курәкё* «горицвет»; *шыңа курәкё* «алоэ»; *салтак түми* «дикая ромашка»; *мелке курәкё* «метлица»; *шама көңци* «дягиль»; *арым* (эрэм) *курәкё* «полынь»; *усал курәкё* «копытень»; *չумәр курәкё* «дикая спаржа» и т.д. (число таких названий растений достигает до 200 единиц);

б) в названиях птиц: *кантар кайәкё* «коноплянка»; *сер чекесё* «стриж»; *майра кайәкё* «канарейка»; *шыв чайхи* «кулик»; *ёсле չи кайәкё*, *вут кайәкё* (названия несуществующих птиц); *вәрман кайвакалё* «дупель»; *хир чайхи* «коропатка»; *шана хуралչи* «цапля».

Таким образом, форма косвенной принадлежности совпадает с прямой принадлежностью лишь по форме выражения (т.е. формально) и разнится в плане содержания, то же самое мы наблюдаем во фраземах (в фразеологических единицах, идиомах): *йытә турнаңё* «собачья жизнь»; *кушак турнаңё* «привольная жизнь» (букв.: кошачья жизнь); *шапчак ыйхи*, *мулкач ыйхи* «короткий сон»; *элек вуттуչи* «сплетник»; *көл чайхи* «домосед» т.д.

Категория падежа

Категория падежа имени существительного — одна из основных грамматических категорий: она имеет отношение и к морфологии, и к синтаксису. В связи с этим необходимо четко представить, что такое падеж в морфологии и синтаксисе, ибо в учении о языке постоянно путают эти два понятия. В этом легко убедиться, взяв определение падежа из любой грамматики: «Категория падежа — это грамматическая словоизменительная категория, указывающая на синтаксическую функцию имени существительного и на его связи с другими словами в речи» [161, с. 126]; «Падеж — эта грамматическая категория имени, обозначающая с помощью специальных аффиксов или их сочетания с послелогами синтаксическое отношение данного существительного к другому существительному, наречию или глаголу» [55, с. 132]; «Категорией падежа называется словоизменительная категория имени, обозначающая, что словоформа существительного выступает в качестве подчиненной при глаголе, другом имени или наречии и несет при этом отвлеченное значение отношения...» [56, с. 326]. После такого определения в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) делается странный, на первый взгляд, вывод о том, что «категория падежа, в отличие от всех других категорий как имени, так и глагола, выступает как категория синтаксиса, а не морфологии» [56, с. 326]. Если категория падежа — словоизменительная категория, то каким образом она может быть только синтаксической? Если это синтаксическая категория, то почему во всех грамматиках и парадигмах склонения приводятся отдельные слова, а не словосочетания?

Определение В.В. Виноградова: «падеж — это форма имени, выражаящая его отношение к другим словам речи» [46, с. 139] — правдиво только с точки зрения синтаксиса. Если же падеж — морфологическая категория, то и падежи должны выделяться формами слов. Изменение слова по падежам мы называем парадигмой склонения. Для морфологии, таким образом, особый интерес представляет прежде всего падежная форма, а только потом — содержание, ибо «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [46, с. 139]. При этом, естественно, падежные

аффиксы выполняют синтаксическую функцию в словосочетаниях, ибо понимание связей материальной действительности осуществляется через словосочетания лучше, чем через отдельно взятую падежную форму.

Итак, падеж — это особая морфологическая форма слова, выражающая его отношение к другим словам, как к глагольным, так и именным. В этом отношении он синтаксичен. В то же время наличие парадигматических изменений склоняемого слова и противопоставленных друг другу падежных форм даёт повод говорить о падеже как о словоизменительной и формоизменительной морфологической категории.

В чувашском языке категория падежа является многочленной. На сегодняшний день в ней выделяют восемь падежей:

Осн. <i>кам?</i> <i>мён?</i>	—
Прит. <i>камайн?</i> <i>мёнэн?</i>	-ан, -эн, -н
Дат. <i>кама?</i> <i>мёне?</i>	-а, -е
Мест. <i>камара?</i> <i>мёнре?</i> <i>йыста?</i>	-ра (-ре), -та (-те), -че
Исх. <i>камран?</i> <i>мёнрен?</i> <i>йыстан?</i>	-ран (-ран), тан (-тен), -чен
Твор. <i>кампа?</i> <i>мённе?</i>	-на (-не), -пала (-пеле), -палан (-пелен)
Лиш. <i>камсар?</i> <i>мёнсёр?</i>	-сэр (-сёр)
Прич. <i>камшайн?</i> <i>мёнишён?</i>	-шайн (-шён)

Данный состав падежей был установлен после дискуссии по проблемам чувашской грамматики в 1953—1954 гг., в которой вопрос о падежах был основным. Система чувашских падежей была составлена исходя из материала самого языка и подчинена 5 требованиям: 1) существительное с падежным аффиксом должно иметь предметное значение (семантический признак); 2) в предложении, помимо других функций, оно должно служить дополнением (синтаксический); 3) должно отвечать на один из парных местоименных вопросов *кам?* *мён?* (синтаксический); 4) аффиксы должны присоединяться ко всем существительным (морфологический); 5) должны подчиняться закону сингармонизма и правилам ударения (фонетический) [175, с. 15].

В течение 30 лет данную систему падежей в чувашском языке считали безупречной и предельно чёткой, ибо в ней ни один аффикс не повторяется в нескольких падежах. Но в 1983 г. М.Р. Федотов написал: «Вопрос о количестве падежей в чувашском языке продолжает оставаться всё ещё окончательно не

установленным...»; «Чувашские школьные и другие грамматики, включив лишильный... в категорию падежей, оставили вне ее пределов *пурлых падежсё*... не устранив при этом явной бессистемности» [176, с. 26, 27].

Действительно, если придерживаться системы отношений оппозиции, то в чувашском языке должна быть форма, противостоящая форме лишильного падежа с аффиксом *-сär* (*-сëр*). Такая форма в чувашском языке есть — форма с аффиксом *-lä* (*-lë*), которая в современном языке считается словообразовательной, но функция аффикса пока точно не определена. По мнению одних исследователей, *-lä* (*-lë*) в словах *çёлёклë ача* «мальчик в шапке», *галстуклä арсын* «мужчина в галстуке» и т.п. — словообразовательный формант, по мнению других — формообразующий аффикс.

В приведенных примерах словоформа *çёлёклë* противостоит форме лишильного падежа *çёлёксёр*, значит, *çёлёклë* и *галстуклä* также должны быть падежными формами. Считается, что существительные с аффиксом *-сär* (*-сëр*) противопоставляются существительным в творительном падеже на *-na* (*-ne*). При этом исследователи не учитывают, что аффикс *-сär* (*-сëр*) полифункционален, он выступает в одних случаях как падежный аффикс, в других — как словообразовательный аффикс прилагательных, а у аффикса *-na* (*-ne*) такой функции нет. Аналогичной функцией обладает аффикс *-lä* (*-lë*). Однако мы его лишили статуса наличного падежа (*пурлых падежсё*). При этом, естественно, следует считаться с тем обстоятельством, что *-lä* (*-lë*) не употребляется с собственными именами, что и послужило препятствием для включения аффиксов *-lä* (*-lë*) в число падежных.

К падежным формам чувашского языка можно было бы отнести формы с аффиксом *-la* (*-le*, *-lla*, *-lle*) и назвать падеж уподобительным: *арсынла* «по-мужски», *ачалла* «по-детски», *уталла* «по-медвежьи», *кашкäрла* «по-волчьи», *Петёрле* «как Пётр» и т.д. Попытки ввести в падежную парадигму тюркских языков уподобительную форму на *-лайын*, *-лай* ~ чuv. *-ла* (*-le*) не получили поддержки из-за своеобразия значения и ограниченности использования этой формы. Но, по мнению А.М. Щербака, в некоторых тюркских языках этот аффикс употребляется регулярно, серьезных препятствий для отнесения образуемой им формы к падежным нет [190, I, с. 58—59].

До сих пор аффикс *-ла* (*-ле*, *-lla*, *-lle*) в чувашском языке относили к наречиеобразующим. Рассматривать их в таком качестве не позволяет то, что любой деривационный аффикс образует новое слово с новым лексическим содержанием. Формант *-ла* (*-ле*, *-lla*, *-lle*) следует считать только реляционным, поскольку он служит для связи слов, т.е. выступает в синтаксической функции. К тому же, как подобает словоизменительному форманту, посредством этого аффикса образуются формы слов нескольких частей речи: *çэнёлле* «по-новому» (*çэнё* — имя прилагательное); *виççёлле* «тройной» (*виççё* — имя числительное), *сирёнле* «по-вашему» (*сирён* — личное местоимение 2 лица во множественном числе, притяжательном падеже) и т.д. К тому же аффикс *-ла* (*-ле*) может употребляться с существительными в форме множественного числа: *Кавказисемле* «на манер кавказских народов», *ваттисемле* «на манер старших», «по-стариковски» и т.д.

Таким образом, форма на *-ла* (*-ле*, *-lla*, *-lle*) распространяется на довольно большое количество имен существительных, но не является тотальной; отвечает на местоименные вопросы *камла?* *мёнле?*; подчиняется закону сингармонизма. Существительное с этим аффиксом не теряет предметного значения. Значит, перед нами по всем параметрам форма, отвечающая требованиям активной некатегориальной формы.

В число падежных форм мы не включили и наличную форму, поскольку она не подчиняется принципу тотальности употребления (её показатель не может присоединиться ко всем существительным). Если её включить в падежную парадигму, должна быть существенная оговорка о противоречии принципу тотальности. Лишительная форма также соответствует не всем требованиям, предъявляемым к падежным формам, ибо в одних случаях она явление деривации, а в других — реляции.

Основной (или именительный) падеж является камнем преткновения для языковедов. В лингвистике существует две противоположные точки зрения на этот падеж. С одной стороны, основной падеж выделяется во всех грамматиках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков и противопоставляется всем другим падежам, как падеж прямой — падежам косвенным, как падеж немаркированный — маркированным, т.е. как падеж безаффиксальный — аффиксальным и т.д. Нет ни

одной грамматики, где парадигма склонения начиналась бы с родительного падежа, который следует, как обычно, за основным. С другой стороны, есть теоретики-лингвисты, выражающие сомнения относительно падежности именительного (основного) падежа. К их числу относятся Г. Шухардт [186] и Ч.Е. Базелл [26].

Г. Шухардт в статье «Об активном и пассивном характере переходного глагола», написанной в начале прошлого века (1905–1906 гг.), подчеркивает, что именительный не является падежом [186, с. 104]. В этом отношении вызывает особый интерес высказывание А.М. Щербака: «Именительный падеж (иначе: главный, основной, начальный, абсолютный, неопределённый, безаффиксный, неоформленный, *Indefinitus, Nominativus*) лишён специального аффикса, и следы его присутствия в прошлом не обнаруживаются ни в диалектах, ни в древних памятниках письменности» [190, с. 29].

Отсутствие нулевого члена в составе парадигмы категории принадлежности натолкнуло Ч.Е. Базелла на мысль, что и некоторые другие категории агглютинирующих языков нуждаются в новой интерпретации: «Отсюда возникает вопрос: не указывает ли так называемый нулевой суффикс именительного падежа просто на отсутствие падежа, а так называемый нулевой суффикс единственного числа просто на отсутствие числа?» [26, с. 23]. Исходя из вышесказанного В.Г. Гузев и Д.М. Насилов сделали вывод, что «основная форма, слово без материального форманта, совсем не обязательно является формой с нулевым показателем. Иными словами, она может стоять вне парадигмы, не имея отношения к данному грамматическому ряду» и настала пора реинтерпретации распространенного представления о том, что морфологическая категория «создается оппозицией соответствующих форм — по меньшей мере двух», что «на фоне значений косвенных падежей так называемый основной падеж предстаёт как форма, не сигнализирующая сама по себе об участии предмета в каких-либо отношениях», поскольку «косвенные падежи передают те или иные отношения обозначаемого словом предмета с другими предметами или действиями» [63, с. 26, 29].

Основной падеж в чувашском языке — немаркированный член оппозиции, противопоставленный маркированным, является единицей, значащей прежде всего потому, что имеются

основной и притяжательный типы склонения, установление которых основано на том, что какая-то часть слова при склонении остается постоянной, не изменяется. Основное склонение относится к словоизменительной морфологии, а притяжательное — к формоизменительной.

Для наглядности приведем парадигмы склонения:

	Основное склонение	Притяжательное склонение
Осн.	<i>кёрёк «шуба»</i>	<i>колхоз</i>
Прит.	<i>кёрёк-ён</i>	<i>колхоз-ён</i>
Дат.	<i>кёрёк-е</i>	<i>колхоз-а</i>
Мест.	<i>кёрёк-ре</i>	<i>колхоз-ра</i>
Исх.	<i>кёрёк-рен</i>	<i>колхоз-ран</i>
Твор.	<i>кёрёк-пе</i>	<i>колхоз-па</i>
Лиш.	<i>кёрёк-сёр</i>	<i>колхоз-сар</i>
Прич.	<i>кёрёк-шён</i>	<i>колхоз-шан</i>

Основным называется тип склонения, при котором падежные аффиксы примыкают к немаркированной форме словарного слова — к основе слова, т.е. к форме так называемого основного падежа, а при притяжательном типе склонения склоняемой является маркированная форма притяжательного падежа с аффиксом *-ён* (*-ён*, *-н*).

Многим может показаться неубедительным наличие притяжательного типа склонения существительных в чувашском языке. Сомневающийся может убедиться в этом, обратившись к склонению местоимений (слов, указывающих на предмет и фигурирующих в языке вместо имени):

Осн.	<i>ку «это»</i>	<i>хай «он сам»</i>	<i>леш « тот»</i>
Прит.	<i>ку-н(-ён)</i>	<i>хай-ён</i>	<i>леш-ён</i>
Дат.	<i>кай-н-а, ку-н-а</i>	<i>хай-н-е, хай-ённ-е</i>	<i>леш-не, леш-ённ-е</i>
Мест.	<i>ку-н-та</i>	<i>хай-ён-че</i>	<i>леш-ён-че</i>
Исх.	<i>ку-н-тан</i>	<i>хай-ён-чен</i>	<i>леш-ён-чен</i>
Твор.	<i>ку-н-па</i>	<i>хай-ён-пе</i>	<i>леш-ён-пе</i>
Лиш.	<i>ку-н-сар</i>	<i>хай-ён-сёр</i>	<i>леш-ён-сёр</i>
Прич.	<i>ку-н-шан</i>	<i>хай-ён-шён</i>	<i>леш-ён-шён</i>

Таким образом, основной падеж в чувашском языке является словарно значимым. На его значениях не останавливаемся потому, что их много, к тому же достаточно подробное описание значений этого падежа уже имеется в лингвистической литературе [118, с. 93—95; 82, с. 111—112; 6, с. 37—51].

Притяжательный падеж. Аффиксами притяжательного падежа являются *-айн* (*-ён*, *-н*). Форма на *-найн* (*-нёэн*) в современном чувашском почти не употребляется.

По мнению Г.Й. Рамстедта, первоначальным аффиксом тюркского генетива служил *-н*, как это имеет место в алтайских языках [135, с. 33]. Исконное окончание родительного падежа в чувашском языке сохранилось, но многие лингвисты считают, что чувашская форма генетива типа *анне-нён*, *лаша-найн*, *ёне-нён* и др. старше соответствующих форм *анне-н*, *лаша-н*, *ёне-н*. На наш взгляд, точка зрения Г.Й. Рамстедта более приемлема, поскольку от притяжательного падежа образуются многие формы имен, как падежные, так и непадежные. Если же другие падежные формы могут строиться на притяжательном падеже, то, естественно, форма этого падежа могла присоединить к себе вторично свою собственную форму, но только видоизмененную: *ача-н* + *-айн* ~ *ачанайн*, а потом опять вернулись к прежней форме *ача-н*; *ёне-н* + *-ён* ~ *ёненён* ~ *ёнен* и т.д. Но это все относится не только к словоизменительной, но и к формоизменительной морфологии, на этих вопросах мы остановимся позже.

Основное значение притяжательного падежа — выражение принадлежности одного предмета другому. Поэтому нередки случаи, когда в составе изафетной конструкции (изафет 3 типа) первый член конструкции оформляется аффиксом притяжательного падежа, а второй — аффиксом принадлежности 3 лица: *шкулайн չурчё* «здание школы», *ку́ршён пахчи* «соседский сад» и т.д.

А.И. Иванов выделяет следующие частные значения [82, с. 115]:

- 1) обладание чем-либо (название обладателя): *Пирён колхозайн шыв арманё нур* «У нашего колхоза есть водяная мельница»;
- 2) логический субъект действия: *Шалтайкина ун пек چух пуху пүсләхён ас тутарма лекет* (Арт.) «В таких случаях председателю собрания приходится напоминать Шалтайкину (о регламенте);
- 3) подобие: *Кунё چулталакайн туйанат* «День покажется годом» (ошибка: в этом контексте *چулталакайн* — не форма притяжательного падежа. — В.С.);
- 4) количество, мера: *Хăсан тырра пёрчён-пёрчён лартни нур* «Когда это хлеба сажали по зернышку» (*пёрчён* — не форма притяжательного падежа. — В.С.);

5) качество, способ: *Укçан пар* «Дать деньгами» (укçан — не форма притяжательного падежа. — В.С.).

По мнению автора, последние три значения относились к древнему инструментальному падежу, слившемуся с притяжательным. Такое утверждение даёт право говорить о том, что притяжательный падеж не является исключительно приимённым.

При описании значений того или иного падежа мы ограничиваемся обычно основными значениями. Существует мнение, что перечислить все значения даже одного падежа невозможно. Значений родительного падежа, как считает А.Ф. Лосев, столько, сколько контекстов, в которых данное слово употребляется. По его мнению, всякий падеж имеет бесконечное количество значений и даже само количество падежей в окончательной форме не поддается перечислению [101, с. 63].

Дательный падеж. Для имён, оканчивающихся на согласные и гласные «у», «ў», «ä», «ё», аффиксом датива считается *-a (-e)*: *юлташ-a* «товарищу», *çурта* «дому», *пүләме* «комнате», *кулле* «озеру», а имена, оканчивающиеся на «а», «е», как указывает Н.И. Ашмарин, принимают аффикс *-на (-ne)*: *ёнене* «корове», *лашана* «лошади», *пахчана* «в сад», «саду» и т.д. Мнение Н.И. Ашмарина разделяет А.И. Иванов, а И.П. Павлов *-н* в словах *лаша-n-a*, *ёне-n-e* считает интерфонемой [25, с. 26—27; 82, с. 116; 118, с. 99].

Вопрос этот принципиальный: в словах *лашана*, *ёnenе -n-* можно считать интерфонемой. Однако появление *-n-* в дативе этим не ограничивается; ср.: *тусна* «твоему другу» и *тусне* «его (её) другу», *юлташна* «твоему товарищу» и *юлташне* «его (её) товарищу», но в словах *тусунне*, *юлташунне -nn* является падежным аффиксом и в то же время показателем типа склонения.

А.И. Иванов, изучавший долгое время падежные формы и склонение в чувашском языке, уже на начальном этапе исследования допускал, что имеются два дательных падежа: дательный первичный, образующийся путем присоединения к начальной форме существительного аффиксов *-a (-e)*, *-на (-ne)*: *колхоз-a*, *лаша-na*, и дательный вторичный, образующийся от притяжательного падежа путём прибавления аффикса *-ne*: *колхозын-ne*, *колхозсен-ne* [79, с. 182]. Мало кто из исследователей обратил внимание на высказывание А.И. Иванова, между тем вопрос имеет принципиальный характер. В формах *юлташ-a*,

юлташ-йнн-е, юлташ-н-а, юлташ-у-нн-е, юлташ-н-е, юлташ-ё-нн-е кроется специфика чувашского склонения, которая должна быть раскрыта в двух разделах морфологии: словоизменении и формоизменении. Если речь идет только о словоизменении, необходимо описать случаи типа *юлташа, туса, пурте, сурта* и т.д. В разделе о формоизменении существительных будет подробно описано изменение самой формы генетива в чувашском языке. Словоизменение и формоизменение до сих пор не разграничивались, поэтому подобные вопросы рассматривались в единой цепи повествования.

Дательный падеж в чувашском, как и в других тюркских языках, выражает косвенный объект, взятый в плане приближения к нему. Приближение понимается чрезвычайно широко, от пространственного и временного вплоть до самых абстрактных его форм (уподобления и сходства, цели и причины и т.д.).

Вопросами датива являются не только *кама? мёне?*,ср.: *Шупашкара кайнä «уехал в Чебоксары»* (*äста?* «куда?»); *каса ан юл «не задерживаться допоздна»* (*хäçана?* «до каких пор?»); *ёсе пула «из-за работы»* (*мёнишён?* «почему?»); *Уйäха яхän турäнчё вäl килте «Дома он жил около месяца»* (*мён чухлë?* «как долго?») и т.д.

Из частных значений наиболее распространёнными являются следующие: конечный пункт в пространстве: *хулана кайрë «(он) поехал в город»*, *яла килчë «(он) приехал в деревню»*; предел во времени: *эрнелëхе «на неделю»*, *уйäхлäхä «на месяц»*, *çуталäка яхän «около года»*; цель: *кämпана кайрämär «(мы) пошли по грибы»* и т.д.

Местный падеж. Аффиксами местного падежа обычно считают следующую группу алломорфов: *-ма (-ме), -па (-ре), -че, -т (ялти), -р (пёвери), -ч (килёнчи)*. При этом мало кто задумывается над тем, что аффикс *-че (-ч)* должен быть объектом описания только формоизменительной морфологии, ибо он не может присоединиться к основе слова, а обычно располагается за аффиксом генетива *-н*; ему предшествует аффикс 3 лица категории принадлежности: *кил-ё-н-че «в его (её) доме»*, *пурт-ё-н-че «в его (её) избе»* и т.д.; *пурт-ё-н-ч-и «то, что находится в его (её) доме»*.

Аффикс локатива *-че* появляется также за генетивной формой после аффикса множественного числа *-се-н:* *хир-се-н-че*

«на полях», ял-се-н-че «в деревнях», ял-се-н-чи «то, что находится в деревнях».

Основы, оканчивающиеся на «р», «л», «н», принимают алломорф *-та* (*-te*): ял-та «на селе», арманта «на мельнице», хурал-та «на дозоре», шур-та «на болоте»; основы на другие согласные и гласные принимают аффикс *-ра* (*-re*): չըրմա-րա «в овраге», լեւե-րե «в пруду», Մոսկավ-րա «в Москве» и т.д. В некоторых случаях после основ на «л», «н» употребительны оба варианта: Лондонра ~ Лондонта «в Лондоне», շետելթե ~ շետելրե «в столе», խեվելթե ~ խեվելրե «на солнце» или «на солнцепёке».

Следует заметить, что вариант аффикса локатива *-та* (*-te*) также может быть объектом рассмотрения в формоизменении, поскольку может следовать за аффиксами 2 лица категории принадлежности и аффикса генетива *-н*: տս-ս-ն-տա «у твоего друга», տս-ձր-տա «у вашего друга», շորտ-ս-ն-տа или շորտ-ձ-ն-տа (где *у* ~ *ձ*) «в твоём доме»: Նարսի պալմէ շորտանտа (К. Ив.) «Нарспи не будет в доме твоём». Между тем алломорф в формоизменении *-ра* (*-re*) может стоять только после формы 1 лица категории принадлежности: տս-ձմ-րа «у моего друга», շորտ-ձմ-րа «в моём доме», լեվեմրե «в моём теле».

Местный падеж выражает значения — местонахождения: ялта «в деревне», վարմանта «в лесу», խիրտե «на поле», սրամրա «на улице», խոլара «в городе»; возраста: շուլտալակրա «годовалый»; состояния, положения: վարմարա «на жатве», վայխара «во сне» и т.д.

Исходный падеж. Форма исходного падежа отличается от местного наличием в аффиксе конечного *-н*: *-ран* (*-рен*), *-тан* (*-тен*), здесь, как и в местном падеже, алломорф *-чен* является объектом формоизменения, а вариативные формы *-ран* (*-рен*), *-тан* (*-тен*) употребительны как в словоизменении, так и в формоизменении. Аффикс *-чен* не подчиняется закону сингармонизма, не является парным по палatalности, т.е. имеет только один вариант с переднерядной огласовкой; употребляется только в формоизменении: չին-ս-ն-чен «от людей»; կիլ-յ-ն-чен «из своего дома».

Основное значение исходного падежа — выражение объектных отношений: он обозначает исходный момент, исходную точку, источник.

Частные значения: сравнение — *Лашаран çүллө*, *курәкран лутра* «Выше лошади, ниже травы» (седёлка); материал — *тимёртен тунă* «сделано из железа»; время — *эрнерен килет* «приедет через неделю»; посредство — *Павайлан парса яр* «передай через Павла»; образ действия — *алран алла пар* «передай из рук в руки» и т.д.

Аффикс исходного падежа *-чен*, показатель формоизменительной морфологии, не следует путать с аффиксом *-чен* (*-чен*) с временным значением, образующим форму предельности.

Творительный падеж. Вариантами аффикса творительного падежа являются *-на* (*-не*), *-пала* (*-пеле*), *-палан* (*-пелен*). Все три варианта имеют единое происхождение. Возможно, первоначально полнозначное слово *бирлан*, *билан* «вместе» превратилось в послелог, а затем грамматикализовалось и превратилось в аффикс творительного падежа.

Основная функция творительного падежа — выражение значения совместности: *ашиёне ывалё* «отец с сыном» или «отец и сын». Из других значений можно отметить указание на орудие (*çёсёне касать* «режет ножом»), время (*ирте çитрёмёр* «прибыли утром»), причину (*сивёне чётрет* «дрожит от холода»), место (*вárманна пырать* «идёт по лесу»), средство (*укçана илнё* «купил на деньги»).

Как остальные косвенные падежи, творительный является достоянием не только словоизменительной (*ача-на* «с ребёнком»), но и формоизменительной морфологии: ср. *çулла-ран-на* «с лета», *хёлье-рен-не* «с зимы», *ача-ран-па* «с детства». Особый интерес представляют формы *ялёне* «всей деревней» или «все жители деревни совместно», *класёне* «всем классом», в которых аффикс комитатива следует за аффиксом 3 лица, некоторые такие слова, как *ялёне*, *класёне*, *районёне*, *республиките*, *çёрышывёне*, *тёнчипе*, переводят в разряд наречий, решив, что аффикс 3 лица в таких случаях десемантизировался. Согласиться с этим мнением трудно, ибо в современном чувашском языке аффикс творительного падежа может присоединиться не только к форме притяжательного падежа с аффиксами 2 и 3 лица: *аç-у-н-не*, *аин-ў-н-не*, *кин-ё-н-не*, но и к форме притяжательного падежа без аффиксов 2, 3 лица: *Петрёэнне Иванан кёне-кисем сётел çинче* «Книги Петра и Ивана на столе». Заметим:

в этом случае невозможно говорить *Петёреннипе Иванан кёнекисем*. Это ещё раз доказывает, что словоформы типа *Петёренне* и *Петёреннипе*, вопреки мнению некоторых чувашеведов, не всегда изоморфны.

Лишительный падеж. Форма этого падежа образуется с помощью аффикса *-сäр* (*-сëр*), которому в других тюркских языках соответствует фигурирующий в качестве деривационного аффикса *-сыз* (*-сиз*).

М.Р. Федотов, хотя не против введения абессива в категорию падежей, придерживается мнения, что чувашский *-сäр* (*-сëр*) остаётся главным образом в сфере словообразования адъективного характера, нежели словоизменения: «Ни в чувашском, ни в других тюркских языках никакая падежная форма словообразовательной базой служить не может, тогда как чувашские имена прилагательные на *-сäр* (*-сëр*)... теоретически и практически могут образовать новые слова... *вайсäрлан* “становиться бессильным, слабым”, *вайсäрлäh*... “бессилие, слабость”» [177, с. 16].

Введение лишительного падежа в падежную систему нарушило принцип, характерный для всех падежных форм: аффикс *-сäр* (*-сëр*) может быть деривационным и реляционным в одной синхронной плоскости. Прилагательные на *-сäр* (*-сëр*) предлагают отличить от существительных в форме лишительного падежа по следующим признакам:

1) прилагательные на *-сäр* (*-сëр*) противопоставляются прилагательным на *-лä* (*-лë*): *вайлä çын* — *вайсäр çын*, а существительные с аффиксом *-сäр* (*-сëр*) противопоставляются существительным в творительном падеже на *-на* (*-не*): *тракторна сухала* «пахать трактором» — *тракторсäр сухалама çук* «без трактора невозможно пахать»;

2) прилагательные на *-сäр* (*-сëр*) не образуются от имён существительных, имеющих притяжательный аффикс и аффикс множественного числа *-сем*, а падежная форма может сочетаться с именами существительными, имеющими такие аффиксы [175, с. 7—8].

В дальнейшем эти главные принципы дополнялись разного рода уточнениями: падежный аффикс *-сäр* (*-сëр*) отличается от словообразовательного аффикса *-сäр* (*-сëр*) тем, что существительное в падежной форме сочетается только с глаголами. Получается, что одно и то же слово в предложении типа *Вайсäр*

çил вайсар вёрем «Слабый ветер слабо дует» в первом случае — прилагательное, а во втором — существительное в лишительном падеже. Такого рода практика при определении частей речи подверглась резкой критике в ходе дискуссии в 1953—1954 гг. Например, в предложении *Лайх ача лайх вёренет* «Хороший мальчик хорошо учится» слово *лайх* выступает в двух синтаксических функциях: является определением и обстоятельством образа действия, но в обоих случаях оно считается прилагательным, но не наречием, даже когда оно стоит перед глаголом. Это говорит о том, что при определении статуса частей речи синтаксические функции слов не должны быть решающими, ибо существительные и прилагательные в чувашском языке обладают весьма широкими синтаксическими функциями.

Стремление видеть прилагательное в существительном в притяжательной форме с аффиксом *-сär* (*-сëр*), выступающем в роли определения, привело к нарушению второго признака, изложенного выше: слова *амайшëсёр* и *пиччёшсёр* (*ача*), имеющие притяжательный аффикс 3 лица, стали причислять к прилагательным [122, с. 29—30], не учитывая, что отличительным признаком прилагательных в чувашском языке является то, что они непременно должны принимать аффикс категории сравнения *-рах* (*-рех*). Таким образом, слова *амайшëсёр*, *пиччёшсёр*, имеющие в своем составе аффикс принадлежности 3 лица, не могут быть прилагательными. Сказанное подтверждается тем, что в языке нет форм *амайшëсëртерех* и *пиччёшсëртерех* (*ача*). Итак, тезис «употребление формы на *-сär* (*-сëр*) перед именем ни под каким видом невозможно рассматривать как падежное» нарушается.

Казалось бы, сказанное относится и к словоформам на *-лай* (*-лëй*). Если признали в аффиксе *-сär* (*-сëр*) двухфункциональность, то аффикс *-лай* (*-лëй*) должен быть также двухфункциональным: деривационным, образующим имя прилагательное, и реляционным (но не падежным). По воле ученых, аффикс *-лай* (*-лëй*, *-ллай*, *-ллëй*) причислен только к деривационным, к именам прилагательным безоговорочно относят все приимённые формы на *-лай* (*-лëй*). К тому же словоформы, содержащие аффикс 3 лица *-ё* (*-и*), а также аффикс множественного числа *-сем*, были причислены без разбора к именам прилагательным: *тäри юрриллë ip*, *шäпчäк сассиллë каç*, *шурä çуртсемлë хула* [118, с. 157]. На несостоятельность такой концепции указал в своё время И.А. Андреев [11, с. 98—101].

Как видим, все эти вопросы требуют решения. Если признать наличие лишнего падежа, несмотря на нарушение принципа тотальности, должны признать и статус наличного падежа с аффиксом *-лā* (*-лē*, *-ллā*, *-ллē*). Деривационными следует считать аффиксы *-сāр* (*-сēр*) и *-лā* (*-лē*, *-ллā*, *-ллē*) лишь в том случае, если словоформы с этими аффиксами принимают аффиксы категории сравнения *-рах* (*-рех*), т.е. определителем того, к какой части речи относятся слова с этими аффиксами, является именно категориальный оформленитель или маркер прилагательных. Или же следует исключить аффикс *-сāр* (*-сēр*) из числа падежных как не соответствующий статусу падежности форм.

Из частных значений аффикса *-сāр* (*-сēр*) можно указать следующие: отсутствие чего-либо — *çынсāр* *выран* «бездонное место»; обозначение предельного времени — *уявсāр* *килмест* «раньше праздника не приедет» и т.д.

Формант *-сāр* (*-сēр*) является объектом исследования не только словоизменительной, но и формоизменительной морфологии. Он широко употребляется после показателя множественного числа *-сем* (*кёнекесемсēр* «без книг», *туссемсēр* «без друзей»), после всех аффиксов принадлежности (*ывлāмсāр*, *ывлуссāр*, *ывлēсēр*, *ывлāмāрсāр*, *ывллāрсāр*), может следовать за аффиксом притяжательного падежа (*Петрēнсēр* *пүсне урах ёне таврашē курāнмарē унта* «Кроме коровы Петра, там коров больше не было видно»).

Причинно-целевой падеж. Слова с аффиксом причинно-целевого падежа *-шāн* (*-шēн*) выражают следующие значения: цель и значение: *миришēн* «за мир», *укçашāн* «из-за денег», *юратушāн* «за любовь»; причину или повод: *сивёшēн* (ср. *сивёрен*) «из-за холода»; *айшашāн* (*айшаран*) «из-за тепла»; отношение: *сывлāхшāн* «за здоровье», «для здоровья» и т.д.

Вторичные категориальные формы

Категория прошедшего времени на *-чē* (*-ччē*). Категорией прошедшего времени мы называем словоформы субстантивов потому, что использование форманта *-чē* (*-ччē*) соответствует принципу тотальности употребления как в словоизменении, так и в формоизменении, но это не основная категориальная фор-

ма, а вторичная, ибо она присуща всем знаменательным и некоторым служебным частям речи.

Многим может показаться беспрецедентным утверждение, что в чувашском языке имя существительное имеет категорию времени. Скептики обязательно зададут вопрос: «А разве время — не грамматическая категория глагола?» В таких случаях уместно напомнить, что не только действия совершаются во времени, но также предметы существуют, находятся в пространстве и во времени.

При определении грамматической категории времени у существительных необходимо отталкиваться от наличия грамматического показателя *-чё* (*-ччё*). Возьмём для примера следующие строки из повести А. Артемьева «Салампи»:

- *Лайăх салтакчё-и Валерий?*
- *Паттар салтакчё. Тĕлĕнмелле ыра չынччё. Сывăх тусамччё манăн.*
- «— Хорошим был солдатом Валерий?
- Бравым был солдатом. Душевный был человек. Моим близким другом был».

Словоформы *салтакчё* (букв.: был солдатом), (*ыра*) *չынччё* «(душевный) был человек», *тусамччё* «другом моим был» передают значение прошедшего времени. Это понятно из контекста, ибо разговор между Леной и Алмазовым происходит после того, как Валерий Семёнов пал смертью храбрых в Маньчжурии.

Строки из произведения И. Тукташа: *Пурчё пирён отделенире сестра — Таня. Уçă кăмăллă та çемçe чёреллë хёрччё. Сăнран-пуçран пăхма ун çинче нимĕнле ытлашиши илемлëх те çукчё, кăлкан пек сарă çүсё яланах арпаşынса çуретчё... Савайн пек хёрччё пирён сестра Таня.* Герой произведения вспоминает дни из фронтовой жизни, поэтому в его повествовании появляются слова с аффиксом *-чё* (*-ччё*): *хёрччё* «девушка была», *пурчё* «была», *çукчё* «не было». Здесь нужно провести чёткую грань между морфемами *-чё* и *-ч + -ё*. В глагольных формах для выражения действий в прошедшем времени используется показатель *-ч* в сочетании с показателем 3 лица *-ё*. В существительных *хёрччё*, *салтакчё* такой членности нет, потому что слово с формантом *-чё* (*-ччё*) употребляется не только в значении 3 лица, но и 1 и 2 лица соответственно: *Энё салтакчё* «Я был солдатом», *Эсё салтакчё* «Ты был солдатом». В значении множественного числа употребительны два варианта: *Энир салтакчё* — *Энир салтаксемчё* «Мы были

(тогда) солдатами»; *Эсир салтакчē* — *Эсир салтаксемчē* «Вы были (тогда) солдатами; *Вēсем салтакчē* — *Вēсем салтаксемчē* «Они были (тогда) солдатами». Форма *салтаксемчē* — пример формыизменительной категории прошедшего времени.

Эти примеры показывают, что в чувашском языке имеется специальный аффикс, показывающий предмет в прошлой временной плоскости; *хēрчē*, *ачаччē*, *салтакчē* — маркированные формы предметного прошедшего времени имени существительного. Если учесть, что построение многих грамматических категорий зиждется на оппозиции, то слово *салтак* в предложении *Эпē салтак* «Я солдат» логически мыслится в настоящем времени.

Таким образом, в предложениях: *Вāл вēрентүсē* «Он учитель»; *Вāл вēренет* «Он учит» — выражено настоящее время. В первом случае в слове *вēрентүсē* значение настоящего времени существительного выражено имплицитно, а в глаголе *вēренет* «учит» — эксплицитно, путем аффикса настоящего времени *-ет*. В предложениях: *Вāл вēрентүсēччē* «Он был учителем»; *Вāл вēренетчē* «Он учил» — значение прошедшего времени выражено эксплицитно.

В русистике призывают не путать морфологическое время с синтаксическим, считая синтаксическое время категорией уровня предложения, а морфологическое — одним из значений формы слова [56, с. 543]. Поскольку в русском нет средств для выражения предметного времени, то категория времени описывается только при изучении глагола.

В чувашском языкоznании синтаксическое настоящее время в предложениях типа: *Вāл учитель* «Он учитель»; *Санталāк уяр* «Погода ясная» — описано И.А. Андреевым [12, с. 5—6]. Анализируя парадигму предложений: *Санталāк уяр тулчē*; *Санталāк уяр пулē*; *Санталāк уяр пулсаччē* — автор говорит о том, что значение настоящего времени в первом предложении (*Санталāк уяр*) выражено имплицитно, а в других случаях грамматические значения выражены эксплицитно. И.А. Андреев мог показать и характерную для чувашского языка особенность эксплицитного выражения прошедшего времени путем аффикса *-ччē*: *Санталāк уярчē* «Погода была ясной», но ограничился, к сожалению, примерами: *Санталāк уяр тулчē* и *Санталāк уяр пулсаччē* «Погода была ясной».

Утверждение о том, что аффикс *-ччē* (*-ччē*) в чувашском языкоznании не был предметом внимания, не соответствовало

бы истине. Первое упоминание о нём встречается у Н.И. Ашмарина, который связывает его с тюркским глаголом *идим* [20, с. 307]. Ф.Т. Тимофеев называл его «недостаточным глаголом» (*çителëксёр ёç-хёл*) и «глаголом без основы», ибо здесь нет самой основы слова, а есть только окончание [172, с. 78]. И.П. Павлов аффикс *-чё (-ччё)* назвал также «недостаточным глаголом», затем, не соглашаясь с тем, что В.Г. Егоров назвал *-чё (-ччё)* частицей, выражающей сказуемость, он критически подошел к термину «аффикс сказуемости». И.П. Павлов правильно отметил, что посредством аффикса *-чё (-ччё)* в большинстве случаев выражается прошедшее время, что область распространения аффикса *-чё (-ччё)* не замыкается причастиями, он широко распространен в именах [118, с. 244—245].

Таким образом, грамматическое значение прошедшего времени, выражаемое маркированной формой на *-чё (-ччё)*, налицо; немаркированная форма при этом имплицитно выражает значение настоящего времени. По степени активности *-чё (-ччё)* не может быть ни деривационным, ни формообразующим, его можно считать только словоизменительной и формоизменительной морфемой. Но это не говорит о том, что этот формант не может быть объектом описания формообразовательной морфологии. У аффикса *-чё (-ччё)* есть строго фиксированная позиция — он замыкает словоформу, примыкает не только к основе слова, но и ко всем категориальным и некатегориальным формам имени существительного: *ывлчё* «был сыном»; *ывламчё* «был моим сыном», *ывламрчё* «был нашим сыном»; *ывлучё* «был твоим сыном», *ывларчё* «был вашим сыном»; *ывлечё* «был его (ёё) сыном»; *куракрахчё* (*Тырайсем курákрахчё* «Хлеба чуть недозрели»), а также к падежным аффиксам:

Прит.	<i>ывл-айн-чё</i>	<i>хёр-ён-чё</i>	<i>Петёренчё</i>
Дат.	<i>ывл-а-чё</i>	<i>хёр-е-чё</i>	<i>Петёречё</i>
Мест.	<i>ывл-та-чё</i>	<i>хёр-те-чё</i>	<i>Петёртечё</i>
Исх.	<i>ывл-тан-чё</i>	<i>хёр-тен-чё</i>	<i>Петёртенчё</i>
Твор.	<i>ывл-па-чё</i>	<i>хёр-пе-чё</i>	<i>Петёрпечё</i>
Лиш.	<i>ывл-сäр-чё</i>	<i>хёр-сёр-чё</i>	<i>Петёрсёрчё</i>
Прич.	<i>ывл-шайн-чё</i>	<i>хёр-шён-чё</i>	<i>Петёршёнчё</i>

Широкое употребление со всеми формами существительных, а также возможность присоединяться ко всем словам знаменательных частей речи и их формам дают гарантирован-

ную возможность объявить аффикс *-чё (-чё)* словоизменительной и формоизменительной категориальной морфемой прошедшего времени.

Рассмотрим употребление этого аффикса со словами разных частей речи:

а) прилагательные: *хитречё, хаярчё, усалчё, хёричё, сарричё, չўլეսкерчё, усалтарахчё, шап-шурячё, կան-կավакчё,*

б) числительные: *виշչечё, вуннайчё, виշչемайчё, вуннамешичё, виշ-шерчё, вуншарчё, виշшерёнчё, вуншарянчё,*

в) местоимения: *этёчё, валичё, хайчё, пирёнчё, лешенчё, кунашакалчё, мэнчё, мэнлечё, манянчё,*

г) причастия: *лараканчё, вуланайчё, вуламаллачё.* В причастиях будущего времени *-чё* не выражает значения прошедшего времени: *вуласчё* «надо бы читать», *каясчё* «надо бы ехать, идти», *пёлесчё* «надо бы знать». То же наблюдается в формах глагола сослагательного наклонения: *вулаттамчё, кайаттамчё.* В этих случаях выражаются желательно-предполагаемое действие или мечта, которые нужно осуществить. Поскольку мечта — мысленно представляемая, созданная воображением цель, которой нужно достичь в будущем, то, естественно, в таких случаях значения прошедшего времени нет. То же отмечается в восторженных восклицаниях человека, страстно желающего чего-то: *Ծակարчё халь пёр татак!* «Хлеба бы сейчас кусок!»; *Мунчачё халь!* «Баньку бы сейчас!»;

д) деепричастия: *кайсаччё, күлсеччё, пёлсеччё;*

е) наречия: *анчахчё, пайтахчё, аранчё, таружчё, юричё, կալախахчё;*

ж) послелоги: *пекчё, витёрчё, таранчё, валичё;*

з) частицы: *марчё, сукчё, ծесчё, араччё (չավ);*

и) подражания: *шатэр-шатэрчё, вайшал-вайшалчё, չեվէլ-չեվէլчё.*

Таким образом, прошедшее время имён существительных противопоставлено немаркированной основе, выражающей имплицитно значение морфологического настоящего времени: *acha — ааччё, kёnek — кёnekечё, шывшай — шывшайнчё* и т.д.

Вопреки мнению большинства признающих только оппозитивную теорию морфологических категорий, категория прошедшего времени на *-чё (-чё)* для всех частей речи, в которых она проявляет себя, является неоппозитивной одночленной категориальной формой. Логико-имплицитное подразумевающееся выражение настоящего времени в форме *Эпё студент* «Я студент» оппозицию ей не составляет.

Категория усиления на -ах (-ех, -х). Категория усиления в чувашском языке — неоппозитивная категориальная форма, образуется противопоставлением немаркированной основы, выражающей обычное утверждение (в виде номинативной единицы или любой словоформы), маркированной основе с аффиксом *-ах* (*-ех*, *-х*), выражающей значение усиления (подчеркнутого утверждения): *Ҫын ҫынах* «Человек есть человек»; *Ӗ ёсех* «Дело есть дело»; *Ача ачах* «Ребёнок есть ребёнок».

Аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) считается усилительной частицей, что не соответствует истине, ибо этот формант имеет сингармоничные варианты, а после основ с конечными гласными *a*, *e* — алломорф *-х*: *acha* — *ачах*, *kёpe* — *кёпех*, *ҫuna* — *ҫунах*. К тому же частицы орфографически оформляются раздельно или через дефис, а аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) всегда пишется слитно (как аффиксы). Частицы в большинстве случаев однозначны, аффикс *-ах* (*-ех*, *-х*) многозначен. Н.И Ашмарин указывает на наличие следующих значений словоформ с *-ах* (*-ех*, *-х*): усиление; уточнение, тождество; утверждение, выделение; ограничение; отчаяние [А, II, с. 181—184]. Во втором томе «Словаря чувашского языка» *-ах* Н.И. Ашмарином назван частицей [А, II, с. 181], а в третьем *-ех* — аффиксом [А, III, с. 39—41].

Категория усиления относится как к словоизменительной, так и формоизменительной морфологии. Примеры из словаря Н.И. Ашмарина: словоизменение — *ҫак чирех* «эта же болезнь»; *Нимён ёсех те ҫук* «Никакой особой работы нет»; *Ҫав ҫынах илсе кайрे* «Взял тот же самый человек»; *Тарҫа тарҫах вӑл* «Слуга он и есть слуга»; формоизменение — *кунёпех* «целыми днями»; *Вӑл этемренех ҫуралнӑ-ши?* «Он от человека ли произошёл?»; *Урӑх ҫырмасемех ҫук* «Других оврагов как таковых нет» и т.д.

Нужно отметить универсальный характер аффикса усиления: он может присоединиться почти ко всем частям речи (причем почти ко всем формам всех частей речи) — прилагательным: *Хитри хитрех-ха вӑл* «Красив-то он красив»; *хитререхех* «красивее»; местоимениям: *Вӑнне вӑлах* «Он-то он»; *Унтанах пулмасть* «Из него не выйдет ничего»; числительным: *хӗрӗхех ҫук пулӗ* «сорока, наверное, нет»; *хӗрӗхсенчех* «точно (ему) под сорок»; наречиям: *паҫӑрах* «давно уже»; *кӗсех* «уже скоро»; частицам: *татах* «ещё и ещё»; *вӑл марах* «точно не он»; подражательным словам: *Ҫумӑр чаши-чашах ҫавать* «Дождь идёт усиленно»; послелогам: *ун валииех* «точно для него» и т.д.

Таким образом, категория усиления выражается эксплицитно при противопоставлении по линии «усиление — неусиление»; немаркированная основа существительного в словарной форме означает номинативное утверждение, а имя с аффиксом *-ах* (*-ex*, *-x*) — усиление утверждения, уточнения и выделения: *сын* — номинативное утверждение (без усиления); *сынах* — уточнение с оттенком усиления: *Сынах пулмалла ҫав* «Человеком надо быть»; *Сынах пулән-ши эсё?* «Выйдет ли из тебя человек?»; *ир* «утро» или «рано» (утверждение без усиления); *ирех* «совсем рано»; *Ирех килчे* «Пришёл совсем рано»; *Ир-ирех (ирех) тăратать* «Поднимается очень рано»; *Ирё ирех* «Утро есть утро», «Рано, конечно».

Категории усиления присущ принцип тотальности употребления, эта категория распространяется на все слова и словоформы многих частей речи.

Аффикс *-ах* (*-ex*, *-x*) может выступать в удвоенном виде: *Чайнахах (чай-ах-ах) та пите хăраса ўкрём* (Трубина) «В самом деле я очень испугался».

Б. Формоизменение существительных От словоизменения к формоизменению

В предыдущем разделе рассматривались простейшие случаи морфологического строения слова в связи с изучением категорий числа, падежа, принадлежности, времени, усиления существительных. На уровне словоизменения анализировались следующие разновидности словоформ.

1. Именная основа (*ача* «ребёнок», «дитя»)
- 1) + аффикс множественного числа (*ача-сем*);
- 2) + падежные аффиксы (*ача-н, ача-н-а, ача-ра, ача-ран, ача-па, ача-сăр, ача-шайн*);
- 3) + аффиксы принадлежности (*ача-м, ач-у, ач-и, ач-ăр*);
- 4) + аффикс прошедшего времени (*ача-ччё*);
- 5) + аффикс усиления (*ача-х, сын-ах, сëтел-ех*).

В приведённых примерах *ача* является корневой основой (англ. root *basis*) — морфологическим корнем, т.е. основой, не поддающейся в современном состоянии языка разложению на корень и аффикс. Основа здесь ядерная часть слова, с которой связано его вещественное лексическое значение.

Чувашский язык, как и все другие тюркские языки, относится к агглютинирующими языкам, и ему присуща агглюти-

нативная морфология — морфология не только словоизменительная, но и формоизменительная. Выражение грамматических категорий в формоизменении осуществляется посредством соположения морфем, то есть теперь морфологическое строение слова необходимо изучать в ином плане, с переходом на другой, более сложный уровень.

2. Именная основа (*сын* «человек» или *ача* «ребёнок»)

- 1) + аффикс множественного числа + падежные аффиксы (*сын-сем-pe*, *сын-се-n-че*, *сын-сем-сёр*, *сын-се-n*, *сын-се-n-e*; *ача-сем-pe*, *ача-се-n-чен*, *ача-сем-сёр*, *ача-се-n*, *ача-се-n-e*);
- 2) + падежные аффиксы + падежные аффиксы (*ача-nn-e*, *ача-n-pe*, *ача-ран-na*, *сын-ānn'-pe*, *сын-ānn'-e*);
- 3) + аффиксы принадлежности + падежные аффиксы (*ача-m-a*, *ачу-n-a*, *ач-u-pe*, *сынн-i-u-pe*);
- 4) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа (*ача-m-сем*, *ача-m-āр-сем*, *ач-u-сем*, *сынн-i-сем*);
- 5) + аффикс множественного числа + аффиксы принадлежности (*ача-сем-сёр*, *эт(<ач>-сем-сёр*; *тāван-сем-сёр*);
- 6) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + падежные аффиксы (*ача-m-сем-pe*, *ач-u-сем-шён*, *ач-u-сем-сёр*);
- 7) + аффикс множественного числа + аффикс прошедшего времени (*ача-сем-ччё*, *сын-сем-ччё*);
- 8) + аффикс множественного числа + аффиксы падежей + аффикс прошедшего времени (*ача-сем-pe-ччё*, *ача-сем-сёр-ччё*, *ача-сем-шён-ччё*, *сын-сем-pe-ччё*);
- 9) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + аффикс прошедшего времени (*ача-m-āр-ччё*, *ач-u-сем-ччё*, *сынн-i-сем-ччё*);
- 10) + аффиксы принадлежности + аффикс множественного числа + падежные аффиксы + аффикс прошедшего времени (*ача-m-āр-сем-pe-ччё*, *ач-u-сем-сёр-ччё*, *ач-u-сем-шён-ччё*, *сынн-i-сем-pe-ччё*) и т.д.

В предпозиции аффикса *-ччё* может оказаться аффикс категории усиления *-ах* (-*ex*, -*x*): *ача-сем-ex-ччё*, *ача-na-x-ччё*, *сын-сем-pe-x-ччё*.

Аффиксальные морфемы при этом строго валентностно контекстуальны, расположены в определенной последовательности. Отклонение от нормы наблюдается лишь в отношении аффикса множественного числа *-сем* и аффиксов принадлежности (с изменением значения): *ач-āр-сем* «дети ваши»; *тāван-āр-сем*

«ваши родные»; *ач-сем-ёр* «дети мои» или «дети наши»; *тäван-сем-ёр* «родные наши».

Форма *ач-сем-ёр*, видимо, получилась под влиянием аналогичных форм других тюркских языков: тат. *бала-лар-ым* «дети мои». По Э.В. Севортияну, исторически размещение аффиксов принадлежности и множественного числа *-лар* (*-лер*) в тюркских языках было сходно с тем, что сейчас наблюдается в чувашском языке: *ача-м-сем* (т.е. *бала-м-лар*) — сначала шёл аффикс принадлежности, затем множественности [147, с. 137].

Таким образом, в чувашском языке последовательность аффиксальных морфем — явление исторически обусловленное, представляет собой объект специального лингвистического исследования в формоизменительной морфологии. Формоизменительной мы назвали её потому, что здесь изменяется не изначальная (немаркированная) основа, а маркированная основа (основоформа), состоящая из какого-либо аффикса после изначальной основы; например, множественного числа (*ача-сем* — *ача-се-н*, *ача-се-н-е*, *ача-се-н-че*, *ача-се-н-чен*, *ача-сем-пe*, *ача-сем-пe*, *ача-сем-сёр*, *ача-сем-шён*) или категории личной принадлежности (основа слова + *-ам* (*-ём*, *-м*)). Словоформы типа *ачам*, *ачу*, *ачи*, названные некоторыми языковедами основой первичной (основа с одним аффиксом), становятся при этом как бы изменяемой морфологической основой, т.е. формоосновой. Формооснову могут образовать и некоторые падежные аффиксы. Это явление будет рассмотрено в следующем подразделе.

О необходимости исследования последовательности аффиксальных морфем было высказано рядом учёных. В.И. Цинциус считала, что изучение порядка расположения аффиксальных морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но в особенности для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий» [180, с. 149].

Не умаляя значения изучения этого вопроса в этимологических и исторических штудиях, необходимо подчеркнуть важность выяснения задач синхронного порядка в целях установления категориальных и некатегориальных форм на основе изучения формоизменения. Принципиальное значение имеет вопрос о плеоназмах — сочетаниях в пределах одного ряда одинаковых или однозначных морфологических элементов: падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа.

О «двойном склонении» и категории склонения в чувашском языке

О двойном склонении в алгаистике впервые написал Н.Н. Поппе: «Двойное склонение заключается в образовании падежных форм не от основы, а какой-нибудь падежной формы. Падежная форма как бы становится склоняемой дальше основой» [131, с. 150] (по нашей терминологии — основоформой. — В.С.). О двойном склонении в монгольских языках писал Г.Д. Санжеев: «Суть двойного склонения заключается в том, что некоторые падежные формы образуются не только от основы имён, но также ещё и от других падежных форм, т.е. склоняемыми оказываются не только основы, но и некоторые падежные формы, преимущественно такие, которые в предложении могут быть определениями, т.е. родительный и совместный» [143, с. 177].

В тюркологии в основном речь идет о простом и притяжательном типах склонения.

Как бы скептически ни относились к выражению «склоняемая падежная основа», мотивируя тем, что такое определение находится в явном противоречии с общепринятым определением понятия «основа», но факт остается фактом: двойные падежные формы существуют не только в монгольских языках, но и в чувашском.

Впервые в чувашском языке такое склонение замечено А.И. Ивановым: «В современном чувашском языке склонение некоторых местоимений почти целиком построено на притяжательном падеже. Притяжательный падеж является, например, основой склонения указательных местоимений и местоимений личных 1 и 2 лица во множественном числе» [81, с. 81].

Осн.	çакай «этот»	этип «мы»
Прит.	çакай-н	нир-эн
Дат.	çак(ă)-н-а	нир-е
Мест.	çакайн-та	нирэн-те
Исх.	çакайн-тан	нирэн-тен
Твор.	çакайн-па	нирэн-пе
Лиш.	çакайн-сăр	нирэн-сĕр
Прич.	çакайн-шăн	нирэн-шĕн

После приведения таблицы склонения этих местоимений автор указывает, что по образцу местоимения *çакай* склоняются *çавай* «тот», *лешё* « тот, кто (что) подальше», *нирё* «все», *нёри* «один из них», *нипри* «другой», склонение местоимения *кашини* также

построено на притяжательном падеже. Он подметил, что у существительных, обозначающих предметы, которые могут обладать чем-то, от притяжательного падежа образуется второй дательный падеж с аффиксом *-не*: *колхоз-айн-не* (от формы *колхозайнё* «то, что принадлежит колхозу»). В итоге А.И. Иванов притяжательный падеж объявляет формообразовательной категорией [81, с. 82].

Правильно анализируя многие факты двойного склонения, он всё же не заметил существенных моментов при таком необычном изменении слова. К недочётам А.И. Иванова мы относим трактовку в качестве аффикса дательного падежа *-на* (*-не*), вместо *-a* (*-e*); при склонении местоимения *этир* «мы» в дательном падеже автор приводит лишь форму *пир-e*, в то время как в языке существует форма *пирённе*: *Пирённе ёнер такамсем ёнене анкартине каларса янй* «Вчера кто-то нашу корову выпустил в город» (заметьте: нельзя говорить *пирённине ёнене*).

Недостаточно внимателен автор к существительным, обозначающим предметы, которые обладают каким-либо имуществом. Все они могут участвовать в двойном склонении по образцу вышеуказанных местоимений, и при этом приводить наличие аффикса 3 лица *-ё* (или *-и*) в основном падеже необязательно. Представляем слово *шкул* в трёх типах склонения, обозначая соответственно образцы склонений I, II, III:

	I	II	III
Осн.	<i>шкул</i>	<i>шкул-ё</i>	<i>шкул</i>
Прит.	<i>шкул-айн</i>	<i>шкул-ё-н</i>	<i>шкулайн</i>
Дат.	<i>шкул-а</i>	<i>шкул-ё-нн-е</i>	<i>шкулайн-е</i>
Мест.	<i>шкул-та</i>	<i>шкул-ё-н-че</i>	<i>шкулайн-че</i>
Исх.	<i>шкул-тан</i>	<i>шкул-ё-н-чен</i>	<i>шкулайн-чен</i>
Твор.	<i>шкул-па</i>	<i>шкул-ё-н-пе</i>	<i>шкулайн-пе</i>
Лиш.	<i>шкул-сэр</i>	<i>шкул-ё-н-сёр</i>	<i>шкулайн-сёр</i>
Прич.	<i>шкул-шайн</i>	<i>шкул-ё-н-шён</i>	<i>шкулайн-шён</i>

Приведенные типы склонений существительных можно назвать основным (I), притяжательным (II) и смешанным (III). До сих пор в школьных и вузовских учебниках фигурировал только один тип склонения, между тем чувашскому языку присущи не только основной, но и смешанный и притяжательный типы склонения. Притяжательным мы называем тип склонения потому, что склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Такая формулировка отличается от той, что обычно предлагают в тюр-

кологии: простое склонение (безотносительно к обладателю) и лично-притяжательное (посессивное) склонение (с указанием на обладателя) [136, с. 29—35], т.е. имеется в виду склонение существительных с аффиксами личной принадлежности.

При таком понимании типов склонения изменение по падежам существительных, имеющих показатели принадлежности 1, 2 и 3 лица, будет также «двойким», например, склонение с аффиксом 1 лица:

	I	II
Осн.	<i>tус-äm</i>	<i>tусäm</i>
Прит.	<i>tус-äm-än</i>	<i>tусämän</i>
Дат.	<i>tус-äm-a</i>	<i>tусämänn-e</i>
Мест.	<i>tус-äm-ra</i>	<i>tусämän-che</i>
Исх.	<i>tус-äm-ран</i>	<i>tусämän-chen</i>
Твор.	<i>tус-äm-na</i>	<i>tусämän-pe</i>
Лиш.	<i>tусäm-sär</i>	<i>tусämän-sér</i>
Прич.	<i>tус-äm-shän</i>	<i>tусämän-shén</i>

Примеры со словоформами II типа склонения: *Тусämännе kënekine тавärsса памалла* «Книгу моего друга нужно вернуть»; *Кам сумкине хутäm-ха kënekene?* *Петэр тусämäncе мар-i-ха вäl?* «В чью же сумку я положил свой учебник? Неужели в сумку моего друга Петра?»; *Ман çélék тусäménchen çénérех* «Моя шапка новее, чем у моего друга»; *Хам kënekene эпë тусämäntе përlе хутäm* «Свою книгу я положил рядом с книгой моего друга»; *Тусämänsér пуçne сëтел çинче урäх kënekе курäñmarë* «На столе не видно других книг, кроме как книги моего друга»; *Хамäñ ënene эпë часах тупräм, тусäménshén ikë сехет värman täräx çýremе лекрë* «Свою корову я нашел сразу, из-за коровы моего друга пришлось ходить по лесу два часа».

Парадигму склонения с аффиксами 2 и 3 лица сопоставим в таком же порядке:

	III	II	III	II
Осн.	<i>tусу</i>	<i>tусу</i>	<i>tусë</i>	<i>tусë</i>
Прит.	<i>tусун</i>	<i>tусун</i>	<i>tусён</i>	<i>tусён</i>
Дат.	<i>tусна</i>	<i>tусна</i>	<i>tусне</i>	<i>tусённе</i>
Мест.	<i>tусунта</i>	<i>tусунче</i>	<i>tусёнче</i>	<i>tусёнче</i>
Исх.	<i>tусунтан</i>	<i>tусунчен</i>	<i>tусёнчен</i>	<i>tусёнчен</i>
Твор.	<i>tусуна</i>	<i>tусунпе</i>	<i>tусёне</i>	<i>tусённе</i>
Лиш.	<i>tусусär</i>	<i>tусунсér</i>	<i>tусёсér</i>	<i>tусёнсér</i>
Прич.	<i>tусушän</i>	<i>tусуншиен</i>	<i>tусёшиен</i>	<i>tусёншиен</i>

Притяжательный и смешанный типы склонения характерны для существительных множественного числа:

	III	II
Осн.	сынсем «люди»	сынсем «люди»
Прит.	сынсен	сынсен
Дат.	сынсене	сынсенне
Мест.	сынсенче	сынсенче
Исх.	сынсенчен	сынсенчен
Твор.	сынсемпе	сынсенне
Лиш.	сынсемсёр	сынсенсёр
Прич.	сынсемиён	сынсениён

	III	II
Осн.	күршиёсем «соседи»	күршиёсем «соседи»
Прит.	күршиёсен	күршиёсен
Дат.	күршиёсene	күршиёсенне
Мест.	күршиёсече	күршиёсече
Исх.	күршиёсеченчен	күршиёсеченчен
Твор.	күршиёсемпе	күршиёсенне
Лиш.	күршиёсемсёр	күршиёсэнсёр
Прич.	күршиёсемиён	күршиёсениён

Как видно из примеров в парадигме смешанного склонения (III), в творительном, лишительном, причинно-условном падежах склоняемой основой является форма основного падежа *сынсем*, а в других — форма притяжательного падежа *сынсен*.

Поскольку рассмотренные нами типы склонения свойственны для многих существительных и характеризуются регулярностью сопоставляемых форм с соответствующим содержанием, то это не что иное, как категориальная форма склонения существительных, и необходимо чётко разграничить термины «категория падежа» и «категория склонения». Хотя они взаимосвязаны, трактовать их под одним определением невозможно. В категории падежа противопоставлены падежи с их соответствующими маркерами, а в категории склонения следует признать оппозицию склоняемых основ (или основоформ). В склонении, названном основным, изменяемой основой является словарная (или так называемая начальная) форма, а в притяжательном склонении — маркированная основа притяжательного падежа, т.е. склоняемой основой является форма притяжательного падежа. Больше никакая падежная форма не может быть полностью

склоняемой основой, то есть основоформой. На образцы притяжательного склонения впервые обратил внимание Н.И. Ашмарин: в склонении словоформы *ывалу* — *ывал-у-н*, *ывал-н-а*, *ывалнта*, *ывалнтан* — он усматривал в аффиксе *-н* (*-ан*) формант притяжательного падежа. Но в формах *ывал-н-е*, *ывалё-н-че*, *ывалё-н-чен* аффикс *-н* в инлауте принял за эвфоническую вставку [20, с. 142].

Притяжательный падеж в чувашском языке находится в особом положении, поскольку образующий его аффикс функционирует не только сам по себе, но и как один из элементов двустороннего выражения связи: он связывается сам с основой слова и связывает эту основу с другими падежными аффиксами.

Аффикс притяжательного падежа может присоединяться не только к основе слова, часто встречается в иной позиции многоступенчатой системы формоизменения. Аффикс *-ан* (*-ён*, *-н*) может следовать за основой слова, а затем может присоединяться после выделительных аффиксов *-и*, *-скер*; например: *çак-ан-та-лл-и-скер-ён* «у того, кто из здешних мест». В первом случае *-ан* примыкает к основе местоимения *çак*, а во втором случае *-ён* является аффиксом притяжательного падежа формы выделения на *-скер*.

В свете вышеизложенного становится ясным, что утверждение о едином типе склонения в чувашском языке требует пересмотра. Естественно, устанавливая типы склонения, нельзя соизмерять их с теми, что имеются, например, в русском и немецком языках. Русский, немецкий и чувашский языки — языки разносистемные, поэтому для анализа фактов должны быть разные мерила языковедческого порядка.

При этом некоторые исследователи во II типе склонения склонны видеть наличие «скрытого» аффикса выделения *-и*. Мы считаем это иллюзорным впечатлением, ибо склонение той и другой формы можно представить для сравнения в таком виде:

Осн.	<i>шкул</i>	<i>шкул-анн-и</i>
Прит.	<i>шкул-ан</i>	<i>шкул-анн-и-н</i>
Дат.	<i>шкул-анн-е</i>	<i>шкул-анн-и-не</i>
Мест.	<i>шкул-ан-че</i>	<i>шкул-анн-и-н-че</i>
Исх.	<i>шкул-ан-чен</i>	<i>шкул-анн-и-н-чен</i>
Твор.	<i>шкул-ан-пе</i>	<i>шкул-анн-и-(н)-пе</i>
Лиш.	<i>шкул-ан-сёр</i>	<i>шкул-анн-и-(н)-сёр</i>
Прич.	<i>шкул-ан-шён</i>	<i>шкул-анн-и-(н)-шён</i>

Доказательством служит и склонение имён в формах 1, 2 и 3 лица категории принадлежности, в которых нет аффикса *-и*:

Осн.	<i>юлташи-у</i> «твой друг»	<i>тус-ё</i> «его (её) друг»	<i>тус-йм</i> «мои друзья»
Приг.	<i>юлташи-у-н</i>	<i>тус-ё-н</i>	<i>тус-йм-ан</i>
Дат.	<i>юлташи-(у)-н-а</i>	<i>тус-(ё)-н-е</i>	<i>тус-йм-анн-е</i>
Мест.	<i>юлташи-у-н-та</i>	<i>тус-ё-н-че</i>	<i>тус-йм-ан-че</i>
Исх.	<i>юлташи-у-н-тан</i>	<i>тус-ё-н-чен</i>	<i>тус-йм-ан-чен</i>
Твор.	<i>юлташи-у-н-пе</i>	<i>тус-ё-н-пе</i>	<i>тус-йм-ан-пе</i>

и т.д.

Сравни далее склонение форм *сынсем* (множественное число) и *сынсенни* (множественное число в форме выделения):

Осн.	<i>сынсем</i> «люди»	<i>сынсенни</i> «то, что принадлежит людям»
Приг.	<i>сын-се-н</i>	<i>сын-се-нн-и-н</i>
Дат.	<i>сын-се-н-е</i>	<i>сын-се-нн-и-н-е</i>
Мест.	<i>сын-се-н-че</i>	<i>сын-се-нн-и-н-че</i>
Исх.	<i>сын-се-н-чен</i>	<i>сын-се-нн-и-н-чен</i>
Твор.	<i>сын-се-н-пе</i>	<i>сын-се-нн-и-н-пе</i>

и т.д.

Потенциальные изменения словоформ падежей

Многоступенчатую систему производных форм от притяжательного падежа впервые описал и представил в виде схемы А.И. Иванов [81, с. 83]. В качестве примеров он взял указательные местоимения *çакай* «этот», *çавай* «тот», *ку* «этот», в перечне примеров фигурируют и существительные (*шыул*, *колхоз*, *совхоз*, *самах*, *ял*, *арман*) и числительные (*виçсё*, *саккэр*, *тäххэр*). Следует обратить внимание на вторую ступень. В этой строке представлены все падежи и формы с *-чен* и *-ла (-ле)*, не названные соответствующими терминами. Видимо, автор понимал, что эти формы близки к падежным, но чёткого высказывания по этому поводу у него нет.

Считая, что исходный падеж образовался от местного, автор постпозиционный *-н* в аффиксах *-ран* (*-рен*), *-тан* (*-тен*), *-чен* в одних случаях выделяет (*самахён-че-н* «из его слова»), в других — оставляет в слитной форме (*ялён-чен* «из его деревни»).

Естественно, схема, составленная с целью описания формоизменения указательных местоимений *çакай*, *çавай*, *ку* с привлечением примеров некоторых форм числительных, не всегда под-

ходит для представления «производных» форм от притяжательного падежа существительных, поэтому она должна быть модифицирована.

Схема А.И. Иванова не претендует на полноту исходных форм, ибо в одной схеме невозможно представить частные, малоупотребительные, тем более диалектные и разговорные формы. В качестве примера рассмотрим следующие строки из поэмы К. Иванова «Нарспи»:

*Лаши сикрё, ыткайчё,
Вёссе кайрё килнелле
«Конь отпрянул и стрелою
Полетел домой»* (букв.: в сторону дома).

Морфемный состав слова *килнелле* здесь может быть представлен в виде *килён-елле*, *кил-н-елл-e* или *кил-н-e-лле* — в зависимости от того, в каком виде будут выделены аффиксы направительной формы, притяжательного и дательного падежей.

В схему не включены широко употребляющиеся формы прошедшего времени на *-чё* (*-ччё*): *ялёнчечё*, *ялёнченчё*, *Петёрэн-нечё* и т.д., а также формы усиления на *-ах* (*-ex*, *-x*): *ялёнчех*, *килёнчех*, *айёнчех*, *Петёрэннех*, *килнелех*, *ялёнчисемех*, *ялёнченнисемех* и т.д. Мы оставили без нумерации формулы типа: *варр-i-n-e-reхх-i-сем* + все падежные аффиксы, поскольку в число таких форм можно отнести ещё лишь словоформы *тárринереххисем* и *хéрринереххисем*.

Примеры изменения формоосновы притяжательного падежа из статьи А.И. Иванова [81, с. 82–83]:

- 1) *ачан-айн*, *лашан-айн*, *ёнен-ён*;
- 2) *ачанн-e*, *шкулайнн-e*, *колхозайнн-e*, *совхозайнн-e*;
- 3) *ялён-че*, *колхозён-че*, *хирён-че*, *килён-че*, *уйён-че*;
- 4) *ялён-чен*, *колхозён-чен*, *хирён-чен*, *килён-чен*, *уйён-чен*;
- 5) *колхозайн-пe*, *Петёрэн-пe*, *совхозайн-пe*, *кўришён-пe*;
- 6) *колхозайн-шён*, *Петёрэн-шён*, *совхозайн-шён*, *кўришён-шён*;
- 7) *колхозайн-сёр*, *Петёрэн-сёр*, *совхозайн-сёр*, *кўришён-сёр*;
- 8) *колхозайнн-i*, *кўришённ-i*, *Петёрэнн-i*;
- 9) *ачанайн-i*, *колхозайнн-i*;
- 10) *амайён-e-ицел*, *ашайён-e-ицел*, *тичёшн-н-e-ицел*, *амайшн-н-e-ицел*;
- 11) *ялён-ч-i*, *килён-ч-i*, *колхозён-ч-i*, *уйён-ч-i*;
- 12) *хулин-ченн-i*, *класён-ченн-i*, *ялён-ченн-i*;
- 13) *кўришён-пe-скер*, *юлташён-пe-скер*;
- 14) *кохозайн-шённ-i*, *сынн-айн-шён-скер*, *кўришён-шён-скер*;

- 15) колхозён-шайнн-е, күршиён-шённ-е, тавансен-шённ-е (*пурте пёлесçё*);
 16) ялён-ч-и-сем, килён-ч-и-сем, шкулён-ч-и-сем;
 17) ялён-ченн-и-сем, колхозён-ченн-и-сем и т.д.

Изменение формоосновы дательного падежа можно представить в следующих примерах: 1) хёле-рех (*кёрсен*) «при наступлении зимы»; çава-рах (*тухсан*) «когда наступит лето»; 2) хёле-рех-не «ближе к зиме»; 3) вармана-рах-ра «ближе к лесу»; 4) тулта-рахх-и «то, что выступает наружу»; 5) вармана-рах-р-и «то, что ближе к лесу»; 6) амашне-шкел «подобно матери»; 7) амашне-шкел-те-рех «примерно походит на мать» и т.д.

А.И. Иванов в число производных от дательного падежа форм включил направительную форму на *-ла* (*-лле*), считая, что этот аффикс присоединяется к форме дательного: *сехемт-е-лле* [81, с. 86–87]. В действительности же здесь представлена формула: направительная форма *-алл* (*-елл*) + аффикс дательного падежа *-а* (*-е*). Аффикс *-алл* (*-елл*) восходит к самостоятельному слову тюркского происхождения:ср. тат. *ал* «перед, сторона, направление», оно сохранилось в чувашском языке в композитах *тёpel* «передняя часть избы», *хыçал* «задняя сторона», *мал* < *ум* + *ал* «передняя сторона», *шал* < *аш* + *ал* «внутренняя сторона», *çuel* < *ций* + *ел* «поверхность», которые могут вторично принимать аффикс *-алл* (*-елл*): *тёп-елл-е*, *хыç-ал-алл-а* и т.д. В силу изложенных причин считаем, что направительная форма не зависит от дательного падежа, а наоборот, аффикс дательного падежа примыкает постпозиционно к этой форме.

Изменение формоосновы местного падежа можно представить такими примерами: 1) килте-не (*пёрех*) «почти дома»; 2) килте-ччё «был дома», ёçре-ччё «был на работе»; 3) хулар-и « тот, кто (что) в городе», хулара-скер «поскольку он в городе»; 4) ялт-и-не «с тем, кто (что) в деревне» 5) ялт-и-сем «те, кто (что) в деревне», хулара-скер-сем «те, кто (что) в городе», 6) варманта-х «прямо в лесу», садра-х «прямо в саду»; 7) хуларак-чё «в самом деле был в городе»; 8) варринче-рех «ближе к середине», хёрринче-рех «ближе к краю»; 9) хёрринче-рех-ре «ближе к краю», тэрринче-рех-ре «ближе к верхушке»; 10) тэрринче-рех-р-и «то, что находится ближе к макушке»; 11) тэрринче-рех-р-и-не «с тем, кто (что) ближе к вер-

хушке»; 12) *варринче-рех-р-и-сем* «те, кто (что) ближе к середине»; *айшёнче-рех-р-и-сем-шён* «для тех, кто (что) находится ближе к середине»; *айшёнче-рех-р-и-сем-шён* «для тех, кто (что) находится почти внутри». Во многих случаях к этим формам можно присоединить аффиксы прошедшего времени -чё (-ччё): *ялта-чё* «был, находился в деревне», *варринчерех-чё* «был ближе к середине» и т.д.

Исходный падеж также является формоосновой, примеры: 1) *иртнен-не* «с утра», 2) *Килтенн-е килтненх пулё тэ-ха* «Из дома-то, наверное, из дома»; 3) *хулааранн-и* « тот, кто (что) из города», *хулааранн-и-н* «у того, кто (что) из города», *хулааранн-и-сем-шён* «для тех, кто (что) из города»; 4) *шкултан-скер* « тот, кто (что) из школы»; *шкултан-скер-ён* «у того, кто (что) из школы»; *шкултан-скер-сем* «те, кто (что) из школы»; 5) *ёмэртенхи ёмёт* «извечная мечта»; 6) *хёрринчен-рех* «от того места, что ближе к краю»; 7) *тäрринчен-рех-рен* «с того места, что ближе к верхушке».

Примеры формоизменения на базе творительного падежа: 1) *Энё лашана-çке* «Я же с лошадью»; *Эсё лашана-шайн кам айäпlä?* «Кто же виноват в том, что ты с лошадью?»; 2) *çунана-лл-и* « тот, кто имеет сани»; 3) *кёрёкпе-скер* « тот, кто в шубе»; 4) *сämсана-рах* «гнусаво (о речи или голосе)», *вайпа-рах* «с силой»; 5) *каçна-рах-на* «ближе к вечеру»; 6) *Эсир тем сämахна-чё ёнтё?* (Арт.) «Вы хотите что-то сказать мне?»

Примеры формоизменения на базе лишильного падежа: 1) *Вäл кёрёксёр çýрет*. *Кёрёксёр-н-е* (*кёрёксёрине*) *пёлетэн*. «Он без шубы ходит. Знаю, что без шубы»; 2) *алäсäр-на пёрех* «как без рук» 3) *кёнекесёrr-и* « тот, кто без книги», 4) *алäсäр-скер* « тот, кто без руки».

Примеры формоизменения на базе причинно-целевого падежа: 1) *Вëсем миршённ-е пёлемтэр* «Знаем, что они за мир»; 2) *Вëсем укçашайн* «Они хотят денег»; *Укçашайн-не укçашайн маррине мёйле пёлмелле?* «Как узнать, хотят или не хотят денег?»; 3) *миршённи* « тот, кто за мир».

Таким образом, в чувашском языке формы всех падежей представляют собой формоосновы для дальнейших морфологических изменений. Иногда один и тот же аффикс в процессе формоизменения может присоединиться по нескольку раз. В особенности это характерно для притяжательного падежа.

* * *

Чувашское формоизменение в силу своей агглютинативной природы может иметь достаточно стройную линейную протяженность, при которой позволительно соединить в единую реализацию как бы несколько словоформ. В этом смысле понятие «формоизменение» должно иметь более точные критерии, определяемые морфологическим статусом. Для формоизменения (по сути — словоформоизменения) важно, из каких морфем состоит словоформа и в какой последовательности они расположены. Из приведенных примеров видно, что падежные формоосновы, которые могут присоединить к себе аффиксы *-и*, *-скер*, как правило, могут склоняться и принимать аффикс множественного числа *-сем*. В свою очередь формооснова с аффиксом *-сем* склоняется и может вторично принимать аффиксы *-и*, *-скер*.

При дистрибутивном анализе решающим фактором описания формоизменения является выявление формулы стабильности следования морфем в словоформе. В большинстве случаев наблюдается строгий порядок следования морфем. Это и есть классическая схема агглютинативного формоизменения или закона грамматики порядков.

Механизм относительно свободного порядка следования морфем действует лишь в отдельных словоформах: если аффикс множественного числа может поменяться местами с аффиксами категории принадлежности: *тäван-сем-ёр* «родные наши»; *ач-сем-ёр* (диал. *эт-сем-ёр*, *ать-сем-ёр* «дети наши»); *тäван-är-сем* «ваши родные»; *ач-är-сем* «дети ваши», то в поэтизмах за аффиксом принадлежности 1 лица может сразу следовать аффикс 3 лица:

<i>Ыратать анне чёри</i> <i>Хай ачамёшён</i> (Хуз.)	<i>«Болит сердце матери</i> <i>За дитя своё».</i>
--	--

В словоформе *ачамёшён* (*ача-м + -ё-шён*) встречается явление, не характерное для чувашского языка. Другое дело, если в словоформе однозначные аффиксы выстроены в цепочку: *ач-м-äm(ç)-äm*, *пепке-м-ём(ç)-ём* «дитятко моё».

Экспонент форманта, характеризующегося различными позициями в словоформе при формоизменении и при словоизменении, презентирует различные морфемы. Ср.: *-и* при словоизменении — аффикс 3 лица притяжательной категории: *ач-и* «её (его) ребёнок», *лаши* «его (её) лошадь»; *-и* при формоизменении — аффикс выделения: *вärманти* (*вärман-т-и*) « тот, кто

в лесу», *Петёрэнни* «то, что принадлежит Петру», *лашасäрри* « тот, кто без лошади» и т.д.

Строгий порядок следования морфем наблюдается при формооснове имени с аффиксом множественного числа *-сем*: аффикс множественного числа *-сем* + все падежные аффиксы (+ *-ex* + *-чё* (-*чё*)): *Вёсем Элэкsempeччё* «Они были с аликовскими»; *Çав çынsemехчё* «Были те же люди».

Формоосновы падежей, которые могут присоединить аффиксы выделения *-и*, *-скер*, склоняются вторично и принимают аффикс множественного числа *-сем*; формоосновы с аффиксом *-сем* могут демонстрировать вторичное (а также третичное) склонение. В этом и заключается формоизменение агглютинативной словоформы.

В таком же порядке можно показать структуру дистрибутивного анализа с формоосновами на *-и*, *-скер*, т.е. форм выделения: форма выделения на *-и*, *-скер*

+ аффикс множественного числа + *-ex* + *-чё*: *ялтиччё* « тот, кто был в деревне»; *тихаскерччё* «лощадь, которая была более похожа на жеребёнка»; *ял-т-и-скер-сем-ex-чё* «были точно сельские»;

+ аффикс любого падежа + *-ex*, *-ax* + *-чё*: *килтиех* «то же, что дома»; *ачаскерех* «хотя и ребёнок»; *çуркунне-рен-ex-чё* «было ещё с весны»; выражение «любой падеж» говорит о том, что формоосновы на *-и*, *-скер* склоняются, демонстрируя далее вторичное и третичное склонение.

Формоосновы типа *хуларисем* «городские» (т.е. те, кто в городе) склоняются, могут принимать аффиксы усиления *-ax* (*-ex*) и *-чё*.

Формоизменительная категориальная форма выделения на *-и*

Для существительных форма выделения является непоследовательно коррелятивной (её формы образуются не от лексических основ существительных), а представлена в виде формоизменительной категории — аффикс выделения *-и* присоединяется к форме основы после отдельных падежных аффиксов: *ачан* «ребёнка» (притяж. п.) — *ачанн-и* «то, что принадлежит ребенку»; *ялта* «в деревне» (мест. п.) — *ялт-и* « тот, кто в деревне»; *ача-сäрр-и* « тот, кто без ребёнка»; *ача-шäнн-и* « тот, кто хочет иметь ребёнка»; *хулара* «в городе» (мест. п.) — *хулар-и* « тот, кто в городе»; *пýртрен* «из дома» (исх. п.) — *пýртренн-и* « тот, кто из дома»; *ёçне* «по делу» (твор. п.) — *Ёçпине ёçпех та-ха...* «По делу-то, конечно, по делу...».

Самой распространенной является следующая модель формы выделения: основа существительного + местный падеж + *-и*: *килте* + *-и* > *килти* «тот, кто (что) дома», «домашний»; *ялта* + *-и* > *ялти* «тот, кто (что) в деревне», «деревенский»; *сырмары* + *-и* > *сырмари* «тот, кто (что) в овраге», «овражный»; *урамра* + *-и* > *урамри* «тот, кто (что) на улице», «уличный»; *килёнче* + *-и* > *килёнчи* «тот, кто (что) у него (у неё) дома» и т.д., притом каждая такая форма может быть дополнительно оформлена аффиксом выделения *-скер*: *килтискер* «находящийся дома», «тот, кто (что) находится дома», *ялтискер* «находящийся в деревне» и т.д., образуя двойное выделение.

С позиции формоизменения форма выделения с аффиксом *-и* может стать действительно категориальной, казалось бы, лишь в случае присоединения аффикса *-и* не только к словоформе местного падежа, но и ко всем падежным формам (принцип тотальности). Как показывает языковая практика, аффикс выделения *-и* ни при каких условиях не может быть при основоформе дательного падежа, поскольку аффикс дательного падежа характеризуется гласной огласовкой *-а* (*-е*) и по фонетическим законам чувашского языка два гласных звука рядом стоять не могут: *тус-а* «другу», но нет *тус-а-и* или *туса-н-и* в форме выделения. Предложенное И.П. Павловым посредство аффикса направительной формы *-лла* (*-lle*) не является выходом [118, с. 128], ибо направительная форма сама носит избирательный характер, присоединяется преимущественно к именам с пространственным значением. Если формы *урамали* «направленный в сторону улицы», *пёр сулали* «примерно одногодки» можно считать вполне нормальными, то формы *сынналли*, *күренчевелли* алогичны, их просто не может быть в языке. Алогичными являются и формы типа *юлташ-äm-сäpp-i* «тот, кто без моего товарища», *пёлү-p-i* (от *пёлү* «знание») и т.д.

Таким образом, ни в словоизменительной, ни в формоизменительной морфологии существительных, казалось бы, нет никаких оснований выделять формы на *-и* в отдельную словоизменительную грамматическую категорию выделения. Ведь морфологическая категория, обслуживающая какую-либо часть речи, обязательно должна присутствовать при любом слове (словоформе или основоформе) или большинстве слов.

Однако для констатации категории выделения существительных всё же есть надёжное основание, ибо аффикс *-и* подчиняется принципу тотальности и тем самым образует формоизменительную ка-

тегориальную форму выделения существительных (с учётом выхода на все множество существительных через местный, а также через притяжательный, исходный, лишительный и причинный падежи).

Если бы при определении маркировки категории выделения имён существительных в чувашском языке начали искать оппозицию «выделение — невыделение», то попали бы в трудную ситуацию. Как правило, в таких случаях один из членов бинарной оппозиции (а иногда целой парадигмы) должен оставаться в нулевой форме, т.е. не должен оформляться маркером. В случае же выделения с аффиксом *-и* такое правило нарушается, поскольку «невыделение» само маркировано падежными аффиксами.

Категория выделения не является универсальной, ибо нет категории выделения форм множественного числа, принадлежности, времени. Речь может идти только о формах выделения некоторых падежных форм. Так можно говорить о форме выделения притяжательного падежа (*юлташанн-и* «то, что принадлежит товарищу»), местного падежа (*юлташи* «то, что имеется у товарища»), лишительного падежа (*юлташарри* « тот, у кого нет товарища»), причинно-целевого падежа (*юлташианни* « тот, кто хочет иметь товарища»).

Особый интерес представляет словоформа *юлташи* « тот, кто имеет товарища», которую можно интерпретировать двояко: как формоизменение наличной формы на *-лай*: *юлташлай* и как формоизменение уподобительной формы *юлташила*.

Каждая такая выделительная форма сама служит базой для изменения слова по числам, падежам и времени: *юлташаннисем*, *юлташаррисем*, *юлташианнисем*, *юлташиисем*; *күрешэнисем*, *күришесеррисем*, *күришешэнисем*, *күришэлисем*.

Аффикс прошедшего времени *-чё* (-ччё) в таких случаях будет замыкающим элементом в словоформах *юлташарриччё*, *юлташаррисемччё*, *күришэлисенччё*.

У существительных в форме выделения на *-и* может наблюдаться своеобразная «гирлянда» аффиксов: нанизывание аффиксов словоизменения, переходящих в формоизменение. Эта цепочка аффиксов должна быть учтена при морфологическом разборе, и слова типа *күришесеннинчен* нужно анализировать следующим образом: *күришесеннинчен* — существительное, непроизводное слово, основа слова — *күришё* во множественном числе, в притяжательном падеже, в форме категории выделения, выделительная форма в исходном падеже притяжательного склонения.

Если же в словоформе нет выделительной формы, то анализ будет соответственно без упоминания о ней. Рассмотрим примеры:

Шинельсene хыврाम̄ар та Петёрённе ая сартам̄ар, манайните витёнтём̄ер (Арт.) «Мы сняли шинели и шинель Петра постелили, моей укрылись»; *Петёрённе* — существительное, не-производное слово, основа слова — *Петёр* — имя собственное, в дательном падеже притяжательного склонения;

«*Нарспие*» ырынă чухне Константин Лермонтов майлă ырынă тесех калаймастпăр, кунта Константинан тĕп шухăшĕ Лермонтованин пĕр ѹёрте күçнă теме сеç юрать (Шубос.) «Не можем сказать, что Константин написал поэму “Нарспи” по образцу и подобию лермонтовских произведений, здесь мы видим лишь совпадение главной мысли Константина с мыслью Лермонтова»; *Лермонтованин* — существительное, не-производное слово, основа слова — *Лермонтов* — имя собственное, в творительном падеже притяжательного склонения.

Анализ приведенных примеров говорит о том, что необходимо отделить вопросы двойного (притяжательного) склонения от вопросов выделительной формы.

В некоторых случаях трудно определить, чем является аффикс *-и* при именах в форме основного падежа — аффиксом 3 лица категории принадлежности или аффиксом выделения. *Кайакĕ кайаках-ха вăл, анчах та вĕсеймест-çке-ха* «Считается-то она птицей, но летать же не может». Здесь *-ĕ* в словоформе *кайакĕ* не выражает значения прямой принадлежности 3 лицу, а лишь выделяет одну птицу из общей среды. Примеры подобного типа мы называли формой косвенной принадлежности.

На наш взгляд, можно условно признать, что *-и* (*-ĕ*), следующий за основой слова, есть аффикс принадлежности 3 лица, а *-и*, следующий за другими аффиксами, — аффикс выделения. При этом следует признать также, что все аффиксы принадлежности обладают и значением выделения. Когда говорящий выражает свое отношение к предмету аффиксом 1 лица *-ам* (*-ем*, *-м*), то он выделяет этот «свой» предмет (*кёнекем* «моя книга»); аффиксом 2 лица *-у* (*-й*) выделяется предмет собеседника (*кёнекү* «твоя книга»), а аффиксом 3 лица *-и* (*-ĕ*) — предмет лица, участвующего или не участвующего в разговоре (*кёнеки* «его (её) книга»).

Ещё одно небольшое замечание, касающееся проблемы соотношения значений принадлежности и выделения. Мы привыкли говорить, что конструкция изафета образуется путём прибавле-

ния аффикса принадлежности 3 лица *-ĕ (-u)* ко второму компоненту словосочетаний: *күршĕ ачи* «соседский мальчик», *чăваш халăхĕ* «чувашский народ», *сын кĕлетки* «тело человека» и т.д., и иногда не замечаем ту смысловую особенность, когда *-ĕ (-u)* вовсе не выражает принадлежности предмета тому, что выражено в первом компоненте: *така хуранĕ* «большой котёл» (для варки артельной пищи), букв.: баран котёл его.

В. Формообразование существительных Формообразование на базе словообразования

Некатегориальная форма достаточности и назначения на *-лăх (-лĕх)*. Аффикс *-лăх (-лĕх)* в чувашском, как и во многих тюркских языках, является высокопродуктивным деривационным аффиксом, образующим имена с разными значениями. К формообразованию относятся словоформы на *-лăх (-лĕх)*, указывающие на назначение или предел во времени: *кĕпелĕх* «(отрез) на рубашку», *сехетлĕх* «на час».

При трактовке производных на *-лăх (-лĕх)* у лингвистов нет единого мнения. Н.А. Андреев считал, что аффикс *-лăх (-лĕх)* с некоторыми именами существительными образует имена со значениями: «предназначенный для...», «годный на...», «достаточный для...» и т.д. [14, с. 51—52]. По мнению И.П. Павлова, в таком случае образуются не имена существительные, а относительные прилагательные: *вăрлăхлăх тырă* «семенное зерно», «зерно, предназначенное на семена», *силослăх кукуруза* «кукуруза на силос» [118, с. 164].

С точки зрения И.А. Андреева, И.П. Павлов и Н.А. Андреев неправы, ибо аффикс *-лăх (-лĕх)*, когда указывает на назначение или предел во времени, употребляется в синтаксическом значении, т.е. выражает синтаксические отношения между словами, и эта форма является словоизменительной [10, с. 199; 11, с. 100—102].

На наш взгляд, И.А. Андреев прав в том, что слова с аффиксом *-лăх (-лĕх)*, указывающие на назначение предмета или предел во времени, не успели приобрести особое лексическое значение, что они сходны с падежными аффиксами имен. Но мы не согласны с отнесением аффикса *-лăх (-лĕх)* в вышеуказанном значении к словоизменительным, в нашем понимании словоизменение — это образование форм (форм лица, числа и

принадлежности) от изначальной основы, в языке оно представлено категориальными формами, характеризующимися тотальностью употребления. А что касается форм на *-лăх* (-лĕх) в названных значениях, стройный ряд грамматических форм не наблюдается, здесь действует принцип избирательности. Поэтому слова типа *кĕпелĕх*, *сехетлĕх* мы относим к некатегориальным формам, т.е. к словообразованию, считаем их существительными в форме достаточности и назначения.

Такие слова, как *сиюслăх*, *ханхалăх*, *капанлăх*, *пуртлĕх*, нельзя считать прилагательными по той причине, что они стоят вне категории сравнения, таким образом *-лăх* (-лĕх) не может быть словообразовательным аффиксом прилагательных.

Форма обладания на *-лă* (-лĕ). До появления статьи И.А. Андреева [11] аффикс *-лă* (-лĕ) считали целиком и полностью деривационным [14, с. 73—78], такое мнение существует и сейчас. Но И.А. Андреев отмечает двоякую функцию аффикса *-лă* (-лĕ): «лексическую (когда с его помощью образуются новые слова с качественным значением) и функцию синтаксическую (когда он указывает на синтаксическую роль имени существительного)» [11, с. 99]. Форму на *-лă* (-лĕ) он считает словообразовательной (деривационным аффиксом имён прилагательных) только в случае, если она может изменяться по степеням сравнения. Но с объявлением аффикса *-лă* (-лĕ) словоизменительным, как и в случае с аффиксом *-лăх* (-лĕх), мы согласиться не можем. Исходя только из синтаксической дистрибуции аффикс *-лă* (-лĕ) невозможно считать словоизменительным, ибо у него на это нет «полномочий». В случаях, когда словоформы с аффиксом *-лă* (-лĕ) не принимают аффикса категории сравнения *-рах* (-рех), их следует считать некатегориальной формой обладания. К таковым относятся формы типа *çёлеклĕ*, *кĕпеллĕ*, *самсахлă*, *пұслă*, *куслă*, *ураллă*, *кĕперлĕ* и т.д. При этом лексическое значение имени существительного не изменяется.

Имя существительное в форме обладания на *-лă* (-лĕ) иногда сохраняет грамматические атрибуты — аффикс множественного числа *-сем* (*пёчек пуртсемлĕ ялсем* «деревни с маленькими избушками») и аффикс принадлежности 3 лица *-и* (*куккуж сас-силлĕ вárман* «лес с голосом кукушки»), в приведённых примерах слова *пурт-сем-лĕ*, *сас-и-ллĕ* являются существительными, а не прилагательными.

Особо следует остановиться на выражении *вăрăм иёпëсемлë чăлхине чиксе хучë*, взятом из произведения Марфы Трубиной. По мнению И.П. Павлова, словосочетание *вăрăм иёпëсемлë чăлхи* является аномалией для чувашского языка по двум причинам: нарушает правила словообразования и не подчиняется правилам образования словоформ. На его взгляд, в вышеприведенном примере достаточно было бы сказать *вăрăм иёплë чăлхи* [121, с. 93].

Для И.П. Павлова, считающего аффикс *-лă* (*-лë*) только деривационным, здесь лишними являются и аффикс 3 лица, и аффикс множественного числа *-сем*. Если бы автор был внимателен к слову *иёпëсемлë*, то непременно заметил бы, что *-сем* здесь выразитель реального положения вещей, ибо вяжут не одной, а несколькими спицами, потому выражение *вăрăм иёплë чăлхи* исказило бы истину. Аффикс 3 лица *-ё* является в данном случае выразителем формы косвенной принадлежности. Под прямой принадлежностью мы понимаем отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его частью (ср. чув. *ача кёни*, *сын кăмалë*, *шăл туни* и т.д.), а косвенная принадлежность предполагает отношения, при которых принадлежность предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано со значением выделительности. Таким образом, аффикс *-ё* в слове *иёпëсемлë* является выразителем косвенной принадлежности с одновременным проявлением выделительности. Для того чтобы понять значение аффикса *-ё*, нужно взять предложение полностью, где встречается словоформа *çämхине* с аффиксом принадлежности 3 лица *-и*. В контексте выясняется, что и *çämха* «клубок ниток» и *иёпëсем* «спицы» принадлежат одному и тому же человеку и в этих словах заложено значение непосредственной принадлежности.

Формообразование на базе словоизменения

Сравнительная некатегориальная форма на *-рах* (*-рех*). Формы имён прилагательных на *-рах* (*-рех*) относятся к категориальному словоизменению. Но формы имён существительных с этим аффиксом причислить к таковым невозможно в силу его выборочного присоединения. Известно лишь несколько форм: *ачарах* (*Вăл ачарах-ха халë* «Он еще ребёнок»); *куракрах* (*курак-*

рах тырā «хлеб ещё незрелый», т.е более похож на траву); *тихарах* (*тихарах лаша* «не совсем лошадь», т.е. более похожа на жеребёнка) и некоторые другие. Н.И. Ашмарин к таким примерам относит также следующие словоформы: *çилтерех* (*Паян çанталäк çилтерех* «Сегодня несколько ветreno»); *сäртрах* (*Лäс хурänän вырänë — сäртрах вырän* «У развесистой берёзы место чуть возвышенное»). По его мнению, имена существительные «в прямой своей форме принимают аффикс сравнительной степени», когда в некоторых синтаксических конструкциях приобретают значение прилагательного [25, с. 16].

Аффикс *-рах* (-*pex*, -*таrah*, -*терех*) участвует также в двойном формообразовании; может присоединяться к некоторым падежным формам существительных (*вäрманарах кёр* «войди дальше в лес», *çүлерех вëç* «лететь повыше», *сäмсанарах калаç* «говорить более гнусаво»).

Форма существительных (в том числе в падежной форме) с *-рах* (-*pex*) может присоединять аффиксы *-и*, *-скер* (*куräкракхи* « тот, что ещё зелёный»), *-чё* (*ачарахчё* « тот, кто был ещё ребёнком»).

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих употребление аффикса тюрк. *-рак* ~ чув. *-рах* (-*pex*) при существительных в туркменском языке. Первым подобное употребление замечено А.П. Поцелуевским, о котором говорил впоследствии Е.А. Поцелуевский: *Гышрак-даха йыгнаныпдык* «Да ведь собрались еще в конце зимы» (*гышрак* — от *гыш* «зима», *гышрак* «ближе к концу зимы». (Почти аналогичное имеем в чувашском: *хёлерех кёрсен* «при наступлении зимы»). *Сона гыраракда душупйэрди* «Сона купалась у самого берега» (*гыра* ~ чув. *хёрри*; *гыраракда* ~ чув. *хёрринчерехре*). Четрэкде бак «Почти в сторонке» (*четрэкде* — *аяккарахра*) [132, с. 230, 233; 133, с. 193].

Двойные формообразования наблюдаются и в том случае, когда аффикс *-рах* (-*pex*) присоединяется к другой форме, которая именуется многими лингвистами направительной, на *-алла* (-*алле*) (или, по мнению некоторых языковедов, *-лла* (-*лле*): *вäрманалларах* «дальше в глубь леса», *аялалларах* «чуть дальше вниз», *çүлеллерех* «чуть дальше вверх» (в действительности же морфемная членимость здесь такова: *аял-алл-a-рах*).

Разделительная форма на -шар (-шер). В чувашском языкоznании аффиксы числительных *-шар* (*-шер*), *-мёш*, *-айн* (*-ён*) возвели в ранг реляционных, поскольку они обладают тотальностью употребления в рамках конкретной части речи, т.е. числительного [119, с. 3—4]. Раньше чувашские исследователи в формах числительных на *-шар* (*-шер*), *-айн* (*-ён*), *-мёш* видели лексико-грамматические разряды, и названные аффиксы считались деривационными, а формы *икшер* «по два», *улттэн* «в шестером», *иккёмёш* «второй» включались в словари в качестве реестровых, т.е. принимались за лексические единицы. Если бы они были деривационными аффиксами, то характеризовались бы избирательными свойствами. По мнению И.П. Павлова, «указанные суффиксы все вместе образуют парадигму форм числительных, актуализирующих категориальное значение числа» [121, с. 87].

И.А. Андреев, считающий аффиксы *-айн* (*-ён*), *-мёш*, *-шар* (*-шер*) синтаксическими по назначению, является мотиватором идеи о словоизменительном характере этих формантов [10, с. 194].

Допустим, аффикс *-шар* (*-шер*) является реляционным, образующим категориальную форму разделительных числительных. Вопрос был бы исчерпан, если бы не имелось именных форм с аффиксом *-шар* (*-шер*): *çулталакшар* «по (одному) году», *сехетшер* «по (одному) часу», *минутшар* «по (одной) минуте», *метршар* «по (одному) метру», *пайшар* «по (одному) пуду», *улмашар* «по (одному) яблоку» и т.д. В этом случае формообразовательная модель соответствует структуре словосочетания: *сехетшер — пёрер сехет* «по одному часу», *уййхшар — пёрер уййх* «по одному месяцу», *тоннашар — пёрер тонна* «по одной тонне», *турамшар — пёрер турам* «по одному куску» и т.д.

Н.И. Ашмарин, приводя примеры *талакшар* «по одни сутки», *эрнешер* «по одной неделе», пишет: «Здесь существительное *талак* «сутки» и *эрне* «неделя» употреблены в смысле счётных слов, т.е. по значению приближаются к числительным» [25, с. 16].

В число таких форм попадают существительные, которые поддаются линейному счету и разделению на единицы.

Примеры подобного типа встречаются в художественной литературе и разговорной речи: *Нўхрепрен илсе кёнё сивё уйран та хамар умра куркашар* (Ильбек) «Перед нами по ковшу айрана,

взятого из погреба»; *Кашнине тенкёшер лекрё* (Агак.) «Каждому досталось по рублю»; *Пусшар шутласа ан лар* «Не считай каждую копейку».

Выделительная форма на -скер. Аффикс *-скер* в чувашском языкоznании долгое время называли выделительным аффиксом. И.П. Павлов объединил формы *-и*, *-хи*, *-скер* в одну категорию и назвал категорией выделения, обслуживающей по несколько частей речи. При этом вопрос «Каким частям речи присуща категория выделения?» [123, с. 4] автор фактически оставил без ответа, лишь в конце статьи указал на желательность описания данной категории в связи с отдельными частями речи и выявления её специфики в каждом случае. Но, как видно из содержания статьи, И.П. Павлов аффиксы *-и*, *-хи*, *-скер* считает, с одной стороны, специальными выразителями «общего категориального значения предметности при повторной номинации» [123, с. 13], с другой стороны, отмечает, что «формы на *-и* употребляются продуктивнее, чем формы на *-скер*» [123, с. 11].

Значит, формы на *-скер* имён существительных встречаются реже. Поэтому говорить о словоизменительной категории выделения на *-скер* имён существительных нет смысла. Другое дело имена прилагательные, здесь аффиксы *-и*, *-скер* носят универсальный характер и являются категориальный формой выделения. Это верно замечено ещё В.Г. Егоровым: «...*-скер* употребляется при выделении, обособлении, подчеркивании какого-либо признака в предмете... присоединяется по преимуществу к прилагательным и причастиям, а иногда и к существительным, придавая им аппозитивный характер, т.е. характер приложения или обособленного определения» [73, с. 342].

В случаях *тихарахскер* (*тиха-рах-скер*), *ачарахскер* мы имеем двойное формообразование: аффикс *-рах* (*-рех*) образует форму сравнения имен существительных, а аффикс *-скер* — форму выделения.

Выделительная форма на -хи. Существует мнение, что аффиксы выделения *-и*, *-хи* являются алломорфами [123, с. 4]. Но необходимо учесть морфологические особенности этих аффиксов: если при образовании выделительный формы на *-и* в качестве исходной основы обычно употребляются маркированные,

то при образовании выделительной формы на *-хи* — как маркированные, так и немаркированные основы. Ср.: *вāрман-т-и* « тот, кто (что) в лесу»; *ял-т-и* « тот, кто (что) в деревне»; *арман-т-и* « тот, кто (что) на мельнице»; *сырма-р-и* « тот, кто (что) в овраге»; *ял-ё-н-ч-и* « тот, кто (что) в деревне»; *ир-хи* «утренний», ср. *ир-хи(н)-е-хи*; *каç-хи* «вечерний», ср. *каç-хи(н)-е-хи*; *ёмёр-хи* «вечный», *ёмёр-тен-хи* «вековой»; *малаш-н-е-хи* «предстоящий». Из приведенных примеров видно, что выделительная форма на *-хи* образуется от основы слов с временным значением, а аффикс *-и* следует за аффиксом местного падежа, основы при этом могут и не выражать временного значения.

Следует отметить, что в школьных учебниках до сих пор аффикс *-хи* относят к числу деривационных, образующих имена прилагательные. Формы на *-хи* нельзя считать прилагательными по той причине, что они не могут принимать категориальный аффикс сравнения *-рах* (*-рех*).

Порой формант выделения *-хи* в словоформе встречается дважды (например: *ир-хи-н-е-хи* «утренний», ср.: *ирхи* «утренний»). Это говорит о том, что аффикс *-хи* может выступать как аффикс не только формообразования, но и формоизменения.

От существительных типа *мал* «перед» и *кай* «зад» аффиксы *-и*, *-хи* образуют выделительную форму разными способами: *мал-т-и* «передний», «первоначальный», *кай-р-и* «последний», «последующий»; *мал-тан-хи* «первый», *кай-ран-хи* «последний».

Здесь речь идет о формоизменительном формообразовании: *-и* следует за формантом местного падежа, *-хи* — исходного падежа.

Аффикс *-хи* может следовать за аффиксом предельной формы *-чен* (*-ччен*) в любом случае: *вāрçäччен* «до войны» — *вāрçäчченхи* «довоенный», *революциченхи* «дореволюционный», *Петёр-ченхи* «допетровский», *Яковлевченхи* «дояковлевский».

Не следует путать формы *умёнхи*, *умёнченхи* «бывший раньше чего-либо, перед чем-либо» [А, III, с. 235] и *умёнчи* « тот, кто (что) перед чем-либо». В первом случае *-хи* следует за аффиксом притяжательного падежа *-ён*, во втором случае он находится за аффиксом притяжательного падежа *-ён* и аффиксом предельной формы *-чен* и равен по смыслу словоформе *умён-ченни* « тот, кто (что) раньше кого-либо (чего-либо)», а в третьем случае морфемная членимость не совпадает с первой: *ум-ё-н-ч-и*: *ум* — основа (корень) слова, *-ё* — аффикс 3 лица категории

принадлежности, *-н* — аффикс притяжательного падежа, *-ч* — аффикс местного падежа, *-и* — аффикс выделения.

Таким образом, как по фонетической структуре, так и по валентным свойствам *-и*, *-хи* разные, хотя и выполняют общую грамматическую функцию — функцию выделения. Следует отметить, что в диалектах чувашского языка аффикс *-хи* встречается в виде *-хё* (*Ирхэнехи сывлампа чечек çёнелет* [А, III, с. 145] «Утренней росой цветок обновляется (освежается)»), *-ри* (*ирхи-нери тётре* [А, III, с. 131] «утренний туман»), *-ши* (*ёлёкши кун* «вчера; накануне» [А, IV, с. 101]).

Г. Формы, близкие к падежным

Уподобительная форма на *-ла* (-ле, -ла, -ле)

Уподобительная форма в чувашском языке образуется аффиксом *-ла* (-ле, -ла, -ле), который причисляют к деривационным — наречиеобразующим, не приняв во внимание реляционный (словоизменительный) характер аффикса. При тщательном исследовании сущности аффикса *-ла* (-ле, -ла, -ле) выясняется, что он присоединяется ко многим существительным, формант этот можно также видеть при словах, относящихся к различным частям речи, что явно препятствует тому, чтобы относить его к деривационным. Как ни странно, в число наречий включались слова, в составе которых были аффиксы принадлежности и множественного числа, целые конструкции типа *Уртемейсен качакилле* «как коза Уртемеевых», *чён амайшле* «подобно наседке» превращались в наречия. Более того, в число наречий включились собственные имена и фамилии с аффиксом *-ла* (-ле), последние писались с заглавной буквы: *Ленинла* «как Ленин», *Валери Чкаловла* «как Валерий Чкалов», *унтер Пришибеевла* «как унтер Пришибеев» [118, с. 298].

Таким образом, слова *хүçалла* «по-хозяйски», *лапталла*, *урайлла*, *шурайлла*, *волейболла*, *сулханла*, *грузинала*, *кашкэрла*, *пушкартла*, *тäваттäмла*, *тырасла*, *каясла*, *хамäрла*, *хальченле*, несмотря на принадлежность к разным частям речи, следует считать стоящими в уподобительной форме.

Значение словоформы с аффиксом *-ла* (-ле) можно передать посредством послелогов *nek*, *евёр* «подобно», «как», «словно»: *кашкэрла* — *кашкэр nek* «словно волк», *Петёрле* — *Петёр nek* «как Пётр». Но в случаях со словами, являющимися названия-

ми игр (*футболла*, *хоккейла*, *волейболла*) и языка общения (*чавашла* «по-чувашски», *вырасла* «по-русски», *венгрла*, *узбекла*), замена аффикса *-ла* (-ле) послелогами *пек*, *евёр* невозможна.

Аффикс уподобительной формы *-ла* (-ле, -ла, -лле) соответствует общетюркскому аффиксу сравнительного падежа *-ча*: *вырасла* — *руска* «по-русски». Форма сравнительного падежа на *-ча*, зафиксированная в ранних памятниках тюркских языков, сохранилась в современных тюркских языках и диалектах.

Главное значение чувашской формы — уподобление: *куккукла* «словно кукушка», *автанла* «подобно петуху», *кашкэрла* «как волк». Посредством аффикса уподобительной формы можно выразить определённое временное значение: *ачалла(x)* «будучи ещё ребёнком», *хёрле(x)* «будучи ещё девушкой», *самракла(x)* «будучи ещё молодым», но при этом после *-ла* (-ле), как правило, следует формант категории усиления на *-х*.

Среди прочих значений уподобительной формы можно указать способ (ук^чалла *ил* «купить на деньги», с^{ян}х^чла *уайштар* «менять на муку»), сравнение (*поэтла* этем «поэтичный человек», *арсынла хёрапым* «мужеподобная женщина»), общение на каком-либо языке (*яппунла* «по-японски», *марилле* «по-мариийски», *нухайла* «по-ногайски»), игру во что-либо (*футболла* «в футбол»).

Уподобительная форма на *-ла* (-ле, -ла, -лле) в общем укладывается в рамки словоизменения и отчасти формоизменения, тяготеет к категориальной форме уподобления, но в то же время её можно назвать уподобительным квазипадежом.

Форма предельности на *-чен* (-чен)

Терминалис (или форма предельности) отвечает на вопросы *камччен?* *мёнччен?*. *Петёрччен* (*камччен?*) магазинта *Якку ёсленे* «До Петра в магазине работал Яков».

Н.И. Ашмарин, рассматривая формант *-чен* наряду с аффиксами *-шайн* (-шён), *-сэр* (-сёр), предупреждал: «Эти аффиксы по значению приближаются к послелогам, и поэтому нет основания образовать из-за них падежи и увеличить число их» [25, с. 30]. Между тем *-сэр* (-сёр) и *-шайн* (-шён) уже признаны аффиксами лишильного и причинно-целевого падежей соответственно. Вопрос о месте и функции аффикса *-чен* (-чен) до сих пор остаётся неясным.

Если быть до конца принципиальным, то *-чен* (-чен) не является в действительности ни послелогом, как предполагал

Н.И. Ашмарин, ни словообразовательным аффиксом, как допускает И.П. Павлов [25, с. 30; 118, с. 304]. Не является словообразовательным потому, что употребляется со многими существительными, выражая значение предела во времени и пространстве, и выполняет синтаксическую функцию. Значит, остается причислить его к словоизменительным. Попытки такого рода уже были. Й. Буденц в «Очерках по чувашскому языку» (на венгерском языке) [195] писал о наличии предельного падежа (терминалиса) на -чен: *пүртчен* «до дома», *витеччен* «до конюшни». Й. Бенцинг число падежей в чувашском довёл до десяти и в их число включил терминалис с соответствующим вопросом: *до каких пор?* [193, с. 449]. По его мнению, аффиксом предельно-достигательного (предельного) падежа в чувашском языке является -чен (-чен). Исследователь считает, что его можно сравнить с послелогами чэн (азерб.) и чэнли (туркм.) «до» [193, с. 468—469].

А.И. Иванов, указывая, что формы с -чен (-чен) сохраняют предметное значение, отказался признать его падежным, обосновывая это присоединением аффикса только к части существительных [81, с. 74]. Такая мотивировка соответствует действительному положению вещей: в чувашском литературном языке -чен (-чен) не употребляется со многими существительными. В этом легко убедиться, взяв в руки «Обратный словарь чувашского языка» [181, с. 89—90], где приведены следующие слова: *талакчен*, *султалакчен*, *симекчен*, *прачникчен*, *срокчен*, *качен*, *вайхаччен*, *сехетчен*, *вайрахчен*, *пайтахчен*, *уйахчен*, *пайлыхчен*, *суллаччен*, *саманаччен*, *реформаччен*, *вайреччен*, *суйлавччен*, *раштавчен*, *уявчен*, *хэллеччен*, *сёрлеччен*, *ирхинеччен*, *кёркуннеччен*, *суркуннеччен*, *эрнеччен*, *тепреччен*, *пэрреччен*, *мисеччен*, *темицеччен*, *ситиччен*, *лариччен*, *чылайччен*, *самайччен*, *нумайччен*, *йлёмччен*, *тёттэмччен*, *таранччен*, *ыранччен*, *хайсанччен*, *тахсанччен*, *автанччен*, *савайнччен*, *яханччен*, *мэнччен*, *темэнччен*, *унччен*, *кунччен*, *ёнерччен*, *паянччен*, *пэрремешчен*, *сёрччен*, *ирччен*, *халиччен*... В списке представлены не только имена существительные, но и прилагательные, местоимения, числительные, наречия, послелоги, глаголы (причастия). Это простое перечисление частей речи, к которым может присоединяться аффикс -чен (-чен), говорит о том, что он не может быть деривационным.

Эта форма широко употребляется в произведениях художественной литературы. Примеры, взятые из повести А. Артемьева «Саламби»: *Григорий Петрович Борисов вайреччен ялта чи ёсчен*

колхозник шутланатчेң «До войны Григорий Петрович Борисов считался в деревне самым трудолюбивым колхозником»; Водопровод չүккى хуплатъ, кәрччен тайвас тенеччे... «Всё дело в водопроводе, до осени хотели пустить в ход...»; Паян вәрентмессә, анне, сивә хәрәх градуса չитет тессә, չаванна կәнтәрлаччен таврәнтам «Сегодня не учимся, мама, говорят, мороз до 40 градусов, поэтому вернулся домой до полудня»; Саламти тул չүтәличчен тарса витери կамакасене хутса яч «Саламби, поднявшись до рассвета, затопила печи в телятнике»; Ленәпа Маруң килеймәссе, киночен ёң пустараң тессә «Лена и Маруся прийти не могут, до кино хотят управиться с делами».

Формы на -чен (-чен) выражают разные значения, но основным считается обозначение предела действия во времени: *Уявлчен ёңлерәмәр* «Работали до праздника». В зависимости от глагольной формы, *уявлчен* в этом примере обозначает предел времени, простирающийся в прошлом. Если скажем: *Уявлчен ёңлемелле* «Нужно работать до праздника», то время совершения действия распространяется и на плоскость будущего.

Аффикс -чен (-чен) также означает предел, до которого простирается известное нам действие, т.е. время, раньше которого или до которого произошло то или иное действие. Если даже рассматривать отдельно словоформу *Иванчен* «до Ивана», то можно догадаться, когда произошло какое-то событие, действие.

Форма с аффиксом -чен (-чен) в разговорной речи также может обозначать последовательность предметов, представленную во временной плоскости: *Вәрманчен икә չырма урлә каçмалла тулчे* «До леса нам пришлось перейти два оврага». Словоформа *апатчен* может быть понято двояко: «до обеда» (в прошлом) и «до обеда» (в будущем), однако выражение *апатран апатчен* «от обеда до обеда» или «от одного приема пищи до другого» выражает более определённый период времени.

Значение предела времени действия выражается также словоформами *паянчен* «до сегодняшнего дня», *ыранчен* «до завтра». Слова *ыранчен*, *тепреччен* в разговорной речи употребляются также в смысле «до встречи»: *ыранчен* «до встречи завтра», *тепреччен* «до следующей встречи».

Неопределённый промежуток времени выражается словом *ўләмчен*. Если основа слова *ўләм* означает «будущее», то словоформа *ўләмчен* может выражать временной отрезок в прошлом: *Ўләмчен вайл унта каймарә* «Больше он туда не ходил». Желая

выразить действие, предполагаемое в будущем, употребляют *ўләмрен*: *Кам тулё-ши вайл ўләмрен?* «Кем же он станет в будущем?»

Формы *-ла (-ле)* и *-чен (-чен)* занимают промежуточное положение между категориальными и некатегориальными формами. На наш взгляд, не будет большой ошибки, если их назовем квазикатегориальными падежными формами.

Форма регулярной частотности на *-серен*

И.П. Павлов до 1960-х гг. полагал, что формант *-серен* — послелог-аффикс. В вышедшей в 1965 г. монографии он признал *-серен* уже деривационным и причислил к аффиксам, образующим наречия [118, с. 304]. Но в этой же работе усомнился в правдивости этого утверждения, рассудив, что слова *каçсерен*, *ирсерен* действительно можно считать наречиями, но некоторые имена существительные с аффиксом *-серен* не теряют ни лексического, ни грамматического значения существительного, поэтому их трудно считать наречиями [118, с. 325]. Для подтверждения им приводится пример:

Юписерен йес ункай,

Ункисерен чён йёвен (Фольк.)

«На каждом столбе — по медному кольцу,

На каждом кольце — узечка».

На наш взгляд, автор прав во втором случае, говоря, что формы с аффиксом *-серен* остаются в той же части речи: *килсерен* «в каждом доме» — форма частотности имени существительного. Словоформы *юписерен*: *юп(a) + -и + -серен*, *ункисерен*: *унк(а) + -и + -серен* нельзя считать наречиями хотя бы потому, что у наречий отсутствует аффикс 3 лица *-и*, а здесь присутствует показатель 3 лица косвенной принадлежности.

М.Р. Федотов, приводя примеры с *-серен*: *çулсерен* «ежегодно, каждый год», *уйахсерен* «ежемесячно, каждый месяц», назвал их наречиями времени [176, с. 115], забывая о том, что *-серен* может присоединиться к основам слов не только с временным, но и с предметным значением: *килсерен*, *пуртсерен*, *сынсерен*.

И.А. Андреев рекомендует исключить из числа производных наречий формы на *-серен*, *-ла (-ле)*, *-чен*, считая их словоизменительными [10, с. 199].

Поскольку *-серен* не подчиняется принципу тотальности употребления, то формы существительных на *-серен* являются некатегориальными, формообразовательными.

В школьных и вузовских учебниках *-серен* долгое время причислялся к группе аффиксов, образующих наречия, но при этом формы на *-серен* не включались ни в какие семантические разряды наречий. Это говорит о том, что даже те исследователи, которые безоговорочно признавали аффикс *-серен* наречиеобразующим формантом, затруднялись причислить формы на *-серен* к какой-либо группе наречий. В учебном пособии для студентов факультета чувашской филологии эти слова с *-серен* рассмотрены в качестве форм имён существительных, не входящих в падежную систему [154, с. 307–308], таких же взглядов придерживаются и авторы школьных учебников чувашского языка, вышедших в 2010-е гг.

Форма направительности на *-алл* (-елл)

В чувашеведении долгое время существует мнение, что показателем формы направительности является аффикс *-алла* (*-елле*) [154, с. 304], считается, что это — направительная форма дательно-винительного падежа (*-а + -ла, -е + -ле*) [118, с. 125]. Эту мысль впервые высказал Н.И. Ашмарин: «Дат.-вин. падеж в чувашском языке принимает окончания *ла, ле* для означения направления действия» [20, с. 129]. Й. Бенцинг считал аффикс *-ала* (*-еле*) формантом направительного падежа [194, с. 723].

Противоположное мнение высказано И.А. Андреевым: «В действительности в основе этой формы лежит не дательно-винительный падеж, а начальная (вернее, словарная. — В.С.) форма имени: *вárманалла* «по направлению к лесу», *хирелле* «по направлению к полю»; элемент *-алла* (*-елле*) по происхождению восходит к самостоятельному слову *ал* “сторона, направление” (ср. тат. *ал* “перед, передний”, кирг. *алд* “перед, передняя часть, сторона”)» [10, с. 199].

Мы поддерживаем мнение И.А. Андреева и считаем верной морфемную членимость в виде *ял + -ал(л) + -а* «по направлению к деревне», *кил + -ел(л) + -е* «по направлению к дому».

Форма образа действия на *-айн* (-ён)

Насчёт происхождения и функции аффикса *-айн* (-ён) в примерах *ирён-каçан* «по утрам и вечерам», *вárманайн* (*курайн*) «(виднеется) лесом» существуют три мнения: одни считают его аффиксом древнего инструментального (орудийного) падежа; вторые — аффиксом притяжательного; трети — нареч-

чиебразующим формантом. Все эти точки зрения не соответствуют истине. Мы считаем словоформы *ирён-каçän*, *вäрманän* (*курайн*) некатегориальными формами образа действия.

Некоторых исследователей сбивает с толку внешнее совпадение показателей форм притяжательного падежа и форм образа действия. Формы с аффиксом *-än* (-ён, -н) со значением способа (*уксан пар* «дай деньгами», *тырран түле* «плати хлебом»), подобия (*çаханän пахать* «смотрит вороном») присущи не всем существительным. Формой притяжательного падежа следует считать лишь существительные с аффиксом *-än* (-ён, -н), выражающие принадлежность одного предмета другому лицу или предмету и отвечающие на вопрос *камän?* *мёñен?* Ср.:

категориальная форма прит. падежа:	некатегориальная форма образа действия
<i>пит</i> «лицо»	<i>питён</i> «у лица»
<i>пёрчे</i> «зерно»	<i>пёрчён</i> «по зёрнышку»
<i>кун</i> «день»	<i>кунän</i> «у дня»
<i>çёр</i> «ночь»	<i>çёрэн</i> «у ночи»
<i>уйах</i> «месяц»	<i>уйахän</i> «у луны»
<i>алä</i> «рука»	<i>алän</i> «у руки»
<i>машär</i> «пара»	<i>машäран</i> «у пары»
<i>хусах</i> «холостяк»	<i>хусахän</i> «у холостяка»

пиччен «лицевой стороной»

пёрчён «по зернышку»

кунэн-çэрэн «днём и ночью»

кунän «поденно»

уйахän «помесячно»

алла-аллän «рука об руку, дружно»

машäран (или *машärrän*) «попарно»

хусахän (или *хусаххän*) «по-холостяцки»

Существительные в форме образа действия представлены в ограниченном количестве: *тäрнанän*: *Çук сыннän* укси *тäрнанän* *кäшкäрат* «Деньги бедняка журавлем кричат»; *çёленён*: *Çёленён чашкäрса çýret* «Ходит и шипит, как змея»; *вутän-хёмэн*: *Вेरе çёлен вутän-хёмэн тäкänsa вëçse çýret tem* «Говорят, что огнедышащий змей летает, рассыпаясь огнём иискрами»; *ачан*: *Турä аchan çуралчे* «Бог родился младенцем»; *кутän*: *Антäранä kävakal кутän чämä tem* «Растерявшаяся утка ныряет задом» (посл.); *алäkän-tëpelëñ*: *Алäkän-tëpelëñ çýret* «Ходит (по избе) от передней до двери (взад-вперёд)» и т.д.

Многие нарицательные имена существительные могут быть в форме образа действия с аффиксом *-än* (-ён), но у антропо-

нимов и абстрактных существительных в большинстве случаев проявляется лишь значение притяжательного падежа: *Петрён*, *Иванэн*, *Васильевэн*, *Сергеевэн*, *Михалковэн*, *юратайэн*, *күренёвэн* и т.д. выражают только значение принадлежности.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

Исторически сложилось так, что разработка вопросов грамматики (в данном случае морфологии) чувашского языка и всех тюркских языков находилась под влиянием русской грамматической традиции, согласно которой имена прилагательные делятся на два разряда: качественные и относительные. Против такого деления прилагательных в чувашском (и в тюркских языках) выступил И.А. Андреев, который на основе тщательного анализа материала чувашского языка пришел к следующему выводу: «...чувашский язык (равно как и другие тюркские языки) не имеет категории относительных прилагательных. Вместо последних выступают здесь существительные, а также и некоторые другие разряды слов с особыми функциональными аффиксами, оформляющими их в качестве определения» [11, с. 102]. Мы поддерживаем мнение И.А. Андреева, признавая, что эта идея для тюркских языков верная.

Однако решение вопроса об относительных прилагательных в тюркских языках остаётся на прежних позициях. В труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» автором главы «Имя прилагательное» является Л.А. Покровская, которая, не желая «тревожить» мнение других тюркологов, пишет, что выделяются два основных разряда прилагательных по их грамматическому значению: качественные и относительные» [164, с. 150—151], хотя на тот момент были известны труды Н.К. Дмитриева и И.А. Андреева, утверждавших об отсутствии в тюркских языках грамматической категории относительных прилагательных [65, с. 81; 11, с. 102].

Имя прилагательное — часть речи, обозначающая не только постоянные признаки предмета и явления (*пысак ҫурт* «большой дом», *лайкә тәрәм* «мирное состояние»), но и признак действия (*лайәх ёслет* «хорошо работает», *пүян пурәнат* «богато живёт»), а также признак другого признака (*тәккәм кәвак* «темно-синий», *тәккәм хәрлә* «тёмно-красный»). Наличие значения

признака другого признака зависит от семантики конкретных прилагательных, обозначающих цвет: *шупка хेरлē* «бледно-розовый», *шупка кайвак* «бледно-синий».

С семантической точки зрения прилагательные обозначают качество, свойство, характер, т.е. признаки, непосредственно присущие предметам, явлениям и признакам признаков:

1) цвет и масть: *шурă* «белый», *хура* «чёрный», *ула* «пегий, пёстрый», *чапар* «пёстрый»;

2) вес, объём, размер: *йывар* «тяжёлый», *кëске* «короткий», *синçе* «тонкий»;

3) температуру: *сивë* «холодный», *айшă* «теплый», *вëри* «горячий»;

4) внешние физические и телесные качества людей, животных и предметов: *хытă* «твёрдый», *йамшак* «мягкий», *самăр* «жирный»;

5) форму и облик: *түрĕ* «прямой», *кукар* «кривой», *çавра* «круглый»;

6) вкус, запах: *тутлă* «вкусный», *йүçë* «кислый», *шывак* «водянистый», *пылак* «сладкий».

Части речи определяются не только лексико-семантическими признаками, но и морфологическими. Имена прилагательные в чувашском языке имеют следующие категориальные формы: сравнения на *-рах* (*-рех*) (турк. *-рак* (*-рек*)), *-тарах* (*-терех*): *пысăкrah* «больше», *пëчёкreh* «меньше» *кахалтарах* «ленивее»; *шёвëртерех* «острее»; выделения на *-и*, *-скер*: *вайли*, *вайлăскер* « тот, кто сильный»; образа действия на *-ан*, *-ён*: *пысăккăн* «крупно, помногу», *пëчёккëн* «понемногу, мелко».

В.И. Рассадин пишет: «По своим формальным признакам имя прилагательное в тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках, неизменяемая часть речи, так как оно не склоняется и не согласуется с определяемым в числе и лице» [136, с. 83]. Данное высказывание о неизменяемости имён прилагательных «вообще в тюркских языках» следует считать слишком категоричным, т.к. прилагательное не имеет категории принадлежности, числа, падежа, склонения потому, что оно не имя существительное; в чувашском оно имеет, как мы уже отметили, присущие ему категориальные формы сравнения на *-рах* (*-рех*), *-тарах* (*-терех*), выделения на *-и*, *-скер* и образа действия. Следовательно, сказать, что имя прилагательное — неизменяемая часть речи, у нас нет оснований.

А.М. Щербак не считает возможным говорить о наличии степеней сравнения в тюркских языках, так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность норме [190, с. 113]. На наш взгляд, аффиксы *-рах* (*-рех*) в чувашском и *-рак* (*-рек*) в других тюркских языках образуют категорию сравнения, но мы не говорим о категории степеней сравнения прилагательных, ибо превосходная степень образуется аналитически, а не синтетически.

Существует мнение, что некоторые прилагательные могут в результате конверсии субстантироваться, в пример приводят словосочетания типа *çämartha шурри* «белок (у яйца)». Мы не можем говорить о полной субстантивации, ибо в подобных примерах субстантиватором считают аффикс *-и*, статус которого не очерчен определённо — то ли аффикс выделения, то ли показатель 3 лица категории принадлежности. Если его принять за аффикс выделения, тогда его мы должны заменить другим «напарником» — формантом *-скер*, но этого в языке нет, мы не говорим *çämartha шурäскер*: в этом случае полностью пропадает значение «белок» у слова *шурäскер*: ср.: *шурäскер çämartha* (?). При этом исключение могут составить слова *çamräk* «молодой» (в форме множественного числа *çamräksem* «молодёжь»), *vatä* «старый» — *vatäsem* «старики», *vattäm* *çitrep* «пришла моя старость», *vattu* *çitrep* «пришла твоя старость», *vattisene* *хисеплемелле* «стариков нужно уважать».

A. Словоизменение прилагательных

Категория сравнения

Термин «категория сравнения» относительно новый как для чувашского языкознания, так и для тюркологии: он введён в научный оборот впервые нами [151, с. 101—104; 152, с. 153—157]. Однако мысль о том, что в тюркских языках должна быть грамматическая категория прилагательных под таким названием, существует со времен Н.К. Дмитриева, который писал: «Если говорить о морфологическом оформлении прилагательного, то здесь можно отметить две категории из области словоизменения: степени сравнения и интенсивную форму прилагательных (*кап-кара*)» [65, с. 79]. Категорию степеней сравнения В.И. Рас-

садин также считает особой грамматической категорией, присущей качественным прилагательным в тофаларском языке [136, с. 86—97].

Аналогичного мнения чувашевед М.Р. Федотов. Он считает, что рассмотрение грамматических категорий имени прилагательного в виде степеней сравнения для тюркских языков «является, пожалуй, обязательным условием, поскольку они (степень сравнения. — В.С.) наделены наиболее специфическими чертами имени прилагательного» [176, с. 127].

Как следует из вышеизложенного, Н.К. Дмитриев, В.И. Рассадин и М.Р. Федотов рекомендуют выделить у имён прилагательную категорию степеней сравнения. Но категория степеней сравнения прилагательных в тюркских языках, по их мнению, складывается, как в русском языке, из трёх компонентов — положительной, сравнительной и превосходной степеней. Указывая, что сравнительная степень образуется при помощи аффикса *-рак* (~ чув. *-рах*, *-рех*), к превосходной степени относили неморфологические сочетания слов: с препозитивной частицей *ин* ~ *эн* в тюркских языках и *чи*, *чан* в чувашском: башк. *ин якши* ~ чув. *чан (чи) лайăх* «самый хороший». Как видно из примеров, сочетание слов с препозитивными частицами — не морфологический способ образования превосходной степени, а синтаксический, или морфосинтаксический.

Н.К. Дмитриев и М.Р. Федотов в категорию степеней сравнения предлагают включить также форму интенсива. Но формы прилагательных типа *хун-хура*, *кайн-кайвак*, *сип-симес*, *ем-ешёл*, *тантакар*, *тип-типё*, *тип-тикес* как в чувашском, так и в других тюркских языках наблюдаются в ограниченном количестве. Это противоречит положению категориальных форм, говорящей о принципе тотальности её употребления, поэтому формы интенсива следует считать лишь некатегориальной формой и отнести не к словоизменению, а к формообразованию.

Выделяя категорию сравнения имён прилагательных в чувашском языке, мы исходим из следующих моментов: все прилагательные чувашского языка принимают аффикс *-рак* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*), образуя сравнительную категориальную форму — принцип тотальности употребления соблюдается; основную форму прилагательных можно назвать положительной формой — если придерживаться принципа противопоставленности форм.

Таким образом, имеются все условия для выделения категориальной формы под названием «категория сравнения прилагательных» в чувашском языке:

положительная форма	сравнительная категориальная форма
илемлे «красивый»	илемлөрех «краше, красивей»
хитре «красивый»	хитререх «краше, красивей»
хура «черный»	хурах «чernее»
çүллө «высокий»	çүллөрех «выше»
кёске «короткий»	кёскерех «короче»
нумай «много»	нумайрах «побольше», «больше»
илемсёр «некрасивый»	илемсёртерех «менее красивый»
начар «тощий»	начартарах «тощe»
сахал «мало»	сахалтарах «меньше»
ухмах «гупой», «глупый»	ухмахрах «глупее»

Данный тип сравнения представляет собой абстрактный вид, где сравнение качества проводится не с предметами, а с помощью теоретически подразумеваемой идеальной нормы [65, с. 83]. При этом за исходную точку условно принимается некая нормативная форма, называемая положительной.

Второй тип сравнения может быть назван конкретным, так как сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов, которые обладают сравниваемым качеством: *Иван Петёртен çүллө(reх)* «Иван выше Петра»; *Ку eичёк лешёнчен пысäкrah* «Этот ящик больше другого».

Как справедливо замечает М.Р. Федотов, чувашский язык, как и тюркские языки, для сравнения качества (свойства) двух предметов, когда качество одного превышает качество другого, обходится и без аффикса *-rakh* (*-reх*). В этом случае название мерила ставится в ablative: *Хёвел уйäхран çутä* «Солнце светлее луны». Автор употребление аффикса *-rakh* (*-reх*) в таких случаях считает избыточным, за норму принимает выражение: *лашаран çүллө* «выше лошади», а не *лашаран çүллөрех* [176, с. 125].

Категорию сравнения следует считать главной и определяющей категорией имени прилагательного как части речи. При этом следует ориентироваться на следующее положение: все имена прилагательные принимают категориальный аффикс сравнения *-rakh* (*-reх*, *-тарах*, *-терех*), это говорит о том, что другие части речи этот аффикс totally не принимают. Приведём для

сравнения два словосочетания: *йывăç çурт* «деревянный дом», *çўллĕ çурт* «высокий дом», *çўллĕрех çурт* «дом, который выше», но не говорим *йывăçрах çурт*.

Теперь проверим истинность вышесказанного, добавив к первым элементам сочетаний аффикс *-рах* (*-рех*). Нельзя говорить *чулрах çурт* «более каменный дом», значит, слово *чул* — не имя прилагательное, к тому же здесь проявляется значение предметности, а не качества.

Таким же образом можно проверить все словоформы с аффиксами *-лăх* (*-лĕх*), *-лă* (*-лĕ*), *-сăр* (*-сĕр*), *-ла* (*-ле*), *-ма* (*-ме*), которые некоторыми лингвистами принимаются за прилагательные: *пўртлĕх йывăç* «лес на строительство дома», но нет формы *пўртлĕрех йывăç*, значит, слово *пўртлĕх* — не прилагательное; *çанăллă кĕпе* «рубашка с рукавом» — *çанăллăрах* (?) *кĕпе*; *çанăсăр кĕпе* «безрукавка» — *çанăсăртарах* (?) *кĕпе*; *Петĕрле калаçать* «говорит на манер Петра» — *Петĕрлерех* (?) *калаçать*; *çĕрме пуян* «богатей» — *çĕрмерех* (?) *пуян*.

Отсутствие категориальной формы сравнения (примеры даны с вопросительным знаком) говорит о том, что имеем дело с существительными, а *çĕрме* — инфинитив в соответствующей форме. Однозначно исключается из числа деривационных *-ри* (*-ти*, *-чи*), якобы образующий имена прилагательные.

Квалифицируя аффикс *-рах* (*-рех*) как формант категориальной формы сравнения, можно говорить о словоизменении прилагательных. Таким образом, если до сих пор утверждалось, что в качестве определений прилагательные не изменяются, то сейчас необходимо заявить о том, что они изменяются (*пысăк ял* «большая деревня» — *пысăкрах ял* «деревня, которая побольше»; *çўллĕ тусем* «высокие горы» — *çўллĕрех тусем* «горы, которые повыше» и т.д.), но, в отличие от существительных, изменяются не по падежам, числам и лицам, а по категориальным формам, присущим прилагательным.

Аналитическая сравнительная категориальная форма превосходства качества

Отказываясь от термина «превосходная степень сравнения прилагательных», мы предлагаем заменить его термином «категориальная форма превосходства качества». Эта категориальная форма в чувашском языке образуется только аналитическим (морфосинтаксическим) путём.

Сложная аналитическая категориальная форма превосходства качества имен прилагательных образуется:

- а) при помощи частиц усиления *чи*, *чан*: *чи пысак* «самый большой, величайший», *чан пёчёк* «самый маленький, мельчайший»;
- б) из двух компонентов: первый — прилагательное в форме исходного падежа, второй — в исходной (основной) форме: *хитререн хитре* «красивый из красивых, красивейший», *а́сларан а́слá* «умнее умных, умнейший»;
- в) с помощью определительного местоимения *пурте* в исходном падеже формы выделения: *пуринчен те а́слá* «умнее всех, умнейший»;
- г) с помощью других усилительных частиц: *чалт шурд* «совершенно белый», *йам хура* «черный-пречерный», *тэр ухмах* «совершенно глупый», *сём суккар* «совершенно слепой», *вар չավրака* «совершенно круглый», *вёр չёнé* «абсолютно новый» и т.д. [85, с. 286—287].

Категория выделения

Категория выделения прилагательных образуется при помощи аффиксов *-и*, *-скер*. В отличие от существительных, у прилагательных нет аффикса выделения *-хи*, в словоформах *лайăххи*, *лайăхраххи* отмечается геминация инлаутного *х*. Если аффиксы *-и*, *-хи*, *-скер* при существительных выражают выделение предмета из общей среды, то *-и*, *-скер* при прилагательных указывают на выделение признака предмета.

Как мы уже отмечали, для имён прилагательных категория выделения на *-и* является категорией последовательно коррелятивной: формы данной категории образуются не только от всех лексических основ прилагательных, но и от почти всех категориальных форм (*аслá* «старший» — *асли* « тот, кто старше», *пысак* — *пысакки* « тот, кто (что) больше», *лайăхрах* — *лайăхраххи* « тот, кто (что) лучше», *начартарах* — *начартараҳхи* « тот, кто хуже», *тачкаскер* — *тачкаскерри* « тот, кто толще (жирнее) »).

Н.И. Ашмарин формы на *-и* назвал второй формой прилагательных, которая «означает, что данное прилагательное или обнимает все предметы, имеющие известное качество, выражаемое этим прилагательным, или же один предмет, обладающий этим качеством, в отличие от предметов, этим качеством не

обладающих», в качестве примеров привёл среди других слова *аслă* «большой», *«старший» — асли* «всякий, кто большой среди известной группы лиц; старший». «Третья самостоятельная форма прилагательного (с аффиксом *-скер.* — *B.C.*) выражает качество предмета, не принимая во внимание выделения этого предмета из среды других, этим качеством не обладающих; скорее, она только утверждает принадлежность предмета к какой-нибудь группе, совершенно опуская из вида другие группы, противоположные ему по качеству. *Эсё çак усалскерне пёле тăра ырă тума шухăшласа тăратăн* “Ты, зная его как негодника, хочешь сделать ему добро”» [20, с. 169, 176].

Н.А. Андреев отмечает наличие в чувашском языке форм самостоятельных обособленных прилагательных на *-и* (*-ё*), *-скер*, *-ай* (*-ёш*), «употребляемых для выделения при указании на качество, для подчеркивания качества предмета». Такие прилагательные, по мнению автора, занимают позицию после определяемых слов и склоняются как имена существительные, «согласуясь с ними в числе и падеже» [15, с. 102].

И.П. Павлов категорию выделения включил в число грамматических, обслуживающих по нескольку частей речи, поэтому категорию выделения прилагательных отдельно детально не рассматривал. Отмечая, что выделительные формы служат номинативным целям, автор говорит об опосредованном отношении этих форм к суффиксальному словообразованию: «Наименования, образованные при помощи категории выделения в чувашском языке, целиком и полностью относятся к речевой номинации», т.е. создаются в процессе речеобразования. В то же время суффиксы *-и* (*-хи*), *-скер* автором названы суффиксами формообразования [123, с. 13]. Таким образом, аффиксы *-и*, *-скер*, по его мнению, служат одновременно двум целям: формообразованию (словоизменению — в понимании автора) и речевой (повторной) номинации.

М.Р. Федотов аффикс *-и* в слове *лайăххи* считает формантом принадлежности [176, с. 126], что весьма сомнительно, ибо в словосочетании *туринчен те лайăххи* «лучше всех» или « тот, кто (что) лучше всех» этот формант не выражает идею принадлежности. Категория принадлежности присуща только именам существительным, поэтому употребляющийся при словах любой другой части речи аффикс *-и* выполняет только выделительную функцию.

По нашим наблюдениям, грамматическая категория выделения на *-и*, *-скер* обслуживает не только прилагательные, но и причастия. Как показывает материал чувашского языка, аффиксы *-и*, *-скер* могут присутствовать при прилагательном в любом случае: если слово квалифицируется как прилагательное, то оно может принимать аффиксы выделительности. При этом первая форма прилагательного (по Н.И. Ашмарину) не оформляется маркером; оставаясь в нулевой форме, она составляет оппозицию типа «выделение — невыделение»: *лайăх* «хороший», *лайăххи* или *лайăхскер* «тот, кто (что) хороший».

Выступая в роли определения, прилагательные способны принимать лишь аффикс категории сравнения: *пысăк пурт* «большой дом» — *пысăкрах пурт* «дом, который побольше». Однако нельзя говорить *пысăкки пурт* или *пысăкскер пурт* — это противоречит языковой практике. Но в роли сказуемого прилагательные могут оформляться аффиксами категории сравнения, а также выделения: *Эпĕ չамрăк* «Я молод»; *Эпĕ չамрăкрах* «Я моложе»; *Эпĕ, չамрăкскер...* «Я, кто молод...»; *Эпĕ չамрăкки...* «Я, кто моложе...».

В произведениях художественной литературы и народной словесности формы выделительности используются широко: *Каччи те унăн хай пек чиперскер* (Эльгер) «И жених у неё пригож, как сама»; *Анчах сăпай Вадим Романыч* (П. Афан.) «Однако же скромен Вадим Романыч»; *Пёчёкскер, хитрескер...* «Маленький, удаленький...» (Из загадки о грибе).

Категория образа (способа) действия

В чувашском языкоznании утвердилось мнение, что аффикс *-än* (-ён, -н) является наречиеобразующим, присоединяющимся к прилагательным, но нельзя забывать о его примыкании к существительным, местоимениям, причастиям, числительным [71, с. 278—282].

Если учесть, что деривационные аффиксы подчиняются принципу избирательности, т.е. обладают способностью присоединяться только к определённым основам, а реляционные отличаются тотальностью употребления, словоформы, созданные по модели «имена прилагательные + *-än* (-ён, -н)», не могут быть отнесены к наречиям, а аффикс *-än* (-ён, -н) в словоформах типа *лайăххän* — к деривационным. Справедливо будет считать его только словоизменительным, потому что он обладает спо-

собностью примыкать почти ко всем прилагательным. Несколько примеров из «Обратного словаря чувашского языка» [181], в котором *-ан* (-ён, -н) указан в качестве деривационного аффикса: *сиввён*, *ваккайн-тёвеккён*, *сивлеккён*, *түлеккён*, *йүрёккён*, *пёчёккён*, *тиргейлён*, *ирёклён*, *именчёклён*, *йёргёчёклён*, *хирёнчёклён*, *йёргеллён*, *меллён*, *хёргенуллён*, *хёргулён*, *илемлён*, *кичемлён*, *түсемлён*, *тимлён*, *канлён*, *хисеплён*, *теплён*, *вирлён*, *тивёслён*, *түреммён*, *кичеммён*, *тёксёммён*, *тёттёммён*, *мёскеннён*, *циреппён*, *типпён*, *лёпсёррён*, *тискеррён*, *чишеррён*, *лўпперрён*, *илемсёррён*, *чёмсёррён*, *кансёррён*, *ирсёррён*, *чёррён*, *түррён*, *пёчёкссён*, *сепёссён*, *варттайн-кёрттэн*, *сивёччен*, *ваккайн*, *каваккайн*, *тысаккайн*, *вашиаккайн*, *васкавлайн*, *янравлайн*, *алчáравлайн*, *юлхавлайн*, *сайтайлайн*, *сулмаклайн*, *татäклайн*, *вáтманчäклайн*, *шанчäклайн*, *юсавлайн*, *кämäллайн*, *çämäллайн*, *хуйхайлайн*, *асäрхануллайн*, *йනäçуллайн*, *салхуллайн*, *хäюллайн*, *чайтамлайн*, *хастарлайн*, *ытарлайн*, *хаваслайн*, *хäтлайн*, *хурлажхлайн*, *вáттаммайн*, *уйраммайн*, *лайкайн*, *сансäррайн*, *васкаваррайн*, *капмаррайн*, *чайпаррайн*, *явшаррайн*, *йываррайн*, *памтэррайн*, *ыррайн*, *хаяграйн*, *выççайн*, *шапäрттайн* и т.д.

Ряд чувашских лингвистов отказался от мнения, что окаменелая форма орудийного (инструментального) падежа на *-ан* (-ён) образует наречия от существительных. Так, по мнению А.И. Иванова, древний инструментальный падеж давно слился с притяжательным падежом [79, с. 182].

Если В.Г. Егоров считал, что наречия на *-ан* (-ён) образуются также от числительных: *иккён* «вдвоём», *виççён* «втрóём», *улттайн* «вшестером», *вуннайн* «вдесятером» и т.д. [71, с. 280], то И.А. Андреев, усомнившись в целесообразности включения форм числительных на *-ан* (-ён) в разряд собирательных, полагает, что *-ан* (-ён) здесь выполняет синтаксическую роль и является обыкновенной словоизменительной морфемой [10, с. 200]. И.П. Павлов, называвший формы типа «числительное + *-ан* (-ён)» собирательными числительными [118, с. 181–183], впоследствии отказался от своего мнения и, основываясь на принципе тотальности употребления *-ан* (-ён) в рамках конкретной части речи, указал, что форманты числительных «*-шар* (*-шер*), *-мей*, *-ан* (-ён) не могут быть отнесены к числу деривационных аффиксов, справедливо будет рассматривать их только в качестве реляционных» [119, с. 3–4].

Как видим, И.А. Андреев и И.П. Павлов, называя аффикс *-ан* (-ён) при числительных словоизменительным (реляционным), не рассматривали его в качестве категориальной формы. Нужно

отметить, что в конце XIX и в начале XX в. Н.И. Ашмарин формы *иккён*, *икшерён*, *виçён*, *виçшерён*, *тäваттän*, *тäватшарän* считал формами родительного падежа [21, I, с. 130]. Он же указал: «Род. падеж имён существительных, прилагательных, числительных и наречий также может употребляться для обозначения образа действия... *Çёленён чашкäрса çүрет* “Ходит и шипит, как змея”... *Унäн выльäх-чёлрёхे te, тырри-пулли te ирёккэн* пулнä, уксы *te* нумай пулнä “У него и скота, и хлеба было вволю, и денег было много”... *Хäяра вуншарän (теçеткенён)*, *çёшерён*, *пиншерён* *сутаçсё*, *çäмартана вуншарän* *сутаçсё* “Огурцы продают десятками, сотнями и тысячами, а яйца — десятками”» [21, I, с. 133—135]. Родительный падеж для выражения значения образа действия употреблен, по мнению автора, и в оборотах *хёлён-çäвён*, *кунён-çёрён*, *ирлён-каçлän* и т.д. [21, I, с. 136]; к числу наречных выражений, образуемых родительным падежом, им отнесены *пäтän* (*пäтän-пäтän*) «пудами», *курканäñ* «ковшами», *кёлтенён* «снопами», *витренён-витренён* «ведрами» [21, I, с. 139], а словоформы типа *кашäкän*, *улманän* к наречным выражениям не отнесены: «Род. падеж имён также может ставиться для обозначения количества предмета (или предметов), истрачиваемого каждый раз при совершении того или другого повторяющегося действия». На той же странице чуть выше подчёркнуто: «Если род. падеж употреблен в смысле наречия, то он почти никогда не принимает прит. суффиксов. Кроме того, иногда в подобном род. падеже конечная согласная удваивается помимо общих морфологических оснований» [21, I, с. 137]. По мере изложения мнение Н.И. Ашмарина все более и более тяготеет к тому, что аффикс родительного падежа является наречиеобразующим. «Однако существует весьма обширный класс прилагательных, которые, чтобы обратиться в наречия, нуждаются в приставке аффикса род. падежа. В последнем случае аффикс род. пад. в наречиях указывает на то обстоятельство, что образ действия, свойственный тому или другому предмету, является или чем-то кажущимся... Впрочем, бывают случаи, когда причины употребления генитивной формы наречий недостаточно ясны и определённы» [21, I, с. 143—144].

Далее речь идёт снова о родительном падеже, а не о наречиях. В примерах *укçанän пар* «платить деньгами», *тырран пар* «платить хлебом» *укçанän, тырран* Н.И. Ашмарин считает формами родительного падежа. Здесь же приводит примеры, когда вместо

родительного падежа употребляется творительный: *уқсаны түлөрө* «заплатил деньгами», *сөнө тырәп алөр* «получите зерном нового урожая» [21, I, с. 146–147].

Таким образом, у Н.И. Ашмарина мы не находим конкретного высказывания о том, что *-ан* (*-ён*, *-н*) является деривационным аффиксом. Как в «Материалах...», так и в исследовании, посвященном синтаксису, всегда на первом месте термин «родительный падеж». Ср.: «Родительный падеж имён существительных, прилагательных и числительных также употребляется иногда в смысле наречия»: *выранын* «местами», *сивён пыхать* «смотрит зло», *иккён* «вдвоём» [20, с. 228]; «Русские наречные выражения *вдвоем*, *втроем*, *вчетвером*... если эти обороты относятся к одушевленным предметам, передаются по-чувашски род. падежом» [21, I, с. 130]. Обратите внимание: автор говорит о том, что форма родительного падежа употребляется иногда в смысле наречия, но не говорит, что аффикс *-ан* (*-ён*) превращается в деривационный, образующий наречия.

Защищающие точку зрения о том, что *-ан* (*-ён*) является наречеобразующим аффиксом, приводят примеры из других тюркских языков, где аффикс выполняет функцию словообразовательного форманта. Но они не учитывают, что от формы древнего орудийного (инструментального) падежа в других тюркских языках образуется лишь небольшое количество наречий, обозначающих главным образом времена года: *кышын* «зимой» (ср.: чув. *хёлён-çавён*, башк. *йэй-ен* «летом», *көз-он* «осенью»). Н.К. Дмитриев аффикс *-ын* (*-ен*) возводит к древнему творительному падежу [65, с. 115].

А.Н. Кононов пишет, что форма инструментального падежа с *-н*, *-ын*, *-ин*, *-ун*, *-үн* как наречеобразующими формантами представлена ограниченным числом примеров со значением: наречия времени (*йазын* «весной») и наречия образа действия (*йадахын* «пешком») [94, с. 140].

В чувашском же языке, будь то числительное или прилагательное, речь не может идти об ограниченном количестве примеров, употребляемых с аффиксом *-ан* (*-ён*, *-н*), поэтому возникает вопрос: считать ли формы, образованные при помощи формантов древнего орудийного падежа, формами притяжательного падежа прилагательных (числительных) или же допустить мысль о наличии категориальной формы образа действия у прилагательных (и числительных)?

Вторая точка зрения кажется перспективней потому, что прилагательные не склонны к изменению по числам и падежам, лишь частично субстантивируясь (в предметном значении), изменяются, как существительные. Слова *сиввён* «холодно, неприветливо», *йăвашишан* «смирно, тихо» как по форме, так и по содержанию отличаются от форм субстантивированных прилагательных в притяжательном падеже. Ср.: *Сивён ури хүсайн* «Мороз ослаб» (букв.: У мороза нога сломана) и *сиввён ан пăх* «не смотри холодно»; *Йăвашишан яланах йăвашишан пулмалла мар* «Тихоне не всегда надо быть смирным»; *йăвашишан пăх* «смотря робко».

Как видим, у прилагательных в категориальной форме образа действия удлиняется конечный согласный звук: *ачашишан* «ласково», *үççän* «открыто», *вăрăммэн* «протяжно» и т.д. Исключение составляют прилагательные на *-лă* (-лë): *илемлë* — *илемлэн* «красиво», *тĕплë* — *тĕплэн* «основательно», где удлинения не происходит; ср. также: *çемсе* — *çемсен* «мягко», *хура* — *хуран* (*курăнаты*) «(виднеется) тёмным».

Категория усиления

Категория усиления имён прилагательных, как и имён существительных, образуется посредством аффикса *-ax* (-ex, -x): *Хăш чухне хытых юхать* «Иногда течёт совсем сильно»; *Нумаях илмерём...* «Не так много я взял...»; *Сан каччу аванах иккен* «Твой жених действительно хороши»; *çăл хĕррипе танах...* «вровень с краем колодца...» [А, II, с. 181—183].

Для усиления значения качественности к любой основе прилагательного можно присоединить аффикс категории усиления *-ax* (-ex, -x): *хитре* «красивый» — *хитрине хитрех ёнтë* «красивый-то, конечно, красивый»; *вёри* «горячий» — *вёриех мар* «не очень горячий»; *таса* «чистый, здоровый» — *тасах пурăнатпăr* «живём хорошо, все живы-здоровы»; *чипер* «красивый», «благополучный» — *чиперех çитрёмёр* «добрались благополучно»; *чирлë* «больной» — *чирлех пулмалла* «кажется, действительно болен»; *тикëс* «ровный, гладкий» — *Ун çийë тикëсех пулмалла* «Поверхность кажется ровной» и т.д.

Категория времени

Имя прилагательное представляется словом, называющим признак постоянный, находящийся вне границ времени [136, с. 83], и порой остаётся незамеченным то, что положительная

форма прилагательных содержит значение настоящего времени. Если говорим: *Вăл хĕр хитре* «Эта девушка красивая», то мы называем признак в момент речи, т.е. в настоящем времени. Если мы говорим: *Вăл хĕр хитреччĕ* «Она (была) девушка красивая», то мы называем признак предмета в прошедшем времени, те же значения выражаются в словах: *хитреччĕ, пысакччĕ, чĕреччĕ*.

При сравнении глагольного настоящего времени с настоящим временем прилагательных можно сказать следующее: глагольное настоящее время тоже бывает постоянным, выражающим процесс безотносительно к моменту речи: *Сĕр хĕвел тавра çаврăнать* «Земля вращается вокруг Солнца». Таким образом, времена глаголов и имён прилагательных (также существительных) могут выражать постоянство, в равной мере и значение подразумеваемого настоящего времени.

К примеру, возьмём несколько предложений из рассказа А. Артемьева «Миршэн»:

Илле пурччĕ. Мăнтарăн, ытла та хăюсăрччĕ «Илья был. Бедняга, очень был стеснителен». В этих предложениях прошедшее время выражено аффиксом -ччĕ, который переводится на русский язык глаголом прошедшего времени «был». Если же убрать этот аффикс, то значение прошедшего времени исчезает и воспринимается это как настоящее время: *Илле пур* «Есть Илья»; *Мăнтарăн, ытла та хăюсăр* «Бедняга, очень стеснителен». Доказательством того, что слово *хăюсăрччĕ* выражает значение прошедшего времени, служит следующий далее текст, в котором глаголы также даны в формах прошедшего времени и прошедшего причастия на -нă (-нĕ): ...*Улахра пĕр хĕр sumaнne те ларса кураймарĕ...* *Сталинградра паттăрла вилнĕ* «На посиделках ни с кем из девчат рядом не сидел... Пал смертью храбрых в Сталинграде».

Ещё примеры из того же рассказа: *Пурнисем Петĕрён çинце те вăрăмччĕ* «Пальцы у Петра были тонкие и длинные»; *Çырăвĕсем сахалччĕ* «Письма (его) были редкостью».

В произведениях чувашских писателей и поэтов для выражения прошедшего времени прилагательных аффикс -ччĕ (-ччĕ) используется часто: *Ёнерхи каç тÿпе хураччĕ* (П. Эйзин) «Вчера ночью небо было тёмным»; *Хамăр пекех чухăнччĕ: лаши-ёни пулман* (Ю. Николаева) «Бедными были, как и мы: лошади, коровы не было»; *Пăхма питĕ илемлĕччĕ* (Ю. Николаева) «На вид

был очень красив»; *Пирвай тёрмери пурна́ча хэнхма йываричё* (Н. Максимов) «Сперва трудно было привыкнуть к тюремной жизни»; *Кёреши юманчё те — йавашчё, Уни чавашё — Майн Иван* (П. Якусев) «Был крепок, как дуб, но кротким был, чуваш из Убеева — Большой Иван».

Приведенные примеры говорят о том, что прилагательное в чувашском языке называет не только постоянный признак, связанный в большинстве случаев с настоящим временем, но имеет специальный формант, выражающий прошедшее время — прошедшее состояние качества предмета. Такого морфологического явления в других тюркских языках нет.

Б. Формоизменение прилагательных Категории множественного числа и падежа

В словоизменительной морфологии прилагательные имеют неполную парадигму склонения, лишь некоторые субстантиваты типа *çамрак*, *ватă* склоняются по полной схеме. Совсем иная картина наблюдается, когда склоняемой основой (формоосновой) выступает прилагательное в форме категории выделения на *-и*, *-скер*. При этом мы можем говорить о наличии категорий множественного числа и падежа имён прилагательных, поскольку как формоосновы на *-и*, так и формоосновы на *-скер* изменяются по числам и падежам без исключений (принцип тотальности): *кёсён* «младший», *кёсённи*, *кёсёнскер* «тот, кто моложе»; *вайлă* «сильный», *вайли*, *вайлăскер* «тот, кто сильный», *вайлисем*, *вайлăскерсем* «те, кто сильный». Образец смешанного склонения:

Осн.	<i>кёсённи</i>	<i>кёсённисем</i>
Прит.	<i>кёсённин</i>	<i>кёсённисен</i>
Дат.	<i>кёсённине</i>	<i>кёсённисене</i>
Мест.	<i>кёсённинче</i>	<i>кёсённисенче</i>
Исх.	<i>кёсённинчен</i>	<i>кёсённисенчен</i>
Твор.	<i>кёсённинпе</i>	<i>кёсённисемпе</i>
Лиш.	<i>кёсённисёр</i>	<i>кёсённисемсёр</i>
Прич.	<i>кёсённиншён</i>	<i>кёсённисемшён</i>

Примеры: *кёсённи килте* «младший дома»; *кёсённин кёрекё* «шуба младшего»; *кёсённине кала* «скажи младшему»; *Кёсённинче ман вунă тенкё пур* «У младшего есть мои десять рублей»; *кёсённинчен ыйт* «спроси у младшего»; *Кёсённинпе хулана кайрämär*

«С младшим мы поехали в город»; *кәçённисёрх ёçлерёмёр* «работали без младшего»; *кәçённишён тǎрашать* «старается для младшего».

Те же формы могут быть в притяжательном склонении:

Осн.	<i>кәçённи</i>	<i>кәçённисем</i>
Прит.	<i>кәçённин</i>	<i>кәçённисен</i>
Дат.	<i>кәçённине</i>	<i>кәçённисене</i>
Мест.	<i>кәçённинче</i>	<i>кәçённисенче</i>
Исх.	<i>кәçённинчен</i>	<i>кәçённисенчен</i>
Твор.	<i>кәçённинте</i>	<i>кәçённисенне</i>
Лиш.	<i>кәçённинсёр</i>	<i>кәçённисенсёр</i>
Прич.	<i>кәçённинишён</i>	<i>кәçённисеншиён</i>

Примеры: *Кәçённи хулара пурәнать* «Младший живет в городе»; *Кәçённин хваттер нур* «У младшего есть квартира»; *Кәçённине салтака илчेç* «Младшего взяли в солдаты»; *Унан яталисем кәçённинче пулна* «Вещи его были у младшего»; *Кәçённинчен ыйтса пёл* «Разузнай у младшего»; *Аслин չурчे кәçённинте юнашарах* «Дом старшего рядом с домом младшего»; *Мана çаматасем илсе килме хушрёç*. *Кәçённинсёр пүснө урাখ çаматай кामака цинче չукчे* «Мне велели принести валенки. На печи не было валенок, кроме как у младшего»; *Аслин çёлёкне улым айшёнче часах тутрämär*, *кәçённинишён икё сехет улым салатмалла пулчё* «Шапку старшего мы нашли в соломе сразу же, из-за шапки младшего пришлось разгребать солому два часа».

Образцы склонения показывают, что прилагательные употребляются в предметном значении и изменяются как существительные. Если говорим *асли* «старший», то имеем в виду человека, который старше, иногда *асли* бытует в значении «начальник»; *кәçённи* чаще всего означает младшего брата или сестру. Но считать формы *асли* и *кәçённи* морфологически полноценными существительными невозможно потому, что они не могут принимать аффиксов категории принадлежности. Некоторые прилагательные с аффиксом выделения *-скер* принимают аффиксы лица: *ухмахскерём*, *айванскерём* «глупышка моя», *хитрескерём* «моя красотка», *пёчёкскерём* «моя малышка», демонстрируя тем самым частичную субстантивацию отдельных прилагательных.

В разговорной речи при употреблении прилагательного в роли существительного, мы наблюдаем присутствие аффикса 1 лица: *Хам ухмахама каласа парам-ха сана* «Дай-ка расскажу про свою

глупость». В словаре Н.И. Ашмарина имеется словоформа *айванçам* и приведён пример: *Самрәк пүçäm, айванçäm, усал пусса сейнітерчे пүçама* «Мою молодую глупую головушку одолели худые думы» [А, I, с. 27].

Аффикс *-и* в словоформе *ухмакхи* можно считать аффиксом 3 лица категории принадлежности лишь в том случае, если посредством его выражается значение принадлежности: *Пұс ухмакхи урана канләх памасты* «Дурная голова (букв.: дурь головы) ногам покоя не даёт».

Прилагательное, употребляясь в роли существительного, часто может принимать аффикс *-е*: *Ача-пáчана çamrákla ирек ан пар, уңан айванé хыççын ан кай* «Не давай детям воли смолоду, не потакай их неразумию» [А, I, с. 26].

Форма уподобительности уместна не только после формоосновы категории выделения: *кéсéнниlle* — *кéсéнниnle, аслиле* — *аслиnle*, но и после основы прилагательных, употребляющихся в предметном значении: *Кéсénlех вéсене ыры́ва вéрентес пұлаты* [А, VII, с. 309] «Грамоте надообно обучать их смолоду»; *Эпé кум тáвас сáмаха петéм ятам ухмакла* [А, III, с. 349] «Сдуру я проболтался о кумовстве»; *çamrákla вилнé* [А, XII, с. 37] «умер молодым».

Общую схему потенциальных форм изменения прилагательных на основе категории выделения можно представить таким образом: формооснова на *-и*, *-скер* + *-сем* + аффиксы всех падежей + *-ла* (-ле, -lla, -lle) + *-чен* (-чен) + *-ах* (-ex) + *-чё*. Например: *аслиsem, аслáскерsem, аслиsemeh, аслáскерsemeh, аслиseneh, аслáскерseneh, аслáскерsemeh, аслиsempeh, аслáскерсenech, аслиsench, аслиsenché, аслиseneché, аслиsenehch, аслиsempech, аслиsemérché, аслиsemлечé, аслиsemchenché, аслáскерénenh, аслáскерneh, аслáскершиénenh, аслиch, аслиserch и т.д.; редко употребляемыми формами являются тачкаскерри « тот, кто тучен»; хитрескери « тот, кто красив» и т.д.*

Формоизменение на основе категории сравнения

Общая схема изменения прилагательных в основе категории сравнения: формооснова на *-pax* (-рех, -тарах, -терех) + формант образа действия *-йн* (-ён) + *-ах* (-ex) + *-чё*. Примеры: *хитререххён туýднать* «кажется красивее»; *сахалтараххян панá* «давали слишком мало» [21, I, с. 141], *сахалтараххан* «более незначительными количествами» [21, I, с. 140]; *сахалтарахчё* «было

мало»; *Аля хитререхчे* «Аля была красивее»; *кёскерех* «короче» — *кёскерехе* «на самом деле короче»; *аслăрах* «старше» — *аслăрахах* «на самом деле старше», *аслăрахахчे* «на самом деле был старше».

Формоизменение на основе категории образа (способа) действия

Схема изменения формоосновы образа (способа) действия выглядит так: формооснова на *-ан* (-ён, -н) + *-тарах* (-терех) + *-ах* (-ех) + *-ан* (-ён). Примеры: *хăюллăнтарах* (*хăюллăнтарахах*) *калаç* «говори (чуть) смелее»; *хавассăнтарах* (*хавассăнтарахах*) *юрла* «пой (чуть) веселее»; *лăпкăнтараххăн* (или *лăпкăнтараххăн*) *калаçкала* «говори спокойнее»; *пĕчĕккĕнтереххён* «более малыми дозами (порциями)», «в незначительном количестве»; *хăюллăнах* «смело», *лăпкăнах* «спокойно»; *Вĕсем нумайăнчĕ* [А, IX, с. 41] «Их было много» или «Они были в большом количестве»; *Сахаллăннисем те нумайăннисене çĕнтереççĕ* [А, XI, с. 84] «Меньшинство тоже побеждает большинство».

B. Формообразование прилагательных

Некатегориальные формы отдельных падежей и лиц

Категория падежа прилагательных проявляется только при формоизменении на базе категории выделения, когда форманты всех падежей находят возможность выражения соответствующего содержания после аффиксов *-и*, *-скер*. В функции определения прилагательные не принимают падежных аффиксов, в роли сказуемого принимают аффиксы лишь некоторых падежей. К примеру, прилагательное *вайсăр* при включении фразы *Вăл вайсăр* «Он слабый» в состав более сложных конструкций может быть в форме падежей: исходного: *Вăл вайсăртан шăлла çыртса туртать* «От бессилия он тянет, хватаясь зубами»; причинно-целевого: *Вăл вайсăришăн кам айăплă?* «Кто виноват в его слабости?»; дательного: *Вăл вайсăра перет* «Он притворяется слабым».

Некоторые прилагательные могут принимать формы нескольких падежей. К примеру, слово *лайăх* «хороший» может быть в падежах: дательном (*Лайăха курсан лайăх пулăн* «С хорошим общаешься — хорошим будешь»); исходном (*Лайăхран лайăх* «Всё лучше и лучше»); творительном (*Лайăхпа турăнма лайăх* «С хорошим и живётся хорошо»); причинно-целевом (*Лайăхшăн тăрăшмалла* «Ради хорошего надо стараться»).

По справедливому замечанию И.П. Павлова, прилагательные в большинстве случаев могут стоять в форме дательного, исходного, творительного, местного и причинно-целевого падежа [118, с. 167]. Это даёт нам право говорить лишь о некатегориальных падежных формах прилагательных, т.е. о частичном падежном формообразовании прилагательных.

Прилагательные при употреблении в предметном значении (при частичной субстантивации) изменяются почти как существительные, т.е. могут изредка принимать аффикс 3 лица (*Кёпене курăк ешёл çатĕ* [А, IV, с. 292] «К рубашке пристанет зелень травы»; *Аллăрсенче ешёл перчетке, ан пăрахсам ешёл пëтиччен* [Там же] «В руках у вас зелёные перчатки, не снимайте, пока не слиняет зелень» или аффикс 1 лица: *Ай, аттеçём, ырăçäm!* [А, III, с. 62] «Ай, благодетель мой»).

Разумеется, редкие примеры не говорят о категории принадлежности прилагательных, скорее, здесь видим некатегориальные формы лица.

Некатегориальные формы уподобления на -ла (-ле, -lla, -lle) и предельные формы на -чен (-ччен)

До сих пор в чувашском языкоznании не было термина «уподобительная форма» (или «форма уподобления», «форма уподобительности»). Между тем ряд прилагательных принимает аффикс уподобления *-ла* (*-ле*), образуя тем самым некатегориальную форму: *пёчёкле* «в детском возрасте», «пока маленький» (*Тихана пёчёкле лайăх çитермесен, вара çитёнсен тेरеклĕ лаша пулмась* [А, X, с. 259]). «Если жеребёнка хорошо не кормить, пока он маленький, он не станет сильной лошадью»); *çамрăкла* «в молодые годы», «молодым» (*Çамрăклах вайя тухман пулсан эпĕ те сана курас çук* «Если бы я в молодые годы не выходил на игрища, тебя бы не встретил»); *шурăлла* «по-белому», *хуралла* «по-чёрному» (*Пирĕн урамра пĕр пўрт анчах хуралла, ыттиsem пурте шурăлла* «На нашей улице только одна изба по-чёрному, остальные все по-белому»); *симĕсле* «в зелёном виде», «в неспелом состоянии» (*Тыrra симĕслех выртамăр* [А, XI, с. 147]. «Хлеб мы жали незрелым»); *сивле, сивёле, сивёлле* «в холодном состоянии» (*Вир пăттине сивёле сëтпе çиме те юратăççĕ* [А, XI, с. 128] «Пшённую кащу любят есть с молоком холодной»); *сивле күç* «холодные глаза» [А, XI, с. 131]; *çаралла* «без чего-либо» (*Çаралла ан çи* «Не ешь без хлеба» [А, XII, с. 59]; *айшала, айшала*

«в тёплом виде» (*Пашалăва ѿшалла չиме лайăх* «Приятно есть лепешку в теплом виде» [А, IV, с. 92]).

Необходимо отметить, что формообразовательные элементы, подобно словообразовательным аффиксам, способны принимать форманты вторичных категориальных форм. Например: *йаш* — *йаш-ла, ѿшалла-рах* (*Йашлараха* չимелле «Нужно есть в более тёплом виде»). В последнем примере к форме уподобления на *-ла* (напомним, для прилагательных она считается некатегориальной формой) примыкают формант сравнительной формы *-рах* и аффикс усиления *-ах*.

Слова *йаш* «тёплый», *сивё* «холодный» в предметном значении (частично субстантивируясь) могут стоять в предельной форме (в форме предельности): *сивёччен* «до холодов», *йашччен* «до тёплых дней».

Разделительная форма на *-шар* (-шер)

Категориальный показатель разделительности числительных *-шар* (-шер) может употребляться с некоторыми прилагательными: *нумайшар* «помногу» (*Весене չав лайăх չёр ята нумайшар теçеттин лекет* [А, IX, с. 42] «Им достанется той хорошей земли по несколько десятин на человека»); *сахалшар* «помалу», «понемногу» (*Весене час-часах չитерес пулать, анчах пит сахалшар չитерес пулать* [А, IX, с. 84] «Их надо кормить почаше, но кормить надо понемногу»); *пёчёкшер* «помаленьку» (*Мёнле лайăх пёчёкшер черккен хёрлө эрех ёçсе ларма* «Как хорошо пить красное вино из маленьких чарок»); *чылайшар* «помногу» (*Тыррине те чылайшар илчëс* «Урожай тоже получили помногу»).

Словоформы *нумайшар*, *сахалшар*, *чылайшар* (иногда *пёчёкшер*, *пысакшар*) могут употребляться в значении счётных слов, т.е. слова *нумай*, *сахал*, *чылай* по семантике близки к числительным, поэтому принимают аффикс разделительности числительных.

К слову с аффиксом разделительной формы *-шар* (-шер) может присоединиться аффикс категории образа действия *-ян* (-ён): *нумайшар-ян*, *чылайшар-ян* «помногу». Таким образом, агглютинирование наблюдается не только на основе производных слов и на основе словоизменительных аффиксов, но и на базе формообразования.

Форма обладания на -лā (-лē, -ллā, -ллē)

Аффикс обладания -лā (-лē, -ллā, -ллē) может присутствовать при всех прилагательных, обозначающих оттенки цветов. Примеры: *хураллā*, *хураллā*, *хураллā-шураллā*, *хураллā-кāваклā* (*хураллā-кāваклā* чул [А, XVI, с. 203] «иссиня-чёрный камень»); *шураллā* (*шураллā-кāваклā* «бело-синий», *шураллā-чāпарлā* «чёрные крапины по белому»; *шураллā-хураллā* «пёстрый (бело-чёрный)» [А, XVII, с. 237]); *хёрлēллē* (*хёрлēллē-шураллā* «имеющий красное и белое» [А, XVII, с. 50]).

Форма усиления качества (интенсив)

Интенсив прилагательных в чувашском языке образуется при помощи частичной редупликации основы: *хёрлē-хёрлē* > *хēп-хёрлē* «очень красный», *симēс-симēс* > *сип-симēс* «очень зелёный», *кāвак-кāвак* > *кāн-кāвак* «очень голубой», *такāр-такāр* > *тан-такāр* «очень ровный». В таком случае от основы отделяется первый слог и к нему присоединяются согласные *н*, *п*. Получившийся новый закрытый слог присоединяется к основе прилагательного наподобие префикса: *хун-хура* «чёрный-пречёрный», *сан-саpā* «жёлтый-прежёлтый», *çан-çутā* «светлый-пресветлый». Отклонение наблюдаем в следующих словах: *шап-шурā* (диал. *шуп-шурā*) «белый-пребелый», где имеет место *у ~ а*; *çан-çарамас ~ çанна-çарамас* «совсем голый», где в усеченной части наблюдаем наращение слога *-а* с геминацией *п*; *ем-ешёл* «зелёный-презелёный», где вместо ожидаемых *н* или *п* стоит *м*.

В диалектах наблюдаются следующие формы: *таппа-тан* и *тāпā-тан* вместо литературного *тāп-тан*; *йāп-яка* вместо *ян-яка*.

В разговорной речи интенсив образуется и от русских прилагательных: *сēп-свежи*, *хоп-хороши* и т.д.

В большинстве случаев наблюдается усиление качества прилагательных со значением цвета для выражения высокой степени концентрации цветового качества в предмете. Эту форму прилагательных Н.И. Ашмарин и И.П. Павлов квалифицируют как превосходную степень — одну из степеней сравнения прилагательных [20, с. 163; 118, с. 155]. Как справедливо заметил Н.А. Андреев, данная «форма усиления качества совершенно не выражает сравнения путём сопоставления или выделения, а выражает субъективную оценку» [15, с. 99]. С этой точки зрения

формы типа *сап-сарап* «преждевременный», *չօն-չօնե* «новейший», *չան-*
չամալ «прелестный» и другие вернее будет именовать интенсивом или формой усиления прилагательных. Ф.Г. Исхаков считает, что «в тюркских языках прилагательные данного типа выражают, в зависимости от того, от какого прилагательного они образованы, различные степени полноты качества и в большинстве случаев (особенно те из них, которые обозначают цвета) — высшую норму полноты его, но отнюдь не превышение этого его предела» [88, с. 166]. Назвать данную форму прилагательного одной из форм превосходной степени, как это делают авторы многих тюркских грамматик, едва ли будет правильно. Таким образом, эту форму интенсива можно характеризовать как форму полноты качества, чему она и соответствует в абсолютном большинстве случаев почти во всех тюркских языках.

Интенсив прилагательных может выражаться и полной редупликацией прилагательных: *Тेरлә-тәрлә чечексен ыра*
шарши саралатъ (К. Ив.) «Ароматом нежным, сладким вешний воздух напоен»; *тәрлә-тәрлә букв.*: «разные-разные»; *Шурә-шурә չамарта шуратрәмәр չирәмәр* «Белое-белое яйцо, почистив, поели».

Что касается форм *шурә-шурә* и *шап-шурә* «пребелый» и др., обычно считают их старым (морфологическим) типом превосходной степени. Если разбираться всерьёз, то в чувашском (как и в других тюркских языках) нет и не было превосходной степени морфологического толка. В тюркских языках за формы превосходной степени прилагательных принимают образованные аналитически при помощи усиительных частиц *эн ~ ин ~ эн*, характерных для большинства тюркских языков, за исключением чувашского и якутского, в которых вместо *эн* употребляются частицы *чи*, *чан* (чув.) и *саамой* (якут.).

Аналитические формы *эн биче ~ чи пәчәк* «самый маленький» не являются объектом исследования в морфологии, ибо морфология призвана изучать слова со стороны их внутренней структуры (морфемного состава), а отнюдь не словосочетания или комбинации слов.

С этой точки зрения сочетания типа *пим аван* «очень хороший», *имсәр пысак* «чрезвычайно большой», *сәм сүккәр* «совершенно слепой», *чалт шурә* «совершенно белый» и др. яв-

ляются, скорее всего, объектом изучения морфосинтаксиса, контуры которого уже давно намечены. Проблемы морфосинтаксиса чувашского языка освещены в монографии А.М. Ивановой [85].

Интенсив в чувашском языке (и в других тюркских языках) не может считаться категориальной формой, ибо значение усиления качества реализуется выборочно, а не у всех прилагательных. Эта избирательность вынуждает считать интенсив не-категориальной формой.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

Традиционное определение имени числительного как части речи, выражющей только количественный признак предмета, нуждается в пересмотре. Вслед за индоевропеистами и тюркологами чувашеведы писали, что имя числительное обозначает название отвлечённого числа (*иккё* «два»), количество предметов (*икё кёнеке* «две книги») или же называет порядок предметов (*иккёмеш çурт* «второй дом»). С таким же успехом можем сказать, что числительные выражают значение раздельности предметов: *вуншар тенкё илтёмёр* «получили по десять рублей». Но количеством, порядком и раздельностью предметов значение числительных не ограничивается, числительные чувашского языка выражают и количество действий и процессов, если под понятием «процесс» подразумевать смену состояний, смену последовательных действий при достижении (или недостижении) какого-либо результата. Впервые в чувашском языкоznании эту особенность заметил И.П. Павлов: «*Пेpре (nēr)* сামахъян тெp пேлтереш - япалан е ёcен шутне палáртасси» [118, с. 177] «Основное значение числительного *nērpe (nēr)* — обозначение количества предметов и действий (процессов)». К сожалению, И.П. Павлов отметил только числительное *nērpe (nēr)*, хотя мог сказать то же и о других числительных.

Л.П. Сергеев заметил эту особенность числительных чувашского языка («Хисеп ячё тесе хисепе кайтартакан, япаласен шутласа кайнă чухнехи йёркине, ёc миcе хут пулнине пேлтерекен пуплев пайне калаççë» [154, с. 323] «Имя числительное — это часть речи, обозначающая количество, порядок при счёте

предметов, а также то, сколько раз происходит действие»), но не приводит примеров, показывающих количество процессов (действий).

Из тюркологов, насколько мы знаем, лишь В.И. Рассадин указывает на эту особенность числительных: «Имя числительное — часть речи, обозначающая названия отвлеченных чисел, количественного признака предметов и процессов» [136, с. 111]. Также он пишет: «Выступая в качестве обстоятельства при глаголе, количественные числительные могут употребляться (в качестве показателя процесса. — В.С.), не принимая никакого дополнительного грамматического показателя... *Аң бирәә шураан* “Зверь прыгнул один раз”» [136, с. 116]. На чувашском языке это можно передать разными вариантами перевода: *Тискер кайák нېрре сикрё; Пेरре сикрё тискер кайák; Пे́ррех сикрё тискер кайák; Пे́р хут сикрё тискер кайák.*

В чувашеведении (шире — в тюркологии) имена числительные традиционно классифицируют по лексическим разрядам, следуя примеру грамматик индоевропейских языков. За последние 20 лет был высказан ряд критических замечаний по этому поводу. Своё несогласие первым выразил И.А. Андреев, усомнившись в целесообразности включения форм числительных на *-än* (*-ён*) (*иккён*, *виççён*, *вуннän*), *-шё* (*иккёшё*, *виççёшё*) в разряд собирательных. По И.А. Андрееву, *-än* (*-ён*) выступает здесь как обычная словоизменительная морфема. Аффиксы числительных *-мäш* (*-мёш*) и *-шар* (*-шер*) он считает синтаксическими по назначению, т.е. словоизменительными [10, с. 200]. Тем не менее составители чувашско-русских словарей по традиции относят их к деривационным, и словоформы с этими аффиксами вводятся в реестр словарных статей.

Критическое замечание И.А. Андреева было воспринято И.П. Павловым, который пересмотрел прежнюю точку зрения и стал утверждать, что релятивные аффиксы не служат основанием для включения слов в те или иные лексические группы. Исходя из этого положения форманты *-шар* (*-шер*), *-мёш*, *-än* (*-ён*) охарактеризованы И.П. Павловым в качестве реляционных и исключены из числа деривационных [119, с. 3—4], а парадигму форм некоторых числительных чувашского языка он привел в следующем виде:

Название форм числительных	Числительные			
	<i>nēr(pe)</i>	<i>иккē</i>	<i>виççē</i>	<i>tāvamta</i>
Атрибутивные	<i>nēr</i>	<i>иккē, ик</i>	<i>виççē, виç</i>	<i>tāvamatā, tāvat</i>
Субстантивные	<i>nērpe</i>	<i>иккē</i>	<i>виççē</i>	<i>tāvamatā</i>
Порядковые	<i>nērpe-мēsh</i>	<i>иккē-мēsh</i>	<i>виççē-мēsh</i>	<i>tāvamatā-mēsh</i>
Разделительные	<i>nēr-er</i>	<i>ик-шер</i>	<i>виç-шер</i>	<i>tāvamat-shar</i>
Собирательные	<i>nēchce-n</i>	<i>иккē-n</i>	<i>виççē-n</i>	<i>tāvamat-n</i>
Разделительно- собирательные	<i>nēr-er-ēn</i>	<i>ик-шер-ēn</i>	<i>виç-шер-ēn</i>	<i>tāvamat-shar-ān</i>
Личные				
1 л.	<i>nēr-c-ēm-ēr</i>	<i>ик-с-ēм-ēр</i>	<i>виç-с-ēм-ēр</i>	<i>tāvam-c-äm-är</i>
2 л.	<i>nēr-c-ēr</i>	<i>ик-с-ēр</i>	<i>виç-с-ēр</i>	<i>tāvam-c-är</i>
3 л.	<i>nēr-u, nēr-ēu-ē*</i>	<i>иккē-ш-ē</i>	<i>виççē-ш-ē</i>	<i>tāvamatā-ш-ē</i>

* Добавлено нами. — В.С.

Называя аффиксы *-шар* (*-шер*), *-мēsh*, *-ān* (*-ēn*) реляционными, автор указывает на тотальность их употребления, но не говорит о них как о носителях категориальных форм.

Между тем Н.К. Дмитриев писал: «С морфологической стороны числительное в башкирском языке, как и во всех тюркских, характеризуется некоторыми специальными категориями (разрядка наша. — В.С.), имеющими свои формальные показатели: 1) категория, выражающая порядковое соотношение предметов... 2) категория, выражающая разделительность... 3) категория, выражающая собирательность или классификацию предметов по группам...» [65, с. 88].

За пределами тюркских языков наличие у числительных категориальных форм отмечено в чукотском. П.Я. Скорик, описывая числительные, так и пишет: «Чукотское числительное характеризуется грамматической категорией лица и присущими только ему категориями разделительности и порядковости» [157, с. 387].

На наш взгляд, есть все основания считать формы на *-мēsh*, *-ān* (*-ēn*) и *-шар* (*-шер*) в чувашском языке категориальными формами.

Классификация форм числительных

Классификацию форм имён числительных мы представляем в следующем виде:

Словоизменительные категориальные формы	Формоизменительные категориальные и некатегориальные формы	Формообразовательные некатегориальные формы	Формы слов, обозначающих числа 1–10 и 50
<p>Порядковости на <i>-мёш</i> (субстантивных и атрибутивного <i>нёр</i>)</p> <p>Разделительности на <i>-шар</i> (<i>-шер</i>) (только атрибутивных, в разговорной речи — и субстантивных)</p> <p>Образа действия или собирательности на <i>-айн</i> (<i>-ён</i>) (только субстантивных)</p> <p>Падежей (только субстантивных)</p> <p>Приблизительного множественного числа (только субстантивных)</p> <p>Прошедшего времени на <i>-чё</i> (<i>-чёй</i>) (только субстантивных)</p> <p>Усиления на <i>-ах</i> (<i>-ех</i>) (только субстантивных)</p>	<p>Падежей</p> <p>Числа</p> <p>Прошедшего времени на <i>-чё</i> (<i>-чёй</i>)</p> <p>Усиления на <i>-ах</i> (<i>-ех</i>)</p>	<p>Собирательности на <i>-ев</i></p> <p>Порядковости на <i>-ам</i> (<i>-ём</i>), <i>-м + -ине</i></p> <p>Направительности на <i>-алл</i> (<i>-елл</i>) + аффикс дательного падежа</p> <p>Личные формы типа <i>иксёмер</i>, <i>иксёр</i>, <i>иккёшё</i></p> <p>Падежей</p> <p>Предельности на <i>-чен</i> (<i>-ччен</i>)</p> <p>Выделения на <i>-и</i></p>	<p>Субстантивные</p> <p>Атрибутивные</p>

Эта классификация отличается от классификации форм числительных, предложенной И.П. Павловым, который составил схему, группируя числительные по диахотомическому принципу, без учёта категориальных и некатегориальных форм числительных:

Личные формы числительных (которые подчиняются принципу избирательности), по его мнению, образуют категорию лица и сближают числительные с другими частями речи, а неличные формы составляют специфику числительных и отличают их от других имен. Но, считая, что падежные формы не составляют главную особенность числительных, автор упускает из виду изменение по падежам категориальной формы порядковости [119, с. 13–15].

Таким образом, числительные — это именная часть речи, выражающая существующую в современном чувашском языке счётную систему в словоизменительных категориальных формах и ряде некатегориальных форм.

Количественные числительные

Так называемые количественные числительные являются основой для образования категориальных форм разделительности, порядковости и образа действия, поэтому их можно назвать

категорией количественности числительных. Эти формы числительных являются основными, мы именуем их по традиции количественными.

В отличие от числительных других тюркских языков, в чувашском языке в пределах первого десятка имеются три типа форм количественных числительных: а) краткая: *nēр*, *ik*, *viç*, *tävat*, *ulт*, *çic*, *vun*; б) полуократкая: *ikē*, *viçē*, *tävatā*, *pilēk*, *ulтā*, *çicē*, *sakār*, *täxār*, *vunā*; в) полная: *nērre*, *ikke*, *viçē*, *tävatā*, *pilēk*, *ulтā*, *çicē*, *sakār*, *täxhār*, *vunnā*. Учитывая употребление в речи и в языке, Л.С. Левитская (а вслед за ней И.П. Павлов) количественные числительные разделяет на две группы: 1) атрибутивные формы: *nēр*; *ikē*, *ik*; *viçē*, *viç*; *tävatā*, *tävat*; *pilēk*; *ulтā*, *ulт*; *çicē*, *çic*; *sakār*; *täxār*; *vunā*, *vun*; 2) субстантивные: *nērre*, *ikke*, *viçē*, *tävatā*, *pilēk*, *ulтā*, *çicē*, *sakār*, *täxhār*, *vunnā*. Здесь же указано, что субстантивная форма отмечена и у числительного *al*, *ala* «пятьдесят» — в виде *ala* [99, с. 45].

Поскольку в большинстве тюркских языков атрибутивная и субстантивная формы количественных числительных не различаются, возникло предположение, что полные, т.е. субстантивные, формы могли возникнуть под влиянием марийского языка, где также различаются полные и краткие формы количественных числительных: *kok*, *koktet* «два»; *kum*, *kumet* «три» и т.д., как полагает Б.А. Серебренников [202, с. 135]. Л.С. Левитская же считает, что обосновывать существование чувашских атрибутивных и субстантивных форм влиянием марийского языка преждевременно [99, с. 47].

Современная чувашская счётная система, как и счётная система многих других языков, основана на десятичной нумерации, числа от 1 до 9 обозначаются отдельными символами: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, используется ещё знак 0 для обозначения нуля. При помощи этих десяти знаков изображается по принципу позиционного значения любое число: каждый знак может изменять своё значение в зависимости от позиции. К примеру, четырёхзначное число 2222 состоит из одних двоек, но каждая из них имеет своё собственное значение в зависимости от места: первая — две тысячи; вторая — двести, третья — двадцать, четвёртая — два.

Чувашская счётная система представлена в следующем виде: 1) единицы, 2) десятки, 3) сотни, 4) тысячи, 5) миллионы, 6) миллиарды, 7) триллионы и т.д. Начиная с четвёртого пун-

кта все последующие классы каждый в 1000 раз больше предыдущего. Числительные первого класса (класс единиц) по структуре представляют собой простые однокорневые слова. Второй класс числительных — десятки: *вуннă* «десять», *çирём* «двадцать», *вăтăр* «тридцать», *хĕрĕх* «сорок», *аллă* «пятьдесят», *утмăл* «шестьдесят», *çитмĕл* «семьдесят» — в основном тоже однокоренные слова (исключение — *сакăр вуннă* «восемьдесят», *тăхăр вуннă* «девяносто»). Числительные *утмăл* (< *улт* + *мăл*), *çитмĕл* (*çит* ~ *çич* + *мĕл*) условно можно отнести к производным, образованным аффиксом *-мăл* (-*мĕл*). Но И.П. Павлов предлагает считать их в современном чувашском языке непроизводными [119, с. 5]; сп.: тат., башк. *алтмыш* «шестьдесят», но хак., тоф. *алтон* (< *алты* + *он*). Третий класс — сотни: *çĕр* «сто», *ик çĕр*, *виç çĕр*, *тăват çĕр*, *пилĕк çĕр*, *улт çĕр* и т.д.

В чувашском языке отсутствуют сложные числительные, как считают некоторые исследователи. То, что предлагалось раньше чувашской орографией писать слитно (оформлявшиеся слитно синтаксические конструкции по типу русских числительных от 11 до 13, числительные 80 и 90, а также от 200 до 900), ничем не оправдано. Таким образом, числительные в чувашском языке бывают простые и составные (т.е. композитные) — в основном тоже однокорневые слова.

С математической точки зрения мы имеем бесконечное множество натуральных чисел, но количество слов для их выражения ограничено: *нĕр(ре)*, *иккĕ...* *тăххăр* «один, два... девять», *вуннă* «десять», *çирём* «двадцать», *вăтăр* «тридцать», *хĕрĕх* «сорок», *аллă* «пятьдесят», *утмăл* «шестьдесят», *çитмĕл* «семьдесят», *çĕр* «сто», *тин* «тысяча», *миллион*, *миллиард* и т.д. — всего 25 широкоупотребительных числительных, если включить в этот ряд слова *квадрильон*, *квинтильон*, *секстильон*, *септильон*, то получится 29.

Далее хотелось бы подробнее остановиться на числительном *нĕр* (*nĕrre*) «один», которое обладает разнообразным комплексом форм. Примеры взяты из словаря Н.И. Ашмарина [А, X, с. 215–236]: *нĕрерĕш* (Яла *нĕрерĕшине халăха чĕнме ярасçĕ* «Кого-нибудь отправляют в деревню, чтобы созвать народ») — разделительно-личная форма; *нĕррехинче*, *нĕринче* «однажды» — выделительно-местнопадежная форма; *нĕр-ик* «один-два», *нĕр-ик-виç* «около трёх» — форма приблизительного счёта; *нĕр-нĕри*, *нĕри-нĕр* «кто-нибудь», *нĕри-нĕри* «некоторые» — неопределённо-

выделительная форма на *-и*; *нёрскер*, *нёрскер* «кто-то, какой-то» — выделительная форма на *-скер*; *нёрлех* «на один раз» — форма достаточности; *нёрешкел* «одинаковый» — форма уподобительности (*нёрешкелтерех* — уподобительно-сравнительная форма); *нёрреллэ* «туз» (в картах) — форма обладания (в форме обладания могут быть и другие числительные: *иккёллэ*, *вицёллэ*, *сичёллэ* и т.д.); *нёррём-нёррём* (а также *иккём-иккём*) — неизвестное выражение в названии игры; *нёрттен-нёрттен*, *иктен-иктен* — неизвестные слова в «заумной песне».

Особый интерес вызывают словоформы *нёрешкел* «одинаковый», *нёрешкеллисем* «одинаковые», *нёрешкелтисем* «пристяжные лошади». В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина даны две омонимичные формы: *нёрешкел* «пристяжка» и *нёрешкел* «одинаковый» [А, Х, с. 230]. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов дали этимологию только одной словоформы *нёрешкеле* ~ *нёрешкел* «пристяжка» < рус. пряжка, пристяжка [75, с. 156; 178, I, с. 422], а вторая словоформа *нёрешкел* «одинаковый» осталась вне поля зрения. На самом деле в словоформе *нёрешкел* «одинаковый» корень слова (основа) — числительное *нёр(е)* «один» + аффикс уподобления, к которому примкнул *-шкел*, отсюда *нёрешкеллисем* «одинаковые», *нёрешкелтереххисем* «подобные» — вот такие метаморфозы.

Исследователи неоднократно указывали на многозначность и многофункциональность числительного *нёр* (*nérpe*) «один» в чувашском языке: оно выступает для выражения значения неопределенности в качестве неопределённого артикля: *нёр չын* «некий человек»; выражает неопределённый отрезок времени: *нёрре* «однажды»; в выражении *килнё нёр* «коли пришел», по мнению языковедов, *нёр* является частицей; в выражении *нёр кёрет te*, *нёр тухать* «то выходит, то заходит», *нёр...* *нёр* считается союзом [118, с. 177—178]. В последнем примере, на наш взгляд, *нёр* выступает в функции числительного. Ср.: *Ҫёр кёрсе ҫёр тухрай пулё паян* «Наверное, сто раз заходил ты сегодня и сто раз выходил», здесь *ҫёр* — числительное со значением неопределенного количества. А в примере: *Ҫýс хүреллэ хурçá йытä / Пёр кёрет te, нёр тухать* (К. Ив.) «Пёс стальной с хвостом пудельным / То нырнёт, то вверх взлетит» (пер. П. Хузангая) числительное *нёр* при повторе *нёр...* *нёр* определили как союз [12, с. 135; 13, с. 258; 72, с. 328; 118, с. 178]. А как быть в случаях *иккё кёчё*, *иккё тухрё* «два

раза зашел, два раза вышел»; *виççē кёчё, виççē тухрē* «три раза зашел, три раза вышел»? Возьмём другой пример: *Урам енчи хапхаран / Сын кёрет те сын тухать* (К. Ив.) «То в калитку, то в ворота / Целый день валил народ» (пер. П. Хузангая). Если исходить из вывода по первому примеру *nёр... nёр*, то *сын... сын* тоже следует превратить в союз, при морфологическом разборе части композиты *nérre... tērre* следует анализировать раздельно: *nérre* — числительное, количество при счёте, полная форма; *tērre* — местоимение определённое (определительное) (*tēnēr*).

А. Словоизменение числительных Категория падежа

В чувашском языкоznании существует двоякое мнение по вопросу о категории падежа числительных. Одни считают, что отвлечённые количественные числительные, употребляемые самостоятельно (или субстантивные числительные), склоняются как имена существительные [16, с. 111; 154, с. 327—329]. По мнению И.П. Павлова, личные формы числительных имеют полную падежную парадигму, а многие неличные формы имеют возможность обладать падежными аффиксами только в случаях опускания иррелевантного ядерного существительного. Но не все существительные могут быть иррелевантными, поэтому числительные не в состоянии употребляться во всех падежах. И.П. Павлов считает недоразумением утверждение авторов школьных учебников о полном склонении «количественных числительных» [119, с. 15].

В действительности же не склоняются только атрибутивные формы числительных, а субстантивные формы имеют полную падежную парадигму. Иначе и быть не может, ибо числительные в субстантивной форме могут употребляться самостоятельно, независимо от других слов, в этом отношении они приближаются к существительным (поэтому мы их называем субстантивными формами). По справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, этот тип числительных выражает «идею числа, осознаваемую как предмет, иначе — опредмеченное число» [65, с. 89].

Образцы склонения субстантивных форм некоторых числительных:

Осн.	<i>иккē</i>	<i>виççē</i>	<i>саккāр</i>
Прит.	<i>иккē-н</i>	<i>виççē-н</i>	<i>саккāр-än</i>
Дат.	<i>иккē-е</i>	<i>виççē-е</i>	<i>саккāр-а</i>
Мест.	<i>иккē-ре</i>	<i>виççē-ре</i>	<i>саккāр-та</i>
Исх.	<i>иккē-рен</i>	<i>виççē-рен</i>	<i>саккāр-тан</i>
Твор.	<i>иккē-не</i>	<i>виççē-не</i>	<i>саккāр-на</i>
Лиш.	<i>иккē-сёр</i>	<i>виççē-сёр</i>	<i>саккāр-сäр</i>
Прич.	<i>иккē-шён</i>	<i>виççē-шён</i>	<i>саккāр-шän</i>

Мы не могли бы говорить о полной падежной парадигме субстантивных числительных, если бы эти формы не употреблялись в речи: *Унän ывälсем виççē* «У него сыновей трое»; *Viççēн* («виççē» паллän) *аялти çур ункине çырса çитереймен* «Нижнее полуокольцо у “тройки” не дописано»; *Ача виççē кайрē ман* «Моему ребёнку уже третий год»; *Viççēре пуху тулать* «В три часа будет собрание»; *Viççēрен нёри те киле таврāнман* «Из трёх ни один не вернулся домой»; *Viççēпех сутрāм* «Продал за три (рубля)»; *Viççēсёр килейместэн* «До трёх (часов) не могу прийти»; *Viççēшён мён кулянмалли пур?* «Зачем горевать из-за “тройки”?».

Естественно, формы притяжательного падежа *иккēн*, *виççēн*, *таваттän*, *пиллëкэн*, *улттän*, отвечающие на вопрос *мённэн?*, следует отличать от категориальных форм образа действия *иккēн* «вдвоём», *виççēн* «втрёём», *таваттän* «вчетвером» и т.д. В категориальных формах образа действия, отвечающих на вопрос *миçен?* «в каком количестве?», налицо значение собираательной множественности (поэтому их раньше относили к разряду собираательных числительных), а в форме притяжательного падежа идея собирательного множества не содержится.

Категория приблилизительного множественного числа

Числительные как единицы части речи, выражающей в современном чувашском языке количественную счётную систему, редко принимают аффикс множественного числа *-сем*. Атрибутивные формы числительных лишены такой возможности, субстантивные же числительные, когда они выступают как опредмеченнное число, проявляют склонность к присоединению аффикса *-сем*. Когда мы говорим *Иккēсем çырса тултарнä* «Понаписал цифры “два”», мы имеем в виду «двойку», осознаваемую как предмет или опредмеченнное число.

В речи носителей чувашского языка формы *пे́рресем*, *виççéсем*, *тäваттäсем* и др. указывают также на приблизительность часового времени. В таком значении выступают числительные от одного до двенадцати, не более: *Пе́рресем тёлнелле кил* «Приходи приблизительно к часу»; *Иккёсем çитнё пулмалла* «Наверное, уже два часа»; *Вунна́семпе пухäнатпär* «Собираемся примерно к десяти часам»; *Viççëсем çитмен пулмала-ха* «Видимо, нет еще трёх часов»; *Вун пे́рсенче çутä сүнтересçé* «Часов в одиннадцать выключают свет».

Аффикс *-сем*, употребляясь с количественными числительными, указывает и на приблизительный возраст людей, такое значение имеют числительные от одного до ста и чуть более, т.е. формальное выражение числительных аффиксом *-сем* зависит от того, сколько лет может прожить человек: *Хваттер хуçi карчäкё Анна Ивановна — утмälсенчен иртнё тулли кёлеткеллë хёрапäm* (Арт.) «Хозяйка квартиры Анна Ивановна — склонная к полноте женщина лет шестидесяти»; *Сулёпе, пирён евёrlех, вätäр пиллëксене çывхарса пырать ёнтë* (В. Игн.) «Возрастом, как и мы, приближается сейчас к тридцати пяти».

По поводу мнения некоторых лингвистов о нелогичности употребления числительных с аффиксом множественности при существительных в форме единственного числа. О. Есперсен пишет: «Я, скорее, назвал бы его примером разумной экономии, поскольку в данном случае всякое выражение множественности у существительного было бы излишним» [76, с. 241]. Казалось бы, нет необходимости в формальном выражении приблизительного возраста людей словосочетанием: числительное + существительное во множественном числе. В таком случае нет и не может быть твёрдого правила. На самом же деле мы можем употреблять аффикс *-сем* и с опредмеченными числительными, и с существительным *çул* «год», следующим за числительным. Ср.: *Парамоныч — аллásенчен иртнё вätам пўллë çын* (Арт.) «Парамоныч — человек среднего роста, лет пятидесяти»; то же предложение без ущерба для содержания можно переделать, включив в его состав слово *çул* «год»: *Парамоныч — аллä* (или *алä*) *çулсенчен иртнё вätам пўллë çын*. Аффикс множественного числа примыкает здесь не к числительному *аллä* «пятьдесят», а употребляется с существительным *çул* в соответствующем падеже.

Аффикс *-сем* с числительными употребляется также тогда, когда есть надобность указывать на приблизительную сумму

денег (*Икѣ пинсем пулмалла ун касса* «В кассе у него (денег) около двух тысяч») или на приблизительную цену товара (*Пиллек пинсем таран тăратă пулмалла вăл (кĕрек)* «Она (шуба) стоит, кажется, около пяти тысяч (рублей)»).

Таким образом, аффикс *-сем* с числительными выражает конкретную или приблизительную идею грамматического множественного числа в том случае, когда числительные выступают в субстантивной форме: *Viççëсемпе анчах вёренет* «Учится только на тройки»; *Пиллексемте вёренме чылай тăрăшималла çав* «Чтобы учиться на пятёрки, надо очень стараться». В таких примерах числительные *иккë* «двойка», *виççë* «тройка», *тăваттă* «четвёрка», *пиллек* «пятёрка» (оценки) выступают на правах счётных существительных (или нумеративов) и поэтому способны принимать аффикс множественного числа *-сем*. В остальных случаях выражается значение приблизительности времени, возраста, суммы денег или цены. Масштабность употребления аффикса *-сем* с числительными именно в значении приблизительности вынуждает нас признать наличие категории числовой приблизительности у субстантивных числительных, иными словами — категории приблизительного множественного числа. При этом субстантивным числительным чувашского языка не свойственна категория единственного числа. В этом случае не поможет и ведение нулевого морфа, ибо числительные сами выражают абстрактное количество — множество, кроме числительного *пĕрре* «один», ведь единица — наименьшее из натуральных чисел.

Категория порядковости

Категория порядковости числительных образуется с помощью аффикса *-мëш*, прибавляемого к субстантивной форме количественных числительных; только числительное *пĕрре* «один» способно принимать аффикс *-мëш* в двух формах — субстантивной и атрибутивной: *пĕрмëш* и *пĕрремëш* «первый» (ср.: *иккëмëш* «второй», *виççëмëш* «третий», *тăваттамëш* «четвёртый», *вуннамëш* «десятый»).

Атрибутивная форма *пĕр* способна принимать аффикс *-мëш* во второй позиции композитных числительных: *вун пĕрмëш* «одиннадцатый», *çëр пĕрмëш* «сто первый» (но *çëр те пĕрремëш* «сто первый», *пин те пĕрремëш* «тысяча первый»).

К числительному *пин* «тысяча» аффикс *-мëш* присоединяется двояко: *пинмëш* и *пин-ё-мëш* «тысячный».

Категориальная форма порядковости числительных выражает не только порядок предметов при счёте или их место в ряду других предметов, но и порядок совершения действия тем или иным лицом: *виççéméši выrán* «третье место»; *виççéméši килтём* «я пришёл в третий раз» или «пришёл третьим».

В отличие от индоевропейских языков, в которых порядковые числительные или считаются особым разрядом числительных, или исключаются из системы числительных и рассматриваются как порядковые либо количественные прилагательные, выражющие признак, считающийся лексическим значением [46, с. 180—184], в чувашском языке категория порядковости числительных выражается не лексически, а грамматически — посредством специального аффикса, прибавляемого к основе числительных. Ср.:

рус.	чув.
<i>один — первый</i>	<i>nērrpe — nērrmēši (nērmēši)</i>
<i>два — второй</i>	<i>ikkē — ikkēmēši</i>
<i>три — третий</i>	<i>viççē — viççéméši</i>

У составных (композитных) числительных аффикс категориальной формы *-mēši* принимается конечным компонентом, все остальные компоненты составных числительных сохраняют исходную форму, *vātāp пиллékмēši* «тридцать пятый», *pin te māxāp çēp sakāp вун саккārmēši* çул «тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год».

Числительные в категориальной форме порядковости имеют атрибутивное и обстоятельственное значения: *ikkēmēši* *класс* «второй класс»; *ikkēmēši* *çitрём* «пришёл вторым», «пришёл второй раз».

Формы порядковости числительных могут употребляться самостоятельно, при этом они могут принимать аффикс выделительности *-ě*, который указывает на выделение предмета из общего ряда: *Урамра viççē ača: nērrmēšě шыв йăтать, ikkēmēšě йыväç шăварать, viççéméšě пăхса тăрать* «На улице трое ребят: первый носит воду, второй поливает дерево, третий стоит и смотрит».

Н.А. Андреев считает, что формы порядковости (по определению автора — порядковые числительные) употреблялись как определения при именах самостоятельно, без последующего имени, но с прибавлением аффикса выделения в форме *-ě*, а впоследствии эти формы перестали различаться [16, с. 115].

По мнению Н.И. Ашмарина, аффикс *-mēši* образован от древней формы порядковых числительных на *-am* (*-em*) прибавлением

аффикса 3 лица (точнее, аффикса выделения. — В.С.) + *-äшё* (*-ёшё*), *-äш* (*-ёш*) [20, с. 181—182].

Отдать предпочтение какому-либо из утверждений затруднительно. Более подробно о происхождении аффикса *-мёш* ~ *-мёшё* писали Т.М. Матвеев [105, с. 12—13] и М.Р. Федотов [176, с. 97—102].

Категория разделительности

Категория разделительности числительных чувашского языка образуется от атрибутивной (краткой) формы количественных числительных путём прибавления аффикса *-шар* (*-шер*): *ишиер* «по два», *вуншар* «по десяти». К числительному *пёр* «один» в большинстве случаев прибавляется аффикс *-ер*: *пёр-ер* «по одному», но иногда употребляется *-шер*: *пёр-шер*; в составных числительных со словом *пёр* + аффикс *-шер*: *вун пёршер* «по одиннадцати», *хёрёх пёршер* «по сорока одному», *çёр пёршер* «по ста одному» и т.д. В разговорной речи можно наблюдать употребление формы разделительности, образованной от субстантивной формы: *ултташар* «по шести», *саккáришар* «по восьми».

В составных числительных, содержащих названия сотен, тысяч и т.д. или называющих их, аффикс *-шар* (*-шер*) прибавляется к названиям единиц: *ишиер çёр* «по двести», *виçшер пин* «по три тысячи», *пилёкишер миллион* «по пять миллионов». Не исключается возможность прибавления его к названиям сотен и тысяч: *ик çёршер*, *виçё пиншер* и т.д.

Категориальная форма разделительности числительных представляет собой грамматическое выражение идеи распределения предметов по однородным группам поровну, разделительная форма числительных употребляется в функции количественного определителя существительного: *пёрер улма* «по одному яблоку», *ишиер тенкё* «по два рубля». Часто вместо выражений *пёрер тенкё*, *пёрер кило*, *пёрер улма*, *пёрер çухрэм* может употребляться разделительная (некатегориальная) форма существительных с аффиксом *-шар* (*-шер*): *тенкёшер* «по рублю», *килошар* «по килограмму», *улмашар* «по яблоку», *çухрэмшар* «по километру».

Помимо значения разбивки предметов по однородным группам, аффикс *-шар* (*-шер*) в числительных (в особенности в формах *вуншар*, *çёршер*, *пиншер*) выражает идею неопределённой множественности: *Пиншер çутана çуталать тён хуламár* «Тысячами огней светится наша столица».

Идею выражения значения множественности мы связываем с тем, что формант *-шар* (*-шер*) этимологически восходит к показателю множественного числа *-лар* (*-лер*) тюркских языков, или, в крайнем случае, в составе чувашского аффикса *-шар* (*-шер*) можно обнаружить два тюркских форманта множественности: *-ши* и *-ар* (*-ер*), что неоднократно подчеркивалось лингвистами [176, с. 120].

Категория образа действия или собирательности?

В грамматиках чувашского языка (шире — тюркских языков) подчёркивается наличие разряда собирательных числительных, выражающих значение коллективной множественности. В чувашском языке к разряду собирательных числительных в большинстве случаев относили формы на *-айн* (*-ён*, *-н*). На наш взгляд, аффикс *-айн* (*-ён*, *-н*) является показателем категориальной формы. Как назвать эту категориальную форму — вопрос остаётся открытым. Было бы проще назвать её категорией собирательности числительных, ибо все формы начиная с двух выражают значение концентрации предметов, чаще всего лиц: *иккён* «вдвоём», *виççён* «втроём», *вуннайн* «вдесятером» и т.д. Однако и от числительного *пёр* образуются формы *пёрён* или *пёрен-пёрен* «по одному», *пёррён-пёррён* [А, Х, с. 235], выражающие идею раздробления целого или (коллективного) множества по единицам: *Ушкайн-ушкайн яш ача çирём икке çитсессён пёррён-пёррён саланать* [А, Х, с. 235]. «Группы молодых парней по достижении двадцати двух лет расходятся по одному». По замечанию Н.И. Ашмарина, числительные в таком случае употребляются для обозначения образа действия [21, I, с. 133, 135]. Действительно, в категориальной форме числительных типа *иккён*, *виççён*, *таваттайн*, *тиллекэн*, *улттайн*, *вуннайн* выражено не только значение собирательной множественности, но и значение образа действия. *Эпир кунта çиччён ёслетпёр* «Мы здесь работаем всемером» [21, I, с. 130]. В предложении *Эпир кунта çиччён* «Нас здесь семеро» идея собирательности превалирует над значением образа действия, ибо действие здесь не выражено.

Часто в число собирательных числительных включают форму *пёчен* (< *пёрре-чен*, предположив соответствие *pp* ~ *чч*) «один, одинокий, единственный». Однако слово *пёчен* не выражает идею собирательности, здесь налицо значение образа единичности, стоящего вне идеи собирательности.

Учитывая эти обстоятельства и по аналогии с прилагательными с аффиксом *-айн* (*-ён*, *-н*), формирующим категорию образа действия, числительные с аффиксом *-айн* (*-ён*, *-н*) можно назвать категориальной формой образа действия числительных.

И.А. Андреев считал аффикс *-айн* (*-ён*, *-н*) не деривационным (наречеобразующим), а словоизменительным и был прав, поскольку этот аффикс присоединяется ко всем числительным, т.е. ему присущ принцип тотальности. К тому же он, считая значение этого аффикса реляционным, выступил против отнесения числительных типа *иккён*, *виçён* к разряду собирательных [10, с. 200].

Категория времени

Категория прошедшего времени числительных образуется при помощи аффикса *-чё* (*-ччё*): *Ачасем вëсен вуннäччё* «Детей у них было десять». Это предложение можно перефразировать: *Вëсен ачасем вуннä пулнä*, где значение прошедшего времени передано формой причастия прошедшего времени *пулнä*. Если мы говорим *Ачасем вëсен вуннä* «У них детей десять», то целое предложение понятийно воспринимаем в настоящем времени. Ещё пример: *Эпё ун чухне вун тäвамтäраччё* (Агак.) «Мне тогда было четырнадцать». Если же мы говорим: *Эпё вун тäвамтäра* «Мне четырнадцать», то время логически воспринимается как настоящее.

По поводу аффикса *-чё* (*-ччё*) Н.И. Ашмарин писал, что это «недостаточный глагол, представляющий остаток от формы прошедшего времени тюркского глагола *i-meq* (быть) — *idi* (он был) и присоединяющийся к глаголам для образования форм преднастоящего, предпрошедшего времени и сослагательного наклонения, а также к другим частям речи для выражения прошедшего состояния: *килетчё*, *килнёччё*, *килсеччё*, *килсёттёмччё*, *килёччё*, *килекенччё*, *килмеллеччё*, *ачаччё*, *лайхчё*, *вуннänччё*, *этччё*, *сукчё*, *марччё*» [А, XV, с. 277]. Н.И. Ашмарин в ряду примеров словоформ прошедшего времени упоминает и числительное *вуннänччё*, выражающее «прошедшее состояние».

Фактически нет таких числительных и форм числительных, которые не употреблялись бы с аффиксом *-чё* (*-ччё*) для выражения «прошедшего состояния», т.е. все категориальные и некатегориальные формы способны принимать аффикс *-чё* (*-ччё*): *вуннämёшчё* «был десятым»; *вуннämёшёнчеччё*, *вуннämёшёсёрччё* и т.д.; *иксёмёрччё*, *иксёрччё*, *иккёшёччё*; *иккёмёшёсемччё*, *иккёреччё* и т.д.

Категория усиления

Категория усиления образуется при помощи аффикса *-ax (-ex)*: *иккё «два» — Иккё иккех «Двойка есть двойка»; иккён «вдвоём» — Иккёнх килтёмэр «Мы пришли только вдвоём»; иккёшех «(оны) только вдвоём», иксёрех «(вы) только вдвоём»; Иккён иккёнх — лашине парсан та, сунине памарымэр «Двое все ж двое: хотя лошадь отдали, сани отстояли».*

Аффикс *-ax (-ex)* может присоединяться ко всем категориальным и некатегориальным формам числительных для выражения усиления высказывания.

Б. Формоизменение числительных

Категория падежа и склонения

После выявления специфических категориальных форм числительных мы должны также выяснить, могут ли они иметь полную падежную парадигму по типам склонения, как существительные. Обратимся сначала к категории порядковости числительных. Числительные в категориальной форме порядковости могут иметь атрибутивное и субстантивное значения. В первом случае, сочетаясь с определяемым существительным, числительное не склоняется, склоняемым является лишь существительное:

Осн.	<i>nе́рремéши вы́ран</i> «первое место»	<i>иккёмéши кил</i> «второй дом»
Прит.	<i>nе́рремéши вы́ранай</i>	<i>иккёмéши килён</i>
Дат.	<i>nе́рремéши вы́рана</i>	<i>иккёмéши киле</i>
Мест.	<i>nе́рремéши вы́ранта</i>	<i>иккёмéши килте</i>
и т.д.		

В тех случаях, когда числительное имеет субстантивное значение и употребляется самостоятельно, такая форма имеет полную падежную парадигму:

Осн.	<i>nе́рремéши(é)</i>	<i>иккёмéши(é)</i>
Приг.	<i>nе́рремéшиén</i>	<i>иккёмéшиén</i>
Дат.	<i>nе́рремéшине</i>	<i>иккёмéшине</i>
Мест.	<i>nе́рремéшиénче</i>	<i>иккёмéшиénче</i>
Исх.	<i>nе́рремéшиénчен</i>	<i>иккёмéшиénчен</i>
Твор.	<i>nе́рремéшипе</i>	<i>иккёмéшипе</i>
Лиш.	<i>nе́рремéшиср</i>	<i>иккёмéшиср</i>
Прич.	<i>nе́рремéшишён</i>	<i>иккёмéшишён</i>

Данный тип склонения можно назвать смешанным. Эти формы числительных с субстантивным значением могут указать как на человека, так и на предмет. В тех случаях, когда они указывают на человека (на группу людей), то склоняются по притяжательному типу:

	ед. ч.	мн. ч.
Осн.	<i>виççéméшé</i>	<i>виççéméшиsem</i>
Прит.	<i>виççéméшén</i>	<i>виççéméшиsen</i>
Дат.	<i>виççéméшиne</i>	<i>виççéméшиsenе</i>
Мест.	<i>виççéméшиéñche</i>	<i>виççéméшиsenche</i>
Исх.	<i>виççéméшиéñchen</i>	<i>виççéméшиsenchen</i>
Твор.	<i>виççéméшиéñte</i>	<i>виççéméшиsenñe</i>
Лиш.	<i>виççéméшиéñsér</i>	<i>виççéméшиsençér</i>
Прич.	<i>виççéméшиéñshén</i>	<i>виççéméшиseníshén</i>

Такой тип склонения малоупотребителен, но теоретически и практически возможен. Примеры: *Viççéméшиsem паян эккурсие кайрэç* «Третьяклассники (третьякурсники) сегодня отправились на экскурсию»; *Viççéméшиsen паян тáватá урок* «У третьеклассников сегодня четыре урока»; *Viççéméшиsenе хут пухма яна* «Третьяклассников отправили на сбор макулатуры»; *Вáл киле viççéméшиsenche таvránatý тулас* «Видимо, он домой вернется в третьих числах»; *Viççémésh(é)senchen иртse кайрámär* «Мы обошли третьеклассников»; *Viççémésh(é)senñe тáватtámésh(é)sen участокésem юнашарах* «Участки у третьеклассников и четвероклассников рядом»; *Viççéméshesencér пуçne нихáш класс та таса марччé* «Ни один класс не был чистым, как у третьеклассников»; *Пérrreméshite иккéméшиsen йéрке çirépçé, viççémésh(é)seníshén чылай тáрашма лекré* «У первоклассников и второклассников была строгая дисциплина, с третьеклассниками пришлось изрядно потрудиться».

Слова *пérrreméshéñchen* «во-первых», *иккéméshéñchen* «во-вторых», *viççéméshéñchen* «в-третьих» в форме исходного падежа иногда выступают в качестве вводных, но от этого не перестают быть числительными.

Категориальная форма разделительности на *-шар* (*-шер*) не имеет полной падежной парадигмы: форма местного падежа *икшерте* в литературном языке вовсе не употребительна.

Категориальная форма образа действия (или собирательности) способна принимать аффиксы лишь дательного и исходного падежей: *Viççéne çitrémér* «Нас стало трое»; *иккéñten пéri* «один из нас двоих»; *çиччéñten тахáshé* «кто-то из нас семе-

рых». В таких случаях речь может идти не о категории падежа или категории склонения, а только о некатегориальных формах падежей, т.е. формообразовании.

Категория числа

Числительные в субстантивном значении в форме категории порядковости принимают аффикс множественного числа *-сем* и склоняются так же, как и существительные: *пилләкмәшесем, улттамайшесен, вуннамайшесене*.

В зависимости от контекста такие формы могут иметь разное значение: *вуннамайшесем тәлнелле кил* «приходи к десятым числам»; *вуннамайшесем* «десятиклассники»; *виççемайшесем* «третьекурсники»; *Вёсем ял хёрринчен вуннамайшесем* «Их дом десятый с окраины деревни».

В. Формообразование числительных Личные формы

Личные формы числительных нельзя считать категориальными формами по двум причинам: во-первых, при образовании таких форм употребительны лишь аффиксы 1 и 2 лица множественного числа *-(c)ам-är, -(c)ём-ёр и -(c)är, -(c)ёр* и 3 лица *-(u)ё*; во-вторых, слова, означающие числа начиная с восьми, в форме 1 и 2 лица используются редко, т.е. налицо принцип избирательного употребления личных форм. В силу этого нельзя согласиться с мнением, что «личные формы числительных образуют категорию лица» [119, с. 13]. Форма 3 лица (вернее, форма выделительности) отличается тотальностью употребления и вполне может быть названа субкатегориальной или квакатериальной формой.

Личные формы числительных выражают совокупность лиц в известном количестве:

1 л. мн. ч. <i>нёрсемёр</i> «мы одни»	<i>иксемёр</i> «мы вдвоём»
2 л. мн. ч. <i>нёрсёр</i> «вы одни»	<i>иксёр</i> «вы вдвоём»
3 л. <i>нёри</i> или <i>нёре, нёреши</i> «один из них»	<i>иккёшё</i> «они вдвоём»

В словаре Н.И. Ашмарина словоформа *нёрсёр* дана в значении «без единого» [А, Х, с. 225]; М.Р. Федотов приводит следующий пример: *Пёрсёр кайна пытэр* «Пусть придёт лишь один из вас» [176, с. 104].

Аффикс личных форм 3 лица (или выделительности) числительных -(u)ě по структуре и семантике аналогичен общеюрскому -ce (-ci): *иккéшë* ~ *икиси*, но личных форм 1 и 2 лица множественного числа в тюркских языках нет, поэтому при рассмотрении происхождения этих аффиксов языковеды по-разному определяют их морфемную членность. Ср.: у И.П. Павлова: *ик-с-ём-ëр*, *ик-с-ëр*; *виç-с-ём-ëр*, *виç-с-ëр*; *тäвам-с-äm-äр*, *тäвам-с-ä-р* [119, с. 12]; у М.Р. Федотова: *ик-сё-мëр*, *ик-сё-р* [176, с. 104].

Аффиксы лица в таких случаях некоторыми принимаются за аффиксы категории принадлежности. В силу того, что эти формы не выражают значения принадлежности, считать их таковыми нельзя. Что касается аффикса 3 лица -ë в слове *нёрë*, он в современном чувашском языке неупотребителен, вместо него во всех случаях выступает алломорф -i (*нёр-i*), у которого на первый план выступает значение выделительности. Н.И. Ашмариной зафиксирована также форма *нёрëш*: *çëр нёрëшне* [A, X, с. 219].

Если личные формы 1 и 2 лица множественного числа обозначают известную группу только лиц, указывая и на лицо самого говорящего (*иксёмëр*, *виçсёмëр*) и на лицо, к которому обращена речь (*иксёр*, *виçсёр*), то форма 3 лица может указывать и на лицо, и на определенный предмет: *Viççëшë килчëс* «Тroe их них вернулись»; *Кäранташем виççëшë çухална* «Три карандаша потерялись».

Сейчас эти формы употребительны только со словами, означающими числа от 1 до 7, хотя в словаре Н.И. Ашмарина зафиксированы и следующие малоупотребительные формы:

вätärcäмäр «тридцать из нас: мы, тридцать (человек)»; *Bäтärcäмäр та чäваши* «Мы, все тридцать (человек), чуваши»; *вätärcäр*, *вätäрäр* «вы, тридцать (человек); тридцать из вас»; *Bäтärcäр та нёр пýртрех выртса пурänäр* «Вы, все тридцать, живите в одной избе»; *вätäräш*, *вätäräшë* «тридцать из них»; *Bäтäräш те юман* «Все тридцать (деревьев) — дубы» [A, V, с. 336];

çирёмсёмëр «мы, двадцать (человек)»; *Эпир çирёмсёмëр те кунта* «Мы, все двадцать (человек), здесь» [A, XII, с. 171];

вунсäмäр, *вонсäмäр* «мы, десятеро»; *Вунсäмäр унта кайäпäр* «Мы, десятеро, пойдём туда»; *вунсäр*, *вонсäр* «вы, десятеро; десять (человек)». *Вунсäр кунта кётсе ларäр* «Вы, десять (человек), ждите здесь» [A, V, с. 265];

вун пे́рёмёр (у Н.И. Ашмарина — слитно), *вун пे́рсёмёр* «мы, одиннадцать (человек); одиннадцать из нас», *вун пे́рёр*, *вун пе́рсёр* «вы, одиннадцать (человек)» [А, V, с. 268].

Форма 3 лица проявляет весьма широкую активность, образуется почти от всех числительных: *пे́рёш* «первый» [А, X, с. 219]; *иккёш* «двою их них», «оны двое», «вдвоём»; *саккáрдайш* «восьмеро из них», «оны, восьмеро», «ввосьмером»; *вуннáш* «десятеро из них», «оны вдесятером»; *çирёмейш* «двадцать из них»; *çирём тáххáрдайш* «из них двадцать девять»; *вáтáрдайш* «тридцать из них»; *вáтáр улттáш* «тридцать шесть из них»; *çéрёш* «сто из них», но *çéр вуннáш* «сто десять из них»; *пинёш* «тысяча из них», при этом не говорят *миллионáш*, *миллиардайш* и т.д.

Отличительной особенностью личных форм числительных является наличие полной падежной парадигмы, образующей как бы формообразовательное формоизменение:

Осн.	<i>иксёмёр</i>	<i>иксёр</i>	<i>иккёш(ě)</i>
Прит.	<i>иксёмёрен</i>	<i>иксёрен</i>	<i>иккёшён</i>
Дат.	<i>иксёмёре</i>	<i>иксёре</i>	<i>иккёшне</i>
Мест.	<i>иксёмёрте</i>	<i>иксёрте</i>	<i>иккёшёнче</i>
Исх.	<i>иксёмёртен</i>	<i>иксёртен</i>	<i>иккёшёнчен</i>
Твор.	<i>иксёмёрпе</i>	<i>иксёрпе</i>	<i>иккёшёне</i>
Лиш.	<i>иксёмёрсёр</i>	<i>иксёрсёр</i>	<i>иккёшёср</i>
Прич.	<i>иксёмёришён</i>	<i>иксёришён</i>	<i>иккёшёшён</i>

Личные формы числительных могут изменяться по всем типам склонения как имена с аффиксами принадлежности.

Осн.	<i>иккёш(ě)</i>	<i>виççёш(ě)</i>	<i>тáваттáш(ě)</i>
Прит.	<i>иккёшён</i>	<i>виççёшён</i>	<i>тáваттáшён</i>
Дат.	<i>иккёшне</i>	<i>виççёшне</i>	<i>тáваттáшне</i>
Мест.	<i>иккёшёнче</i>	<i>виççёшёнче</i>	<i>тáваттáшёнче</i>
Исх.	<i>иккёшёнчен</i>	<i>виççёшёнчен</i>	<i>тáваттáшёнчен</i>
Твор.	<i>иккёш(н)пе</i>	<i>виççёш(н)пе</i>	<i>тáваттáш(н)пе</i>
Лиш.	<i>иккёш(н)сёр</i>	<i>виççёш(н)сёр</i>	<i>тáваттáш(н)сёр</i>
Прич.	<i>иккёш(н)шён</i>	<i>виççёш(н)шён</i>	<i>тáваттáш(н)шён</i>

Примеры: *Вéсем виççёш юнашар* «Они втроём рядом»; *Виççёшён кéнекисем çук* «У троих нет книг»; *Виççёшне урама чéн* «Троих вызови на улицу»; *Виççёшёнче виçшер тенкé* «У троих по три рубля»; *Виççёшёнчен ыйттáмár* «У троих спросили»; *Пиллéкёшён япалисене парса ятамár*, *ыйти виççёшэнпе мéн тумалла*

«У пятерых вещи передали, но что делать с вещами других троих»; *Виççëshënsëp puçne uräx ène tawrašë çukçë yïra...* «Кроме как у троих, в поле больше не было коров»; *Xamär vumta epir iрtnë эрнерех турттарса килтёмэр, вëсен виççëshëniшëн паян каллех вäрмана каймалла* «Свои дрова мы привезли уже на прошлой неделе, но ради дров (остальных) трёх (человек) нужно ехать в лес сегодня». Эти формы употребляются в основном в разговорной речи.

Форма собирательности на -ев

Эта форма сохранилась только в детском фольклоре и не характерна для современного чувашского языка: *Пëрре — пёрев, иккë — икев, виççë — виçев, тäваттä — тäваткал, пиллëк — пилеш, улттä — улма, çиччë — çилме, саккар — салма* и т.д. *Пёрев, икев, виçев* квалифицируются как архаические формы; ср. тат.: *бирев, икев, учев*. М.Р. Федотов указывает, что *пёрев*, образованное от *пёр* «один», *тепёрев* — от *тепёр*, могут употребляться как субстантированные числительные со значением «кто-то, некий, некто, иной, какой-то один человек»: *Пёрев пурне тे çиме юрать тесе шанать; тепёрев пахча çимëçë çиет* «Иной верит, что можно есть все, кто-то ест овощи» [176, с. 103]. На самом деле здесь *тепёр* и *тепёрев* не числительные, а местоимения. Пример взят М.Р. Федотовым из словаря Н.И. Ашмарина [А, X, с. 229]. Н.И. Ашмарин приводит также форму *пёрел* с пометкой «сл. неизв. значения», указав, что это слово встречается в детской считалке, основанной на аллитерации: *Пёр пёрел, ик икел, виç виçел, тäват тäван, пиллëк пилеш, ултä улма, çиччë çилме, саккар салма, тäхäр тäлма, вун тäваçми* [А, X, с. 229]. Таким образом, архаической формой числительных являются не только *пёрев, икев, виçев*, но и *пёрел, икел, виçел*, образованные посредством аффикса *-ел* (ср. алт.: *икile* «вдвоём»).

Форма порядковости на -äm (-ëм)

Аффикс этой древней формы сохранился в современном языке в словах *виçëм, тäватäm, пилëкëм*: *виçëм кун* «третьего дня», *тäватäm çул* «в четвертом году». Этот же аффикс встречается в следующих формах числительных: *виçмине* «послезавтра», т.е. «на третий день», *тäватмине* «на четвёртый день», *пилëкмине, ултмине, çичмине*, которые необоснованно относят к наречиям [118, с. 304; 154, с. 253].

Нетрудно заметить, что выражения *виçём кун*, *виçём çул*, *тäватäm кун*, *тäватäm çул* означают счёт дней и лет в прошлом, а формы *виçмине*, *тäватмине* — счёт будущих дней. На наш взгляд, нет оснований видеть в формах *виçём* и *виçмине* наречные образования. Мы имеем дело с некатегориальными формами порядковости числительных, они прежде всего означают счёт и порядок дней и лет в прошлом и будущем.

Форма направительности на -алл (-елл) + аффикс дательного падежа

Как и у существительных, у числительных это некатегориальная форма образуется посредством аффикса *-алл* (*-елл*) и аффикса дательного падежа, а не с помощью форманта *-алла* (*-елле*), как полагают некоторые авторы [118, с. 125—126; 154, с. 304]. Ср.: *Хёрхэлле* (*хёрхэсенелле*) *çитнë* *сын* «человек лет сорока». *Çитмёллеле* (*çитмёлсенелле*) *çывхарать* «приближается к годам семидесяти»;

Улт уйäхран эп ураланнä tem.

Тäххäралла — *чёлхе кälарнä tem* (П. Хузангай)

«Ходить я начал шестимесячным.

Язык обрёл я с девяти».

А предложение *Вёсене хирëç утмäл çулалла çитнë карчäк тухрë* (Садай) «Навстречу им вышла старушка лет шестидесяти» можно переоформить, исключив направительную форму существительного *çулалла* и прибавив *-алл-а* к числительному: *утмäл-алл-а*: *Вёсене хирëç утмäлала* (*утмäлсенелле*) *çитнë карчäк тухрë*. При этом значение предложения не изменяется.

Формы предельности на -чен (-ччен) и выделения на -и

Некатегориальная форма предельности на *-чен* (*-ччен*) употребляется при указании предела времени от одного до двенадцати (часов): *пёrrаччен* «до часу», *иккёччен* «до двух (часов)», *вуннäччен* «до десяти (часов)», *вун пёrrиччен* «до одиннадцати (часов)»; *вун иккёччен* «до двенадцати (часов)»; то же самое после аффикса порядковости *-мëши*: *пёrrемёшчен* «до первого (числа месяца)», *вäтäрмёшчен* «до тридцатого (числа)»; при определении предела возраста людей: *çитмёлччен* *пурэннä* «жил до семидесяти (лет)».

Форма выделения на *-и* образуется от слова *пёр* (*пёrr-и* «один из них»), а также по формулам: числительное от одного до ста +

алломорф аффикса местного падежа *-т*, *-р*, *-ч-* (*çитмёлти ватă* «старец семидесяти лет», *хĕрĕхи яш çын* «сорокалетний молодой человек»), числительное + аффикс множественного числа + аффикс местного падежа + аффикс выделения (*çитмёлсенчи ватă* «старик (или старуха) лет семидесяти»).

О нумеративах, или именах счёта (счётных именах)

Единицы счётной системы — это числа, которые выражаются счётными словами — числительными. Но не все слова, имеющие числовую семантику, могут быть рассмотрены как числительные. Школьные грамматики (и не только) к числительным относят слова *сурă* «половина», *чĕрĕк* «четверть», *теçеткë* «десяток», *мăшăр* «пара» и т.д. Эти так называемые слова-нумеративы не представляют собой последовательной счётной системы, т.е. они не включаются в десятичную нумерацию, наряду с числовым значением имеют значение предметности, поэтому к числительным не относятся [102, с. 44].

Однозначного определения термина «нумератив» в языкоznании нет. Ср.: «Нумеративы — счётные и количественные слова и словосочетания (числительные, счётные существительные, количественно-именные словосочетания)» [165, с. 357]; «Нумеративы — слова, сопровождающие количественные и реже другие числительные при конкретном счёте. Морфологически они не связаны с числительными как особым подразделом имён и призывают к существительным» [190, с. 158]; «Нумеративами называются слова, поясняющие существительные при конкретном счёте... Формула функционирования нумеративов такова: количественное числительное — нумератив — существительное» [164, с. 200]. Но эта формула не уникальна, хотя Н.З. Гаджиева и Б.А. Серебренников считают: «Как ни многообразно лексическое наполнение формулы “числительное + нумеративное слово + существительное”, модель её образования едина во всех тюркских языках... Что касается конкретных нумеративов, то в современных тюркских языках они отличаются довольно большим разнообразием» [49, с. 32—33].

Нумеративы как отдельная группа в чувашском языке до сих пор не исследованы (мы остановились на нескольких моментах, назвав их *сум ячёсем* «счётные имена» [152, с. 58]), хотя мысль о нумеративах витает в умах исследователей давно. Н.И. Ашмарин о счётных словах упоминает вскользь: «суще-

ствительные *тавлák* “сутки” и *эрне* “неделя” употреблены в смысле счётных слов, т.е. по значению они приближаются к числительным» [25, с. 16]. Не используя термина «счётное слово», он описывает слово *сум (сом)* «ассигнационный рубль» [20, с. 187], *сум* «рубль ассигнациями» [А, XI, с. 181]. При Н.И. Ашмарине не было термина «нумератив». Нет его и в трудах Н.К. Дмитриева, который критикует школьные грамматики, относящие слова типа *күп* «много», *аӡ* «мало» к числительным; это, по его мнению, «явное недоразумение. Такие слова сближаются с числительными только по признаку семантики; в прочих же отношениях они явно тяготеют к иным частям речи... Так, слова *күп* “много” и *аӡ* “мало” относятся к прилагательным...» [65, с. 88].

Итак, нумеративы — это счётные слова или количественные имена, обозначающие:

а) меру веса: *пәт* «пуд», *кило* «килограмм», *чәптәм* «щепотка», *грамм*; *кәренкке* (*кәрепенкке*) «фунт»;

б) меру длины, расстояния: *аршан* «аршин», *хур* «локоть» (равняется примерно 0,5 м); *чикәм* «охват»; *чике* «локоть» (*чике старик* «старичок с локоток»; *чике сухал* «борода до пояса»), *хାଳାଁ* «маховая сажень» (расстояние между концами средних пальцев раскинутых рук), «сажень» (равняется 2 м 13 см);

в) меру объёма: *ывәଁ* «горсть», *михә* «мешок», *чәлә* «ломоть (хлеба)»; *випре* «ведро», *катка* «кадка»;

г) неопределённое количество живых существ: *кәтүү* «стадо», *ушкай* «группа»;

д) темпоративы, т.е. меру времени: *күн* «день», *талák* «сутки», *кас* «вечер», *ёмәр* «век», *кас* «ночь»; *сүлтала́к* «год», *ир* «утро».

В число счётных (количественных) существительных мы могли бы включить термины времени с потенциальным значением количества (темперальности): *күн* «день», *չәр* «ночь», *талák* «сутки» (24 часа); *сехем* «час» (60 минут); *эрне* «неделя» (семь дней); *уйăх* «месяц» (28, 29, 30, 31 день); *сүлтала́к* «год (365 дней)»; *ёмәр* «век» (100 лет), *секкунт* «секунда», *минут* «минута» (60 секунд) и др. Но темпоративы иногда отличаются от нумеративов: если считать последние именами счёта (счётными именами), то темпоративами могут быть и наречия времени типа *халә* (*халь*) «сейчас», *ёнер* «вчера», *виçмине* «послезавтра». А если смотреть на этот вопрос шире, то в число нумеративов можно включить и прилагательные (*нумай* «много», *саҳал* «мало»).

А.И. Смирницкий указывает, что слова *десяток*, *пяток*, *сотня* и т.п. ничем не отличаются от любого другого существительного. Слово *десяток* имеет категорию числа (*десяток — десятки*), категорию падежа (*десяток — десятку — десятка* и т.д.), может сочетаться с прилагательными (*многие десятки*), употребляться с предлогами (*с десятком, о десятке, к десятку*), сочетаться с существительными без предлога (*десяток яблок*) и при этом ведет себя несомненно как существительное... Всё это, на его взгляд, свидетельствует о субстантивном характере слова *десяток*, т.е. значение числа в нём определяется: *десяток* обозначает «не простое число, а определённый предмет, выступающий в качестве своего рода меры» и является существительным [159, с. 161—162].

В чувашском языке нумеративы можно считать существительными, но существительными «ущербными», недостаточными, с морфологической точки зрения они не соответствуют всем параметрам субстантивов, обозначающих предмет и выражающих это значение в категориях числа, падежа и лица (принадлежности).

Не все нумеративы чувашского языка принимают словоизменительные аффиксы имён существительных. Например, некоторые из слов *теçетке* «десяток», *çурă* «половина», *чёрёк* «четверть», *үçмухха* «восьмушка», *хáрах* «один из пары» принимают аффикс множественного числа *-сем*: *теçеткесем* «десятки», *иккë çурасем* «примерно два с половиной (часа)», *вëренү* *çулён чёрёкесем* «четверти учебного года», но нет словоформы *үçмуххасем*. Перечисленные счётные слова имеют неполную paradigmу склонения, редко принимают аффиксы принадлежности (кроме аффикса 3 лица): нет в языке форм *теçеткем*, *теçеткү*, *теçетки*, *теçеткемэр*, *теçеткёр*, хотя искусственно создавать эти формы можно.

Нумеративы по отдельности или в композитных образованиях могут быть в форме образа действия: *кёrepенккен* (*кёrepенккен-кёrepенккенён*) «фунтами», *пáтан* (*пáтан-пáтан*) «пудами»; примеры Н.И. Ашмарина: Улмана *пáтан та суtaççé*, *кёrepенккенён te суtaççé* «Яблоки продают и пудами, и фунтами»; *Пурçана маскалан турттараççé* «Шёлк взвешивают золотниками» [21, I, с. 139—140]. Эти формы и формы типа *курканан* «ковшами», *кёлтенён* «спонами», *витренён* «вёдрами» и др. Н.И. Ашмарин назвал «наречными выражениями, обраzuемыми родительным падежом».

Далее возьмём для примера нумеративы — определённые числительные (обозначения школьных оценок): *пĕрре* «единица»; *иккĕ* «двойка»; *виççे* «тройка»; *тăваттăй* «четвёрка»; *пиллĕк* «пятёрка». Эти числительные склоняются, также склоняются их формы с аффиксом множественного числа *-сем*. Но они не принимают аффиксов принадлежности: не имеют форм 1 лица: *пĕррем*, *иккĕм*, *виççëм*, *тăваттăм*, *пиллĕкĕм* «моя единица, двойка, тройка, четвёрка, пятёрка»; *пĕрремĕр*, *иккĕмĕр*, *виççëмĕр*, *тăваттăмĕр*, *пиллĕкĕмĕр* «наша единица, двойка, тройка, четвёрка, пятёрка».

«Ущербность» проявляется и у слова *йĕкĕр* (от числительного *ик* «два») «двойной, парный», «близнец», которое не соответствует морфологическим параметрам ни имени существительного (нет форм множественного числа, падежей, принадлежности), ни прилагательного (нет форм категории сравнения), ни числительного (нет форм порядковости, разделительности), но может выступать как нумеративное определение: *йĕкĕр сасă* «парный звук», *йĕкĕр сăмах* «парное слово», *йĕкĕр ывăç* «пригоршня».

Слово *мăшăр* «пара» в чувашском языке выступает как нумеративное определение неодушевлённых существительных (*мăшăр* е *пĕр мăшăр çämät* (*пушмак, атă*) «пара валенок (ботинок, сапог)», одушевлённых предметов в значении «пара, чета (супружеская), супруги», «парнёр». Во втором значении морфологически более субстантивно: может быть во множественном числе — *мăшăрсем* «супруги», имеет полную парадигму склонения, но не имеет полной парадигмы категории принадлежности — не может быть формы *мăшăрмăр* «наша супруга» или «наш муж», «наша жена». *Мăшăр* в значении «пара» имеет формы образа действия, как существительные и числительные: *мăшăррăн* «попарно, парами», «по два, по двое», в композитных образованиях: *мăшăррăн-мăшăрăн*, *мăшăррăн-мăшăррăн* «попарно»:ср.: *мăшăр-шар-ăн* «попарно».

Некоторым нумеративам, как и числительным, присущ показатель разделительности *-шар* (-шер): *теçеткешер* «по десятку», *çуршар* «по половине», *чёрёкшер* «по четвертинке», *үçмух-хашар* «по восьмушке», *килошар*, *тоннăшар*, *пăтишар* «по пуду», *ывăçшар* «по горсточке», *чёптёмшер* «по щепотке». Как и числительные с аффиксом *-шар* (-шер), формы нумеративов с этим аффиксом могут принимать формант *-ăн* (-ĕн): *теçеткешерĕн*, *çуршарăн*, *чёрёкишерĕн*, *килошарăн*, *тоннăшарăн*, *пăтишарăн*, *пăтавк-*

кашаран «по пудовке» (уст. мера в один пуд), *чёптёмишерэн* «по щепотке», *михёшерэн* «по мешку», *хा�рахшаран* «поодиночке».

Остановимся подробнее на одном из счётных слов — *çур(ы)* «половина», «полтора». По Н.И. Ашмарину, «существительное *çурд* “половина” обыкновенно предшествует определяемому им имени, но иногда может ставиться и после него, в виде приложения, причем принимает суффикс 3 лица... *Вëсем сëрен-те пухнä çамартисене çуррине хайсем иккёшех çисе ярассё* Половину яиц, собранных во время обряда *сëрен*, они съедают вдвоём» [21, I, с. 17—18]. Слово *çурд* может занимать две разные позиции: до определяемого имени (...*çур патшалыхне тэ ана пачё тем* «...и отдал ему половину своего царства») и после определяемого имени, но уже с другим значением: *Пäт çурд пыл күтёмэр* «Привезли полтора пуда мёда».

Обратим внимание на словоформу *çуррине* (*Çамартисене çуррине хайсем иккёшех çисе ярассё*), здесь роль аффикса *-и* (*çурри*) очерчена нечётко, его можно принять и за аффикс 3 лица, и за показатель выделительности. Но, как бы то ни было, эта форма склоняется.

Осн.	<i>çурри:</i> <i>Çурри тулä, çурри сёлë</i> «Наполовину пшеница, наполовину овёс»
Прит.	<i>çуррин</i> <i>çуррине</i> «четверть; половинку половины»
Дат.	<i>çуррине</i> <i>пачё</i> «отдал половину»
Мест.	<i>март</i> <i>çурригиче</i> «в середине марта»
Исх.	<i>çурринчен</i> <i>пайларё</i> «разделил пополам»
Твор.	<i>çуррипе:</i> <i>Ку çуррипе мён тумалла?</i> «Что делать с этой половинкой?»
Лиш.	<i>çуррисёр:</i> <i>Тенёр çуррисёр ку мёнле япала тулнине пёлеймён</i> «Без другой половины определить трудно, что это за предмет»
Прич.	<i>çурришён:</i> <i>Çурришён уксан илмерё</i> «За половину деньгами не взял»

То же можно сказать о словоформе *хáраххи* «один из пары»: *Күç хáраххи курмасть* «Один глаз не видит», ср.: *йёкёреш хáраххине* «одному из близнецов». Интересно отметить, что слово *хáрах* может принимать аффиксы принадлежности: *ман хáраххам* «подобно мне», «наподобие меня», «мой супруг, моя супруга»; *сан хáрахху* «наподобие тебя», «твой супруг, твоя супруга»; *ун хáраххи* «наподобие его (её)», «его супруга, её супруг».

В целом же предварительно можно выделить:

- 1) нумеративы — опредмеченные числительные (т.е. субстантивы), сюда относятся числительные, обозначающие школьные оценки (*пёрре* «единица», *иккё* «двойка», *тиллек* «пятёрка»);
- 2) нумеративы — количественные «ущербные» существительные (*нăт* «пуд») и нумеративы со значением неопределённого количества живых существ (*кётү* «стадо», *ушкай* «группа, стая»);
- 3) нумеративы со значением меры (*аршайн* «аршин»);
- 4) нумеративы, равные по значению субстантивам, с семантикой меры объёма (*витре* «ведро», *пёр витре сырла* «одно ведро ягод»; *михё* «мешок», *пёр михё ёр улми* «один мешок картошки»);
- 5) нумеративы — «ущербные» существительные, обозначающие меры времени (*таляк* «сутки»);
- 6) нумеративы — прилагательные (*нумай* «много», *сахал* «мало»);
- 7) нумеративы — наречия (*ёнер* «вчера»).

Этим перечнем не исчерпывается список нумеративов в чувашском языке, состав их чрезвычайно разнообразен.

МЕСТОИМЕНИЕ

Общие замечания

Однозначного определения термина «местоимение» нет. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дано такое: «Местоимение — лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесённости слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус)». Далее С.А. Крылов и Е.В. Падучева делают акцент на следующем: «...к местоимениям принято относить только *имена* — существительные, прилагательные, числительные. Местоимения входят в более широкий лексико-семантический класс *местоименных слов*, которые иногда в расширительном смысле все называются *местоимениями*». Логико-семантические разряды местоимений авторами объединяются в три крупные группировки: дейктические, анафорические и кванторные [100, с. 294].

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с местоимениями, является правомерность выделения их в отдельную часть речи [50, с. 150; 108, с. 42, 131]. По мнению В.И. Рассадина,

«местоимения (термин условен) представляют собой группу особых заместительных слов с дейктической функцией... В тофаларском языке местоимения замещают все основные части речи: существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол» [136, с. 254]. В чувашском языкоznании в одно время указывали на то, что местоимения замещают именные части речи (существительные, прилагательные, числительные), и на этой основе появился термин *ят ылмашё* (букв.: замещающий имена). В английском языке pronoun понимается в его буквальном смысле, в этимологическом значении — «то, что стоит вместо существительного», в русском «местоимение» — «вместо имени».

Вопрос, поднятый А.И. Смирницким [159, с. 176], а затем В.Г. Гаком [50, с. 150], И.Г. Милославским [108, с. 42] и другими языковедами, в том, следует ли выделять местоимения в качестве особой части речи или распределять их по тем частям речи, с которыми они имеют общие черты. В таком случае, может, порядковые числительные (*пĕрремеш* «первый», *иккемеш* «второй» и т.д.) и формы уподобления местоимений на *-шкал* (-шкел) (*мана-шкал* «подобно мне», *пире-шкел* «подобно нам») в чувашском языке считать прилагательными, как это предлагаёт М.Р. Федотов [177, с. 25]. Стоит ли обосновывать нелогичность такого понимания местоимений? Местоимения выделяются на фоне других частей речи именно специфическим характером своего значения: с их помощью ничто не называется, а лишь указывается на тот или иной предмет, лицо или признак, определяемые ситуацией. Самостоятельный словарный характер местоимений налицо и представляется несомненным.

Местоимения в чувашском языке отличаются от других частей речи и по ряду формальных грамматических признаков; например, могут быть в форме уподобления на *-шкал* (-шкел): *манашкал*, *санашкал*, *унашкал*, *мĕнешкел*, *кунашкал*, *лешинешкел*; у существительных зафиксирована лишь одна словарная форма уподобления: *амайшнешкел* (А, I, с. 202) «подобно матери», хотя с логической точки зрения возможны *аишёнешкел*, *пиччёнешкел*, *аптайшнешкел*, а также *этемешкел* (*упăте*) «подобный человеку, т.е. человекообразный (об обезьяне)» (пример Н.А. Андреева [15, с. 92]).

Итак, выделение местоимений в особую часть речи основано на их конкретных грамматических особенностях: склонении личных и указательных местоимений, образовании формы множественного числа личных и лично-возвратных местоимений

и т.д. Но при этом специфические особенности местоимений несистематичны и нерегулярны.

Не ставим целью рассматривать местоимения как логико-семантические разряды: дейктические, анафорические и кванторные. Нас интересуют прежде всего вопросы словоизменения, формоизменения и формообразования слов данной части речи.

Можно рассматривать местоимения, с одной стороны, как субстантивные, адъективные, количественные разряды, а с другой стороны, можно говорить о местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных, местоимениях-числительных. Однако мы не намерены делать упор на это, к тому же не будем говорить о местоимениях-наречиях, ибо последние не относятся к именным частям речи.

Местоимения будут рассмотрены нами как особые группы слов (т.е. как часть речи) с уникально-специфическими лексико-семантическими и грамматическими (морфологическими) признаками. Местоимение как часть речи нами понимается более широко, чем имена существительные, прилагательные, числительные как части речи. Называя местоимения в чувашском языке частью речи, мы учитываем, что выделение местоимений в морфологическом плане происходит в иной плоскости, чем выделение существительных, прилагательных и числительных. При рассмотрении склонения личных местоимений *эн(ĕ)* «я», *эс(ĕ)* «ты», *вăл(ă)* «он» мы отмечаем наличие особых склоняемых основ: *ман*, *сан*, *ун(ăн)*, чего не наблюдаем у других именных частей речи. Личные местоимения 1 и 2 лица во множественном числе *энтир* «мы», *эсир* «вы» при склонении теряют анлаутный э в косвенных падежах, у других именных частей речи такое явление не наблюдается.

Семантические особенности отдельных разрядов местоимений связаны с грамматическими особенностями, и наоборот. Например, личные, вопросительные, указательные, квалифицировавшиеся до сих пор как отрицательные (*никам*, *нимён*) и неопределённые (*такам*, *темён*, *тахăши*) местоимения, принимая аффикс *-шкал* (-*шкел*), образуют форму уподобления, а другие разряды местоимений лишены этой формы.

Таким образом, выделение местоимений в отдельную часть речи в семантическом плане материализуется в их конкретных грамматических особенностях, указывающих на их особое место в языке. Несистематичность и менее строгая, чем у других именных частей речи, регулярность грамматических особенностей раз-

личных разрядов местоимений тоже является отличительной чертой этой части речи. Например, определённые местоимения *пур* «весь, всё, всякий» и *пурте* «все» имеют личные формы: *пурсамар* «все мы», *пурсар* «все вы», *пурё* «все вместе», *пурёш(ё)* «все»; *пурсамар та* «все мы», *пурсар та* «все вы», *пурёш(ё) те* «все они», в которых частица *те* отделяется; но местоимение того же разряда *кашни* «каждый» лишено возможности принимать аффиксы личных форм.

Мы согласны с языковедами, считающими местоимение особой частью речи, и возражаем тем, кто полагает, что местоимения не составляют единой части речи и распределяются по тем частям речи, функции которых выполняют.

Поскольку местоимение — слово, указывающее на лицо, предмет, признак или число, не называя их, то как словесный знак, оно не имеет предметно-логического содержания. Этим оно противопоставляется всем лексически полнозначным словам языка.

Местоимения чувашского языка исследователи делят по их значению на следующие разряды: личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные, отрицательные, неопределённые, определённые (или определительные). Подобная классификация принята не только в чувашском языкоznании, но и во всей тюркологии. В.И. Рассадин же предлагает различать местоимения субстантивные (замещающие, указывающие на существительные), адъективные (замещающие, указывающие на прилагательные), нумеральные (замещающие, указывающие на числительные), вербальные (замещающие, указывающие на глагол), адвербильные (замещающие, указывающие на наречие) [136, с. 254].

В своей работе мы будем придерживаться традиционного деления местоимений на личные, лично-возвратные, указательные, вопросительные, а насчёт отрицательных и неопределённых местоимений скажем особо.

А. Словоизменение и формоизменение личных местоимений

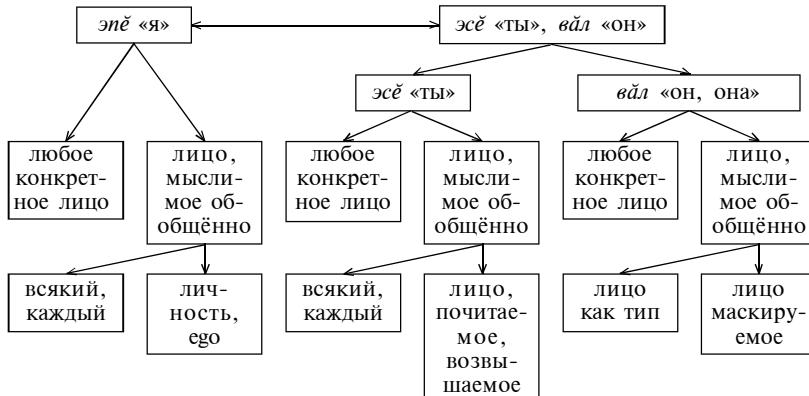
Единичность и множественность лиц

В современном чувашском языке личными местоимениями являются эпё «я», эсё «ты», вайл «он, она, оно», эпир «мы», эсир «вы», вёсем «оны», представляющие собой замкнутую системную организацию.

Рассмотрим особенности этой системы, опираясь на работу Н.Ю. Шведовой [184]. Признаками системной организации лич-

ных местоимений она называет наличие семантического инварианта, близкий для всех этих слов ход сужения и конкретизации значений, чётко выраженные связи между значениями разных слов, характерные выходы на другие участки системы имён, общие тенденции в сочетаемости с другими словами, общее отношение к образованию гнезда.

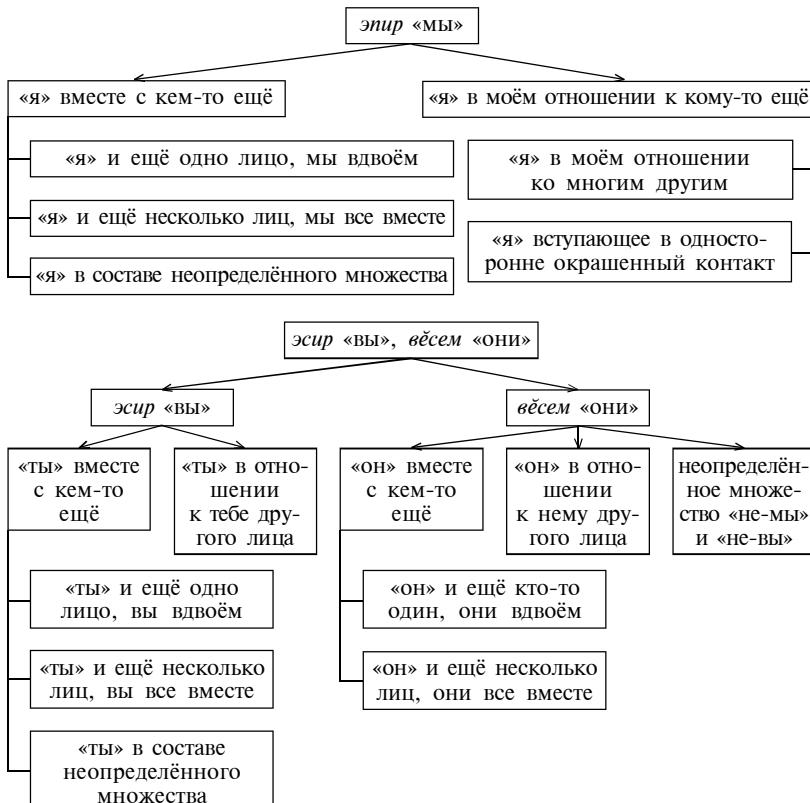
Пройдя через оппозицию «лицо или не лицо» *вāл* «он, она, оно», *вēсем* «оны» — «только лицо» (*энē* «я», *есē* «ты», *эпир* «мы», *есир* «вы»), эти слова организуются в оппозицию «единичное лицо — неединичное лицо». Здесь первично противопоставлены значения: «лицо указанное равно лицу указанному (*энē*) или сочленено с лицом указанным (*эпир*)» — «лицо указанное не равно лицу указанному (*есē*, *вāл*, *есир*, *вēсем*)»; в последнем случае сема указанного лица не устраниется полностью: «ты» — «не я, а собеседник»; «он» — «не я и не ты, а кто-то третий». Далее сужение значений предстает в следующем виде:

Сопоставление семантического строения слов *энё*, *эсё*, *вай* показывает, что во всех этих словах присутствуют элементы значения и конкретности, и обобщённости. Значение обобщённости предстаёт, во-первых, как обобщение на основе семы «любой, каждый» (*Энё туриншён те яваплă «Я отвечаю за всё» — если не я, то кто же?); *Пулаççे те ысынсем: сана күрентерет пулин те — вайлах ышленет «Бывают же люди: он тебя оскорбит, и он ещё и обижен»); во-вторых, как обобщение, отлившееся в отдельное лексическое значение (*Эсё Турă та, патша та «Ты и Бог, и царь»); *Вай тайшман, усал е еркен* («Он враг, бес или любовник»).***

Во всех указанных случаях, по мнению Н.Ю. Шведовой, на ступени обобщения «вступает в силу возможность обозначить формой единственности некое неопределенное множество; тем самым в слове ослабляется его указательное значение» [184, с. 159].

В системе значений слов *эпир* «мы», *эсир* «вы», *вёсем* «они» (см. следующую схему) обращает на себя внимание значение указемых лиц, включенныхных в неопределенное множество. У слов *эпир* и *эсир* при этом сохраняется сема «я и кто-то еще», «ты и кто-то еще» (*Эпир (эсир) миллионан* «Нас (вас) миллионы»). Ситуация с местоимением *вёсем* несколько иная: в случаях типа *Вёсем хулара нер шухайсар пуранацсё* (т.е. *Хуларисем нер шухайсар пуранацсё*) «Они в городе [городские жители] не знают хлопот» сема «он» отсутствует; *вёсем* «они» здесь означает множество, состоящее из «не-мы» и «не-вы».

В сфере значений между всеми личными местоимениями существуют тесные связи, что выявляется в пересечении функций выражения единственности — множественности и в пересечении функций выражения лица указующего и лица указанного.

Систему личных местоимений чувашского языка можно представить в следующем виде:

1 л. <i>энē</i> , <i>эн</i>	единичность лица	<i>энēр</i> , <i>энир</i>	множественность лиц
2 л. <i>эсē</i> , <i>эс</i>		<i>эсēр</i> , <i>эсир</i>	
3 л. <i>вāл</i> (единичность лица и предмета)		<i>вēсем</i> (множественность лиц и предметов)	

Показателем множественного числа 1 и 2 лица является формант *-р*: *энē-р*; *эсē-р*; 3 лица — *-сем*: *вāл* — *вāл-сем* > *вē-сем*. Местоимения *энир*, *эсир* выражают множество не предметов, а лиц. Когда в речи используется слово *энир* «мы», то имеется в виду, что в числе лиц находится говорящий, а местоимение *эсир* «вы» выражает некое множество лиц, в числе которых находится тот, к кому обращаются с речью. Местоимение *вēсем* выражает не только лица, но и предметы, которые неким образом сгруппированы. Личные местоимения заключают в своем семантическом строении и значение единичности, и значение множественности. Значение единичности у *энē* «я», *эсē* «ты», *вāл* «он» — первичное, у *энир* «мы», *эсир* «вы», *вēсем* «оны» — вторичное; значение множественности у *энир*, *эсир*, *вēсем* — первичное, у *энē*, *эсē*, *вāл* — вторичное. Такое перекрецивание значений делает весь этот круг слов тесно спаянной лексической организацией, члены которой готовы в соответствующих условиях осуществить перераспределение своих функций [184, с. 160—161].

На месте аффикса множественного числа *-р* в других тюркских языках представлен формант *-з*: *биз* «мы», *сиз* «вы». Местоимения *биз*, *сиз* в других тюркских языках выступают без протезы *Э-*, а это значит, что корнем в них является *би* и *си*, которые генетически тождественны личным местоимениям 1 и 2 лица монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: *би* «я», *си* «ты».

Таким образом, в чувашских личных местоимениях 1 лица *энē*, *энир* корнем являются *н*, *нē*, *ни*; 2 лица — *с*, *сē*, *си*. Некоторые исследователи не склонны видеть в современном языке аналогичные корни, они считают их архаичными, на наш взгляд, их вводят в заблуждение протезы *Э-*. Если считать протезу *Э-* элементом корня, то мы имеем в качестве корневых морфем *эн*, *энē*; *эс*, *эсē*, а аффиксы *-р* (в местоимениях *энēр*, *эсēр*) и *-сем*

(в местоимении *вёсем*) являются показателями множественности или аффиксами множественного числа личных местоимений. Этим личные местоимения отличаются от существительных, в которых формантом множественного числа выступает только аффикс *-сем*.

Категория времени

Все личные местоимения способны принимать аффикс *-чे* (*-ччे*), выражая при этом значение прошедшего состояния лица: *Сামах калаканни эпёччे* «Выступающим был я»; *Протокол ызыкане* эсёччे «Протокол писал ты»; *Пире хирёс калаканни вайччे* «Он выступал против нас» или «Выступающим против нас был он»; *Итлекенсем эпирччे* «Мы были слушателями»; *Ыйту параканёсем эсирччे* «Вопросы задавали вы»; *Хётёртекенсем вёсемччे* «Они были подстрекателями».

Формы *эпёччे*, *эсёчче*, *вайчче* относятся к словоизменению, а *эпирччे*, *эсирчче*, *вёсемчче* — к формоизменению.

Категория усиления

Формы усиления местоимений *эпё*, *эсё*, *вайл* — *эпех*, *эсех*, *вайлах* — относятся к словоизменению, а формы *эпирех*, *эсирех*, *вёсемех* — к формоизменению.

Говорящий может подчеркнуто выделить местоимение в форме усиления с целью придания эмотивного значения: *Эсех иише каэрэн-и вара չав шыв урл?* «Неужели ты переплыл ту реку?»; *Тем тесен те, вайлах вайлань* «Что ни говорите, украл именно он»; *Вёсемех-ши вара* «Неужели это они?»; *Эпирех те каяс ай չул синче* «На нашем-то пути».

Удвоенными формами личных местоимений с аффиксом усиления во втором компоненте подчёркнуто выделяется лицо либо группа лиц среди других: *Эпё эпех* «Я — это я»; *Эсё эсех* «Ты — это ты»; *Вайл вайлах* «Он — это он»; *Эсир эсирех* «Вы — это вы»; *Вёсем вёсемех* «Они — это они».

Категории падежа и склонения

Склонение личных местоимений относится полностью к сфере формоизменения. Личные местоимения *эпё*, *эсё*, *вайл* употребляются только в основном падеже. Формоосновами, или склоняемыми основами, для других падежей являются соответственно *ман*, *сан*, *ун*. Эти слова являются формами притяжательного па-

дежа, в них в качестве показателя генетива выделяется аффикс *-н*. Но проблема конечного *-н* в личных местоимениях исследователями решается по-разному. Ближе всех к истине М.Р. Федотов, который считает, что в языках алтайской семьи праформой личного местоимения 1 лица была не *мин*, а слог с начальным *б* + гласный переднего ряда. В ходе изменения и развития языка начальное *б* перешло в *м*, а к образовавшемуся корню прибавился аффикс генетива *-н*, сохранившийся также в остальных падежах. Об этом говорит номинатив чувашских личных местоимений *э-пē* (<*би*) и его генетивная форма *ма-н*, *эсē* и его генетивная форма *са-н* [176, с. 57].

При таком объяснении отпадает необходимость говорить о супплетивизме (об образовании форм падежей от разных основ), как это практикуется в грамматиках индоевропейских языков: рус. *я — меня, мне*; нем. *Ich — mein*, англ. *I — my*. Чувашские формы *ман*, *сан*, *ун* семантически соответствуют русским притяжательным местоимениям *мой (моя, моё)*, *твой (твоя, твоё)*, *свой (своя, своё)*. Следует различать краткую (более древнюю) форму притяжательного падежа личных местоимений в виде *ман*, *сан*, *ун* и более позднюю форму в виде *манāн*, *санāн*, *унāн*, в которых имеет место нанизывание двух вариантов генетивного аффикса в виде *-н + -āн*. Выделение краткой и полной форм генетива существенно, они различаются при склонении.

Таким образом, формоосновами при склонении личных местоимений *эпē*, *эсē*, *вāл* являются генетивные формы *ман*, *сан*, *ун*:

Осн.	<i>эпē</i>	<i>эсē</i>	<i>вāл</i> (диал. <i>у</i>)
Прит.	<i>ма-н</i>	<i>са-н</i>	<i>у-н</i>
Дат.	<i>ма-н-а</i>	<i>са-н-а</i>	<i>ă-н-а</i>
Мест.	<i>ма-н-ра</i>	<i>са-н-ра</i>	<i>у-н-та</i>
Исх.	<i>ма-н-ран</i>	<i>са-н-ран</i>	<i>у-н-тан</i>
Твор.	<i>ма-н-па</i>	<i>са-н-па</i>	<i>у-н-па</i>
Лиш.	<i>ма-н-сāр</i>	<i>са-н-сāр</i>	<i>у-н-сāр</i>
Прич.	<i>ма-н-шāн</i>	<i>са-н-шāн</i>	<i>у-н-шāн</i>

Этот тип склонения мы назвали притяжательным: все аффиксы косвенных падежей примыкают только к форме генетива.

Личные местоимения во множественном числе склоняются неодинаково; здесь усматриваются элементы смешанного и притяжательного типов склонений. Образцы смешанного склонения:

Осн.	<i>эпир</i>	<i>эсир</i>	<i>вёсем</i>
Прит.	<i>пир-ён</i>	<i>сир-ён</i>	<i>вёсен</i>
Дат.	<i>пир-е</i>	<i>сир-е</i>	<i>вёсен-е</i>
Мест.	<i>пир-те</i>	<i>сир-те</i>	<i>вёсен-че</i>
Исх.	<i>пир-тен</i>	<i>сир-тен</i>	<i>вёсен-чен</i>
Твор.	<i>пир-пе</i>	<i>сир-пе</i>	<i>вёсем-пе</i>
Лиш.	<i>пир-ён-сёр</i>	<i>сир-ён-сёр</i>	<i>вёсем-сёр</i>
Прич.	<i>пир-ён-шён</i>	<i>сир-ён-шён</i>	<i>вёсем-шён</i>

При смешанном типе склонения формоосновами являются, с одной стороны, форма множественного числа на *-р* и *-сем*: *ни-р-е*, *си-р-е*, *ни-р-те*, *си-р-те*, *вё-сем-пе*, *вё-сем-сёр*, *вё-сем-шён*, с другой стороны, форма генетива на *-ён* (*ни-р-ён-сёр*, *ни-р-ён-шён*) и *-се + -н* (*вё-се-н-чен*, *вё-се-н-че*).

Образцы притяжательного склонения местоимений *эпир*, *эсир*, *вёсем*, в которых начиная с дательного падежа основой склонения становится форма притяжательного падежа:

Осн.	<i>эпир</i>	<i>эсир</i>	<i>вёсем</i>
Прит.	<i>пирён</i>	<i>сирён</i>	<i>вёсен</i>
Дат.	<i>пирённ-е</i>	<i>сирённ-е</i>	<i>вёсенн-е</i>
Мест.	<i>пирён-те</i>	<i>сирён-те</i>	<i>вёсен-че</i>
Исх.	<i>пирён-тен</i>	<i>сирён-тен</i>	<i>вёсен-чен</i>
Твор.	<i>пирён-пе</i>	<i>сирён-пе</i>	<i>вёсен-пе</i>
Лиш.	<i>пирён-сёр</i>	<i>сирён-сёр</i>	<i>вёсен-сёр</i>
Прич.	<i>пирён-шён</i>	<i>сирён-шён</i>	<i>вёсен-шён</i>

Теперь сравним склонение полной и краткой форм генетива личного местоимения 1 лица*:

Осн.	<i>энē</i>	<i>энē</i>	<i>энē</i>
Прит.	<i>ман</i>	<i>манэн</i>	<i>ман' (или манē [20, с. 191])</i>
Дат.	<i>ман-а</i>	<i>манэнн-е</i>	<i>манн'-е</i>
Мест.	<i>ман-ра</i>	<i>манэн-че</i>	<i>ман'-че</i>
Исх.	<i>ман-ран</i>	<i>манэн-чен</i>	<i>ман'-чен</i>
Твор.	<i>ман-па</i>	<i>манэн-пе</i>	<i>ман'-пе</i>
Лиш.	<i>ман-сёр</i>	<i>манэн-сёр</i>	<i>ман'-сёр</i>
Прич.	<i>ман-шён</i>	<i>манэн-шён</i>	<i>ман'-шён</i>

Существует мнение, что склонение полной формы генетива — не что иное, как склонение субстантивных форм притяжательных местоимений с аффиксом *-и* (-ё): *манэнни* ~ *манни* «то, что принадлежит мне»; *санэнни* ~ *санни* «то, что принадлежит тебе» [17,

* Апостроф (') в слове *ман* означает смягчение *н*.

с. 147]. Но склонение полных форм личных местоимений отличается от склонения тех же форм с аффиксом выделительности *-и*. К тому же существуют склонение полной формы генетива и склонение той же формы с аффиксом выделительности:

по Н.И. Ашмарину [20, с. 191]:

Осн.	<i>эпē</i>	<i>манāнни</i>	<i>манāнē</i>
Прит.	<i>манāн</i>	<i>манāннин</i>	<i>манēн</i>
Дат.	<i>манāнне</i>	<i>манāннине</i>	<i>манāнне</i>
Мест.	<i>манāнче</i>	<i>манāннинче</i>	<i>манāнче</i>
Исх.	<i>манāнчен</i>	<i>манāннинчен</i>	<i>манāнчен</i>
Твор.	<i>манāнти</i>	<i>манāннити</i>	<i>манēнти</i>
Лиш.	<i>манāнсēр</i>	<i>манāннисēр</i>	<i>манāнсēр</i>
Прич.	<i>манāнишēн</i>	<i>манāннинишēн</i>	<i>манāнишēн</i>

Категория выделения

Форма притяжательного падежа личных местоимений служит формоосновой для ряда категориальных форм. Например, формы *манāнни* «мой», «то, что принадлежит мне»; *санāнни* «твой», «то, что принадлежит тебе»; *унāнни* «его (её)», «то, что принадлежит ему (ей)»; *пирēнни* «наш», «то, что принадлежит нам»; *цирēнни* «ваш», «то, что принадлежит вам»; *вēсенни* «их», «то, что принадлежит им» — не что иное, как формоизменительные выделительные категориальные формы личных местоимений. Категориальной считаем эту форму потому, что для неё характерен принцип тотальности, т.е. аффикс *-и* присоединяется ко всем личным местоимениям в форме притяжательного падежа. В чувашском языке известны также формы *манри* «находящийся у меня», *санри* «находящийся у тебя», *унри* «находящийся у него (у неё)», *пирēнти* «находящийся у нас», *цирēнти* «находящийся у вас», *вēсенчи* «находящийся у них», т.е. аффикс выделения присоединяется при этом к форме местного падежа;ср. в разговорной речи: *Манри манрах та-ха* или *Манти мантах та-ха* «При мне-то при мне»; ср.: *Арчари арчарах та-ха* «В сундуке-то в сундуке».

Категория уподобления на *-шкал (-шкел)*

Существует двоякое мнение по поводу аффикса формы уподобления местоимений. Одни исследователи (Н.И. Ашмарин, И.П. Павлов) считают формантом уподобительной формы аффикс *-ашкал (-ешкел)*, а основой — форму притяжательного

падежа: *ман-ашкал* «подобный мне», *тирён-ешкел* «подобный нам», *цирён-ешкел* «подобный вам», *вёсен-ешкел* «подобный им» [20, с. 210; 118, с. 191—192]. Другие же (М.Р. Федотов, Н.А. Андреев) не только отрицают формообразовательную роль, но и сам формант представляют в виде *-шкел* (-*шкел*), считая его деривационным (прилагательнообразующим) [15, с. 91—92; 177, с. 25]. Первоначально *-шкел* (-*шкел*) фигурировал в чувашском языке в виде послелога *вайшкал*, *вышкал*: *сана вышкал* «похож на тебя» [A, V, с. 220, 343], затем первый слог *вай* ~ *ви* отпал, и часть *-шкел* (-*шкел*) осталась на правах аффикса. Исходя из этого вернее будет сказать, что аффикс *-шкел* (-*шкел*) присоединяется к форме дательного падежа: *ман-а-шкел*, *сан-а-шкел*, *ун-а-шкел*, *тирн-е-шкел*, *цирн-е-шкел*, *вёсен-е-шкел*, но нельзя отрицать наличие формы притяжательного падежа в составах словоформ перед аффиксом дательного падежа *-а* (-*е*).

Формы на *-шкел* (-*шкел*) очень близки к прилагательным.

Как и прилагательные, местоименные формы на *-шкел* (-*шкел*) принимают категориальный аффикс сравнения *-тарах* (-*терех*): *манашкалтарах*, *санашкалтарах*, *унашкалтарах*, *тирнешкелтерех*, *цирнешкелтерех*, *вёсенешкелтерех*; могут быть в формах выделения на *-и*, *-скер*: *манашкали* — *манашкалскер*, *санашкали* — *санашкалскер*, *унашкали* — *унашкалскер*.

Но, в отличие от прилагательных, они стоят вне категории образа действия, т.е. нет словоформ типа *манашкаллэн*, *санашкаллэн* и т.д. Если ещё учесть и то, что местоимения редко служат деривационной базой, формы *манашкал*, *санашкал* и др. целесообразнее считать уподобительными категориальными формами личных местоимений.

Б. Словоизменение и формоизменение лично-возвратных местоимений

Лично-возвратные местоимения по-другому именуются возвратными. Элемент «лично», по мнению некоторых чувашеведов, даёт право говорить о полном совпадении значений личных и возвратных местоимений, и они проводят аналогию: *хам* — *этё*; *ху*, *хай* — *эсё*; *хай* — *вайл*. На первый взгляд это кажется правдой. Если личные местоимения сопоставить с возвратными: *этё* «я» — *хам* «я сам»; *эсё* «ты» — *ху*, *хай* «ты сам»; *вайл* «он (она)» — *хай* «он сам», «она сама», то на первый взгляд присутствует явное «равновесие значений». Но языковая дей-

ствительность глубже поверхностных сравнений и сопоставлений. Значение «собственный», которого нет у местоимения *эн* «я», передаётся падежной формой *ман*, *манан*. Смысл выражения *Хамиан хам тăрашатăн* «Сам за себя стараюсь» невозможно передать с помощью личного местоимения *эн* «я» или его падежных форм. То же следует сказать о выражении *Хам куçна хам куртăм* «Я видел сам своими глазами»: невозможно заменить местоимение *хам* личным местоимением *эн* или генетивной формой *ман(ан)*. Хотя у возвратного местоимения *ху*, *хăв* «ты сам» и проявляется значение «твой, свой» (*Ху чĕлхүне калаç* «Говори на своём языке»), это *ху* заменить личным местоимением *эсё* или генетивной формой *сан* «твой» невозможно. Не наблюдается общих тенденций к сочетаемости с другими словами также у возвратного местоимения *хай* и личного местоимения *вăл*: *хайне майлă* «самобытный, своеобразный, оригинальный», нельзя выразить смысл этой фразы сочетанием *вăл майлă*. То же следует сказать о выражениях *хайне хай мухтани* «самоуважение», *хайне хай сыхлани* «самосохранение».

Таким образом, с точки зрения внешней валентности (сочетаемости с другими словами) личные местоимения *эн* «я», *эсё* «ты», *вăл* «он, она» и лично-возвратные местоимения *хам* «я сам», *ху*, *хăв* «ты сам», *хай* «он сам», «она сама» не всегда совпадают, а это даёт повод говорить об отсутствии абсолютного совпадения значений этих местоимений. Ср. также: *хам тĕллĕн* «я сам (самостоятельно)», *ху тĕллĕн* «ты сам (самостоятельно)», *хай тĕллĕн* «он(а) сам(а) (самостоятельно)»; *хамăр тĕллĕн* «мы сами (самостоятельно)», *хăвăр тĕллĕн* «вы сами (самостоятельно)», но невозможно сказать: *эн* (*эсё*), *вăл*, *энир* (*эсир*) *тĕллĕн*.

Единичность и множественность лиц

В современном чувашском языке имеются следующие лично-возвратные местоимения: *хам* «я сам», *ху*, *хăв* «ты сам», *хай* «он сам»; для указания на множественность лиц: *хам-ăр* «мы сами», *хăв-ăр* (диал.: *ху-сам-ăр*, *хăв-а-сам*) «вы сами», *хайсем* «они сами», являющиеся объектами формоизменительной морфологии.

Аффиксом множественности для форм 1 и 2 лица выступает *-ăр*, а 3 лица *-сем*. В местоимении *ху-сам-ăр* представлены два вида аффикса множественного числа: *-сам* (сингармоничный вариант аффикса *-сем*) и *-ăр*.

Категория времени

Прошедшее состояние лиц передаётся аффиксом *-чё (-ччё)*. Поскольку аффикс *-чё (-ччё)* может следовать почти за всеми падежными аффиксами, формы времени лично-возвратных местоимений могут быть объектами как словоизменения, так и формоизменения: *хамчё «я сам (был)», хавчё «ты сам (был)», хайчё «он сам (был)», хамарчё «мы сами (были)», хаварчё «вы сами (были)», хайсемчё «они сами (были)»; Кёнеки хаманчё «Книга была моя»; Ачам хампачё «Ребёнок мой был со мной»; Укса хамрачё «Деньги были при мне».*

Категории падежа и склонения

В чувашском языкоznании представлены очень скучные сведения о склонении лично-возвратных местоимений. По мнению Н.А. Андреева, «формы 1 и 2 лица... склоняются как имена существительные без аффикса принадлежности, а форма 3 лица — как имена с аффиксом принадлежности 3 лица» [17, с. 128]. И.П. Павлов, считая склонение этих местоимений очень простым, даже не приводит парадигму склонения [118, с. 187—189]. Между тем склонение лично-возвратных местоимений имеет свои особенности. Местоимения 1 лица *хам*, *хамар* склоняются по основному типу, но им не чуждо и притяжательное склонение.

Традиционно склонение лично-возвратных местоимений представляется в следующем виде:

Осн.	<i>хам</i>	<i>хав (ху)</i>	<i>хай</i>
Прит.	<i>хаман</i>	<i>хаван</i>	<i>хайэн</i>
Дат.	<i>хама</i>	<i>хавна</i>	<i>хайнэ</i>
Мест.	<i>хамра</i>	<i>хаванта (хунта)</i>	<i>хайнече</i>
Исх.	<i>хамран</i>	<i>хавантан (хунтан)</i>	<i>хайнчен</i>
Твор.	<i>хампа</i>	<i>хаванта (хупа)</i>	<i>хайтэ</i>
Лиш.	<i>хамсар</i>	<i>хавансар (хусар)</i>	<i>хайсер</i>
Прич.	<i>хамишан</i>	<i>хаваншиан (хушан)</i>	<i>хайшиэн</i>
Осн.	<i>хамар</i>	<i>хавар</i>	<i>хайсем</i>
Прит.	<i>хамаран</i>	<i>хаваран</i>	<i>хайсен</i>
Дат.	<i>хамара</i>	<i>хавара</i>	<i>хайсене</i>
Мест.	<i>хамартा</i>	<i>хаварта</i>	<i>хайсенче</i>
Исх.	<i>хамартан</i>	<i>хавартан</i>	<i>хайсенчен</i>
Твор.	<i>хамарпа</i>	<i>хаварпа</i>	<i>хайсемтэ</i>
Лиш.	<i>хамарсар</i>	<i>хаварсар</i>	<i>хайсемсер</i>
Прич.	<i>хамаршиан</i>	<i>хаваршиан</i>	<i>хайсемшиэн</i>

Местоимения 2 и 3 лица *хăв* (*ху*) и *хăй* склоняются по смешанному типу: падежные аффиксы присоединяются то к форме основного падежа, то к форме притяжательного падежа на *-ăн* (*-ĕн*). То же нужно сказать о местоимении 3 лица *хайсем*. А местоимение 2 лица *хăвăр* относится к основному типу склонения. Однако все они могут склоняться и по притяжательному типу.

Считаем, что есть необходимость сравнить склонение фонетических вариантов местоимения 2 лица *ху* и *хăв*, представив их в следующем виде:

Осн.	<i>ху</i>	<i>хăв</i>	
Прит.	<i>хун</i>	<i>хăвăн</i>	
Дат.	<i>хуна</i>	<i>хăвна</i>	
Мест.	<i>хунта</i>	<i>хăвăнта</i>	
Исх.	<i>хунтан</i>	<i>хăвăнтан</i>	
Твор.	<i>хуна</i>	<i>хăвăнта</i>	ср.: <i>хăвна</i>
Лиш.	<i>хусăр</i>	<i>хăвăнсăр</i>	<i>хăвсăр</i>
Прич.	<i>хушăн</i>	<i>хăвăнишăн</i>	<i>хăвишăн</i>

В учебной практике постоянно напоминают обучающимся «о правильности и неправильности» форм *хуна* — *хăвăнна*, *хусăр* — *хăвăнсăр*, *хушăн* — *хăвăнишăн* [122, с. 57], это сохранилось и в учебниках нового поколения. Но вряд ли уместно при этом говорить о нарушении литературной нормы, если обе эти формы широко бытуют в речи чувашей.

Формоизменительный характер категории склонения лично-возвратных местоимений хорошо проявляется при сопоставлении типов склонения:

	Основное склонение		Притяжательное склонение	
Осн.	<i>хам</i>	<i>хамăр</i>	<i>хам</i>	<i>хамăр</i>
Прит.	<i>хамăн</i>	<i>хамăрăн</i>	<i>хамăн</i>	<i>хамăрăн</i>
Дат.	<i>хама</i>	<i>хамăра</i>	<i>хамăнне</i>	<i>хамăрăнне</i>
Мест.	<i>хамра</i>	<i>хамăрта</i>	<i>хамăнче</i>	<i>хамăрăнче</i>
Исх.	<i>хамран</i>	<i>хамăртан</i>	<i>хамăнчен</i>	<i>хамăрăнчен</i>
Твор.	<i>хампа</i>	<i>хамăрпа</i>	<i>хамăнпе</i>	<i>хамăрăнпе</i>
Лиш.	<i>хамсăр</i>	<i>хамăрсăр</i>	<i>хамăнсëр</i>	<i>хамăрăнсëр</i>
Прич.	<i>хамишăн</i>	<i>хамăршишăн</i>	<i>хамăншишëн</i>	<i>хамăрăншишëн</i>

Притяжательное склонение лично-возвратных местоимений не было представлено до сих пор потому, что отождествлялось со склонением субстантивных форм лично-притяжательных местоимений на *-и*: *хамăнни* «то, что принадлежит мне

самому (самой)», *хайвани* «то, что принадлежит тебе самому (самой)», *хайённи* «то, что принадлежит ему самому (ей самой)» [17, с. 147—149].

	Смешанное склонение		Притяжательное склонение	
Осн.	<i>хай</i>	<i>хайсем</i>	<i>хай</i>	<i>хайсем</i>
Прят.	<i>хайён</i>	<i>хайсен</i>	<i>хайён</i>	<i>хайсен</i>
Дат.	<i>хайне</i>	<i>хайсене</i>	<i>хайённе</i>	<i>хайсенне</i>
Мест.	<i>хайёнче</i>	<i>хайсенче</i>	<i>хайёнче</i>	<i>хайсенче</i>
Исх.	<i>хайёнчен</i>	<i>хайсенчен</i>	<i>хайёнчен</i>	<i>хайсенчен</i>
Твор.	<i>хайне</i>	<i>хайсемне</i>	<i>хайённе</i>	<i>хайсенне</i>
Лиш.	<i>хайсёр</i>	<i>хайсемсёр</i>	<i>хайёнсёр</i>	<i>хайсенсёр</i>
Прич.	<i>хайшиён</i>	<i>хайсемшиён</i>	<i>хайёншиён</i>	<i>хайсеншиён</i>

Примеры: *Хайсене хайсем паттэрла тыткалацё* «Ведут себя как герои»; *Хайсен кун-çулне хёргенмен* «Не жалели своей жизни»; *Пирён кёңекесене илеçё вëсем, хайсенне илсен варцацё* «Сами берут наши книги, если берём их — ругаются»; *Хайсенчен ирттермеççё* «Не дают обогнать себя»; *Пирён кёреçесене вараласа пёттернё*, *хайсенне пёртте усай курмацё* «Наши лопаты они испачкали, своими вовсе не пользуются»; *Хайсенсёр пүçне күршëсен лашине те күлсे кайнä* «Кроме своей лошади, запрягли и соседскую»; *Пирён ачасене шеллемесçё, хайсеншиён чунне пама хатёр* «Наших детей не жалеют, за своих готовы жизнь отдать».

Категория выделительности

Формоизменительная категориальная форма выделительности (выделения) строится на основе притяжательного падежа лично-возвратных местоимений, т.е. относится к формоизменению:

единичность обладателя и предмета

- 1 л. *хам-янн-и* «то, что принадлежит мне самому (самой)»
- 2 л. *хайвани* «то, что принадлежит тебе самому (самой)»
- 3 л. *хайённи* «то, что принадлежит ему самому (ей самой)»;

множественность обладателей и единичность предмета

- 1 л. *хамäрэнни* «то, что принадлежит нам самим», «наш, свой»
- 2 л. *хайвэрэнни* «то, что принадлежит вам самим», «ваш, свой»
- 3 л. *хайсенни* «то, что принадлежит им самим», «их, свой»

Лично-возвратные местоимения в форме выделения изменяются по падежам и числам:

Осн.	<i>хамăрэнни</i> «наш, свой»	<i>хамăрэннисем</i> «наши, свои»
Прил.	<i>хамăрэннин</i>	<i>хамăрэннисен</i>
Дат.	<i>хамăрэннине</i>	<i>хамăрэннисене</i>
Мест.	<i>хамăрэннинче</i>	<i>хамăрэннисенче</i>
и т.д.		

Категория уподобления на *-шкал* (*-шкел*)

Эта форма образуется посредством присоединения аффикса *-шкал* (*-шкел*) к форме дательного падежа: *хамашкал* «подобный мне», *хăвнашкал* «подобный тебе», *хайнешкел* «подобный ему (ей)»; формы *хамăрашкал*, *хăвăрашкал*, *хайсенешкел* употребляются в основном в разговорной речи.

На основе уподобительной формы лично-возвратных местоимений образуются:

1) уподобительно-выделительная форма (*хамашкали* — *хамашкалскер* « тот, кто похож на меня»; *хăвнашкали* — *хăвнашкалскер* « тот, кто походит на тебя»; *хайнешкали* — *хайнешкелскер* « тот, кто похож на него (на неё)»). Эти формы имеют полную парадигму склонения;

2) уподобительно-сравнительная форма (*хамашкалтарах* «чуть похожий на меня самого (саму)», *хăвнашкалтарах* «чуть похожий на тебя самого (саму)», *хайнешкелтерех* «чуть похожий на него самого (на неё саму)»);

3) уподобительно-сравнительно-выделительная форма (*хамашкалтараххи*, *хăвнашкалтараххи*, *хайнешкелтереххи*). Эта форма может принять аффикс множественного числа *-сем*: *хамашкалтарахисем*, *хăвнашкалтарахисем*, *хайнешкелтерехисем*.

Эти формы и их формы множественного числа в свою очередь имеют полную парадигму склонения.

В. Словоизменение и формоизменение указательных местоимений

В чувашском языке имеются следующие указательные местоимения: *çак*, *çакай* «тот»; *çав*, *çавай* «тот»; *леш*, *лешё* «тот»; *ку* «этот».

В их число включают также слова *хай* «этот» и его выделительные формы *хайхи*, *хайхискер* [17, с. 129, 132; 118, с. 185]. На наш взгляд, слово *хай* не может быть указательным местоимением, потому что оно не принимает категориальные формы,

присущие местоимениям, и должно быть причислено к указательным частицам.

Слова *апла*, *çапла*, *капла* [17, с. 129, 133] также не могут быть в числе указательных местоимений, их целесообразнее считать наречиями.

Категория множественного числа

Формы множественного числа указательных местоимений являются объектом словоизменения. Аффикс *-сем* (*ку* — *кусем*, *çав* — *çавсем*, *çак* — *çаксем*, *леш* — *лешсем*) принимают все указательные местоимения при употреблении их в субстантивной функции, когда в их семантике появляется больше значения предметности. Употребляясь в атрибутивной функции, они аффикс множественного числа не принимают (ср.: *ку ын* «этот человек», *леш кёнеке* «та книга», *çав ача* «этот ребёнок», *çак кёпер* «этот мост»).

Категории прошедшего времени и усиления

Указательные местоимения с аффиксом *-чё* (-*ччё*) выражают прошедшее состояние, т.е. они имеют категорию прошедшего времени: *çава* — *çаваччё*, *леш* — *лешчё*. Не чужда им также категория усиления: *çак* — *çаках*, *çав* — *çавах*, *леш* — *лешех*. Так как эти форманты присоединяются ко всем указательным местоимениям, формы, образованные ими, относятся к сфере словоизменения.

Категории падежа и склонения

При склонении указательных местоимений, выражающих единичность лица или предмета, формоосновой косвенных падежей является притяжательный падеж, значит, их склонение относится к притяжательному типу:

Осн.	<i>ку</i>	<i>çак</i>	<i>çав</i>
Прит.	<i>ку-н</i>	<i>çак-än</i>	<i>çав-än</i>
Дат.	<i>ку-н-а</i> (<i>кä-н-а</i>)	<i>çак-н-а</i>	<i>çав-н-а</i>
Мест.	<i>ку-н-та</i>	<i>çак-än-та</i>	<i>çав-än-та</i>
Исх.	<i>ку-н-тан</i>	<i>çак-än-тан</i>	<i>çав-än-тан</i>
Твор.	<i>ку-н-па</i>	<i>çак-än-па</i>	<i>çав-än-па</i>
Лиш.	<i>ку-н-сäр</i>	<i>çак-än-сäр</i>	<i>çав-än-сäр</i>
Прич.	<i>ку-н-шäн</i>	<i>çак-än-шäн</i>	<i>çав-än-шäн</i>

Долгое время исследователи не могли объяснить суть «вставляемых» между основой слова и падежными аффиксами «отрезков» *-айн* (*-ён*, *-н*), считали их «ничего не значащими отрезками», но склоняемыми основами все же считали *кун*, *çакайн*, *çавайн*, *лешён* [122, с. 58].

При этом появление *-айн* (*-ён*, *-н*) при склонении указательных местоимений не связано с выделительной формой на *-и*.

Существуют два подтипа притяжательного склонения указательных местоимений:

Осн.	<i>çак</i>	<i>леш</i>	<i>çакай</i>	<i>лешё</i>
Прит.	<i>çак-айн</i>	<i>леш-ён</i>	<i>çакай-н</i>	<i>лешё-н</i>
Дат.	<i>çак-н-а</i>	<i>леш-н-е</i>	<i>çакай-нн-е</i>	<i>лешё-нн-е</i>
Мест.	<i>çак-айн-та</i>	<i>леш-ён-че</i>	<i>çакай-н-че</i>	<i>лешё-н-че</i>
Исх.	<i>çак-айн-тан</i>	<i>леш-ён-чен</i>	<i>çакай-н-чен</i>	<i>лешё-н-чен</i>
Твор.	<i>çак-айн-па</i>	<i>леш-ён-пе</i>	<i>çакай-н-пе</i>	<i>лешё-н-пе</i>
Лиш.	<i>çак-айн-сэр</i>	<i>леш-ён-сёр</i>	<i>çакай-н-сёр</i>	<i>лешё-н-сёр</i>
Прич.	<i>çак-айн-шайн</i>	<i>леш-ён-шён</i>	<i>çакай-н-шён</i>	<i>лешё-н-шён</i>

Некоторые падежные формы отличаются друг от друга не только алломорфами, но и выражаемыми ими значениями. Ср.: *Лешне ан тивёр* «Другого не трогайте»; *Лешённе ан тивёр* «Не трогайте вещи того, т.е. принадлежащие тому»; *Çакайнта вёс-летпёр* «На этом и закончим»; *Хамар япаласене рюкзака чикрёмёр*, *çакайнте мён тумаллине пёлмestпёр* «Свои вещи мы уложили в рюкзак, а что делать с вещами этого (человека), не знаем».

В форме множественного числа эти местоимения изменяются не только по смешанному, но и по притяжательному типу склонения:

Осн.	<i>çаксем</i>	<i>лешсем</i>	<i>çаксем</i>	<i>лешсем</i>
Прит.	<i>çаксен</i>	<i>лешсен</i>	<i>çаксен</i>	<i>лешсен</i>
Дат.	<i>çаксене</i>	<i>лешсене</i>	<i>çаксенне</i>	<i>лешсенне</i>
Мест.	<i>çаксенче</i>	<i>лешсенче</i>	<i>çаксенче</i>	<i>лешсенче</i>
Исх.	<i>çаксенчен</i>	<i>лешсенчен</i>	<i>çаксенчен</i>	<i>лешсенчен</i>
Твор.	<i>çаксемте</i>	<i>лешсемте</i>	<i>çаксенте</i>	<i>лешсенте</i>
Лиш.	<i>çаксемсэр</i>	<i>лешсемсэр</i>	<i>çаксенсэр</i>	<i>лешсенсэр</i>
Прич.	<i>çаксемшиён</i>	<i>лешсемшиён</i>	<i>çаксеншиён</i>	<i>лешсеншиён</i>

Формы *çаксене* и *çаксенне* также отличаются выражаемыми значениями. Когда говорим *çаксене*, имеем в виду тех, о ком говорим, *çаксенне* — вещи, которые им принадлежат. Форма *çаксене* говорит о том, что действие направлено на сам объект, а форма *çаксенне* — на предмет объекта.

Категория уподобления на -шкал (-шкел)

Форма уподобления на *-шкал* (*-шкел*) образуется от всех указательных местоимений при употреблении в атрибутивной функции (*кунашкал* «подобный этому», *çавнашкал* «подобный тому», *çакнашкал* «подобный этому»). В свою очередь она может быть основой для образования:

1) уподобительно-выделительной формы: *кунашкалли*, *кунашкалскер*, *çакнашкалли*, *çакнашкалскер*, которые изменяются по числам и падежам:

Осн.	<i>кунашкалли</i>	<i>çавнашкаллисем</i>
Прят.	<i>кунашкаллин</i>	<i>çавнашкаллисен</i>
Дат.	<i>кунашкаллине</i>	<i>çавнашкаллисене</i>
Мест.	<i>кунашкаллинче</i>	<i>çавнашкаллисенче</i>
Исх.	<i>кунашкаллинчен</i>	<i>çавнашкаллисенчен</i>
Твор.	<i>кунашкаллипе</i>	<i>çавнашкаллисемпе</i>
Лиш.	<i>кунашкаллисёр</i>	<i>çавнашкаллисемсёр</i>
Прич.	<i>кунашкаллишиён</i>	<i>çавнашкаллисемшиён</i>

2) уподобительно-сравнительной формы: *кунашкалтарах*, *çакнашкалтарах*, *çавнашкалтарах*, *лешнешкелтерех*;

3) уподобительно-сравнительно-выделительной формы: *кунашкалтараххи*, *çакнашкалтараххи*, которые изменяются по падежам, склоняются также их формы с аффиксом множественного числа *-сем*.

Г. Словоизменение, формоизменение и формообразование вопросительных местоимений

Вопросительными местоимениями в чувашском языке являются *кам* «кто», *мён* «что», *хăш(ё)* «который», *мице* «сколько».

Мёнле является уподобительной формой вопросительного местоимения *мён*.

Слово *епле* не может считаться местоимением, его морфологические особенности отличаются от свойств других вопросительных местоимений. *Епле*, как и слова *апла*, *катла*, *çапла* со связанными корнями, относится к наречиям.

Словосочетание *мён чухлë* (или *мён чул*) нельзя считать одним словом, поэтому оно выпадает из числа морфологических слов, значит, из числа местоимений тоже.

Категория множественного числа

Все вопросительные местоимения употребляются во множественном числе: *камсем, мёнсем, хашесем*.

Местоимение *миçe*, принимая аффикс *-сем*, выражает значение временной неопределённости, приблизительности: *Миçесем тёлнелле килмелле?* «Ко скольким (часам) нужно подойти?»

Категории падежа и склонения

Местоимение *кам* склоняется по двум типам, а для местоимения *мён* характерно лишь основное склонение:

Осн.	<i>кам</i>	<i>кам</i>	<i>мён</i>
Прит.	<i>каман</i>	<i>каман</i>	<i>мёнеñ</i>
Дат.	<i>кама</i>	<i>каманне</i>	<i>мёне</i>
Мест.	<i>камра</i>	<i>каманче</i>	<i>мёнте</i>
Исх.	<i>камран</i>	<i>каманчен</i>	<i>мёнтен</i>
Твор.	<i>кампа</i>	<i>каманпе</i>	<i>мёнпе</i>
Лиш.	<i>камсар</i>	<i>камансёр</i>	<i>мёнсёр</i>
Прич.	<i>камиан</i>	<i>каманшён</i>	<i>мёнишён</i>

Примеры: *Каман кёнеки ку?* «Чья эта книга?»; *Каманне сумкине йатса пулайшмалла?* «Чью сумку помочь нести?»; *Каманне шалу чакармалла?* [А, VI, с. 48] «Чё жалованье понизить?»; *Ман тетрадьсем сан сумкара, кёнекесем каманче вара?* «Тетради мои в твоей сумке, а книги в чьей?»; *Сан аттуусем каманчен пысак?* «Твои сапоги просторней чьих?»; *Каманпе уса курмалине хамах пёлетеñ* «Сам знаю, чьим пользоваться»; *Леш камэнсёр, калаймарым-ха, Макçам Мишишинсёр пүçне, ачасем пурте киле таврыйнä* «Все дети вернулись домой, кроме как, не вспомню сразу, у Максимова Михаила»; *Каманшён хытä çунтäр-ха эсир ун чухне?* «Ради чьего (добра) вы так тогда старались?»

Местоимение *хашё* склоняется только по притяжательному типу, а местоимению *миçe* присуще основное склонение:

Осн.	<i>хаш(ë)</i>	<i>миçe</i>
Прит.	<i>хаш-ен</i>	<i>миçен</i>
Дат.	<i>хаш-н-е</i>	<i>миçене</i>
Мест.	<i>хаш-ен-че</i>	<i>миçере</i>
Исх.	<i>хаш-ен-чен</i>	<i>миçерен</i>
Твор.	<i>хаш-ен-пе</i>	<i>миçепе</i>
Лиш.	<i>хаш-ен-сёр</i>	<i>миçесёр</i>
Прич.	<i>хаш-ен-шён</i>	<i>миçешён</i>

Таким образом, при склонении вопросительных местоимений переплетаются вопросы слово- и формоизменения.

Формоизменительные и формообразовательные формы

Местоимение *mĕn* может иметь категориальную форму употребления *mĕnешкел* «какой», «чему подобный», «что за» (*Мĕнешкел паха!* «До чего хороши!»). По этому образцу можем сказать *камашкал* (*Камашкал тулнă вăл?* «На кого он похож?»). Но в чувашском языке нет формы *миçешкел*.

Некатегориальная выделительная форма местоимения *mĕn* — *мĕскер-мĕнскер* — имеет значение «что» (или «кто») с более конкретным выражением (*Мĕскер тăваççë-ши вĕсем унта?* [A, VIII, с. 348] «Что они делают там?»). Эта форма, в свою очередь, может иметь некоторые падежные формы, т.е. неполную парадигму склонения: *мĕскерне* «чем» — творительный падеж; *мĕскершэн* «за что» — причинный падеж, а также достаточную форму: *мĕскерлĕх* «для чего», «на что» (*Ку мунчана мĕскерлĕх хатĕрлесе хунă?* «Для чего затоплена эта баня?»). Уподобительная форма *мĕскерле* «каким образом» принимает вторично аффикс выделения *-скер*: *мĕскерлескер* «какой», «что за»: *Мĕскерлескер* (выражается недовольство говорящего лица) *ку тата çĕр çĕмĕрттерсе килет!* [A, VIII, с. 348] «Кого ещё несёт!»

Mĕn также может иметь личную форму: *мĕнĕм* (*Михетере мĕн çитмен. Мĕнĕм çук-ши çуртämра* «В чём нужда у Михедера. / Чего только нет в избе»); *мĕнү* (*Санан унта мĕнү пур, мĕнү пур?* — *Манан унта чĕппĕм пур, чĕппĕм пур* «Что там у тебя есть, что есть? — У меня там птенчик есть, птенчик есть»); *мĕнĕ* (*Еçĕ мĕнĕ темех çук-ха* «Работы таковой нет»). Н.И. Ашмарин пишет, что местоимение *mĕn* с формантами лица прибавляется к существительным для обобщения «в значении русского “со всем и с...” для того, чтобы показать, что известное действие или состояние распространяется на предмет со всеми его принадлежностями», при этом аффиксы лица (у автора — притяжательные суффиксы) сохраняют «правильную постановку, сообразно лицу, к которому они относятся — *Вăл мана çыран хĕрринчен лашам мĕнĕпех тĕртse ячĕ* “Он столкнул меня с берега со всем и с лошадью...”; *Манан укçана тахăшĕ енчĕкĕ мĕнĕпех илсе кайнă* “Кто-то унёс мои деньги со всем и с кошельком”» [21, I, с. 367—369];

Местоимение *миče* (диал. *минče*, *минче*) этимологически восходит к форме местоимения *мён*: по В.Г. Егорову, *мин-*, *нен-*, *нин-*, *кан-*, *хан-* представляют в тюркских языках древнюю основу местоимения в значении «что», а аффиксы *-çē*, *-che*, *-cha*, *-she* восходят к персидскому *чанд* «сколько»: *мён + чанд > мёнче > минče > миče «сколько»* [75, с. 134]. Встречается некатегориальная разделительная форма на *-шар* (*-шер*) местоимения *миče*: *Миçешер улма лекрё сире?* «По скольку яблок вам досталось?»

Вопросительное местоимение *хай* также имело раньше личные формы: *хайшамарп* «кто из нас», *хайшарп* «кто из вас», *хайшё* «кто из них». Формы *хайшамарп*, *хайшарп* в современном чувашском малоупотребительны, форма 3 лица *хайшё* некоторыми лингвистами не воспринимается за форму 3 лица, многие считают ее полной формой, а краткой считается *хай*.

По данным словаря Н.И. Ашмарина, *миče* может иметь форму 3 лица *миçёш* («Эсё миçёшне илтён?» «Сколько из них ты взял?»), форму предельности *миçиччен ~ миçеччен* («Эх, çуркунне, миçиччен аса килен виличен» «Ах, весна, сколько раз вспомню до конца дней моих»), форму исходного падежа с аффиксом притяжательного падежа в парном слове *миçентен-миçен*, *минчен* («Микулай миçентен-миçен хытä чупа пүçларё» «Николай начал бегать все сильнее и сильнее»), форму уподобления на -ла (-ле): *минчелле* («Ачасем, минчелле выляс?» «Ребята, сколько раз будем играть?») или *минченле* «сколько, в каком количестве» [А, VIII, с. 247]. При склонении местоимения *миče* форма дательного падежа может быть представлена в двух вариантах: *миçене* («Миçене çüтрён вара эсё?» «Сколько же сейчас тебе лет?») и *миçенне* (— «Миçен пулнä вара вëсем? — Миçенне эпё калама пултараймас्तäй» «— Сколько же было человек? — Сколько их было, я сказать не могу»).

Д. Определённые (определительные) местоимения

Из единиц, традиционно относящихся к определённым местоимениям [17, с. 143—145; 118, с. 186—187; 154, с. 349—350], в качестве таковых мы рассматриваем только *каши* «каждый», *пурте* «все», «всякий», *тур* «весь, все».

Включение в число местоимений сочетаний слов *кирек кам*, *кирек мён*, *кирек хайшё*, *кирек те миče*, *кирек мён чухлё*, *кирек мёнле* следует также считать недоразумением, ибо здесь фигурирует

не одно слово, а два или три: *кирек* — частица, *кам*, *мён* — местоимения, *те* — частица.

То же нужно сказать о сочетаниях слов *кам та пулин (пульсан)*, *мён те пулин (пульсан)*, *епле те пулин (пульсан)*, *мице те пулин (пульсан)*, в которых В.Г. Егоров слова *пулин*, *пульсан* считает неопределёнными частицами, и, по его мнению, «присоединяясь к относительным местоимениям и наречиям, они образуют неопределённые местоимения и наречия» [73, с. 336]. Он считает, что частица *пулин*, *пульсан* в сочетании с частицей *та (те)* употребляется также в значении уступительных союзов. Следовательно, по утверждению В.Г. Егорова получается, что в составе неопределённых местоимений *кам та пулин (пульсан)*, *мён те пулин (пульсан)* частицы *пулин (пульсан)* и *та (те)* играют словообразовательную роль. Если согласиться с таким мнением, сочетание отдельных слов придётся считать средством словообразования. К тому же объектом морфологии не являются ни сочетания слов, ни их комбинации. А слова *пётём*, *мёнпур* «весь», *харпár* (*харпёр*) «каждый», *тепér* «другой», *вëс* «все» следует отнести к наречиям: они не имеют формы множественного числа, не склоняются, не имеют категориальной формы уподобления на *-шакал* (*-шкел*).

Хотя местоимения *пур*, *пурте*, *каши* по числам не изменяются, числовое значение в них выражается лексически, т.е. в семантике каждого из них содержится намёк на множество.

Местоимение *пур* склоняется по притяжательному типу, однако здесь имеется одна особенность: в притяжательном и в других падежах, кроме дательного, вместо аффикса *-ён* мы имеем *-ин*; то же наблюдается и при склонении слова *пурте*:

Осн.	<i>пур</i>	<i>пурте</i>
Прит.	<i>пурин</i>	<i>пурин те</i>
Дат.	<i>пурне</i>	<i>пурне те</i>
Мест.	<i>пуринче</i>	<i>пуринче те</i>
Исх.	<i>пуринчен</i>	<i>пуринчен те</i>
Твор.	<i>пуринне</i>	<i>пуринне те</i>
Лиш.	<i>пуринсёр</i>	<i>пуринсёр те</i>
Прич.	<i>пуриниён</i>	<i>пуриниён те</i>

Особенностью правописания местоимения *пурте* во всех косвенных падежах является то, что частица *те* пишется отдельно от склоняемой основы после падежных аффиксов (как и следует частице).

То же происходит, когда *пурте* принимает аффиксы лица *пурсамар та* «все мы», *пурсар та* «все вы», *пурे те* «всего», «всего-навсего».

Местоимение *пур* может быть в некатегориальной форме лица: *пурсамар* «все мы», *пурсар* «все вы», *пуре*, *пуреш* «всего». Форма 3 лица *пуре* имеет вариант *пуреш*: *Кусем пуреш те нер չулхи* [А, IX, с. 312] «Все они одногодки».

Местоимение *кашни* «каждый» имеет полную падежную парадигму.

Е. Об отрицательных и неопределённых местоимениях

Считается, что в чувашском языке давно установлено наличие отрицательных местоимений [17, с. 138]. Но в тюркологии этот вопрос является спорным. А.М. Щербак пишет: «Собственно тюрksких отрицательных местоимений по существу нет» [190, с. 137]. Ещё почти семьдесят лет тому назад Н.К. Дмитриев отметил: «Во многих (туркских. — В.С.) языках категория отрицательных местоимений или развита сравнительно слабо, или не развита, так сказать, за ненадобностью» [65, с. 108]. И по мнению Л.С. Левитской, «чувашские отрицательные местоимения — категория относительно новая» [99, с. 36].

Отрицательные местоимения чувашского языка, по мнению большинства чувашеведов, образуются от вопросительных местоимений *кам*, *мэн*, *хай* с помощью приставки-частицы (вернее, префикса. — В.С.) *ни-*: *никам* «никто», *нимэн* «ничто», *нихай* «некоторый» [17, с. 138; 118, с. 186; 154, с. 347], но нет формы *нимице* (ср. *темице* «несколько»).

Эти местоимения, по сравнению с вопросительными, редко принимают аффикс *-сем*; *никам*, *нимэн* имеют полную парадигму склонения, а *нихай* — неполную при основном склонении и полную — при притяжательном.

Включение в число отрицательных местоимений словоформы *нимэнле* не выходит за рамки общих правил, в таком случае все словоформы следует считать самостоятельными отрицательными местоимениями: *нимэнле*, *нимэнре*, *нимэнрен*, *нимэншён*, *нимэнсэр*, а также *нимескер*, *нимсэр*, *нимескерле*, *нимле*, *нимэнсэрех*.

На наш взгляд, отрицательные местоимения можно рассматривать не как отдельный разряд местоимений, а как отрицательную форму вопросительных местоимений, квалифицируя

приставку *ни-* в качестве формообразовательного префикса, хотя до сих пор считали её словообразовательным элементом.

Неопределённые местоимения, по мнению исследователей, образуются от вопросительных местоимений при помощи приставки-частицы *та-* (*те-*): *такам* «кто-то», *темэн* «что-то», *тыхаш* «некто», *темице* «несколько», сюда же относят слово *хайш-пёр* «некоторые», образованное сложением числительного *пёр* «один» и вопросительного местоимения *хайш* «который». Включение в число неопределённых местоимений словосочетаний типа *кам та пулин (пулсан)*, *мэн те пулин (пулсан)*, *мэскер те пулин (пулсан)*, *епле те пулин (пулсан)*, *мице те пулин (пулсан)* [17, с. 140] следует считать недоразумением.

Местоимения *такам*, *тыхаш* имеют категорию множественного числа: *такамсем*, *тыхашсем*, однако форма *темэнсем* употребляется лишь в разговорной речи: *Темэнсем каласа тултарчё* «Наговорил много ненужного». А *хайш-пёр* принимает аффикс множественного числа лишь в выделительной форме на *-и*: *хайш-пёрисем* «некоторые». При этом числительное *пёр* в слове *хайш-пёр* выражает значение неопределенности,ср.: *хайш-пёри* «кое-кто».

По поводу неопределённых местоимений у нас сложилось такое же мнение, что и об отрицательных: они являются не особой группой, а лишь неопределёнными формами вопросительных местоимений, а *та-* (*те-*) — это форомообразовательный префикс.

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

К именным частям речи мы относим имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Местоимения представляют собой группу особых заместительных слов с дейктической функцией и образуют группу, параллельную именным частям речи, хотя не всегда способны замещать существительные, прилагательные и числительные, тем не менее они включаются в число именных частей речи.

Именные части речи в семантическом плане противопоставлены друг другу с наибольшей степенью явности. Имена существительные обладают значением предметности, имена прилагательные выражают значение качества, а числительные — значение количества предметов.

В основе классификации частей речи лежит не только семантический, но и грамматический признак, т.е. слова подразделяются на части речи в зависимости от их общих грамматических значений. Общие грамматические значения складываются на основе имеющихся в том или ином языке категориальных и некатегориальных форм. Частные грамматические категориальные и некатегориальные формы сопутствуют определенным частям речи, являясь их опознавательными знаками.

В чувашском языкоznании по образцу русских грамматических учений до сих пор говорили только о словоизменении, забывая при этом об отношении чувашского языка к аглютинативным языкам, русского — к флексивным. Аглютинативность чувашского языка выдвигает перед исследователем задачу усовершенствования методики исследования, позволяющей осветить морфологическую систему чувашского языка. Поэтому наряду со словоизменением в чувашском языке мы отмечаем наличие формоизменения и формообразования, а на их основе выделяем категориальные и некатегориальные формы для разграничения морфологических явлений.

Если до сих пор имя существительное в чувашском языке характеризовалось наличием категориальных форм числа, падежа и принадлежности, то сейчас отмечаем, что ему присущи ещё категории склонения, времени и усиления. Известно, что даже в близкородственных тюркских языках последние две категориальные формы отсутствуют. В типологическом плане категория времени отмечена у существительного ненецкого языка [171, с. 378].

Исследование вопросов формоизменения (словоформоизменения) дало повод говорить о трёх типах склонения в чувашском языке, что в свою очередь позволяет в чувашском языке выделить не только категорию падежа, но и категорию склонения.

Морфологические категории имени существительного в большинстве случаев трактуются как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородным содержанием. Не отрицая значимости грамматических оппозиций, мы имеем в виду, что содержательная структура грамматических категорий включает не только оппозиции, но и неоппозитивные различия. К примерам неоппозитивного типа имён существительных можно отнести категорию усиления, где

«неусиление» явно не выражено, категории времени и множественного числа. У прилагательных неоппозитивными типами являются категория сравнения, категория выделения (выделительности) на *-и*, *-скер*, категория образа действия.

К неоппозитивным типам категориальных форм имён числительных относятся категория порядковости, категория разделительности, категория образа действия.

У местоимений неоппозитивным типом является категория уподобления.

Всё это говорит о том, что в словоизменительной и формоизменительной системе, значит, в морфологии чувашского языка термин «привативное противопоставление» (или «привативная оппозиция»), заимствованный из фонологии или фонетики, в некоторых случаях неуместен.

Признание многообразия структурных типов грамматических категорий, включающих как оппозитивные, так и неоппозитивные отношения, способствует более глубокому и детальному изучению грамматической системы языка.

Если категориальная форма распространяется на всё множество элементов той части речи, которой она свойственна, то необходимо говорить о тотальности, универсальности явления, т.е. категориальным формам присущ принцип тотальности употребления. Некатегориальные формы характеризуются принципом избирательности употребления.

Термин «тотальный» означает «всеобщий, всеобъемлющий», но принцип тотальности в морфологии (в частности, при определении категориальных форм) не всегда означает всеобщий охват всех слов той или иной части речи. Здесь всегда могут быть исключения из общего правила. Вернее этот принцип можно назвать принципом большинства. Зная всё это заранее, используем термин «принцип тотальности» в качестве рабочего термина.

Считаем, что адекватный анализ категориальных и некатегориальных форм невозможен без специализированного обследования количественной стороны. Выявление частотности той или иной формы не должно оставаться на уровне констатации фактов. Применение количественного анализа должно привести исследователя к качественным выводам, т.е. при помощи количественных методов можно выявить определённые закономерности лингвистического порядка. На особенностях применения количественного анализа остановимся далее.

Признание оппозитивных и неоппозитивных отношений грамматических категорий заставляет задуматься о принципе бинарности категорий, в которых один член оппозиции является немаркированным. Это явление наводит исследователей на мысль, что в агглютинативных языках морфологическая категория носит иногда неоппозитивный характер и под грамматической категорией следует понимать отдельные формы с автономной семантикой, подчиняющиеся принципу тотальности употребления.

В современном языкоznании морфологические классы слов (части речи) определяются по одному или нескольким признакам.

В соответствии с полидифференциальным принципом части речи определяются по совокупности трёх критерев: лексико-семантического, формального (морфологического), функционального (синтаксического).

Не умаляя роли лексико-семантического критерия, мы считаем, что основное внимание должно уделяться формальному (морфологическому) критерию: при распределении слов по частям речи необходимо учитывать наличие словоизменительных категориальных форм, а затем принимать во внимание некатегориальные формальные различия. Категориально-формальный (морфологический) критерий распределения слов по частям речи предполагает выделение таких аффиксов, которые распространяются на всё множество или большинство слов части речи и являются различительными признаками для формального выделения слов определённой группы.

В морфологии чувашского языка наглядно выделяются словоизменение, формоизменение и формообразование, наряду с ними следует различать структурные единицы — категориальные и некатегориальные формы, которые необходимы для производства словоформ при порождении высказывания. Всё это и является основополагающим моментом при описании морфологического строя чувашского языка.

К примеру, имена прилагательные в тюркских языках (в т.ч. в чувашском) до сих пор определялись лишь с точки зрения лексико-семантического критерия (например, имя прилагательное — такая часть речи, которая обозначает признак предмета); а свойством, отличающим прилагательное от существительного, считалось отсутствие у него словоизменительных категорий числа и падежа. Даже проскальзывает мнение, что «в алтайских языках трудно или вообще нельзя делить слова на имена

существительные и прилагательные по их формальным признакам» [176, с. 123].

Между тем имя прилагательное во всех тюркских языках отличается от имени существительного наличием главного опознавательного знака — категории сравнения, а у имени существительного категории сравнения нет, имеется лишь некатегориальная форма сравнения. Прилагательным присуща категория образа действия, а у существительных до категориального уровня она не развита.

Неправы те, кто считает, что имена прилагательные не изменяются ни по падежам, ни по числам. Имена прилагательные изменяются по числам и падежам, но на уровне не словоизменения, а формоизменения: категориальная форма выделения прилагательных на *-и*, *-скер* изменяется по числам и падежам.

Имена существительные изменяются по падежам не только при словоизменении, но и при формоизменении: принимают формант множественного числа *-сем* и склоняются.

Имена числительные отличаются от имён существительных и прилагательных не только тем, что они обозначают количество предметов, но и тем, что имеют разделительную, порядковую категориальные формы и категориальную форму образа действия. Категории множественного числа и падежа характерны для субстантивных имён числительных при словоизменении.

Итак, все именные части речи характеризуются разным набором основных грамматических категорий: категорией принадлежности — существительные; категорией сравнения — прилагательные; категориями порядковости и разделительности — числительные; категорией уподобления на *-шкал* (*-шкел*) — местоимения.

Кроме того, имеются грамматические категории времени, усиления, которые, как показывает материал чувашского языка, характерны не только для имён, но и для почти всех знаменательных частей речи, а также послелогов и некоторых подражательных слов.

Таким образом, грамматический строй чувашского языка представляет собой упорядоченную систему грамматических категориальных и некатегориальных форм, поэтому при морфологической классификации слов (по частям речи) необходимо разграничивать слова не только по лексико-семантическим и

деривационным, но и по морфологическим признакам. Морфологический признак является тем маяком, который более или менее точно указывает, к какой группе слов следует причислить ту или иную лексему.

Далее остановимся на способе количественного анализа для определения употребительности той или иной формы.

В развитой теории грамматических категорий качественный и количественный анализ необходим для чёткого ограничения категориальных форм от некатегориальных. Категориальные формы, как мы уже не раз отмечали, основаны на принципе тотальности употребления (с приблизительной оценкой «больше половины»), а некатегориальные основаны на принципе избирательности употребления (с приблизительной оценкой «меньше половины»); такая методика количественного анализа может быть названа симптоматической. Если речь идет о морфологических категориях, присущих тем или иным частям речи, то шкала «больше» означает больше половины (50 % и более) слов той части речи, в пределах которой рассматривается категориальная форма, шкала «меньше» сигнализирует о меньшей интенсивности употребления формы (иначе говоря, её интенсивность не достигает 50 % слов исследуемой части речи). Наряду с методикой количественного анализа с использованием приблизительных оценок «больше», «меньше», получила распространение статистическая методика, основанная на теории вероятности, т.е. при подсчётах должны учитываться размеры колебаний в каждом случае, средние числа и обработка полученных результатов согласно теории вероятности. Наряду с симптоматической методикой, этот вид анализа может быть назван лингвистическим или процентным.

При исследовании качественно-количественной характеристики категориальных и некатегориальных форм можно предложить два пути эксперимента. Первый — указание на употребительность («больше» или «меньше») умозрительно, исходя из практических знаний языка. Второй — выявление приблизительных оценок «больше» или «меньше» визуально: на основе «звезды» с определённым набором слов для каждого «крыла звезды». Например, надо определить, категориальной или некатегориальной является форма на *-шар* (*-шер*) существительных. Для выяснения вопроса необходимо нарисовать «звезду» с набором 25 слов разного ранга. Путём простого присоединения

к основам слов аффикса *-шар* (*-шер*) сопоставить результат по двум рубрикам:

1) так говорят: *улмашар* «каждому по (одному) яблоку», *қаранташиар* «каждому по карандашу», *сехетшер* «по часу», *килограмшар* «по (одному) килограмму»;

2) так не говорят: *çушар*, *шывшар*, *шухайшар*, *кәмәлишар*, *багажшар*, *гаражшар*, *Петяшар*, *Мускавшар*.

В результате получится, что аффикс *-шар* (*-шер*) присоединяется лишь к четырём основам из 25 приведённых. Если считать 25 слов за 100 %, то 4 слова составят 21 %. Значит, аффиксу *-шар* (*-шер*) в области существительных присущ принцип избирательности, т.е. словоформы с аффиксом *-шар* (*-шер*) могут быть отнесены лишь к некатегориальной форме разделятельности существительных. Аффикс *-шар* (*-шер*) при существительных нельзя считать деривационным потому, что он выступает в синтаксической функции, служит для связи слов: *улмашар илтәмәр* «мы взяли по яблоку», *сехетшер ёслерәмәр* «мы работали по (одному) часу».

Естественно, количество слов в каждой рубрике можно взять не пять, а десять, двадцать, пятьдесят, сто и т.д., но от этого результативность аффикса *-шар* (*-шер*) не увеличится, он может потенциально присоединиться лишь к нарицательным именам, поддающимся распределению по одному, т.е. в основном к словам, относящимся к исчисляемым именам существительным.

Раздел 5

ГЛАГОЛ

Общие замечания

Под глаголом как аксиома понимается: 1) часть речи, обозначающая действие или состояние и выражаяющая эти значения в грамматических категориях времени, лица, числа, наклонения, аспекта, т.е. категориальное значение глагола как части речи составляет обозначение действия в его процессуальности; 2) «часть речи, которая выражает понятие о действии, движении, состоянии, процессе, явлении, которые происходили, происходят или будут происходить в объективной действительности» [136, с. 131] и передаёт эти значения в грамматических категориях лица, числа, аспекта, времени и наклонения.

В число грамматических категорий глагола многие тюркологи включают и категорию залога. Однако спорной остается её интерпретация с точки зрения категориального статуса и места в грамматической системе языка. Как известно, залоговые аффиксы могут изменять лексическое содержание глагольной основы, трансформируя ее первоначальное значение и создавая новую лексическую единицу. Одних исследователей всё это заставляет признать залоговые показатели в качестве словообразовательных элементов или формантов лексического основообразования [58, с. 11–13]. Другие же считают категорию залога непоследовательно коррелятивной морфологической категорией [40, с. 77–85], ибо залог не подчиняется принципу тотальности употребления, т.е. не могут быть образованы все формы залога от всех глаголов, на образование всех форм залога накладываются лексические ограничения. Следовательно, категория залога не отвечает критериям грамматических категорий словоизменительного типа.

Следующей из наиболее дискуссионных проблем в тюркологии является определение грамматической сущности причастных, деепричастных и инфинитивных форм. В чувашском языке имеются явные признаки недостаточной дифференцированности личных и неличных форм глагола. Да и сами неличные формы

глагола в морфологическом отношении резко отличаются друг от друга. Если, следуя утверждениям Э.В. Севортияна и А.М. Щербака, причастие назовём «глагольным именем» [146, с. 9], а деепричастия — «формами неполной вербальности» [191, с. 122], то инфинитив не относится ни к тому, ни к другому.

Исходя из принципа тотальности употребления аффиксов причастий, деепричастий и инфинитива их следовало бы принять за категориальные формы; значит, в чувашском языке мы имеем категории и субкатегории причастий и деепричастий, считающиеся многочленными, а также одночленную категорию инфинитива.

Вопрос о спрягаемых (личных) и неспрягаемых (неличных) формах глагола до конца не решён; последние не признаны грамматическими категориями глагола. В своё время И.П. Павлов писал, что «деепричастие в чувашском языке находит широкое употребление в образовании других грамматических категорий... в кругу этих грамматических категорий деепричастие является в известной степени *узловой категорией*» (курсив наш. — *B.C.*) [116, с. 240].

Не до конца решён вопрос и о так называемых неспрягаемых (неличных) формах причастий настоящего времени на *-акан* (*-екен*, *-кан*, *-кен*) (типа *вулаканам*, *вулакану*, *вулаканē*, *вулаканämär*, *вулаканäр*), будущего времени на *-ас* (*-ес*) (*вулассам*, *вулассу* (*килсен вула*), *вуласси*, *вулассämär*, *вулассäр*), которые с присоединением аффиксов лица становятся спрягаемыми. Принимая идею об образовании давнопрошедшего категорического времени от деепричастия на *-са* (*-се*) и глагольных аффиксов *-тт-äm*, *-тт-än*, *-ччē*, *-тт-äm-äp*, *-тт-äp*, *-чч-ë-ç*, чувашские языковеды умудряются «заглушить» живое действие деепричастия на *-са* (*-се*) путём насильтенного объединения в виде *-сатт* (*-сетт*), тем самым исключая это деепричастие из сферы личных спрягаемых форм [70, с. 197; 118, с. 247—249].

Инфинитив (супин, по Н.И. Ашмарину) в чувашском языкоизнании нередко признаётся неизменяемой глагольной формой, что не соответствует действительности: инфинитив подвержен частичному формоизменению и формообразованию.

Как многочленные рассматриваются категории наклонения и времени глаголов чувашского языка, включающие в свою структуру не только оппозиции, но и неоппозитивные различия. Принято считать, что изъявительное наклонение является

немаркированным членом и реализуется в спрягаемых формах времени, а аффиксы временных форм одновременно являются показателями изъявительного наклонения. Между тем положительный аспект, как немаркированный член оппозиции, реализуется, по мнению исследователей, самой основой глагола. Основой же глагола считается форма 2 лица единственного числа повелительного наклонения. Исследователи, таким образом, сами того не замечая, попадают в противоречие. Член оппозиции, выделяемый по наличию признака, называется «маркированным», «сильным», «положительным»; а член оппозиции, выделяемый по отсутствию признака — «немаркированным». Если считать, что изъявительное наклонение маркируется формами времени, то немаркированным считать его нельзя. К тому же спрягаемые формы времени в чувашском языке реализуются лишь в сочетании с аффиксами лица, следовательно, аффиксы временных форм несамостоятельны. В случае же признания положительного аспекта оппозиция будет базироваться на морфологическом дифференциальном признаком, не совмещающем одно понятие с другим: положительный аспект и форма 2 лица единственного числа повелительного наклонения — получается, что аспект противопоставлен наклонению.

По мнению ряда исследователей, форма будущего времени глаголов чувашского языка не имеет показателя времени. В таком случае форму будущего времени в кругу временных форм чувашского языка следовало бы считать немаркированной. Но этого никто не утверждает, а все заявляют, что чувашская форма будущего времени образуется путём присоединения к основе глагола личных аффиксов. Таким образом, настоящее и прошедшее время глагола маркировано аффиксами, показывающими временное различие, а будущее время — аффиксами лица, т.е. оппозиция строится на разноуровневых критериях.

Приведённые примеры подтверждают, что категориальные формы до сих пор истолковываются произвольно, при определении грамматических категорий не учитываются основополагающие критерии.

Следуя русской грамматической традиции, тюркологи сами усложняют вопрос о категориальных формах глагола. Например, в башкирском языке в число грамматических категорий глагола включена категория переходности — непереходности,

и тут же следует возражение сказанному: «однако значение переходности/непереходности выделяется так или иначе лишь на лексико-семантической основе... по существу своему сводится к уточнению содержания глагольной основы на лексико-семантическом уровне», по роли, которую играет в функционировании глагола, «она относится к сфере синтаксиса» [55, с. 239], т.е. по особенностям управления глаголы делятся на переходные и непереходные.

В чувашском языкоznании вопрос о переходных и непереходных глаголах поднят в трудах В.Г. Егорова [70, с. 152—153] и И.П. Павлова [118, с. 215—217]. В.Г. Егоров утверждает: «...по семантико-грамматическому признаку, по способу управления объектом... глаголы в чувашском языке делятся на две категории — на переходные и непереходные», но «деление глаголов на переходные и непереходные в морфологическом плане не имеет большого значения в чувашском языке, оно не служит целям образования особых грамматических форм». Действительно, деление глаголов на переходные и непереходные никоим образом не касается вопросов словоизменения, формоизменения и формообразования.

Все перечисленные замечания важны для решения проблемы слово- и формообразования глаголов.

А. Словоизменение, словообразование и вопросы формообразования глаголов

Есть ли залоги в чувашском языке?

В тюркологии сложилось мнение, что «залог в тюркских языках ни в его современном состоянии, ни тем более в историческом его прошлом невозможно сколько-нибудь последовательно отграничить от словообразования и квалифицировать как чисто грамматическую категорию глагола» [164, с. 275—276].

Обычно деривационный аффикс, как бы ни был продуктивным, образует новое слово не от любой словарной единицы, входящей в ту или иную часть речи, а лишь от части таких единиц (в нашем понимании это принцип избирательности употребления. — *B.C.*). А реляционный — формы слов, как правило, от всех или большинства слов, принадлежащих одной части речи [120, с. 5].

В тюркологии утверждилось мнение, что залоги образуются не от любой глагольной основы. Это обстоятельство служит основанием для толкования залога с разных точек зрения:

а) залог не может рассматриваться «в качестве чистой грамматической формы», т.е. как словоизменительная категория [145, с. 530]. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, кладут в основу положение общего языкоznания о том, что словоизменительная категория должна быть тотальной — категориальные формы должны образовываться от любых или большинства основ независимо от их лексического значения;

б) категория залога относится к словоизменительным категориям, но она является непоследовательно коррелятивной, «так как все формы залога не могут быть образованы от всех глаголов; на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения» [111, с. 4]. Непоследовательно коррелятивный характер категории залога объясняется лексико-грамматической природой категории залога: залоги выражают отношение реальных семантических категорий — субъекта производителя действия и объекта действия к самому действию [33, с. 22];

в) формы взаимного, понудительного, страдательного и возвратного залога объединяются в категорию залога на основе однородности, родственности их категориальных значений: взаимный залог означает, что действие совершается более чем одним предметом-производителем; содержанием значения понудительного залога является образ действия, связанный с каким-либо предметом, каузируемым к его совершению [60, с. 11]. Таким образом, в основе выделения категории залога — чисто семантическая сторона вопроса, и это обстоятельство позволяет утверждать, что категория залога является словоизменительной;

г) отмечается двойственная функциональная сущность залоговых формантов: «аффиксы вторичных глагольных основ изменяют объективную характеристику исходной основы, сообщая возникающей новой основе способность сочетаться с иными дополнениями (словообразование); эти же аффиксы обозначают характеристику субъекта исходной основы (словоизменение)» [84, с. 7];

д) «в результате словообразования глаголов от глаголов возникают категории залога. Залогом называется такая глагольная

категория, которая устанавливает отношение между субъектом и объектом действия [65, с. 179];

е) «морфологическая по своей технике категория залога в тюркских языках входит в сферу основообразования (промежуточный тип между категориями словообразования и словоизменения). Её категориальное значение формируется на двух уровнях: грамматическом как модификация субстанциальных и/или реляционных свойств субъекта исходного глагола и лексическом — во взаимодействии с лексической валентностью глагола (включая его объектные роли) и реализуется в единстве семантической и синтаксической структур лексемы-предиката» [58, с. 14].

В чувашском языкознании по отношению к залоговым аффиксам существуют два мнения: в школьных учебниках залоговые аффиксы называются деривационными или глаголообразующими; в вузовских — в основном реляционными (за исключением учебника для студентов филологических факультетов, изданного в 2012 г. [154, с. 250—252]).

Чувашская лексикографическая практика относит залоговые формы к словообразовательным, и они выносятся в реестр словарных слов.

Между тем чувашские залоги, по мнению чувашеведов, — разнородные категории. Формы взаимного и возвратного залога образуются не от любого глагола, возможность их образования мотивирована семантикой производящего глагола.

Это даёт право говорить о словообразовательной роли аффиксов *-айн* (*-ён*), *-айл* (*-ёл*); *-аç* (*-ёç*), *-айш* (*-ёш*), прибавляющихся к производной или непроизводной глагольной основе, но сохраняющих определённую генетическую связь с залоговыми значениями, это видно из семантики дериватем. Некоторые исследователи пишут о лексикализации залоговых форм — первоначальной двойкой природе таких форм. Как все деривационные аффиксы, эти форманты привносят новое значение; ср.: *сав* «любить» — *савайн* «радоваться», *хурла* «хулить» — *хурлан* «горевать», *кала* «сказать» — *калаç* «разговаривать», *пул* «быть» — *пулайш* «помогать» и т.д.

Нужно обратить внимание, что аффиксы *-айн* (*-ён*) и *-айл* (*-ёл*) не являются алломорфами, это автономные деривационные аффиксы даже в тех случаях, когда они присоединяются не только к именным и звукоподражательным основам, но и

к глагольным. Например: *пур* «есть» — *пурän* «жить»; *самäр* «жирный» — *самäрäl* «жиреть»; *пар* «давать» — *парän* «сдаваться, покориться»; *яр* «пускать» — *ярän* «кататься»; *çут* «зажечь» — *çутäl* «светить»; *вёр* «дуть» — *вёрёл* «заболеть повторно» и т.д. То же самое надо говорить в отношении аффиксов *-äsh* (-ëш), *-äç* (-ëç, -ç).

Особый интерес представляет в чувашском языке так называемый понудительный залог, аффиксы которого характеризуются тотальностью употребления, тем самым его можно принять за словоизменительную категорию. Для образования значения понудительности существует ряд морфем: *-tar* (-тер), *-ttar* (-ттер); *-ap* (-еп); *-am* (-ем), *-t*. Эти аффиксы невозможно считать вариантами или алломорфами одного аффикса, они — автономные морфемы.

На наш взгляд, аффиксы *-ap* (-еп), *-am* (-ем), *-t* следует отнести к сфере глагольного словообразования, что особенно ярко проявляется тогда, когда аффикс присоединяется к именным основам (в таких случаях о залоговых формах не может быть и речи): *пуç* «голова» — *пуç-ap* «начинать», *пуç-tar* «собирать»; *яка* «гладкий» — *яка-t* «гладить»; *вëç* «конец» — *вëç-ep* и *вëç-er-t* «упускать»; и, как исключение, аффикс *-am* присоединяется к слову *çук* «нет» — *çух-am* «потерять». В случае присоединения к именным частям речи эти аффиксы характеризуются как словообразовательные (о чём в исследованиях указывалось неоднократно).

Аффикс *-am* (-ем) как самостоятельная единица до сих пор был вне поля зрения исследователей, но факт их наличия в чувашском языке, на наш взгляд, неоспорим: *сывар* «спать» — *сывар-am* «заставить спать»; *тär* «стоять» — *тär-am* «заставить стоять»; *хëр* «калиться» — *хëр-em* «вгонять в краску», «заставить краснеть», но *хëр-t* «калить», в переносном значении «пороть».

Особого внимания требуют аффиксы *-tar* (-тер) и *-ttar* (-ттер), которые, как отметил В.Г. Егоров, образуют «понудительные глаголы почти от всех глаголов» (автор использует именно словосочетание «понудительные глаголы», имея в виду глагольные формы на *-tar* (-тер) с понудительным значением) [70, с. 173]. Выражение «почти от всех глаголов» говорит о принципе тотальности употребления аффиксов *-tar* (-тер), *-ttar* (-ттер) и, следовательно, о словоизменительном характере их функции. Поскольку мы отсекли названия «взаимный

залог» и «возвратный залог», то вправе отказаться от термина «понудительный залог», вместо него мы предлагаем термин «категория понудительности» и говорим о слово- и формоизменительной категории понудительности.

Н.И. Ашмарин также старается избегать термина «понудительный залог» и говорит о понудительных глаголах, выражающих «всякое способствование совершению действия» [20, с. 302*], при этом отмечает, что *-тар* (*-тер*) «присоединяется к большой части глаголов, кончающихся на согласный звук и на гласные “и”, “у”, “ү”, причём исключаются глаголы производные, которые кончаются на “р”» [89, с. 305]. Прав Н.И. Ашмарин в том отношении, что аффикс *-тар* (*-тер*) присоединяется к большей части глаголов, а возвратные и взаимные глаголы охватывают лишь незначительную часть глагольной лексики [20, с. 292—296], но, говоря об исключении глаголов производных с конечным «р», автор не вполне прав;ср.: *шайварттар* «заставить поливать», *пёсерттер* (от *тиç*) «заставить варить», *вёлерттер* (от *вил*) «заставить убить», *вёсерттер* «высвобождать», *пётерттер* «заставить кончать, завершить», «губить» и некоторые другие. Все эти примеры относятся к словоизменению (см. также приложение 1 данной книги).

Понудительные форманты могут быть расположеными в одной словоформе в виде цепочки (агглютинация или нагнетание одинаковых форм): *тиç* (*пёç*) «вариться» — *пёç-ер-т-тер-тер* «заставить варить, готовить»; *вёç-ер-т-тер-тер* «заставить высвободить, отцеплять, спускать, расстегивать» и т.д. (Что касается аффиксов со значениями взаимности и возвратности, то здесь такого нанизывания морфем не наблюдается.) В представленных примерах *тиç* (*пёç*) — глагольная основа, *вёç* — именная; форманты *-ер*, *-т* считаем деривационными, ибо они образуют качественно новую лексическую единицу: *тиç* «вариться» — *пёç-ер* «варить», *пёсер-т* «сжечь, жечься», перен. «поколотить»; *вёç* «конец», *вёç-ер* или *вёç-ер-т* «упускать, высвободить». Двуязычные чувашско-русские словари при этом фиксируют лишь формы *пёсерттер* с пометкой «понуд.» от

---

* Просим обратить внимание на то, что в книге Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка» (Казань, 1898) нарушена нумерация страниц: вместо номеров 255—286 напечатано 289—320 (эти номера ещё раз проставлены затем на своём месте). Мы указываем номер, напечатанный в книге. — Прим. ред.

нә̄серт, вә̄серттер — от *вә̄сер* или *вә̄серт*, а словоформы *нә̄серттерттер, вә̄серттерттер* вовсе не упоминаются.

Эти примеры подтверждают, что аффиксы понудительного залога, участвующие в создании цепочек, можно отнести как к словообразовательным, так и к словоизменительным аффиксам: у них в таких случаях проявляется своеобразная полифункциональность. Аффиксы, которые ближе к основе слова, несомненно, носят деривационный характер, а в ауслаутных формантах ярко выражено значение грамматической понудительности. Например, в словах *кәрлемттер* (от *кәрле* «шуметь, греметь, грохотать»), хотя словари дают помету «понуд.» от *кәрле*, часто не улавливаем значения понудительности. Ср.: *Үйра тракторсем кәрлемттересе* «В поле грохочут трактора» [ЧРС, с. 171]. То же в слове *вулаттар*: *Асанне вайл ырыға мана та вулаттарчे* «Бабушка дала прочитать это письмо и мне» [ЧРС, с. 84].

На первый взгляд, в словах *вулаттар* «заставить читать», *пұзлаттар* «заставить начать», *ёслемттер* «заставить работать» представлен вариант аффикса *-тар* (*-тер*) в виде *-ттар* (*-ттер*), поскольку в современном языке нет форм *пұзла-т*, *ёсле-т*. С исторической же точки зрения в форманте *-ттар* (*-ттер*) прослеживаются два аффикса понудительного залога: *-т* + *-тар* (*-тер*). В.Г. Егоров, приводя примеры типа *тәр-ат* «поставить» — *тәрат-тар* «заставить поставить», *кәр-т* «впустить» — *кәрт-тер* «заставить впустить», пишет об омертвении аффикса *-т* (*нә̄л-тер-т-тер* «заставить известить», *тул-тар-т-тар* «заставить наполнить»), в связи с чем будто бы появился аффикс *-ттар* (*-ттер*) [70, с. 176]. В современном языке мы принимаем аффикс *-ттар* (*-ттер*), за исключением ряда случаев, как единый.

В словарях аффикс *-тар* (*-тер*) после аффиксов *-ар* (*-ер*), *-т* (считывающихся деривационными) дан с пометой «понуд.» (т.е. понудительный залог). Например, когда к основе (корню) слова *хәп* «отделяться, отклеиваться, отставать» присоединяются по очереди аффиксы со значением понудительности, мы имеем дериваты *хәпар* «подниматься», *хәпарт* «поднимать, ставить», которые представлены в словаре [ЧРС, с. 546], и словоформу *хәпарттартар* (её в словаре нет).

Действительно, лишь аффикс *-тар* в словоформе *хәпарттар* выражает значение понудительности, у аффикса *-ар* здесь слабо выражено значение понуждения, в словоформе *хәпарт* тоже чув-

ствуется значение понудительности, но значения словоформ *хăпар* и *хăпарт* не совпадают, это указывает на деривацию значений:

<i>хăпар</i>	<i>хăпарт</i>
1) подниматься	1) поднимать
2) лезть, взбираться, залезать	2) вскидывать, поднимать
3) всходить, подниматься	3) складывать, ставить
4) плыть вверх по течению	4) повышать, поднимать
5) расти (вверх)	5) улучшать
6) увеличиваться	6) возвышать
7) перен.: улучшаться	7) натирать (мозоль)
8) вздуваться	8) мат.: возводить
9) опухать	9) в роли вспомогательного глагола
10) в роли вспомогательного глагола	

Нужно обратить внимание еще на одну особенность употребления аффиксов так называемого понудительного залога: аффикс *-тар* (*-тер*) употребляется во многих случаях за аффиксами со значениями взаимности и возвратности, которые в действительности являются деривационными: *çan* «быть» — *çапан* «ударяться», «париться» — *çапантар* «ударять, быть друг о друга»; *үс* «отворять, открывать» — *үçäl* «отворяться, открываться» — *үçälтар* «освежать, очищать»; *кала* «сказать» — *калаç* «разговаривать» — *калаçтар* «заставить разговаривать»; *кил* «приходить» — *килеш* «согласиться», «договариваться» — *килештер* «соглашаться», «облюбовать» и т.д.

Аффиксы понудительности и возвратности иногда следуют за аффиксом учащательности *-кала* (*-келе*): *çan* — *çанкала* — *çанкалан* — *çанкалантар* — *çанкалантартар*, *çапанкалантартар*; *вёт* — *вёткеле* — *вёткелен* — *вёткелентер* — *вёткелентертер*). В таких примерах словообразовательная роль аффикса возвратности налицо: *çan* «быть, ударить» — *çанкалан* «биться, метаться», а аффикс *-ттар* в слове *çанкалантартар* не имеет деривационного значения и выступает в качестве грамматической формы.

Таким образом показатели со значением возвратности *-än* (*-ён*), *-ан* (*-ен*), *-äl* (*-ёл*) и взаимности *-äsh* (*-ёши*), *-äç* (*-ёци*), подобно словообразовательным аффиксам, образуют формы по принципу избирательности. К тому же эти аффиксы частично совпадают с аффиксами, употребляющимися при образовании

глаголов от именных основ: *ас* «память» — *асан* «вспоминать», *хут* «слой» — *хуташ* «перемешиваться», *пуç* «голова» — *пуçан* «положить начало»; *ўсёр* «пьяный» — *ўсёрёл* «опьянеть»; *сутай* «светлый» — *сутайл* «светать, рассветать», *сутал* «светлеть», «белеть». Значит, и аффиксы так называемого возвратного и взаимного залога (присоединяющиеся к глаголам) нужно признать деривационными, образующими глаголы от глагольных основ.

Аффиксы так называемого понудительного залога, образующие формы от именных основ и являющиеся носителями лексикализовавшихся глагольных образований, также следует причислить к деривационным. А в тех случаях, когда они явно выражают значение понудительности, необходимо признавать категориальной формой понудительности.

Итак, явление, рассматривавшееся до сих пор как залогообразование в чувашском языке, — не альтернативный тип отношений членов категории, а в основном деривационный, выявляющий отношения производности так называемых возвратного и взаимного образований, эти формы не образуют словоизменительной парадигмы, т.е. не составляют совокупности форм словоизменения одного и того же глагола. Ср.: *вула* «читать» — *вулаттар* (форма каузатива) «заставлять читать»; но словоформы взаимного залога в виде *вулаши* или *вулайши* в языке нет; форма *вулан* в значении возвратного залога почти неупотребительна; под влиянием русской конструкции иногда говорят: *Кёнеке лайах вуланать* «Книга читается хорошо»; *хәвәрт вуланать* «быстро читается», но это не является нормой чувашского языка.

В парадигме одна форма выделяется в качестве исходной. До сих пор в качестве исходной формы принимали форму так называемого основного (действительного) залога, представляющую собой лексическую основу глагола. Считалось, что при залогообразовании она выступает как начальная материальная база. Но если учесть, что глагольная основа в чувашском языке представляет форму 2 лица единственного числа повелительного наклонения, то необходимо признать, что она не может вступать в парадигматические отношения с залоговыми показателями, ибо она лишена залогового значения. Разноуровневые единицы в одну парадигму не входят. Это означает, что с функционально-семантической точки зрения основа глагола не может считаться основным залогом.

Материал чувашского языка и предложенное нами толкование приводят к следующим выводам.

Возвратного и взаимного залога как морфологических словоизменительных категорий в чувашском языке нет. Аффиксы со значением возвратности и взаимности, образующие формы по принципу избирательности, не могут считаться словоизменительными аффиксами, их следует причислить к деривационным.

Аффиксы каузации (каузативные аффиксы), характеризующиеся признаком универсальности, на самом деле являются многофункциональными. Так, лексикализовавшиеся формы типа *вёрен* — *вёрент*, *лар* — *ларт*, *си* — *ситер*, *ўс* — *ўстер*, *пут* — *путар* залоговыми формами считать не следует, они принадлежат к сфере словообразования. В тех случаях, когда аффиксы *-тар* (*-тер*), *-ар* (*-ер*), *-т* не выполняют глаголообразующую роль, а выражают значение каузации (понуждения), их следует признать каузативными (понудительными) формами; например, при назывании омонимичных аффиксов *-тар* (*-тер*): *пут* «точнуть» — *пут-ар* «потопить» (*-ар* — словообразующий аффикс); *пут-ар-тар* «заставить потопить» (форма каузатива). Таких примеров много: *ўк* «падать» — *ўк-ер* «сваливать», «рисовать» — *ўк-ер-тар* «заставить сфотографироваться»; *шат* «продырявиться» — *шат-ар* «дырявить» — *шат-ар-тар* «заставить продырявить»; *ниç* «вариться» — *неч-ер* «печь, варить» — *неч-ер-тар*, *неч-ер-тар-тар* — «заставить варить». Формоизменительный характер аффикса глагола понудительности *-тар* (*-тер*) ясно проявляется во второй позиции типа: *-тер-тар*: *пёлтертар* «заставить известить», *ситеттар* «заставить накормить», *тултартар* «заставить наполнить».

Категория многократности (учащательности) или категория многократного вида?

В чувашском языке есть особая категориальная форма, выражающая характер протекания действия по его длительности и кратности, на *-кала* (*-келе*), названная учащательной или многократной формой: *кулкала* «посмеиваться, смеяться время от времени», *вулакала* «почитывать», *килкеле* «приходить несколько раз» и др.

Аффикс *-кала* (*-келе*) был объектом внимания Н.И. Ашмарина. По его мнению, он «показывает учащённость, неоднократность, разносторонность действия» (*турткала* «потягивать»,

ёслекеле «работать время от времени»). Эти формы Н.И. Ашмарин никак не именовал, но указал, что аффикс, образующий их, соответствует татарскому аффиксу *кала* (-кәлә, -гала, -гәлә) (*баргаламак* «похаживать», *саккаламак* «поколачивать») [20, с. 292].

В.Г. Егоров образования на *-кала* (-кеle) называл учащательной или многократной формой (*verba frequentativa*) глаголов [70, с. 182]. И.П. Павлов формы на *-кала* (-кеle) именовал «тэмишэ хут форми», т.е. многократной формой [118, с. 230–231]. Л.П. Сергеев, учитывая тотальность употребления глаголов на *-кала* (-кеle), напоминает (вслед за В.И. Сергеевым) о наличии категории учащательности («тätäшлäh категорийё») в чувашском языке [154, с. 355].

Формант *-кала* (-кеle) прибавляется как к производным, так и к непроизводным основам глаголов (*кулкала* «посмеиваться», *чирлекеле* «похварывать», *çävänkala* «умываться слегка», ёслекеле «работать время от времени»), образуя категориальные формы.

Словоформы на *-кала* (-кеle) относятся как к словоизменению (*кайкала*, ёслекеле), так и к формоизменению, особенно часты после категориальной формы понудительности на *-тар* (-ter): *вулаттаркала* «заставлять читать время от времени».

При изменении внутренней валентности или последовательности аффиксальных морфем *-ан* (деривационный аффикс) и *-кала* (-кеle) часто наблюдается изменение их значений: *çапанкала* «ударяться слегка», «париться слегка», *çапкалан* «ударяться», «шляться, шататься», «метаться»; *тапкалан* «дрыгать, пинаться», *тапайнкала* «нападать изредка»; *хыткалан* «заботиться, хлопотать (за кого-либо)», «торопиться, спешить», *хытайнкала* «посуетиться, похлопотать, возиться», *хыткалан* «заботиться», «торопиться», «спешить».

До сих пор формы на *-кала* (-кеle) категориальными не считались, их причисляли к некатегориальным. Но форма на *-кала* (-кеle) является универсальной, т.е. характеризуется максимальной тотальностью распространения, её можно считать категориальной формой.

В некоторых тюркских языках формы типа на *-кала* (-кеle) называются многократным видом; ср.: тув. *номчугула* «многократно (во многих местах) читать», «почитывать»; *бижигиле* «многократно (во многих местах) писать», «пописывать» и т.д.,

где *номчу* «читать» и *бижи* «писать» рассматривают как однократный вид [89, с. 409].

В якутском языке отмечено наличие множественно-многочленного вида, который выражает «последовательное чередование действия или ряда действий во времени»: *хаам* «шагать» — *хаамыталаа* «ходить многократно», «ходить взад и вперед»; *эрдэ турдум* «я встал рано» — *эрдэ туруталаатым* «я вставал рано (подряд несколько раз)» [57, с. 276]. При этом авторы грамматики якутского языка считают, что «при выявлении своих значений те или иные видовые формы противопоставляются своим основам, нейтральным в видовом отношении» [57, с. 275—276]. В чувашском языкоизнании со времён дискуссии по грамматике чувашского языка (1953—1954 гг.) обсуждение вопроса категории вида не отмечалось. В коллективной итоговой статье по материалам дискуссии было заявлено: «Таким образом, в чувашском языке видовая категория не образуется ни при помощи вспомогательных глаголов, ни при помощи форм времени» [175, с. 21]. Тогда же Н.К. Дмитриев указал, что «видовые значения (в чувашском языке. — В.С.) имеют несколько форм выражения, но в силу чрезвычайной индивидуальности их употребления и несистематичности категорию вида в чувашском языке надо считать недоработанной» [175, с. 29].

В тюркологии нет единого мнения по вопросу категории вида. В большинстве тюркских языков эти формы не обладают универсальностью. Отсутствие универсальности и видовой оппозиции послужило причиной полного отрицания некоторыми лингвистами вида в тюркских языках как грамматической категории. Существует мнение, высказанное В.И. Рассадиным: «Если в каком-либо конкретном тюркском языке развились видовые формы, полностью грамматикализовавшиеся и получившие универсальность в их применении, то их следует включать в грамматическую категорию вида. Если же такие формы используются ограниченно, то их следует оставлять в разряде форм акционарта или, другими словами, форм, выражающих характер протекания действия» [136, с. 147—148].

Форма на *-кала* (*-келе*) в чувашском языке получила максимальную тотальность распространения: нет такой глагольной основы, к которой не присоединился бы аффикс *-кала* (*-келе*), следовательно, он характеризуется универсальностью, поэтому эту форму следует считать грамматической категорией многократности.

Интенсивная некатегориальная форма глаголов на *-ала* (-еле)

По данным языковедов, в чувашском языке имеется так называемая интенсивная форма («вайлату форми») глаголов, которая образуется посредством аффикса *-ала* (-еле), но до сих пор статус этого форманта не определён: относится он к словообразованию или к формообразованию. По Н.И. Ашмарину, *-ла* (-ле), *-ала* служат «для образования немногих глаголов, выражающих, по-видимому, напряженность и разнообразность действия (verba intensive)... *ху* “гнать”, *хäвала* “гонять”... (тат. *күумак*, *кыуаламак*)» [20, с. 292]. В.Г. Егоров в разделе «Интенсивная форма глаголов» пишет: «Интенсивные глаголы образуются прибавлением к коренным глаголам аффикса *-ала* (-еле). Интенсивную форму принимают в чувашском языке не более одного десятка глаголов» [70, с. 183]. С одной стороны, он говорит о грамматической форме глаголов, а с другой — об интенсивных глаголах (о словообразовании). И.П. Павлов считает эти формы грамматическими [118, с. 230].

М.И. Скворцов в приложении «Словообразовательные аффиксы чувашского языка» к «Чувашско-русскому словарю» (1982, 1985) *-ала* (-еле) представил как непродуктивный аффикс глагольного словообразования, но тут же, как и В.Г. Егоров, назвал его образующим «интенсивные формы глаголов со значением напряжённости, разнообразия действия» [ЧРС, с. 661].

Итак, исследователи больше говорят (хотя и с долей сомнения) о словообразовательном характере аффикса *-ала* (-еле). В лексикографической практике слова типа *чавала* «рыть», *вётеле* «окалить», *сапала* «рассыпать», *хäвала* «гнать» вынесены в реестр словарных статей, следовательно, лексикографы считают аффикс *-ала* (-еле) деривационным. Мы же хотим отметить, что формы на *-ала* (-еле) образуются по принципу избирательности (их число не более 15), их следует отнести к формообразованию и назвать глагольной формой усиления (интенсива). Признавая это, мы говорим о словообразовательной роли данного форманта, т.е. об интенсивной некатегориальной форме глагола.

Глагольные многочленные категории и их субкатегории

Многочленными категориальными формами чувашского языка считаются наклонение, время, аспект. Субкатегориями категории наклонения являются повелительное, уступительное, желательное наклонения. Так называемое изъявительное наклонение не имеет своих особых показателей и выражается, как утверждается, временными формами глаголов, что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Вопросы возникают и по поводу так называемых сослагательного и долженствовательного наклонений. Субкатегории времени (по В.Г. Егорову): настояще-будущее, будущее возможности, будущее сложное, прошедшее категорическое (определенное), прошедшее неопределенное, давнопрошедшее определенное, давнопрошедшее неопределенное, прошедшее несовершенное или многократное [70, с. 187–202]. К субкатегориям аспекта относят традиционно утвердительный аспект, отрицательный аспект, аспект возможности и аспект невозможности.

Категория и субкатегории наклонения

Категорию и субкатегории наклонения можно описать с точки зрения словоизменения и формоизменения.

Категория наклонения, согласно определению академика В.В. Виноградова, «отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом... выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [46, с 457].

Категория наклонения очень ёмкая и неоднородная, что вызывает повышенный интерес к ней и является причиной существования разных подходов к её изучению. Даже количество наклонений, приводимое в грамматиках тюркских языков, колеблется от 4 до 12. В чувашском языкознании одни исследователи указывают на наличие четырех видов, а другие — пяти.

Большинство тюркологов признаёт наличие у изъявительного наклонения временных форм, которые и выражают значение

этого наклонения. Между тем существование самой категории изъявительного наклонения, выраженной временными формами глагола, вызывает сомнение. В.И. Рассадин предлагает не считать изъявительное наклонение особой категорией, поскольку оно не имеет специального показателя [136, с. 200]. На наш взгляд, мнение автора вполне обоснованно.

Единогласия нет и в следующем вопросе. Одни тюркологи (Н.К. Дмитриев, А.А. Юлдашев, Л.А. Покровская и др.) наклонение рассматривают как словоизменительную категорию, Н.А. Баскаков считает его словообразовательной. Согласно нашей концепции, повелительное наклонение относится к словоизменительной морфологии, а уступительное — к формоизменительной.

Повелительное наклонение

«Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому фактору языка и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любой глагол в выражение приказания. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [46, с. 464].

Формами повелительного наклонения глагола можно выразить различные оттенки изъявления воли говорящего к совершению действия: приказ-повеление, призыв, просьбу, пожелание, совет, разрешение, предупреждение и др. Неподъемным признаком этого наклонения, как справедливо отмечают исследователи, является интонация, посредством которой можно передать и самый грозный приказ, и самую краткую просьбу.

Повелительное наклонение зиждется на словоизменении и отчасти на формоизменении. Парадигма спряжения глаголов повелительного наклонения такова:

Единичность повеления или повеление
единичному субъекту:

1 л. *сыр-ам, ил-ем, вула-ам* «давай напишу, возьму, почитаю», «напишу-ка, возьму-ка, прочту-ка»;

2 л. а) *сыр, ил, вула* «пиши, возьми, читай»;

б) *сыр-сам, ил-сем, вула-сам* «пожалуйста, напиши, возьми, почитай» — форма вежливости;

в) *сыр-ччё, ил-ччё, вула-ччё* — пожелание, просьба совершить действие в более вежливой форме;

3 л. *сыр-тäр, ил-тäр, вулатäр* «пусть пишет, берет (или возьмёт), читает».

Множественность повеления или повеление
нескольким лицам:

1 л.: *сыр-ap, ил-er, вула-ap* «давайте напишем, возьмём, прочтём»;

2 л. а) *сыр-äр, ил-ëр, вул-äр* «пишите, берите, читайте»;

б) *сыр-äр-сам, ил-ëр-сем, вул-äр-сам* «пожалуйста, пишите, берите, читайте»;

3 л. а) *сыр-ччäр, ил-ччёр, вула-ччäр* «пусть пишут, берут, читают»;

б) *сыр-ччäр-ччё, ил-ччёр-ччё, вула-ччäр-ччё* «желательно, чтобы они писали, брали, читали».

Аффиксы *-сам (-сем)*, *-ччё* являются показателями вежливости, благовоспитанности, учтивости; формы, образованные ими, заменяют русское «пожалуйста». Формы вежливости на *-сам (-сем)* и *-ччё* во 2 лице при единичности повеления чувашские языковеды не включают в парадигму спряжения, отмечая: «Для усиления просьбы, для выражения настойчивости... прибавляется частица (? — В.С.) *-сам (-сем)*» [70, с. 204].

Этимология аффиксов императива (повелительного наклонения) в чувашском языке до конца не выяснена. Как видно из парадигмы спряжения, форма повелительного наклонения не имеет специальных аффиксов наклонения, личные окончания этой формы отличаются от личных окончаний других наклонений. По мнению исследователей чувашского языка, 1 лицо единственного и множественного числа повелительного наклонения представляет остаток исчезнувшего желательного наклонения. Н.И. Ашмарин писал: «...первое лицо повелительного наклонения в чувашском языке соответствует 1-му лицу желательного наклонения в турецком языке: *савам* «давай я полюблю» ~ турецц. *севеим, савар* «давайте полюбим», турецц. *севеиз*» [20, с. 309].

М.Р. Федотов отмечает: «Отнесение чувашских глаголов типа *пул-a-m* к повелительному наклонению... не совсем оправдано... чув. *сыр-a-m*, узб. *ёз-ай(ин)*, тат. *яз-ый-m* выражают желание писать в плане будущего (“давай (я) напишу”), “напишу-ка (я)”, но не

приказ (повеление) к совершению действия. Таким образом, сфера повелительного наклонения (императива) в чувашском языке ограничивается вторым и третьим лицами» [177, с. 118].

На наш взгляд, форма 1 лица единичности повеления (*сырам, килем, ларам, пыхам, утам, уттарам* и т.д.) выражает действие, направленное на самого себя, желание самому совершить действие: это и призыв, и приказ. Поэтому приведённые выше формы вполне резонно считать формами повелительного наклонения 1 лица. А формами 1 лица при множественности повеления (*сырап, илер*) и 2 лица (*сырарп, ларарп*) выражается призыв к определённому коллективному действию.

Утверждают, что 2 лицо единичности повеления в тюркских языках выражается основой глагола. Не возражая сказанному, мы считаем необходимым учесть наличие ряда сопутствующих аффиксов, которые усложняют структуру 2 лица императива и служат для передачи экспрессивных оттенков побуждения, повеления, просьбы, приказа и т.д. Аффикс *-сам* (-сем), кроме выражения вежливости, используется и для усиления просьбы, выражения настойчивости, присоединяясь к форме 2 лица единичности и множественности повеления: *илсем* «возьми, пожалуйста», *илсемёр* «возьмите, пожалуйста», спр.: азерб. *алсан*, тат. *алсан* «возьми-ка», «взял бы ты».

Для смягчения просьбы, выражения усиленной просьбы к форме 2 (а также и 3) лица прибавляется аффикс *-чё* (-ччё), что соответствует аффиксу *-чи* ~ *-чү* других тюркских языков: *кил-ччё* ~ др.-турк. *кэл-чү* «приди же»; *илчё* ~ узб. *алчи* «возьми-ка».

В чувашском языке имеем усложнённую форму 2 лица единичности повеления, образованную посредством аффиксов *-сам* (-сем) + *-ччё*: *кала-сам-ччё* «скажи, сделай милость»: *Парсамччё ку кэнекене мана ыранччен* «Пожалуйста, одолжи мне эту книгу до завтра»;

*Ярсамччё, май кильсен, эс
Мана ху адресна* (П. Хузангай)
«Пожалуйста, пришли мне,
Если возможно, свой адрес».

Аналогичная форма на *-син* + *-чи* имеется в некоторых других тюркских языках, но для выражения просьбы к 3 лицу: карач.-балк. *кел-син-чи* «путь-ка придет» (ср. чув. *кил-сем-ччё* «пожалуйста, приезжай или приходи»).

Форма 3 лица единственности повеления образуется посредством аффикса *-тär* (*-tēr*): *куртär*, *килтär*, а множественного числа — посредством *-чäйр* (*-çäér*): *килчäйр* «путь придут». К этим формам может присоединиться аффикс *-чеч* для настойчивого выражения желания говорящего: *килтär* «путь придет» — *килтärчеч* «очень желательно, чтоб он пришёл»; *килчäйр* «путь придут» — *килчäйрчеч* «очень желательно, чтоб они пришли».

Таким образом, повелительное наклонение одновременно относится и к словоизменительной, и к формоизменительной морфологии. Форма 1 лица *сыр-a-m* «напишу-ка», *кил-e-m* «приду-ка» выражает желание совершить действие в плане будущего, поэтому аффикс *-a* (*-e*) предпочтительней считать аффиксом настояще-будущего времени, а не аффиксом деепричастия, как полагал В.Г. Егоров [70, с. 203].

Если допустить, что форма 1 лица единственного числа повелительного наклонения представляет собой остаток исчезнувшего желательного наклонения, как полагают чувашеведы, то мы должны решить вопрос, поставленный А.М. Щербаком: «Из чего и как образовалась форма желательного наклонения?» По его мнению, «прототипом её было осложнённое модальными оттенками субстантивно-адъективное имя действия на *-a* (типа *јаза*, *bara*), развитие которого характеризовалось, с одной стороны, усилением модальности, с другой — вытеснением модальности времененным значением. Абсолютизация временных значений выразилась в использовании имени действия на *-a* в качестве основы настоящего и настояще-будущего времени» [191, с. 54].

Уступительное наклонение

Уступительное наклонение в чувашском языке целиком и полностью относится к формоизменительной морфологии. Формоосновой уступительного наклонения является форма с показателем будущего времени *-ä* (*-ë*) и аффиксом лица, к которой примыкает аффикс наклонения *-ин* (в 1 и 3 лице). Парадигма спряжения глаголов *кур* «видеть», «смотреть» и *кёр* «ходить»:

1 л.	<i>кур-ä-n-in</i>	<i>кур-ä-n-äp-in</i>	<i>кёр-ë-n-in</i>	<i>кёр-ë-n-ëp-in</i>
2 л.	<i>кур-ä-sän</i>	<i>кур-ä-säp-in</i>	<i>кёр-ë-sén</i>	<i>кёр-ë-sëp-in</i>
3 л.	<i>кур-(v)-in</i>	<i>кур-ë-ç-in</i>	<i>кёр-v-in</i>	<i>кёр-ë-ç-in</i>

Мнение Н.И. Ашмарина о тождественности аффиксов чувашского языка 2 лица *-сän* и *-сäp* турецким предикативным

аффиксам *-сын*, *-сыз* разделяет М.Р. Федотов. К сказанному Н.И. Ашмариным он добавляет следующее: «*-сän* (ед. ч.) и *-сäр* (мн. ч.) совпадают, например, с татарским *-сын* (ед. ч.) и *-сыз* (мн. ч.) будущего времени изъявительного наклонения: тат. *бар-ыр + сың* > *барысың* “ты пойдёшь”, однако в чувашском, что вполне естественно предположить, произошёл сдвиг в концессиональном направлении, и поэтому *кай-ä-сän* обозначает теперь: “ну что ж, если ты пойдёшь; пусть ты пойдёшь”» [177, с. 119].

Существует мнение, что путём прибавления аффикса *-ччё* к форме уступительного наклонения образуется желательное, или уступительно-желательное, наклонение (*калайпинччё* «сказал бы я», *курайпинччё* «видел бы я»; *калайсайнччё* «сказал бы ты», *кёреcёнччё* «зашел бы ты»; *калинччё* «сказал бы он», *килинччё* «пришел бы он»). Но, по справедливому замечанию Л.С. Левитской, «эти формы, кроме 3 лица, почти не употребительны: Эх, *атте килинччё!* «Ах, пришёл бы отец!» [99, с. 84].

Желательное наклонение (оптатив) на *-ай* (-ей, -й)

Форма желательного наклонения образуется прибавлением к основе глагола аффикса *-ай* (-ей, -й) (выбор аффикса зависит от характера согласных и гласных глагольной основы), затем последовательно — аффиксов времени и лица. Парадигма спряжения формы глагола желательного наклонения при единичном субъекте:

настоящее время

- 1 л. *лар-ай-а-тä-p* ~ *ларайтäп* «я в состоянии сидеть»
- 2 л. *лар-ай-а-тä-n* ~ *ларайтäн* «ты в состоянии сидеть»
- 3 л. *лар-ай-а-ть* ~ *ларайть* «он (она) в состоянии сидеть»

прошедшее время

- 1 л. *кёр-ей-р-ë-m* «я смог (смогла) зайти»
- 2 л. *кёр-ей-р-ë-n* «ты смог (смогла) зайти»
- 3 л. *кёр-ей-р-ë-v* «он смог (она смогла) зайти»

будущее время

- 1 л. *вула-й-ä-p* «я смогу прочесть»
- 2 л. *вула-й-ä-n* «ты сможешь прочесть»
- 3 л. *вула-й-в-ë* «он (она) сможет прочесть»

Оптатив выражает модальное значение возможности осуществляемого действия.

Аффикс оптатива *-ай* (-ей, -й) в современном чувашском языке является связанным: формы *ларай*, *кёрей*, *ситетай*, *вулай* сей-

час не употребляются, значение возможности завершения действия выражается лишь в сочетании с аффиксом времени и лица. В прошлом самостоятельность аффикса *-ай* (-*ей*) была очевидной. В своё время оптатив был назван Н.И. Ашмариным повелительным наклонением, употребляющимся «для большей выразительности»: *Шыв айне чамай* «Нырни в воду»; *Саварса ҫапай эсё ӓна* «Ты схвати и повали его с размаху»; *Саварса күртей эсё ӓна* «Заверни ты его»; *Халха чиккинчен тахънтарай эсё ӓна* «Дай ты ему в ухо» [25, с. 54].

В чувашском языкоznании нет единого мнения в толковании формы на *-ай* (-*ей*, -*й*). Н.И. Ашмарин, как мы указали, назвал её формой повелительного наклонения, В.Г. Егоров — формой возможности и невозможности [70, с. 183—186], М.Р. Федотов — желательным наклонением [177, с. 117—119], И.П. Павлов — аспектом возможности [118, с. 134]. На наш взгляд, формы на *-ай* (-*ей*, -*й*) предпочтительнее считать оптативом или желательным наклонением. Выделив оптатив в качестве наклонения, мы снимаем проблему категории аспекта полностью, ибо положительный аспект не имеет специального показателя (значит, этого аспекта просто нет в языке), а отрицательный аспект рассматривается нами как категория отрицания, аспект невозможности — как отрицательная форма оптатива.

Есть ли в чувашском языке сослагательное и долженствование наклонения?

В чувашском языке отмечают наличие сослагательного наклонения («ёмёт наклонений») [70, с. 205—208; 118, с. 256—257; 154, с. 371—373], при этом считается, что *-ттā* (-*ттē*) здесь не что иное, как аффикс прошедшего очевидного времени, или *-ттāм* (-*ттēм*), -ччё представляют личные окончания прошедшего времени древнего глагола *имек*: *кал-ӓ-ттāм* (основа *кала-*) «я сказал бы» (сейчас или потом, в будущем) [70, с. 205].

Но формы типа *вулāттāм* «читал бы», *илёттēм* «купил бы» не имеют специальных показателей наклонения, поэтому их следует считать формами второго будущего времени, назвав «будущее время условия» или «будущее условное время»:

1 л. *кур-ӓ-ттā-м*

ср. *кур-ӓ-п*

2 л. *кур-ӓ-ттā-н*

кур-ӓ-н

3 л. *кур-(ӗ)-чч-ӗ*

кур-в-ӗ (или *кур-ӗ-в*)

Семантика будущего времени условия такова, что в нем нет намека на прошлое, поэтому элемент *-ттā* (*-ттē*) предпочтительней связать с глаголом *tāp* (~ *tāran*) (входящим также в состав показателя настоящего времени): *сыр-ā-ттā-m* означает: а) «я писал бы сейчас» (но нет бумаги, ручки и т.п., т.е. условий для совершения действия); б) «я писал бы потом, в будущем» (но нет времени, желания и т.д., т.е. опять-таки нет условия).

М.Р. Федотов в число наклонений включает долженствование наклонение на *-малла* (*-мелле*), *-малли* (*-мелли*) (которое рассматривается, как правило, в качестве причастия долженствования или «долженствовательного наклонения» причастий) [70, с. 227—229; 118, с. 278—279]. По мнению автора, долженствовательное наклонение есть во всех тюркских языках, «но выражаемые им понятия долженствования, необходимости, надобности в разных языках реализуются различно»: в турецком и азербайджанском языках к аффиксу *-малы* (*-мели*) прибавляются аффиксы лица и числа; в туркменском и гагаузском языках долженствовательная форма не принимает личных окончаний, их заменяют личные местоимения — так же спрягается долженствовательная форма чувашского глагола [177, с. 120—121]:

туркменский язык		чувашский язык
<i>мен</i>		<i>ман(āн)</i>
<i>сен</i>		<i>сан(āн)</i>
<i>ол</i>		<i>ун(āн)</i>
<i>биз</i>		<i>тирēн</i>
<i>сиз</i>		<i>цирēн</i>
<i>олар</i>		<i>вёсен</i>
	яз-малы	
		сыр-малла

А.М. Щербак чувашскую форму долженствовательного наклонения на *-малла* (*-мелле*) включает в число «форм других косвенных наклонений» [191, с. 66—67].

Наклонение как одна из категорий глагола выражает отношение действия к действительности, которое устанавливается говорящим. Это основное требование наклонения долженствовательной формой на *-малла* (*-мелле*) не выполняется. Она не имеет синтетической формы спряжения, что уже свидетельствует о том, что эта форма стоит вне категории наклонения. К тому же в чувашском языке очень много примеров, когда выражаемое аффиксом *-малла* (*-мелле*) действие не устанавливается

говорящим: *каламалла сামах* «слово, которое нужно сказать», *сүтмелле çёр* «место, куда следует дойти, доехать». По указанным причинам показатель *-малла* (-мелле) вряд ли может считаться аффиксом наклонения.

Категория времени

Категория времени показывает локализацию во времени того действия, которое обозначено основой глагола. Она отражает реальное с точки зрения говорящего лица действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему. Обычно временные формы стараются связать с изъявительным наклонением, считая, что это наклонение выражается временными формами глагола, но не имеет специального показателя. Но временные формы и сами не самостоятельны, своё значение выражают лишь в связи с аффиксами лица. Отсутствие специального показателя указывает на то, что изъявительного наклонения вообще нет, оно приписывается (или навязывается) языку имплицитно. Следовательно, изъявительное наклонение называть особым наклонением нет никакой надобности, это необозначенная (немаркированная) понятийная форма, имеющая отвлечённое обобщённое значение.

С точки зрения материального выражения категория времени в чувашском языке является не самостоятельной категорией, её существование неразрывно связано с категорией лица, аффиксы которой взаимосвязаны с аффиксами временных форм. Если мы формоизменение именных частей речи изучали, отталкиваясь от основы слова и аффиксов формоосновы, то категорию времени приходится описывать исходя из категории лица, ибо она является показателем реальности временных форм. Например, формы *нäхр*, *нäхат*, *нäхатт*, *нäхсатт* без показателей лица в чувашском языке не употребляются и ничего не выражают. Значит, в чувашском языке временные формы являются двусторонне связанными: с одной стороны, связаны с основой слова, с другой, привязаны к аффиксам лица. Но из этого не следует, что здесь нет морфемной членности. Благодаря основе глагола с определённым лексическим значением и аффиксам лица, выражющим действие субъекта, выделение значений временных форм не представляет трудности: *нäх-р-äm* (или *нäх-рä-м*) «я смотрел»; *нäх-ат-än* (или *нäх-а-тä-n*); *нäх-а-n* «я смотрю» и т.д.

В чувашском языке есть и «свободные» временные формы: например, так называемое прошедшее неочевидное время (или причастие прошедшего времени) на *-нā* (-*nē*), которое спрягается аналитически, а не синтетически:

эпē курнā «я видел»	эпир курнā «мы видели»
эсē курнā «ты видел»	эсир курнā «вы видели»
вайл курнā «он видел»	вëсем курнā «они видели».

Настоящее время

В чувашском языке существуют два структурных типа настоящего времени — полный и усечённый:

единичность субъекта	
полный	усечённый
1 л. <i>вулатān</i> — <i>вулан</i>	«читаю»
2 л. <i>вулатān</i> — <i>вулан</i>	«читаешь»
3 л. <i>вулат(ē)</i> — <i>вулать</i>	«читает»
полный	усечённый
<i>pélémēn</i> — <i>pélen</i>	«знаю»
<i>pélémēn</i> — <i>pélen</i>	«знаешь»
<i>pélém(ē)</i> — <i>pélém</i>	«знает»

множественность субъектов	
1 л. <i>вулатnāp</i> — <i>вулappār</i>	«читаем»
2 л. <i>вулатnāp</i> — <i>вулatāp</i>	«читаете»
3 л. <i>вугaççē</i> — <i>вугaç</i>	«читают»
<i>pélémtpēr</i> — <i>pélēppēr</i>	«знаем»
<i>pélémtpēr</i> — <i>pélémtpēr</i>	«знаете»
<i>pélēççē</i> — <i>pélēç</i>	«зnaют»

Первая (полная) форма считается общепринятой (литературной), а вторая (усечённая или неполная) — разговорной, хотя в поэзии обе эти формы употребляются одинаково широко:

— *Xur савнā ёçшēn ёмēre*, —
Ten эп хама, сана náxassán (П. Хузангай)
«— Отдай свою жизнь за дело любимое, —
Твержу я себе, когда смотрю на тебя».

Téppne пăхан: тата çuk-i? (П. Хузангай)
«Глянешь на дно: нет ли ещё?»

Здесь *ten* равнозначно по значению полной форме *temēn* «говорю себе», *пăхан* — форме *пăхатān* «глядишь».

По единодушному мнению чувашеведов, основой настоящего времени является деепричастие на *-a* (-*e*), к которому присоединяется аффикс *-m* (исторически восходящий к глаголу *тăр* «стоять, находиться», а может быть, к причастию настоящего времени *тăран*, равнозначному древнетюркскому причастию будущего времени *турур*), затем — аффиксы лица:

сыратān < *сыра* + *tāp(ан)* + *энē*, букв.: «пиша стоящий (находящийся) я», т.е. «пишущий я» [70, с. 188]. Эта форма совпадает с аналогичной формой настоящего времени многих тюркских языков, образующейся по структурной модели: деепричастие на *-a* (*-e*) + вспомогательный глагол *tur-* + аффикс лица.

В форме, названной усечённой (неполной, краткой или разговорной), в 1 и 2 лице единичности действия аффиксы лица присоединяются как бы непосредственно к деепричастной форме на *-a*, подобно форме настоящего времени в татарском и башкирском языках, где глаголы *ал* «брать, взять», *кил* «приходить, приезжать» имеют следующую парадигму спряжения в настоящем времени:

1 л. <i>ал-a-м(ын)</i>	<i>ал-a-быс</i>	<i>кил-ə-м</i>	<i>кил-ə-без</i>
2 л. <i>ал-a-сан</i>	<i>ал-a-сыз</i>	<i>кил-ə-сең</i>	<i>кил-ə-сыз</i>
3 л. <i>ал-a</i>	<i>ал-a-лар</i>	<i>кил-ə</i>	<i>кил-ə-лер</i>

Полагая, что *-a* (*-e*) является аффиксом деепричастия, а *-т* — показателем настоящего времени, исследователи впадают в необъяснимое противоречие: спрягаемой основой будто бы является деепричастие. Однако, опять же по единодушному мнению тех же исследователей, деепричастия не склоняются и не спрягаются.

Ближе к истине, на наш взгляд, Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева. По их мнению, *-a* (*-e*) является показателем настоящего времени, который существовал уже в тюркском праязыке, и первоначально формы с этим аффиксом обозначали многократное или длительное время [49, с. 85].

Таким образом, в чувашском языке имеются два структурных типа настоящего времени: основа глагола + *-a* (*e*) (аффикс настоящего времени) + аффиксы лица; основа глагола + *-a* (*-e*) + *-т* (дополнительный показатель настоящего времени) + аффиксы лица.

В отрицательной форме показатель настоящего времени *-a* (*-e*) выпадает, поэтому роль форманта настоящего времени полностью переносится на аффикс *-т*: *ил-мес-t-ēn* (или *ил-мес-tē-n*) «не беру», *кай-mac-t-ān* (или *кай-mac-tā-n*) «не иду».

Далее несколько слов о морфемной членности форм настоящего времени. Здесь мнения исследователей расходятся.

И.П. Павлов приводит парадигму спряжения глаголов *сыр* «писать», *ёсле* «работать» в следующем виде:

единичное число

1 л. <i>сыр-ат-ай</i> «пишу»	<i>ёсле-т-ён</i> «работаю»
2 л. <i>сыр-ат-айн</i> «пишешь»	<i>ёсле-т-ён</i> «работаешь»
3 л. <i>сыр-ат-в</i> «пишет»	<i>ёсле-т-в</i> «работает»

множественное число

1 л. <i>сыр-ат-п-эр</i> «пишем»	<i>ёслет-п-эр</i> «работаем»
2 л. <i>сыр-ат-в-эр</i> «пишете»	<i>ёсле-т-в-эр</i> «работаете»
3 л. <i>сыр-ас-в-чё</i> «пишут»	<i>ёсле-с-в-чё</i> «работают»

Автор указывает, что показателем настоящего времени является аффикс *-ат* (*-ем*), алломорф *-т* при этом не упоминается [118, с. 236—237].

М.Р. Федотов парадигму глагола *сыр* «писать» представляет так:

1 л. <i>сыра-т-ай</i> «пишу»	<i>сыра-т-пэр</i> «пишем»
2 л. <i>сыра-т-ай-н</i> «пишешь»	<i>сыра-т-ай-р</i> «пишете»
3 л. <i>сыра-т-ь</i> (< <i>сыра-т-е</i>) «пишет»	<i>сыра-чё</i> (< <i>сыра-т-чё</i> , < <i>сыра-чё</i>) «пишут»

Показателем настоящего времени является, с точки зрения автора, аффикс *-т-а* (*-тё*, *-т*), стянувшийся в один согласный звук, восходящий к вспомогательному глаголу *тэр-* (др.-турк. *tur*). Структурная модель образования формы настоящего времени в чувашском языке, по мнению М.Р. Федотова, совпадает с моделью большинства тюркских языков, эту модель он представил в следующем виде: деепричастие на *-а* + вспомогательный глагол *тэр* ~ *-т-а* (в разной степени сохранности) + аффикс лица [177, с. 82].

Заслуживает внимания в приведённых парадигмах спряжения показатель настоящего времени. М.Р. Федотов, приняв *-а* за показатель деепричастия и соединяя её с основой слова в виде *сыра-*, допускает традиционную ошибку, но в его теории есть рациональное зерно — обоснование происхождения форманта *т-*: вспомогательный глагол *тэр* > *т-а* (*тё*) > *т-*.

Итак, в краткой форме типа *сырап* «пишу», *нёлен* «знаешь» показателем настоящего времени являются все же *-а* (*-е*) и аффикс лица. Формант *-а* (*-е*) восходит к древнему аффиксу *-а*, означавшему многократное или длительное действие. В полной же форме (*сыратайн*, *нёлетён*) представлены два аффикса настоящего времени, если считать *тэр-ан* (< *-т-а* (*-тё*) ~ *-т*) причастием настоящего времени. Графически общая схема выглядит так: *сыр-а(-т-а)-н*, *нёл-е(-тё)-н*.

Структурную модель полной формы настоящего времени можно назвать моделью настоящего времени на *-a* (*-e*) с наращениями *-tā* (*-tē*, *-m*).

Краткая форма настоящего времени в чувашском языке представляет собой смешанный тип спряжения: наращение *-t* (*-tā*, *-tē*) то появляется, то исчезает: *сыр-a-n*, *сыр-a-n*, *сыр-a-tb*, *сыр-a-tn-ärp*, *сыр-a-t-ärp*, *сыр-a-çç-ë*.

При спряжении полной формы в 3 лице множественности действия наращение *-t* исчезает (*сыр-a-çç-ë*), аффикс множественного числа *-ç* геминируется. При спряжении глагольных основ на гласные *-a*, *-e* (*кала-tā-n* «говорю», *çуре-tē-n* «двигаясь», «хожу») исчезает показатель настоящего времени, роль форманта настоящего времени полностью переносится на наращение *-tā* (*-tē*).

Что касается аффиксов лица, то обращают на себя внимание 1 и 2 лицо единственности действия, показателями которых выступают форманты *-n* и *-h* как в краткой, так и в полной формах:

1 л. <i>kēr-e-tē-n</i>	<i>kēr-e-n</i> «вхожу»
2 л. <i>kēr-e-tē-h</i>	<i>kēr-e-h</i> «входишь»
3 л. <i>kēr-e-t-ë</i>	<i>kēr-e-t</i> «входит»

Наблюдается выпадение показателя 3 лица *-ë*: *kēretē* > *kēret*; *lаратē* > *ларать*.

Будущее время

Долгое время господствовало мнение о том, что форма будущего времени в чувашском языке не имеет временного показателя и образуется путём присоединения к основе глагола личных аффиксов [70, с. 190].

М.Р. Федотов утверждает, что существует определённая схема образования форм будущего времени «с единой парадигмой для всех трёх лиц, т.е. чувашское будущее время на *-ä* (*-ë*) восходит к *-ärp* (*-ërp*), что говорит об общетюркском характере его образования» [177, с. 92]. Мы поддерживаем это мнение и морфемное членение форм будущего времени представляем в следующем виде:

единичность субъекта

1 л. <i>кур-ä-n</i> «увижу»	<i>nēl-ë-n</i> «узнаю»
2 л. <i>кур-ä-h</i> «увидишь»	<i>nēl-ë-h</i> «узнаешь»
3 л. <i>кур-ë</i> «увидит»	<i>nēl-ë</i> «узнает»

множественность субъектов

1 л. <i>кур-ă-n-ăр</i> «увидим»	<i>пёл-ĕ-n-ĕр</i> «узнаем»
2 л. <i>кур-ă-v-р</i> «увидите»	<i>пёл-ĕ-v-р</i> «узнаете»
3 л. <i>кур-v-ĕ-ç</i> (или <i>кур-ĕ-v-ç</i>) «увидят»	<i>пёл-v-ĕ-ç-ĕ</i> (или <i>пёл-ĕ-v-ç</i>) «узнают»

Основы, оканчивающиеся на гласные *a*, *e*, подвергаются процессу наложения морфов и редуцируются; ср. спряжение глаголов *вula* «читать», *çуре* «ходить», *täp* «стоять», *kil* «прийти»:

<i>вул-ă-n</i>	<i>çур-ĕ-n</i>	<i>täp-ă-n</i>	<i>kil-ĕ-n</i>
<i>вул-ă-n</i>	<i>çур-ĕ-n</i>	<i>täp-ă-n</i>	<i>kil-ĕ-n</i>
<i>вул-v-ĕ</i>	<i>çур-v-ĕ</i>	<i>täp-v-ĕ</i>	<i>kil-v-ĕ</i>

Как и в формах настоящего времени, в формах будущего времени показателями лица являются *-n*, *-h*, *-ĕ* (в форме 3 лица стечениe двух гласных *-ă* + *-ĕ* или *-ĕ* + *-ĕ* приводит к наложению морфов, в результате один из этих формальных показателей выпадает), формант отрицания *-m* вставляется между основой глагола и показателем временной формы:

<i>кур-m-ă-n</i>	<i>пёл-m-ĕ-n</i>	<i>tä-m-ă-n</i>	<i>kil-m-ĕ-n</i>
<i>кур-m-ă-n</i>	<i>пёл-m-ĕ-n</i>	<i>tä-m-ă-n</i>	<i>kil-m-ĕ-n</i>
<i>кур-m-v-ĕ</i>	<i>пёл-m-v-ĕ</i>	<i>tä-m-v-ĕ</i>	<i>kil-m-v-ĕ</i>
(или <i>кур-m-ĕ-v</i>)	(или <i>пёл-m-ĕ-v</i>)	(<i>tä-</i> < <i>täp-</i>)	

Аффикс будущего времени *-ă* (*-ĕ*) представлен в формах уступительного и так называемого сослагательного наклонения, тем самым можем говорить о временных значениях этих форм: *кал-ă-n-ин*, *кил-ĕ-n-ин*; *кал-ă-тт-äm* «(я) сказал бы», *кил-ĕ-тт-эм* «(я) пришёл бы».

Прошедшее время

Н.И. Ашмарин внёс большой вклад в решение проблемы определения закономерностей употребления форм прошедшего времени чувашского языка. Они описаны им во 2-й части «Опыта исследования чувашского синтаксиса» под следующими названиями: прошедшее время действия (*килтём* «(я) пришёл», *килтён* «(ты) пришёл», *килчё* «(он) пришёл»); предварительное действия (*килсеччёç* «(оны) приходили раньше»); прошедшее многократное или несовершенное действия (*çуреттён* «(ты) ходил было»); прошедшее состояния (*вуланай* «(он) прочитал»); предварительное состояния 1-е (*вуланаччё* «(он) прочитал

раньше»); предварительное состояния 2-е (*сырнă пулнă* «(он) написал было»); прошедшее многократное состояния 1-е (*кайнă пулнă* «(он) шёл» — *was going*, тат. *бара булган*); прошедшее многократное состояния 2-е (*кайнă пулатчë* «(он) бывал куда-то вышедшим», «бывал в отлучке»); настоящее-прошедшее (*Эпë сан пата пымассерен эсë таçта тухса кайнă пулатн* «Я прихожу к тебе, а ты каждый раз бываешь в отлучке») [21, II, с. 185—236].

Впоследствии номенклатура форм прошедшего времени чувашского языка рассматривалась разными авторами по-разному. Н.К. Дмитриев и С.П. Горский представили такие формы прошедшего времени: прошедшее определённое (очевидное) время (в сноске уточнено, что в грамматиках тюрksких языков употребляется другой термин — «прошедшее категорическое»), прошедшее неопределенное (неочевидное) время, прошедшее многократное время, давнопрошедшее определённое (очевидное) время и давнопрошедшее неопределенное (неочевидное) время [68, с. 885—887].

В научной грамматике чувашского языка, вышедшей в 1957 г., В.Г. Егоров даёт следующую номенклатуру названий форм прошедшего времени: прошедшее категорическое (*сыртам* «написал»); прошедшее неопределенное (*эн вуланă* «я читал», букв.: читавший я); давнопрошедшее категорическое (*сырсаттăн* «(ты) написал было»); давнопрошедшее неопределенное время (*эн сырнăччë* «я писал»); прошедшее несовершённое или прошедшее многократное время (*саваннаттам* «(я) было радовался») [70, с. 192—202]. Заметьте: В.Г. Егоров глагольную форму на *-нă* (*-нë*) называет то прошедшим неопределенным временем [70, с. 195—197], то причастием прошедшего времени [70, с. 221—223].

И.П. Павлов приводит следующие формы прошедшего времени: прошедшее однократное время (*сыртам* «(я) писал»); прошедшее многократное время (*сыраттам* «(я) бывало, писал»); прошедшее предварительное время (*сырсаттам* «(я) написал было») [118, с. 241—249].

Признавая, что «в сферу прошедшего времени чувашского глагола входят простые и сложные формы» [177, с. 95], М.Р. Федотов к простым формам относит прошедшее очевидное на *-тă* (*-тë*), *-рă* (*-рë*) (*куртам* «(я) видел», *вуларам* «(я) читал»), прошедшее неочевидное на *-нă* (*-нë*) (по его мне-

нию, в чувашском языке эта форма представляет собой причастие прошедшего времени на *-нä* (*-në*) в положительной форме и на *-н* в отрицательной форме: *кайнä* «ушедший», «ушёл»; *килнë* «пришедший», «пришёл»; *кай-ма-н* «не ушедший», «не ушёл»; *кил-ме-н* «не пришедший», «не пришёл») [177, с. 102–106]) и прошедшее неочевидное на *-са* (*-ce*) (но отмечено, что форма на *-са* (*-ce*) не принята в качестве литературной нормы, ибо характерна лишь для говоров верховых чувашей). М.Р. Федотов считает, что эффект «спряжения» деепричастия на *-са* достигается постановкой перед деепричастием соответствующих личных местоимений: *энë* (*эсë*, *вäl*) *сырса* «я (ты, он) писал», *энipr* (*эсипр*, *вëсем*) *сырса* «мы (вы, они) писали» [177, с. 106]. В качестве сложных М.Р. Федотов рассматривает формы, в которых, кроме значения прошедшего времени, имеются «дополнительные значения, остающиеся в сфере прошедшего времени» [177, с. 109], в том числе плюсквамперфект (у Н.И. Ашмарина «предварительное состояния 1-е»), состоящий из причастия прошедшего времени на *-нä* (*-në*) и «рефлекса вспомогательного глагола “быть” *-чë* (*-ччë*), но без аффиксов лица»: *энë сырнäчë* «я писал тогда (раньше)» [177, с. 113].

Обзор научной литературы приводит к выводу: в чувашском языке имеются два типа спряжения глаголов в прошедшем времени — аналитический и синтетический.

К аналитическому типу спряжения относятся: 1) прошедшее неопределённое (неочевидное) время на *-нä* (*-në*), которое характеризуется отсутствием синтетического выражения лица и числа, а эффект спряжения достигается постановкой (притом обязательной) в препозиции личных местоимений: *энë* (*эсë*, *вäl*) *сырнä* «я (ты, он) писал»; *энipr* (*эсипр*, *вëсем*) *сырнä* «мы (вы, они) писали»; 2) прошедшее неопределённое время на *-са* (*-ce*), характерное в первую очередь для верхового диалекта чувашского языка: *энë* (*эсë*, *вäl*) *сырса* «я (ты, он) писал»; *энipr* (*эсипр*, *вëсем*) *сырса* «мы (вы, они) писали»; 3) плюсквамперфект, образующийся по модели: *-нä* (*-në*) + *-ччë* «я (ты, он) писал (раньше)»; *энipr* (*эсипр*, *вëсем*) *сырнäчë* «мы (вы, они) писали (раньше)».

Аналогичный тип полного аналитического спряжения замечен ещё в двух языках тюркской семьи: сарыг-югурском и саларском. «Причина разрушения общетюркской временной

парадигмы в сарыг-югурском языке (и в саларском. — В.С.) непосредственно связана с исчезновением различий в лице и числе форм принадлежности и сказуемости, форманты которых участвуют в сложении времен», — пишет Э.Р. Тенишев [170, с. 25].

Аналитическое спряжение причастия прошедшего времени представлено также в тувинском языке. «Особенность данной формы в тувинском языке (в отличие от других) состоит в том, что она спрягается аналитически, а не синтетически: к спрягаемой причастной форме на *-кан* присоединяются личные показатели — омонимы личных местоимений (*мен*, *сен*, *бис*, *силер*), причем последние сохраняют фонетический облик отдельного слова и не сливаются с причастной основой на *-кан*: *мен алган мен* «я взял», *сен алган сен* «ты взял», *ол алган* «он взял», *бис алган бис* «мы взяли», *силер алган силер* «вы взяли», *олар алган (нар)* «они взяли» [89, с. 369—370]; ср. чув.: *энэ илнёччё*, *эсё илнёччё*, *вал илнёччё*, *эпир илнёччё*, *эсир илнёччё*, *вёсем илнёччё*.

Нельзя не отметить, что форма 3 лица тувинского языка *ол алган* имеет соответствующие параллели в шорском (*ол алган*), хакасском (*ол алган*), алтайском (*ол алган*), киргизском (*ал алган*) «он взял»; но формы 1 и 2 лица единственного и множественного числа строятся в тувинском иначе, нежели в других тюркских языках; ср.: шор. *мен алгам*, хак. *мин алгам*, алт. *мен алганим* (~*алгам*), кирг. *мен алган-мын* «я взял», т.е. спрягаются синтетически.

В чувашском языкоznании прошедшее время на *-нä* (-*нё*) иногда именуют прошедшим неочевидным временем. Термин «неочевидное» не всегда соответствует названию, поскольку сталкиваемся со множеством примеров, когда форма на *-нä* (-*нё*) выражает вполне очевидные для говорящего действия, имевшие место в прошлом: *Энэ колхозра 25 çул ёçленé* «В колхозе я проработал 25 лет» (человек за столько лет не мог не заметить себя работающим). Если употребить термин «прошедшее неочевидное время», то получается, будто он всегда означает действие, очевидцем которого говорящий фактически не был. Поэтому эту временную форму следовало бы именовать «прошедшее неопределенное время на *-нä* (-*нё*)». Б.А. Серебренников предлагал другой термин — «прошедшее второе» — и рекомендовал внести его в грамматики чуваш-

ского языка [155, с. 185], но его термин остался невостребованным.

К **синтетическому типу спряжения** относятся: 1) прошедшее категорическое (или прошедшее очевидное, прошедшее однократное) время, т.е. перфект; 2) прошедшее многократное время.

Морфемное членение словоформ перфекта целесообразно показать в следующем виде:

единичность субъекта

1 л. <i>кур-tä-m</i> «(я) видел(а)»	<i>вула-rä-m</i> «(я) читал(а)»
2 л. <i>кур-tä-n</i> «(ты) видел(а)»	<i>вула-rä-n</i> «(ты) читал(а)»
3 л. <i>кур-ч(v)-ë</i> «(он, она) видел(а)»	<i>вула-p(v)-ë</i> «(он, она) читал(а)»

множественность субъектов

1 л. <i>кур-tä-m-är</i> «(мы) видели»	<i>вула-rä-m-är</i> «(мы) читали»
2 л. <i>кур-tä-v-r</i> «(вы) видели»	<i>вула-rä-v-r</i> «(вы) читали»
3 л. <i>кур-ч(v)-ë-c</i> «(они) видели»	<i>вула-p(v)-ë-c</i> «(они) читали»

Что касается трёхвариантности аффикса прошедшего однократного времени, то причины здесь чисто фонетические: если основа глагола оканчивается на *л*, *н*, *р*, то аффикс прошедшего времени имеет форму *-tä* (*-tē*), а в 3 лице звук *t* сильно палатализуется и переходит в *ч*: *кан-tä-äm* «(я) отдыхал», *кан-ч(v)-ë* «(он) отдыхал», причём под влиянием показателя 3 лица *ä* переходит в *ë* и исчезает совсем. Алломорф *-rä* (*-rë*, *-p*) присоединяется к основам с гласными и согласными (за исключением указанных выше *л*, *н*, *р*): *ёсле-rë-m* «(я) работал»; *вула-rä-m* «(я) читал»; *хуп-rä-m* «(я) закрыл»; *хуш-rä-m* «(я) приказал»; *кёт-rë-m* «(я) ждал» и т.д.

Таким образом, прошедшее однократное время в чувашском языке образуется при помощи аффикса *-tä* (*-tē*, *-rä*, *-rë*, *-ч*). В форме прошедшего однократного времени, как и в формах настоящего и будущего времени, показатели времени являются связанными, т.е. несамостоятельными, их значение проясняется лишь в связи с аффиксами лица: формы *вула-rä*, *вула-p*, *сён-të*, *кур-tä* в языке ничего не значат, только при наличии аффиксов лица выявляется значение времени аффиксов *-rä*, *-p*, *-tä*, *-tē* — *вуларäm*, *вуларän*, *вуларë*; *сёнтëм*, *сёнтëн*, *сёнчë*; *куртäm*, *куртän*, *курчë*.

Образование формы прошедшего многократного времени объясняется по-разному. Исходя из вариантов толкования

А.И. Иванов представил варианты морфемного членения 1 лица единственности действия прошедшего многократного времени: 1) *сыра-ttäm*, 2) *сырат-m-äm*, 3) *сыр-a-m-täm*, 4) *сыр-a-m-m-äm*, 5) *сыр-a-mm-äm*, 6) *сыр-atmm-äm*, 7) *сыр-at-m-äm*, 8) *сыр-at-täm*, 9) *сырат-täm* [80, с. 170].

В.Г. Егоров считает, что эта времененная форма образуется по схеме: деепричастие на *-a* (*-e*) + аффикс *-m* (восходящий к глаголу *täp* «стоять» или причастию *täran*) + личные окончания (восходящие к личным местоимениям) [70, с. 200]. Выходит, спрягаемой основой для прошедшего многократного времени является деепричастие на *-a* (*-e*). Если так, то деепричастия на *-a* (*-e*) следует считать спрягаемыми формами.

И.П. Павлов утверждает, что к основе глагола здесь присоединяются аффиксы многократного времени *-atmm* (*-atç*), *-etmm* (*-etç*) + аффиксы лица. Но, по мнению автора, с этимологической точки зрения имеется формант настоящего времени *-am* (*-em*) + показатель прошедшего однократного времени недостаточного глагола *-m* (*-ç*) (*кур-am-m-äm*, *кур-am-m-än*, *кур-am-ç-ë*), которые вместе образуют в современном языке комплексный аффикс прошедшего многократного времени [118, с. 245–246].

У А.И. Иванова имеется следующее объяснение: «В турецком и некоторых тюркских языках разбираемое время также образуется от спрягаемой основы настоящего времени, да и в тех языках, где нормы указанного времени образуют деепричастия на *-a* (*-e*), это деепричастие в них является основой настоящего времени»; далее он заявляет, что «прошедшее несовершенное (многократное. — В.С.) время образуется от основы настоящего времени: *сырат-täm* или с выделением аффиксов *сыр-a-m-täm*» [80, с. 170]. Но недоразумение вызывает в трактовке А.И. Иванова аффикс *-täm* (*-tëm*), не являющийся ни аффиксом времени, ни аффиксом лица, на что справедливо указал И.П. Павлов [118, с. 246].

Итак, прошедшее многократное время образуется по схеме: основа глагола + *-am* (*-em*, *-m*) + аффикс перфекта *-täm* (*-tëm*, *-ç*) + аффикс лица (причём формант *-am* (*-em*, *-m*) представляет собой соединение аффикса настоящего времени *-a* (*-e*) и причисляемого также к настоящему времени форманта *-m*, произошедшего от глагола *täp* или причастия *täran*).

единичность субъекта

- 1 л. *сыр-ат-тä-м* «(я) бывало, писал»
ёсле-т-тë-м «(я) бывало, работал»
- 2 л. *сыр-ат-тä-н* «(ты) бывало, писал»
ёсле-т-тë-н «(ты) бывало, работал»
- 3 л. *сыр-ат-ч-ë* «(он, она) бывало, писал(а)»
ёсле-т-ч-ë «(он) бывало, работал»

множественность субъектов

- 1 л. *сыр-ат-тä-м-äр* «(мы) бывало, писали»
ёсле-т-тë-м-ëр «(мы) бывало, работали»
- 2 л. *сыр-ат-тä-v-p* «(вы) бывало, писали»
ёсле-т-тë-v-p «(вы) бывало, работали»
- 3 л. *сыр-ат-ч-ë-ç* «(они) бывало, писали»
ёсле-т-ч-ë-ç «(они) бывало, работали»

Новая система временных форм глагола И.П. Павлова

Глагольное время, или категория времени, — грамматический (морфологический) признак глагола, в котором соотносятся обозначаемое действие и время: когда об этом говорят, т.е. в момент речи, — это настоящее время; если действие происходило раньше момента речи или предшествует ему — это формы прошедшего времени глагола; действие ожидается позже момента речи — форма будущего времени глагола.

На первый взгляд, всё просто. Первое своё научное (а также учебное) пособие И.П. Павлов строил именно по этой схеме: настоящее время, будущее время и три вида прошедшего времени: прошедшее (одноразовое, однократное), прошедшее неопределённое, давнопрошедшее категорическое [118, с. 236—249]. Почти в таком же плане изложена эта тема в исследовании В.Г. Егорова [70, с. 187—202].

В 1987 г., с появлением статьи И.П. Павлова «По поводу категории времени в современном чувашском языке» [125], начинается новый этап в изучении темпоральных отношений глагольных форм — отношений между граммемами и единицами языка, основанных на различного рода показателях времени.

И.П. Павлов упор делает на причастиях и деепричастиях, отмечая, что исследователи «главное внимание обращают на

личные формы глагола и под эту категорию подводят лишь предикативные формы», а определить место причастий и деепричастий в системе глагольных форм и объяснить, в образовании каких грамматических категорий они участвуют, языковеды так и не смогли [125, с. 5]. Он выделил следующие группы функциональных временных форм: предикативные временные формы, выражающие функции сказуемого; атрибутивные временные формы, выражающие функции определения; обстоятельственные временные формы, выражающие функцию обстоятельства.

Автор рекомендует различать абсолютное время (время действия, которое определяется по отношению к моменту речи) и относительное (когда время действия определяется не по отношению к моменту речи, а в отношении времени другого действия). И.П. Павлов поддерживает мнение, согласно которому значение наклонения и значения времени неотделимы друг от друга и формы повелительного, уступительного и так называемого сослагательного наклонения чувашского языка в своих основных значениях должны быть отнесены к различным видам будущего времени: будущее неопределённое: *вулайп* «буду читать»; будущее повелительное: *вулам* «(дай) прочту»; будущее сослагательное: *вулăттäm* «(я) прочитал бы»; будущее уступительное: *вулăпин* «пусть даже прочту».

Парадигму функциональных временных форм глагола И.П. Павлов показал в виде таблицы (см. с. 305) [125, с. 17].

В данной таблице сомнение вызывают составные форманты типа *-малăх* (*-мелĕх*) (на самом деле *-ма* (*-ме*) — аффикс инфинитива и *-лăх* (*-лĕх*) — формант достаточности и предназначения); *-нăранта* (*-нĕренне*) — *-нă-ран-па* (*-нĕ-рен-ne*), *-массерен* (*-мессерен*) — *-ма* + *-ссерен* (*-ме-ссерен*) и др., а ведь и В.Г. Егоров, и И.П. Павлов признавали членимость этих композитных аффиксов.

В вопросах о категории времени в современном чувашском языке, поднятых И.П. Павловым, много неразрешённого, особенно вызывают спор формы деепричастий. Соображения в пользу интерпретации категории времени деепричастных форм, в пользу признания категории времени причастий «вплетённой» в некую синкетическую категорию «вида — времени» витают в умах давно. А.В. Бондарко писал, что образование форм

Временные формы глагола

Функциональные формы	Формы абсолютного времени	Формы относительного времени	
	Предикативные формы	Непредикативные формы	
Последо- вательность (порядок) действий		Атрибутивные формы	Обстоятельствен- ные формы
Одновремен- ность	-ат (-ет): <i>çыр- at-äп</i>	-акан (-екен): <i>çыр-акан</i> -анчи (-енчи): <i>çыр-анчи</i> -и: <i>çыр-и</i> -ан (-ен): <i>çыр- an</i> -иш: <i>çыр-ии</i>	-са (-се): <i>çырса</i> -а (-е): <i>çыр-а</i> -нäчем (-нëчем): <i>çыр-нäчем</i> -уçан (-үçен): <i>çыр-уçан</i>
Предшествова- ние	-р (-т, -ч): <i>çыр- t-äm</i> -атт (-етт): <i>çыр- attm-äm</i> -атт (-сетт): <i>çыр-cattm-äm</i>	-нä (-нë): <i>çыр- nä</i>	-сан (-сен) // -сассан (-сессен): <i>çыр-сан</i> // <i>çыр- сассан</i> -нäранпа (-нëренпе): <i>çырнäранпа</i>
Следование	-ä (-ë): <i>çыр-ä-ä(n)</i> -атт (-етт): <i>çыр-ättm-äm</i> , -ин: <i>çыр-äñ-in</i> -а (-е): <i>çыр-a-(ä)m</i>	-ас (-ес): <i>çыр-ас</i> -малла (-мелле): <i>çыр-малла</i> -малäх (-мелëх): <i>çыр-малäх</i>	-массерен (-мессерен): <i>çыр-массерен</i> -иччен: <i>çыр-иччен</i>

инфinitива и деепричастий «не создаёт особых грамматических категорий» [43, с. 17]. Некоторые исследователи в причастиях и деепричастиях видят самостоятельные части речи [182, с. 204, 214]. Иногда деепричастие характеризуется морфологической категорией вида, но не времени: «деепричастие как форма глагола не обладает морфологически выраженным временным значением» [140, с. 672]. Также отмечается, что вопрос о временных значениях деепричастий не является до конца выясненным [108, с. 234—235].

Всё сказанное касается деепричастий в русском языке, а И.П. Павлов пишет о деепричастиях в чувашском языке. Исследователи, все как один, пишут о наличии значения времени у причастий. И.П. Павлов солидарен с Л.В. Щербой, рассмотревшим деепричастия в одном ряду с личными формами

глагола, ибо те и другие одинаково обозначают время действия [188, с. 45].

Возникает вопрос: «Если причастия и деепричастия не являются самостоятельными частями речи, не считаются ли они самостоятельными категориальными формами глагола?» На этот вопрос ответа нет. Ясно одно: «Категория времени... очень своеобразна, она значительна по объёму и многообразна по составу» [125, с. 25].

Категория отрицания

Если все временные формы и формы наклонений в сочетании с показателями лица, рассмотренные нами, считались положительным утверждением, то под отрицанием посредством аффикса *-мас* (*-мес*, *-ма*, *-ме*, *-м*) понимается нами отрицательное утверждение. Утверждение бывает положительным и отрицательным: отрицая что-либо, мы также утверждаем, но утверждаем отрицательно. Например:

положительное утверждение	отрицательное утверждение
<i>сыратāп</i> «пишу»	<i>сырмастāп</i> «не пишу»
<i>сыртāм</i> «(я) писал»	<i>сырмарāм</i> «(я) не писал»
<i>сырāп</i> «напишу»	<i>сырмāп</i> «не напишу»
<i>сыраттāм</i> «я, бывало, писал»	<i>сырмастāм</i> «я, бывало, не писал»
<i>сырапин</i> «пусть буду писать»	<i>сырмāтин</i> «пусть не буду писать»
<i>сырāттāм</i> «(я) написал бы»	<i>сырмāттāм</i> «(я) не писал бы»
<i>сыраятāп</i> «(я) в состоянии писать»	<i>сыраймастāп</i> «(я) не в состоя- нии писать»
<i>этē сырнā</i> «я писал»	<i>этē сырман</i> «я не написал» и т.д.

Выдвигая утверждение о «двуликом» отрицании, мы ориентируемся на высказывание А.С. Азаманова: «...и утверждение, и отрижение имеют то общее, что и в том, и в другом случае мысль является решением познавательной задачи, полаганием существования или несуществования чего-либо в действительности, то утверждение и отрижение чего-либо о предмете признаются видами одной и той же формы мысли, называемой суждением» [12, с. 147].

Таким образом, положительное и отрицательное утверждения рассматриваются нами как важнейшие признаки суждения. Однако же грамматическое (морфологическое) отрижение, основанное на логическом отрицании, далеко не равнозначно

последнему. Это говорит о том, что нельзя исследовать грамматическое отрицание только при помощи логического отрицания, ибо в логике положительному суждению всегда соответствует отрицательное. Морфологическое отрицание в чувашском языке не выступает само по себе, а вступает в сложные взаимоотношения с другими грамматическими категориями, переплетается с модальностью, предикативностью, оно связано наклонениями, временными и личными формами. Аффикс *-mas* (*-мес*, *-ма*, *-ме*, *-м*), как показатель отрицательного утверждения, является всегда связанным, т.е. вне рамок спрягаемых парадигм он практически немыслим. Нельзя образовать отрицательную форму от глагольной основы только посредством аффикса, т.е. не говорим: *эсё вуламас*, *эпё вулама*, *вайл вулам*. Только односторонняя связь: основа глагола + *-mas* (*-мес*, *-ма*, *-ме*, *-м*) — не образует морфологическую категорию отрицательного утверждения, при этом неотъемлемыми компонентами должны быть показатели временных, личных форм и форм наклонений:

эпё вуламастён «я не читаю»; *вула-мас-т-айн*
эпё вуламарым «я не читал»; *вула-ма-р-эм*
вайл вуламёт «он не будет читать»; *вула-м-ёт*
энир вулаймастар «мы не в состоянии читать»; *вула-й-
мас-т-н-арь*
эсир вулаймастар «вы не в состоянии читать»; *вула-й-
мас-т-н-арь*.

Нельзя представить отрицание в языке в качестве одного из членов морфологической оппозиции — в виде «утверждение — отрицание». При такой постановке вопроса можно говорить лишь об отрицании на логическом уровне (положительное утверждение — отрицательное утверждение) или на синтаксическом уровне (*сыр* «пиши» — *ан сыр* «не пиши», *вула* «читай» — *ан вула* «не читай» и т.д.).

В чувашском языке морфологической формы отрицания в чистом виде (как, например, в башкирском языке: *бар* «иди» — *барма* «не ходи») нет.

Аффикс *-mas* (*-мес*, *-ма*, *-ме*, *-м*), следующий непосредственно за лексической основой глагола, отрицательно характеризует содержание не столько данной основы, сколько всей словоформы. Он представляет отрицательный эквивалент не самой глагольной лексемы, а соответствующей грамматической формы,

которая от неё образована: *вулатăп* «читаю» — *вуламастăп* «не читаю»; *вуларăм* «(я) читал» — *вуламарăм* «(я) не читал»; *вулăп* «прочту», «буду читать», *вуламăп* «не прочту», «не буду читать».

Отрицательная форма глагола настоящего времени образуется посредством алломорфа *-mas* (-мес): *ларатăп* «сиджу» — *лармастăп* «не сижу»; *ларатăн* «сидашь» — *лармастăн* «не сидишь»; *лараты* «(он) сидит» — *лармасть* «(он) не сидит»; *ларатăр* «сидим» — *лармастăр* «не сидим»; *ларатăр* «сидите» — *лармастăр* «не сидите»; *лараççe* «(оны) сидят» — *лармаççë* «(оны) не сидят». Он же образует отрицательную форму желательного наклонения: *лараймастăп* «я не в состоянии сидеть».

Алломорф *-ма* (-ме) образует отрицательную форму глагола в прошедшем однократном времени: *сыртăп* «(я) писал» — *сырмарăм* «(я) не писал»; *сыртăн* «(ты) писал» — *сырмарăн* «(ты) не писал»; *сырчë* «(он) писал» — *сырмарë* «(он) не писал»; *сыртăмär* «(мы) писали» — *сырмарăмär* «(мы) не писали»; *сыртăр* «(вы) писали» — *сырмарăр* «(вы) не писали»; *сырчëç* «(оны) писали» — *сырмарëç* «(оны) не писали».

Категориальные формы причастий прошедшего и будущего времени образуют отрицательную форму также посредством алломорфа *-ма* (-ме): *вуланă-вуламан кĕнеке* «непрочитанная книга»; *пулас-пулмас çын* «негодный человек».

Алломорф *-м-* образует отрицательную форму будущего времени (*курăп* «увижу» — *курмăп* «не увижу»), уступительного наклонения (*курăпин* «пусть увижу» — *курмăпин* «пусть не увижу»), формы так называемого сослагательного наклонения (*вуламăттăп* «(я) не читал бы»).

Отрицательная форма повелительного наклонения не связана с аффиксальным выражением, отрицание выражается при помощи частиц *ан* и *мар*. Это значит, что данные формы не связаны с синтетическим словоизменением, имеет место синтетико-аналитический или (морфосинтаксический) способ отрицания: *вулам мар*, *ан вула*, *ан вулатăр*, *вулар мар*, *ан вулăр*, *ан вулаçчăр*.

Итак, отрицание в чувашском языке как морфологическая категория представляет собой выражение с помощью аффикса *-mas* (-мес, -ма, -ме, -м) негативных связей между понятиями «положительное утверждение» и «отрицательное утверждение».

Б. Формоизменение и формообразование неличных форм глагола

Система вербоидов чувашского языка

Глагол в чувашском языке представлен двумя рядами образований: форм полной вербальности и форм неполной вербальности — так называемых вербоидов (букв.: подобные глаголу), совмещающих свойства глагола и других частей речи. В формоизменении глаголов полной вербальности, наряду с аффиксами наклонений, немаловажное значение имеют (по мнению некоторых чувашеведов) аффиксы лица и числа, в то время как для глагольных форм неполной вербальности аффиксы наклонений, лица и числа никакой роли не играют.

Неличными формами глагола (*verbum infinitum*, или вербоиды) в тюркологии (и в чувашском языкоznании) принято называть формы деепричастий и причастий, а также форму инфинитива. В этом ряду имя действия на *-у* (-*й*) как лингвистический феномен обычно не упоминается.

Деепричастие рассматривается как особая форма глагола, но при этом умалчивается, какая это форма: категориальная или некатегориальная. До появления книги «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» [152] слово «некатегориальный» в чувашском языкоznании вообще не употреблялось. Считалось, что в тюркских языках всякая словоизменительная форма является универсальной в пределах той или иной части речи. Под словом «универсальность» понимался принцип тотальности употребления данной формы. Но категориальные формы в межчастеречном обиходе могут перейти («превратиться») в некатегориальные формы. Например, категория компаративности прилагательных является тотальной, универсальной, т.е. категориальной, но у существительных этой категории нет, формы типа *ачарах* «ребёнок ещё», *тырәсем курәкrah* «хлеба незрелые» и остальные 10—15 единиц, подчиняясь принципу избирательности, представляют собой некатегориальную форму сравнения имён существительных.

Признание аффиксов деепричастий, причастий и инфинитива словоизменительными и то, что большинство из них подчиняется принципу тотальности употребления, дают право

заявить, что в чувашском языке явно прослеживается наличие многочленных субкатегориальных форм деепричастий, причастий и одночленной категории инфинитива.

Ю.Д. Джанмавов, выступая против высказываний тюркологов вроде «деепричастие — неизменяемая форма глагола», утверждает: «Определения подобного типа не совсем верно отражают природу деепричастий тюркских языков и создают до некоторой степени искаженное представление о них... Деепричастия в тюркских языках не представляют собой совершенно неизменяемую глагольную форму» [64, с. 5]. Сказанное Ю.Д. Джанмавовым напрямую относится к материалу чувашского языка.

Вслед за корифеем чувашского языкознания Н.И. Ашмаринным, отмечавшим: «Настояще-будущее время чувашского глагола образуется от деепричастия слитного на “а, е” и характеристики “т” (усечённое, тюркское *tur*, *тыр*)» [20, с. 303], практически все чувашские языковеды писали о спрягаемых формах глагола, образованных от деепричастных форм на *-a (-e)*: и Ф.Т. Тимофеев [172, с. 67], и В.Г. Егоров [70, с. 188], и И.П. Павлов [118, с. 237].

Если верить утверждению В.Г. Егорова о том, что «в чувашском языке в положительной форме основой настоящего времени является деепричастие на *-a (-e)* (имевшее первонациально значение причастия), к которому присоединяется аффикс *-t*, восходящий к глаголу *täp* “стоять, находиться”» [70, с. 188], получается, что деепричастие на *-a (-e)* является основой настоящего времени, но в современном понимании такое невозможно, ведь основа слова «за вычетом из него словоизменительных морфем (окончаний)» выражает «его вещественное лексическое значение» [100, с. 353]. К мнению В.Г. Егорова присоединяется И.П. Павлов, признающий слитный аффикс *-at (-em)*, который выражает значение настоящего времени [118, с. 237]. Но как быть с усечённой формой настоящего времени типа *сыр-a-n* «(я) пишу», *сыр-a-n* «(ты) пишешь», *кёр-e-n* «(я) вхожу», *кёр-e-n* «(ты) входишь»? Что представляет собой в этих примерах *-a (-e)* — аффикс деепричастия или усеченную форму от *-at (-em)*? Их И.П. Павлов считает «незаконнорожденными», характерными для беглой разговорной речи, порицая писателей, поэтов и языковедов за неуместное использование таких усечённых форм.

Почти все чувашеведы поддерживают идею о том, что деепричастие на *-a* (*-e*) первично было причастием, но не уточняют каким.

Некоторые языковеды уверены в том, что отглагольные образования на *-a* (*-e*) выступают одновременно и как прилагательные, и как существительные. По мнению И.П. Павлова, кроме деепричастий на *-a* (*-e*), употребляющихся в основном в удвоенном виде: *лара-лара*, *киле-киле*, «есть прилагательные... образованные от глагола при помощи аффикса *-a* (*-e*)», к которым автор относит следующие примеры: *юха* «текущий» от глагола *юх* «течь», употребляется в сочетании *юха сামса* (букв.: текущий нос) «сопляк» (в словаре Н.И. Ашмарина дано выражение *юха тăр* «течь постоянно», которое напоминает образование настоящего времени: *сыр-a + тăр(-ан) + эпē* «пищий я»); *йерē* «плакучий, плакса», *йерē хăва* «плакучая ива»; *кара* в сочетании *кара չavar* «разиня, ротозей»; *չavra* «круглый», *չavra չул* «вихрь»; *չavra չул* «окольная дорога», *չavra курка* «круговой ковш при угощении», *չavra чёлē* «ломоть, отрезанный от края каравая»; *тавра* «круговой, обходной», *тавра չул* «обходная дорога» и т.д. [116, с. 252—253].

На наш взгляд, приведённые отглагольные образования на *-a* (*-e*) невозможно считать прилагательными, потому что они не принимают категориальный аффикс сравнения *-рах* (*-рех*): нет в чувашском языке формы *юхарах сা�мса*, *йеререх хăва*, *չаварах չул* (ср.: *չўллерех չурт* «дом повыше», *кахалтарах չын* «человек, который ленивее»). К этому ряду примыкают: *сыса կут* «засранец», *шăра կут* «мочащийся под себя», «засцыха». Этим отглагольным образованиям на *-a* (*-e*) чужды также категория выделения на *-и*, *-скер* и категория образа действия на *-än* (*-ěn*), и это говорит о том, что подобные образования близки к именам действия.

Итак, мы утверждаем, что основа настоящего времени восходит к производным на *-a* (*-e*), которые сейчас, как и раньше, выступают как отглагольные имена. Посредством непродуктивного словообразовательного аффикса *-a* (*-e*) образуются: 1) имена существительные, которые склоняются, принимают аффикс множественного числа *-сем* и способны быть в формах категориальной принадлежности: *вăлта* «удочка», от глагола *вăлт* «выведывать обманом», «обмануть»; *вите* «сарай» от глагола *вит* «крыть»; *пăра* «бурав», *сыра* «резец», *тăха* «крючок»,

«пряжка», *турта* «оглобля», *ыра* «паз» и некоторые другие; 2) немногочисленные имена действия, отличающиеся от подлинных имён существительных тем, что не могут быть в форме множественности и стоят вне категории принадлежности, но способны частично изменяться по падежам: *йёре* «плакса», *макара* «плакса», *юха (сымса)* «сопляк», *йыниша* «пискун», «нытик» и некоторые другие.

Ещё один момент. В 1957 г. В.Г. Егоров писал: «Давнопрошедшее категорическое время образуется от деепричастия на *-са (-се)* и глагольных аффиксов *-ттäm*, *-ттän*, *-ччë*, *-ттämär*, *-ттäр*, *-ччëç*, представляющих собою личные формы прошедшего категорического времени древнетюркского недостаточного глагола *и-mek* «быть» и соответствующих формам: *идем*, *иденг*, *иде* и т.д.» При всём желании квалифицировать деепричастную форму на *-са (-се)* в качестве спрягаемой формы глагола, В.Г. Егоров не выступил против общепринятого в языкоизнании положения, что деепричастие — вербоид (неспрягаемая форма глагола), поэтому формант *-са (-се)* назвал «приметой деепричастия *-са (-се)*». Но при описании отрицательной формы отметил, что «между основой глагола и приметой деепричастия *-са (-се)* вставляется аффикс *-ма (-ме)*», наглядно показал последовательность и членимость аффиксальных морфем в следующем виде: *сыр-ма-са-ттäm*, *ил-ме-се-тт-эм* [70, с. 197]. Из чувашских языковедов В.Г. Егоров единственный, кто указал на членимость «единого» аффикса в виде *-са* и *-ттäm*, *-ттän*, *-ттämär*, *-ттäр* [70, с. 1], хотя финальную часть следовало бы тоже разложить: *-тт-äm*, *-тт-än*, *-тт-äm-är*, *-тт-äр*. Впоследствии морфологи соединили два разноплановых аффикса в виде *-сатт (-семт)* и тем самым отстояли идею, что форма на *-са (-се)* всё же неспрягаемая форма (вербоид) [118, с. 248; 154, с. 367].

И.П. Павлов отметил: «Все деепричастия — и первичного, и вторичного образования — не изменяются ни по лицам, ни по числам», но в сноске указал: «В некоторых тюркских языках, например в якутском, азербайджанском, с деепричастиями могут употребляться и аффиксы лица». Тут же автор утверждает, что деепричастия на *-са (-се)*, *-а (-е)* «имеют свойство изменяться по степеням сравнения» и указывает: «В аспектах возможности и невозможности могут стоять лишь деепричас-

тия на *-са (-се)* и *-сан (-сен)*» [116, с. 241]. Выходит, в более широком понимании спряжение — это изменение глагольного слова (в формоизменении) не только по лицам, числам, на-клонениям и временам, но и по аспектам и по степеням сравнения.

На отрицание признания деепричастных форм на *-а (-е)* и *-са (-се)* в качестве основ спрягаемых форм действенное влияние оказало высказывание Н.А. Баскакова: «Неучёт фактов исторического развития грамматических форм, процессов их совершенствования и в связи с этим закономерностей редукции и выпадения конструктивных элементов в отдельных формах влечёт за собой неправильные выводы, напри-мер о том, что основой для спряжения глагола в тюркских языках может служить деепричастная форма». Но в том же абзаце, чуть выше, Н.А. Баскаков пишет: «...показатели лица присоединяются непосредственно к препозитивной *дееприча-стной форме* (курсив наш. — В.С.)... каз. ал-а-мын, к.-калп. ал-а-ман, тат. ал-а-м и пр. “я возьму”... Исторически же дан-ные формы образовались из причастия сложного глагола *ал-а тур-ур*» [29, с. 280]. Н.А. Баскаков отрицает, что основой для спряжения глагола в тюркских языках может служить деепри-частная форма, в то же время утверждает, что показатели лица присоединяются к препозитивной деепричастной форме.

В чувашском языкоznании деепричастия на *-а (-е)* и *-са (-се)* рассматриваются в ряду вербоидов, показатель настоящего времени представляется в виде *-ат (-ет)*, а форма давно-прошедшего категорического времени — в виде *-сатт (-семт)*, *-сачч (-сечч)*. В 50—60-е гг. XX в. вопросы членности слов и словоформ не были разработаны, не рассматривались и воп-росы значимости вычленяемых из состава слова или слово-формы элементов.

Основываясь на принципе универсальности (тотальности) об-разования форм, первичные деепричастия на *-а (-е)* (*ута-ута* «шагая (долго)»), *-са (-се)*, *-сан (-сен)* (*кур-са*, *кур-сан* «видя, увидев», *кил-се (кил-сен)* «придя, приходя») и т.д. следует счи-тать категориальными формами.

Вопрос о деепричастных формах вторичного образования в чувашском языкоznании окончательно не решен. Здесь превали-руют субъективные трактовки чувашеведов. Одна из крайнос-

тей — признание деепричастий на *-нäранна* (*-нёренне*): *курнäранна* «с тех пор как видел», «после того как видел», *килнёренне* «с тех пор как пришёл». Тем не менее В.Г. Егоров и И.П. Павлов, говоря о членности «гриединого аффикса», правы в том, что деепричастия на *-нäранна* (*-нёренне*) образовались путём прибавления к причастию прошедшего времени на *-нä* (*-нё*) двух падежных аффиксов: сначала аффикса исходного падежа *-ран* (*-рен*), затем аффикса творительного падежа *-на* (*-не*). Аналогичных деепричастных форм в других тюркских языках нет [70, с. 265]. В трудах Н.И. Ашмарина, Ф.Т. Тимофеева, Л.П. Сергеева и В.И. Сергеева деепричастия на *-нäранна* (*-нёренне*) не упоминаются. Выходит, эта идея исходит от В.Г. Егорова и поддержанна И.П. Павловым. На самом деле аффикс *-нä* (*-нё*) — живой, а не мёртвый формант причастия прошедшего времени, И.П. Павлов, описывая прошедшее причастие на *-нä* (*-нё*), приводит примеры *пуснäран*, *çävänнäран*, *паrännäран*, считает аффикс исходного падежа живым, но в деепричастных словоформах *таврännäранна*, *пуçланнäранна* формант исходного падежа считает «мёртвым» («хай пёлтерёшне çухатнä») [118, с. 296], хотя в предложении *Галя ѣна киле таврännäран вара пирвайхи хут хулёнчен тытма тäчё* (в сочетании со словом *вара*) автор считает *таврännäран* прошедшим причастием в исходном падеже. В одном случае *таврännäранна* рассматривается как деепричастие, в котором аффикс *-нä* потерял своё значение, а в другом — в сочетании с послелогом *вара* (*таврännäран вара*) — прошедшее причастие в исходном падеже. Разница в подходах к трактовке получается потому, что чувашские морфологи не знают учения чешского лингвиста М. Докулила и русского языковеда Е.А. Земской. Докулил утверждает: «Принципиальная членность основы зависит от того, можем ли мы выделить в ней хотя бы одну составную часть, встречающуюся с тем же значением и в других реально в языке существующих словах» [196, с. 212]. Земская считает, что членными являются основы слов и словоформы, «хотя бы одна часть которых повторяется в каких-либо других основах (и в словоформах. — В.С.), соотносительных с данной по значению» [78, с. 3]. Мы должны задуматься и о судьбах «сложных» аффиксов *-массерен* (*-мессерен*), *-малäх* (*-мелёх*), *-анçи* (*-енçи*) и др.: неужели они слиты так крепко, что их невозможно членить?

Далее остановимся на некоторых отглагольных формах, причисляемых чувашскими языковедами к причастиям [70, с. 227–233; 116, с. 257–269; 118, с. 278–280, 282–284; 154, с. 389–391, 393–394].

Вне соотнесения со временной плоскостью остается форма на *-и*, названная причастием возможности. Форма на *-и* проявляется одновременно в словоизменительном и формоизменительном аспектах: аффикс *-и* может присоединиться непосредственно к глагольной основе: *кури, пёли, илти, чати* и т.д.; отрицательная же форма образуется посредством аффикса *-м*, вклинивающегося между основой и аффиксом *-и*: *пёлми, курми, сўнми*. Эта форма в современном чувашском языке употребляется в основном в композитной или парной форме и указывает на неполноценное проявление выражаемого действия или процесса: *пици-пиçми* «не вполне созревший, недоваренный»; *юхи-юхми* «медленно текущая (вода)». В то же время в семантике аффикса *-и* нельзя не заметить значения выделительности. Ср.: *пиçнё-пиçмен çырла* и *пици-пиçми* *сырла* «не совсем зрелая ягода»; *ўснё-ўсмен хёрсем* и *ўси-ўсми хёрсем* «несовершеннолетние девушки» (досл. «выросшие-невыросшие девочки (девушки)»).

В связи с тем, что аффикс *-и* в парных выражениях (*пули-пулми тавар* «неполноценный товар», *илти-илтми хälха* «плохо слышащее ухо» и т.д.) имеет значение выделительности, эти формы целесообразнее именовать формами выделения глагола, а не причаствиями возможности, как было до сих пор.

С точки зрения морфемной членности аффикс *-малых* (*-мелёх*) не может считаться единым: здесь налицо категориальная форма инфинитива на *-ма* (*-ме*) + категориальная форма достаточности на *-лых* (*-лёх*), поэтому формы типа *тäранмалых* «достаточный на пропитание или еду», «достаточный, чтобы насытиться» не следует относить к причаствиям, а изучать в качестве объекта формоизменения инфинитива и называть категорией достаточности инфинитива.

Единым нельзя считать также аффикс *-малла* (*-мелле*), в котором выделяются аффикс инфинитива *-ма* (*-ме*) и аффикс *-ла* (*-ле*): *вуламалла* «следует читать», *пёлмелле* «следует знать» (по И.П. Павлову: *-ма* (*-ме*) аффикс инфинитива + *-лла* (*-лле*) [118, с. 278]); *-анçi* (*-енçi*), который распадается на аффикс

причастия настоящего времени *-ан* (-ен) + *-çи* < *-çä* + *-и*; ср.: *аранçä* < *ap* (чув. *ыр*) «устанавливать» + *-ан* (аффикс причастия настоящего времени) + *-çи* < *-çä* + *-и*.

Формы типа *хүçмалла* (*çëçë*) «складной (нож)», *тёлёнмелле* (*хытар*) «удивительная (новость)» следует считать уподобительной категорией инфинитива, хотя в большинстве случаев значение уподобления не проявляется. Принимая аффиксы *-и*, *-скер*, эти формы становятся категориальными формами выделения в формоизменительной морфологии; ср.: *каймали* «тот, кому предстоит идти или поехать»; *каламалли* — *каламалласкер* «то, что нужно сказать».

Формы типа *куранçı* «притворившись видящим», *çывранçı* «притворившись спящим» следует считать притворной формой причастия настоящего времени на *-ан* (-ен). Что касается отрицательной формы типа *курманçı* «притворившись невидящим», *илтменçı* «притворившись неслышащим», то здесь нет определённости, ибо причастия прошедшего времени на *-нä* (-нё) и настоящего на *-ан* (-ен) имеют одинаковую форму отрицания: *курнä* — *курман* — *курманçı*; *пäхан* — *пäхман* — *пäханçı* — *пäхманçı*.

То обстоятельство, что аффикс *-çем* употребляется в современном чувашском языке только с одной из форм глагола — причастием прошедшего времени, заставляло языковедов считать композиту *-нä* + *-çем* единым аффиксом. При этом они забывали, что категориальные формы на *-нä* (-нё) являются фактом живого языка, поэтому *-нä-çем* (-нё-çем), тем более комплекс *-нä-çем-ён* (*ут-нä-çем-ён*) «по мере ходьбы», нельзя считать сросшимся единым аффиксом. К тому же форманты *-çем*, *-çем-ён* ещё не утратили своей самостоятельной значимости: *Пирён ялта кунран-кун выльäхсем нумайçем нумай пула пусларëс* [А, XII, с. 79] («нумай + çем «всё больше и больше»; *Йывäçси çемён ырыли* «По дереву и плоды»; *Ытла çемён ытла пултäр* «Пусть прибывает и прибывает (добро, имущество); *Атäл кукри аллä кукäр*, *кукри çемён вëт хäва* [А, XII, с. 80] «У Волги пятьдесят излучин, у каждой излучины заросли ив». Эти примеры подтверждают, что элемент *-çем* произошёл от полнозначного слова *çем* или *çемё* «строй, лад, порядок». М.Р. Федотов приводит аналоги чувашского *çемё*, *-çемён* (*çем* + *ён* оруд. п.): др.-турк. *säma*, *säma ur-* (~ *et-*) «совер-

шить радение, петь», мар. *сем* (*съем*) «напев, мелодия; строй, лад»; удм., коми *сям* «характер, привычка, обряд, умение»; мар. *семен* (послелог) передаётся предлогами «по, подобно», наречием «сообразно»; удм. *сямен* (послелог) «по, так же как» [178, II, с. 100].

Таким образом, подлинно категориальными следует считать только те формы причастий, которые образуют парадигму временных форм: на *-акан* (-екен), *-кан* (-кен), *-ан* (-ен) — категориальные формы причастий настоящего времени; на *-нä* (-нё) — прошедшего, на *-ас* (*ес*, -с) — будущего времени.

Формоизменение и формообразование категориальных форм причастий

О парадигме временных форм причастий

Парадигматика глагола — это образование всех его форм с учётом особенностей спряжения словоизменительных и формоизменительных типов. Временные формы причастий образуются при помощи аффиксов, примыкающих непосредственно к глагольной основе, и представляют собой категориальные словоизменительные глагольные формы: *сыр-акан* «пишущий», *пёл-екен* «знающий», *вула-кан* «читающий» — категориальные формы причастия настоящего времени; *сыр-нä* «написано», *пёл-нё* «узнано», *вула-нä* «прочитано» — категориальные формы причастия прошедшего времени; *сыр-ас*, *пёл-ес*, *вула-с* — категориальные формы причастия будущего времени.

Итак, аффиксами категориальной формы словоизменения причастий настоящего времени являются *-акан* (-екен) после согласных и *-кан* (-кен) после гласных, а также *-ан* (-ен, -н); причастий прошедшего времени — *-нä* (-нё), будущего времени — *-ас* (*ес*, -с) или *-а + -с* (*е + -с*).

Формоизменение причастий настоящего времени

Формооснова на *-акан* (-екен, -кан, -кен) принимает аффикс множественности *-сем*: *вулакансем* «читатели». Формы и единственности, и множественности субъекта (действующего лица) имеют полное склонение:

Осн.	<i>вулакан</i> «читающий», «читатель»	<i>вулакансем</i> «читающие», «читатели»
Прит.	<i>вулаканый</i>	<i>вулакансен</i>
Дат.	<i>вулакана</i>	<i>вулакансене</i>
Мест.	<i>вулаканта</i>	<i>вулакансенче</i>
Исх.	<i>вулакантан</i>	<i>вулакансенчен</i>
Твор.	<i>вулаканта</i>	<i>вулакансемте</i>
Лиш.	<i>вулакансэр</i>	<i>вулакансемсэр</i>
Прич.	<i>вулаканий</i>	<i>вулакансемшён</i>

Причастия настоящего времени образуют выделительную форму причастия на *-и*, *-скер*: *вулаканни*, *вулаканскер* «тот, кто является читающим». Категориальные формы выделения имеют, в свою очередь, полное склонение как при единичности, так и при множественности субъектов.

Посредством аффикса *-ччё* причастиями настоящего времени передаётся значение прошедшего времени: *Ирсерен ёсе каяканччё вайл* «Бывало, по утрам он ходил на работу»; *Каçсерен кёнеке вулаканччё е кинона çүрекенччё* «По вечерам он читал книги или ходил в кино». При помощи форманта *-ах* (*-ех*) — категория усиления: *Кашни вулаканах ун чухлө кёнеке илсен библиотека* *ра кёнеке юлмасть те* «Если каждый читающий (или читатель) возьмёт столько книг, то в библиотеке книг не останется».

Некоторые причастия настоящего времени, подобно существительным, присоединяют аффиксы принадлежности *-ым* (*-ём*), *-у* (*-ў*), *-ё* и т.д., при этом можем говорить о частичной субстантивации некоторых причастных форм:

при единичности субъекта

1 л. <i>вулаканым</i> «читатель мой»,	<i>çäлаканым</i> «спаситель мой»
2 л. <i>вулакану</i> «читатель твой»,	<i>çäлакану</i> «спаситель твой»
3 л. <i>вулаканё</i> «его (её) читатель»,	<i>çäлаканё</i> «его (её) спаситель».

при множественности субъектов

1 л. <i>вулаканымэр</i> «наш читатель»,	<i>çäлаканымэр</i> «наш спаситель»
2 л. <i>вулаканэр</i> «ваши читатели»,	<i>çäлаканэр</i> «ваши спасители»
3 л. (<i>вёсен</i>) <i>вулаканё</i> «их читатель»,	<i>çäлаканё</i> «их спаситель».

Притяжательные формы причастия настоящего времени склоняются; имеют полную падежную парадигму (парадигму склонения) их формы с аффиксом множественности *-сем*.

Следует отметить, что аффикс прошедшего времени *-ччё* может присоединяться к любой форме: *вулаканччё*, *вулакансемпеччё*,

вулакансемсёрччё, вулаканниччё, вулаканскерччё, вулаканскерсемпеччё и т.д. То же нужно сказать о категории усиления на *-ах (-ex)*: *вулаканах, вулакансемех, вулаканайнах, вулакансенчех, вулаканинех, вулаканскерех, вулаканскерсемех, вулаканаймах* и т.д.

Как показывает материал чувашского языка, вербоид на *-акан* (*-екен, -кан, -кен*) имеет формоизменительные категории множественности, падежа и принадлежности, чем он напоминает существительное. Этот вербоид также может принять форму выделительности на *-и, -скер* и форму сравнения на *-тарах* (*-терех*) (*пёлекентерех* չын «человек, который знает больше», *тăрăшакантарах ача* «более старательный мальчик»), чем напоминает прилагательное.

Формоизменение и формообразование причастий прошедшего времени

Формооснова на *-нă (-нĕ)* образует формы выделения на *-и, -скер*: *Тухни* (*тух-н(ă) + -и*) *виçё* кун «Три дня, как вышли (выехали)»; *И.Я. Яковлев каланийĕ — чëререх* «То, что завещал И.Я. Яковлев, в сердцах наших»; *Килнëскер итлемех лекет* «Коли пришёл, придётся выслушать». Выделительные категориальные формы имеют полную падежную парадигму. Принимая аффикс множественности *-сем* (*вуланисем, вуланăскерсем*), эти формы склоняются (изменяются почти по всем падежам).

Формооснова на *-нă (-нĕ)* способна принимать аффиксы лишь некоторых падежей: *нумай вуланăран* (исх. п.) «оттого, что много читал»; *Вуланăшан* (прич. п.) *ан ятла* «За чтение не ругай»; *Ёç пётнёне* (твор. п.) *пёрех* «Работа почти закончена»; *Тухнăранна* (исх. п. + твор. п.) *виçё сехет иртре* «Прошло три часа, как выехали». К этому причастию могут примыкать показатели прошедшего времени *-ччё* (*вуланăччё* «читал», *кётнёччё* «ждал») и усиления *-ах (-ex)* (*ларнă-ларнах* «раз уж сел», *кётнë-кётнех* «раз уж ждёте»).

Изредка формооснова на *-нă (-нĕ)* способна принимать аффиксы сравнения *-рах (-рех)* (*вёреннёрех* չынсем «люди, получившие кое-какое образование»), уподобления *-ла (-ле, -лла, -лле)* (*Ёç пётнёлле пăхса тăратăр* «Стоите, будто работа закончена») и *-сем*, который в современном чувашском языке присоединяется только к форме причастия прошедшего времени (*вăхăт иртнёсем* «с течением времени»), данная форма в свою очередь может принять аффикс *-ён* (*кайнаçемён* «по мере того, как уходил»).

Следует также отметить, что причастия прошедшего времени в сочетании с глаголами *туйän* «казаться», *куран* «смотреться» и др. могут быть в категориальной форме образа действия на *-än* (-ён, -н) (*килнён туйänат* «кажется, что пришёл», *пёлнён туйänат* «кажется, что знал (знает)»), которую по ошибке принимают за форму притяжательного падежа.

Основываясь на приведённом материале, можно утверждать, что этот вербоид занимает положение между глаголами и прилагательными. Некоторые исследователи называют его «отглагольным прилагательным», поскольку вербоиду на *-nä* (-нё) присуща категория выделения на *-i*, *-скер*, формам этой категории в свою очередь — категории множественности и падежа. Однако категория выделения прилагательных является словоизменительной категориальной формой, а вербоида на *-nä* (-нё) — формоизменительной. К тому же категория сравнения — специфическая грамматическая словоизменительная категория прилагательных, а вербоид на *-nä* (-нё) имеет формоизменительную категориальную форму сравнения.

Формоизменение и формообразование причастий будущего времени

Формооснова на *-ac* (-ес, -с) может принимать формы лица, отдельных падежей, усиления, уподобления и с помощью аффикса прошедшего времени — форму со значением интенсивного желания.

Причастие будущего времени принимает аффиксы лица в сочетании со словами *пур* «есть», *çук* «нет» или со вспомогательными глаголами *кил* (*килем*) и *пул* (в соответствующей форме):

единичность субъекта

- 1 л. *вулассäm* (< *вула-ac(c)-äm*) *килем* «хочу читать»
- 2 л. *вулассу* (< *вула-ac(c)-y*) *çук* «не читаешь»
- 3 л. *вуласси* (< *вула-ac(c)-i*) *пулмарё* «читать не пришлось»

множественность субъектов

- 1 л. *вулассämär* (< *вула-ac(c)-äm-är*) *çук* «не будем читать»
- 2 л. *вулассäр* (< *вула-ac(c)-äp*) *çук* «не будете читать»
- 3 л. *вулассисем* (< *вула-ac(c)-i-сем*) *иртсе кайрёс ёнтё* «времена (для) чтений прошли»

По мнению чувашеведов, приведённые выше формы являются категориальными формами принадлежности. Но исследователями не учитывается семантика приводимых форм, ни одна из них не выражает значения принадлежности, аффиксы *-ам* (*-эм*), *-у* (*-й*), *-и*, *-ам-är* (*-эм-эр*), *-är* (*-эр*) следует называть лишь показателями лица, а не принадлежности. Но формы лица глаголов полной вербальности отличаются от форм лица вербоида на *-ас* (*-ес*, *-с*):

единичность субъекта

1 л. <i>вула-рāм</i>	<i>вула-с(с)-äm</i>	<i>ёсле-ттер-ес(с)-ём</i> килет «хочется, чтобы он работал»
кур-тāм	кур-ас(с)-äm	
2 л. <i>вула-р-än</i>	<i>вул-ас(с)-у</i>	<i>ёсле-ттер-ес(с)-ў</i> չук пулсан
кур-т-än	кур-ас(с)-у	мэншэн чэнтэн «если нет работы, почему позвал»
3 л. <i>кур-ч(v)ë</i>	<i>кур-ас(с)-и</i>	

До сих пор указывалось, что причастие на *-ас* (*-ес*, *-с*) может употребляться с аффиксами древнего орудийного, дательного, творительного, исходного, местного и причинного падежей [118, с. 271–273]. Вербоид на *-ас* (*-ес*, *-с*) действительно способен принимать аффиксы падежей. Поскольку он имеет неполную падежную парадигму, то нельзя говорить о категории падежа этого вербоида, речь может идти только о некатегориальных падежных формах. Что касается формы так называемого орудийного падежа, у нас иной взгляд на такие формы. Формы причастий будущего времени с присоединительным аффиксом *-än* (*-ён*, *-н*) являются не падежными, а формами образа действия (как и причастий прошедшего времени и прилагательных): *килессэн туйнанть* «кажется, что придёт».

Следует остановиться на уподобительной форме на *-ла* (*-ле*): *шăтарасла пăх* «смотреть пристально», *сисмесле тĕк* «толкать будто невзначай» и т.д. Исследователи аффикс *-ла* (*-ле*) при существительных считают наречиеобразующим, но признают, что в примерах *курмасла*, *шăтарасла*, *сисмесле* причастия не теряют свойств глагола, сохраняется управление, они принимает аффикс отрицательного аспекта *-ма* (*-ме*) [118, с. 273, 299].

Категория усиления на *-ах* (*-ех*) присуща всем вербоидам, в т.ч. причастию на *-ас* (*-ес*, *-с*): *пёлесех тесен* «если очень хочется узнать», *курасах килсен* «если очень хочется видеть».

Аффикс *-чē*, примыкая к причастию будущего времени, утрачивает значение прошедшего времени и создаёт форму, выражающую сильное (интенсивное) желание совершить действие, заложенное в семантике глагола: *курасчē* «нужно (необходимо) видеть (встретиться)», *вуласчē* «нужно читать». Значение интенсивного желания совершить то или иное действие в будущем выступает и в формах *курасахчē*, *вуласахчē*, *пёлесехчē*, *кёресехчē* и т.д.

Итак, судя по набору категориальных и некатегориальных форм, присущих вербоидам-причастиям, можно говорить о них как о глагольно-именных формах, обозначающих действие, приписываемое лицу или предмету, как о признаках, проявляющихся во времени.

Формоизменение и формообразование категориальной формы инфинитива

Формооснова на *-ма (-ме)* представляет собой категориальную форму инфинитива и может присоединять аффиксы употребления *-ла (-ле, -ла, -ле)* (*тёлёнмелле*, *каймалла*, *каламалла*, *сисмелле*), лишильного падежа *-сäр (-сёр)* (*каймасäр*, *килмесёр*, *пёлмесёр*, *курмасäр*). С этимологической точки зрения можно говорить о форме причинного падежа инфинитива; ср.: *каймакшän* (диал.) > *каймашкän* (лит.) «чтобы идти», *вёренмешкëн* (диал.) < *вёренмекшиён* «чтобы учиться». Не имея полной парадигмы склонения, инфинитив стоит вне категории падежа.

Как мы уже отмечали, аффикс *-лäh* (*-лëх*) образует некатегориальную форму достаточности имён: *пүртлäh ыйыңäc* «лес, предназначенный для строительства дома», *кёпелäh* «отрез на платье». Аналогичное значение придаёт этот формант и категориальной форме инфинитива: *çимелëх* «достаточный или предназначенный для еды», *сутмалäh* «предназначенный или достаточный для продажи». Форма достаточности (с различными значениями) может образоваться и от формоосновы инфинитива и по праву считается категориальной формой.

К форме инфинитива свободно присоединяется аффикс *-ах* (*-ex, -x*): *каймак лекет* «придётся идти (ехать)»; *илмех тивет* «придётся купить (взять)».

Формооснова на *-ма (-ме)* служит базой для образования категориальной формы частотности на *-серен*. Композитный аффикс

-массерен (*-мессерен*) считается единым деепричастным аффиксом, образованным из аффикса инфинитива (а изначально — причастия) *-ма* (*-ме*) и послелога-аффикса *-серен* [118, с. 295]. Считая, что значение аффикса *-ма* (*-ме*) утратилось, исследователи рекомендовали *-массерен* (*-мессерен*) принять за аффикс деепричастия, но при этом не учли то, что категориальная форма на *-ма* (*-ме*) является живой формой инфинитива в чувашском языке. Инфинитивом называется она потому, что является неопределенной формой глагола; эта форма, которая называет действие или процессуальное состояние без указания на время действия, количество субъектов действия, а также на то, является ли субъект действия говорящим лицом, собеседником или третьим лицом. Инфинитив не выражает значений ни времени, ни наклонения, ни числа, ни лица.

Итак, в современном чувашском языке имеем только инфинитив на *-ма* (*-ме*), а *-массерен* (*-мессерен*) — не единый аффикс. Свидетельством могут служить сундырские формы типа *каймаксерен* (*кай-мак-серен*) «каждый раз, как пойдет», где формант *-мак* (*-mek*) соответствует аффиксу инфинитива некоторых других тюркских языков.

Формоизменение и формообразование категориальных форм деепричастий

Деепричастия отличаются от инфинитива, который по праву считается вербоидом (или формой неполной вербальности). А деепричастие на *-са* (*-се*) имеет полную парадигму спряжения:

единичность субъекта

- 1 л. *вула-са-тт-äm(-ччे)* «я читал было»
- 2 л. *вула-са-тт-än(-ччे)* «ты читал было»
- 3 л. *вула-са-чч-ё* «он читал было»

множественность субъектов

- 1 л. *вула-са-тт-äm-är(-ччे)* «мы читали было»
- 2 л. *вула-са-тт-är(-ччे)* «вы читали было»
- 3 л. *вула-са-чч-ёς* «они читали было»

Если формант *-a* (*-e*) в аффиксе прошедшего многократного времени принять за аффикс деепричастия, то выходит, что формооснова на *-а* (*-е*), как и формооснова на *-са* (*-се*), обладает свойствами глаголов полной вербальности: *кур-a-тт-äm*, *кур-a-тт-än*;ср. *кур-са-тт-än*.

Таким образом, свойства глаголов неполной вербальности присущи лишь формоосновам на *-сан* (*-сен*), *-сассан* (*-сессэн*).

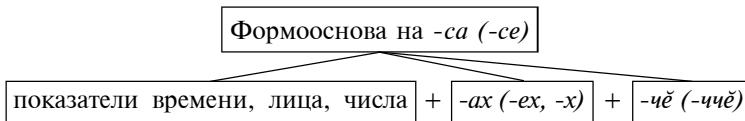
Аффикс *-чё*, присоединяясь к формооснове на *-сан* (*-сен*), выражает желание совершить какое-нибудь действие; иногда это действие воспринимается как действие, выполнимое (способное исполниться) в настоящем или будущем: *Ҫäkär пулсанччे* «Был бы хлеб».

Аффикс категории усиления *-ах* (*-ех*) примыкает к деепричастию, если надо придать словоформе или целому высказыванию особую выразительность. Ср.: *ҫумар чарәнсан* «когда кончился дождь», *ҫумар чарәнсанах* «как только кончится (или кончился) дождь».

Мы указали, что признаками неполной вербальности обладают только деепричастия на *-сан* (*-сен*), *-сассан* (*-сессэн*). А категориальная форма деепричастия на *-са* (*-се*), хотя и представляет форму неполной вербальности, обладает способностью стать формой полной вербальности: может иметь при себе аффиксы времени, лица и числа.

Деепричастие на *-са* (*-се*) может иметь категориальные формы времени на *-чё*, усиления на *-х*, некатегориальную форму сравнения на *-рах* (*-рех*): *вуласаччे* «бывало, читал»; *ларсаччे* «бывало, сидел»; *утсах кайрё* «пешком же пошел»; *çисех ячё* «съел (всё) дочиста»; *тäрäшицах ёчле* «трудись старательней».

Систему форм деепричастий на *-са* (*-се*) можно представить в таком виде:

Отличительный признак деепричастий на *-са* (*-се*) — это комбинированная связь их временных значений с времененным содержанием форм полной вербальности: *килсе кайтап* «приду» (досл.: прия, уйду), *килсе кайрэм* «прибыл» (досл.: прия, ушёл), *килсе каятап* «приду» (досл.: прия, уйду).

Деепричастия на *-сан* (*-сен*) обозначают действия не в определённой временной плоскости, а относительно времени других действий: предшествующих им, следующих за ними, происходящих одновременно с ними: *Ҫумар чарәнсан киле каятап* «Как кончится дождь, пойду домой»; *Ҫумар чарәнсан киле кайтап* «Ког-

да кончится дождь, пойду домой»; *Сүмәр чарынсан киле кайрым* «Когда кончился дождь, (я) пошёл домой». Деепричастное действие сопровождает во всех этих предложениях главное (основное) действие, поэтому в тюркологии в отношении таких деепричастий применяется термин «сопроводительное деепричастие» [136, с. 178].

Примеры формоизменительного формообразования деепричастия на *-a (-e)* проиллюстрированы И.П. Павловым: деепричастие на *-a (-e) + -рах (-pex) + -на (-ne)*: *кайшт ўс-e-reх-ne вайл...* «он, когда чуть подрос...»; *кайшт тэрән-a-рах-na* «чуть насытившись»; деепричастие на *-a (-e) + -рах(x) (-pex(x)) + -айн (-ён)*: *кул-a-рахх-айн* «слегка улыбаясь»; *Пёр урай хәми çёклен-e-reхх-ён тэрать* «Одна половица чуть приподнята». В качестве особенности употребления аффикса *-айн (-ён)* после *-a + -рахх (-e + -reхх)* И.П. Павлов отмечает, «что он употребляется только с одиночными деепричастиями, т.е. с деепричастиями, не имеющими при себе поясняющих слов» [116, с. 256—257].

Причастие и его субкатегории (настоящего, прошедшего и будущего времени) мы рассматриваем как форму глагола (считаем глагольной словоформой), а аффиксы причастий *-ан (-ен)*, *-акан (-екен)*, *-най (-нё)*, *-ас (-ес)* — в качестве формирующих словоизменительную морфологическую категорию причастий. То же можем сказать о субкатегориях деепричастий, образуемых посредством аффиксов *-а (-e)*, *-са (-се)*, *-сан (-сен)*, которые представляют деепричастия в качестве глагольных словоформ и формируют словоизменительную морфологическую категорию деепричастий [95, с. 225—226, 233—234].

Раздел 6

ЧАСТИ РЕЧИ БЕЗ ПРИСУЩИХ ТОЛЬКО ИМ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ И НЕКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФОРМ

Рассмотренные нами части речи имели основные словоизменительные и формоизменительные категориальные формы и вторичные (второстепенные) категориальные формы.

Основные категориальные формы — это морфологические категории, имеющие явное морфологическое выражение в пределах той или иной конкретной части речи.

Вторичные (обусловленные) категориальные формы — более частные, присущие некоторым частям речи, категориальные формы, приобретающие своё морфологическое содержание на фоне общих (или основных) категориальных форм.

Для имени существительного основными категориальными формами являются множественное число, падеж, личная принадлежность, а также выделительность в формоизменении, категория склонения, вторичными категориальными формами — усиление и прошедшее состояние (время), отчасти квазиуподобительность на *-ла* (*-ле*, *-ла*, *-lle*); для имён прилагательных основные — компаративность, выделительность, а также категория склонения, число, падеж в формоизменении, вторичные — усиление и прошедшее состояние (время); для имён числительных основные — порядковость, разделительность, вторичные — падеж, число, усиление, прошедшее состояние, а также категория склонения в формоизменении; для местоимений основные — число, падеж, уподобление на *-шкал* (*-шкел*), категория склонения, вторичные — усиление и прошедшее состояние; для глаголов основные — наклонение, связанное с лицом время, множественное число, инфинитив, причастие, деепричастие, многократность на *-кала* (*-кеle*), а также выделительность в формоизменении причастий, вторичные — прошедшее состояние (время) на *-ччे*, усиление на *-ax* (*-ex*, *-x*).

По сравнению с вышеуказанными частями речи, у наречий в чувашском языке нет присущих только им основных категориальных форм. Вторичные категориальные формы усиления и времени на *-чё* (-чё) являются универсальными, они характерны и для наречий.

НАРЕЧИЕ

Общие замечания

Термин «наречие» (как название части речи) буквально соответствует латинскому (и интернациональному) *adverbium*, «прилагольное; относящееся к глаголу» (чув. *ёç-хёл çумё*). Но это положение (о «прилагольности») не всегда сообразно с истиной: имеется множество примеров (*кёрет укça* «наличные деньги», *самай вахтам* (*ицтрё*) «(прошло) достаточно времени», *çарран ача* «босой ребёнок», *ёлëкхи вахттра* «в прежние времена», *ўнне çапан* «фурункул», *харам пыр* «дармоед», *харам ёç* «бесполезный труд», *харам пыр* «дармоед»), в которых наречия относятся к существительным.

Для наречия характерно отсутствие словоизменительных грамматических категорий, но при формоизменении ряд наречий времени, принимая аффикс выделения *-хи*, склоняется; в числе таких слов: *авалхи* «древний», *халиченхи* «прежний», *виçминехи* «послезавтрашний», *ёлëкхи* «старинный», *ирхи* «утренний», *каçхи* «вечерний», *кäçалхи* «относящийся к этому году», *кёçёрхи* «относящийся к этому вечеру», *малашинехи* «будущий», *паянхи* «сегодняшний», *çёрлехи* «ночной», *тахçанхи* «давнишний», *тирвайхи* «первый», *тäватминехи* «четвёртого дня», *ыранхи* «завтрашний»; но нет таких форм, как *часхи*, *тäтäшихи*, *кёçхи*, *ўлёмхи*, *варахи*.

Получается как бы частичное формоизменительное падежное формообразование некоторых наречий времени. Данное морфологическое явление до сих пор чувашскими языковедами не отмечалось.

В школьных и вузовских учебниках, написанных И.П. Павловым, аффикс *-ла* (-ле, -lla, -lle) включен в число наречиеобразующих формантов, что не соответствует истине. В группу наречиеобразующих аффиксов не попадают также рассматривавшиеся в качестве таковых *-ан* (-эн), *-чен* (-чен), *-серен*.

Вторичные категориальные формы наречий

Категория усиления на *-ах* (*-ex*) свойственна для наречий образа действия (*хулленех, аранах, ерипенех, хәвәртых, сасартайках, тәрүках, хытах, кәретех, җарранах*); меры и степени (*кайштах, ытлах, пайтах, вүчех, пимех, түпнемиҳ, шәламиҳ, йайлтах, пачах, пәртаках, пүшиҳ, самаях*); времени (*яланах, текех, җәрлех, кәсәрех, қайнтарлах, паянах, ёнерех, пәркунах, халех, ёлекех, авалах, қাসалах, пәлтәрех, часах, тәтәшах, кәсех, паңтарах, кулленех, չулленех*); места (*инчех, лерех, унтах, җавантах*); причины и цели (*юриех, қаллахах, таках*).

Категория прошедшего времени (состояния) на *-чे* (*-чеч*) присуща наречиям образа действия (*хулленчеч, аранчеч, ерипенчеч, хәвәртчеч, сасартайкчеч*); времени (*паянчеч, ёнерчеч, җәрлечеч, ёлекчеч*); меры и степени (*кайшчеч, ытлачеч, пайтахчеч, түпнемичеч, шәламичеч, самайчеч*); причины и цели (*юричеч*).

Формообразование наречий Некатегориальные формы наречий

Сравнительная форма на *-рах* (*-рех, -тарах, -терех*). Некоторые наречия образа действия и места образуют некатегориальную форму компаративности: *апларах, капларах, չапларах, хулленрех, хәвәртраках; унтарах, кунтарах, леререх, таңтарах*. Аффикс сравнения *-рах* (*-рех, -тарах, -терех*) способны принимать менее половины наречий названных семантических групп; например, наречия *ахаль, сасартайк, әнсәртран, күсма-куңан, кәртән, шав, тәк, тәнч, йайлт, шәлами, түпеми, җарран, ўнне, чөвен* и др. не могут быть в форме сравнения (не может быть словоформ *ахальрех, сасартайкраках, йайлтрах, түпемирех, тәнчрах, чөвенрех* и т.д.).

Форма выделительности на *-хи*. Эта форма присуща некоторым наречиям времени: *яланхи, җәрлехи, паянхи, ыранхи, ёлекхи, хальхи, пәркунхи, паңархи*, но невозможна выделительная форма слов *ўләм, тин, сайра, вара, пәрмай, тәтәш, ёнтә, кәс, кәс-вәс, час, анчах* и др.

Форма множественного числа. Некоторые наречия времени близки по значению к именам существительным, поэтому склонны принимать аффикс *-сем*, выражая при этом не собственно множественность, а, скорее всего, приблизительное время: *қা�салсем, қা�салсенче* [А, VII, с. 191], *ырансем*,

ырансенче [А, III, с. 56], *ёнерсем*, *ёнерсенче* [А, IV, с. 119], но нет форм *кулленсем*, *нихсансем*, *пёрмайсем*, *тинсем* и т.д.

Формы падежей. Некоторые наречия имеют неполную paradigmу склонения:

Осн.	<i>паян</i>	<i>ыран</i>
Прит.	?	?
Дат.	<i>паяна (çитсе)</i>	<i>ырана (ан хайвар)</i>
Мест.	?	?
Исх.	<i>паянтан (пусласа)</i>	<i>ырантан (маламла)</i>
Твор.	<i>паянпа (ыран)</i>	<i>ыранпа (виçмине)</i>
Лиш.	<i>паянсäр (кун çук-и?)</i>	<i>ырансäр (ан кай)</i>
Прич.	<i>паяншän (түлэнë)</i>	<i>ыраншän (ан кулян)</i>

Форма предельности. Наречия времени, присоединив аффикс -чен (-чен), могут выражать предел действия во времени: *çёрлеччен*, *кайтарлаччен*, *паянчен*, *ёнерчен*, *халичен* (*хальчен*), *кайсалчен*, *пёлтэрчен*. Но нет форм типа *тинчен*, *кулленчен*, *тыйташчен*, *ёнтёччен* и т.д.

Форма разделительности. Использующееся в значении счётного слова наречие меры и степени *пäртак* может употребляться с аффиксом разделительности -шар: *Кашни кунах пäртакшар юр суза тäчё* «Ежедневно понемногу выпадал снег».

Формоизменение некоторых наречий

Категориальная форма усиления наречий на -ах (-ex) иногда принимает аффикс прошедшего времени (состояния) -чё (-чё): *самаяхчё* «(было) порядочно», *ёлекехчё* «(было) в старины», *насäрахчё* «(было) давно», *юриехчё* «нарочно».

Некоторые наречия времени, принимая аффикс выделения на -хи, склоняются, образуя при этом частичное формообразовательное формоизменение:

Осн.	<i>паянхи</i>	<i>ыранхи</i>	<i>кёçёрхи</i>
Прит.	<i>паянхин</i>	<i>ыранхин</i>	<i>кёçёрхин</i>
Дат.	<i>паянхине</i>	<i>ыранхине</i>	<i>кёçёрхине</i>
Мест.	<i>паянхинче</i>	<i>ыранхинче</i>	<i>кёçёрхинче</i>
Исх.	<i>паянхинчен</i>	<i>ыранхинчен</i>	<i>кёçёрхинчен</i>
Твор.	<i>паянхипе</i>	<i>ыранхипе</i>	<i>кёçёрхипе</i>
Лиш.	<i>паянхисäр</i>	<i>ыранхисäр</i>	<i>кёçёрхисäр</i>
Прич.	<i>паянхиишён</i>	<i>ыранхиишён</i>	<i>кёçёрхиишён</i>

Но не все наречия времени принимают аффикс выделения *-хи*, например *тек* «часто», *тăтăши* «часто», *анчах* «только что», *ёнтë* «теперь», *кëс* «скоро». С учётом этого, склонение таких форм наречий, как *паянхи*, *ыранхи*, назовём «квазисклонением». Квазисклонение этих наречий наблюдается и при оформлении выделительных форм аффиксом множественного числа *-сем*: *ёнерхисем*, *ёнерхисен*, *ёнерхисене*, *ёнерхисенче*, *ёнерхисенчен*, *ёнерхисемпе*, *ёнерхисемсёр*, *ёнерхисемшён*. Встречаются также двойные формы падежей: аффикс исходного падежа + аффикс творительного падежа: *авалтанта*, *ёлëкренте*, *паçартанта*, *ёнертенне*. Для иллюстрации приведём примеры из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина и «Чувашско-русского словаря» (паян: *паянтан* «с сегодняшнего дня», *паянхи* «сегодняшний», *паянлăха* «на сегодня», *паянпа ыран* или *ыранпа паян* «в эти дни», *ыранхишён* (*ан хуйхăр*) «(не горюй) за завтрашний день», *ыранлă-мĕнлĕ* «завтра или в ближайшие дни», *ырансенче* «примерно завтра или в ближайшие дни», *ырантан тепёр кунне* «послезавтра», *ыранхи* «завтрашний», *ыранхинче* «завтра»; *кëсёreh* «этой же ночью», *кëсёrhи каç* «в этот вечер», *кëсёrlĕхе* «на эту ночь»).

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

Обратимся к словарю лингвистических терминов. «Существительное отглагольное (существительное глагольное, глагольное имя, имя действия) англ. verbal noun... нем. Verbalabstraktum. Существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как “определенное”, “субстантированное”, т.е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» [19, с. 465].

Если имя действия (чув. *ёç ячё*) то же, что и имя существительное, то оно должно обозначать предмет и иметь грамматические категории рода, числа и падежа (в русском языке), категории числа, падежа и принадлежности (в чувашском языке). При тщательном изучении данного вопроса выясняется, что в чувашском языке образования на *-у* (-*ў*) типа *çурӯ* «ходжение», *çапу* «хлестание» и др. (список таких слов представлен в приложении 2) далеки от обозначения предметности, вещественности и стоят вне категорий множественного числа, падежа и принадлежности.

В чувашском языкоznании имена действия на -у (-ў) рассматривались в числе неизменяемых слов, но не как отдельная часть речи.

Первыми из чувашеведов обратили внимание на эти образования Н.А. Андреев, И.П. Павлов, затем В.И. Сергеев и Л.П. Сергеев. Авторы отмечают словообразовательную двойственность аффикса -у (-ў) в чувашском языке, указывая на отглагольные производные на -у (-ў) — подлинные (истинные) существительные (*сыру* «письмо», *вёренў* «учение», *пуху* «собрание») и на отглагольные образования на -у (-ў) — имена действия (*кулу* «смех», *чуту* «беготня»). Часто чувашеведы эту грань не проводят, рассматривая разные явления как одно [14, с. 49].

Подлинные имена существительные морфологически полностью изменяемы: *сыру* «письмо» — *сырусем* «письма»; *сырвам*, *сырву*, *сырвё*, *сырвэр* (во всех лицах категории принадлежности) и имеют полную падежную парадигму.

Имена действия или не подвергаются словоизменению, или характеризуются частичной изменяемостью. Например, слова *суту* (*Суту ўнмарё паян* «Сегодня продажа не удалась») и *сута* «продажа» морфологически неравнозначны: если отдельно взятое слово *суту* неизменяемо, то *сута*, по данным словаря Н.И. Ашмарина, бывает в следующих формах: *сутта* (дательный падеж) *кайсан*; *сёлे сотти* (3 лицо категории принадлежности?); *сотана* (творительный падеж) *кайнă* [А, XI, с. 208].

Падежные формы имён действия встречаются в строках поэмы «Нарспи» К. Иванова:

Ханха тăрри шартлатать
Саламатта çапуна.
«И трещат, трещат ворота
Под ударами плетей».

Лаши вёçсе пырупа
Пичё-куçё пит усал.
«Искаженный быстрой скачкой,
Вид разгневанный и злой».

(Пер. П. Хузангая)

В этих примерах словоформы *çапуна*, *пырупа* — имена действия в форме творительного падежа.

В количественном отношении имена действия, судя по данным обратного словаря чувашского языка [181] и др. работ, претендуют на роль самостоятельной части речи в ряду частично изменяемых слов: общее количество имён действия — более 50 единиц (ср.: имён числительных — 26; местоимений — 30; союзов — 20; частиц — 26). По данным В.В. Андреева, к именам действия с дериватом (аффиксом) -у (-ý) следует отнести такие образования, как *ўсёру* «кашляние», *сёмёру* «разрушение», *килү* «приход», *пушту* «разгрузка», *пытару* «прятание», *түрленү* «поправка, выздоровление», *хаталу* «спасение», *пётү* «окончание» и др. [7, с. 82—83].

При рассмотрении вопросов слово- и формоизменения неличных форм глаголов мы выдвинули тезис о возможности образования при помощи непродуктивного деривационного морфа *-a* (*-e*) не только имён существительных (*вált* + *-a*, *турт* + *-a*), но и имён действия (*юх* + *-a*, *макár* + *-a*).

В.Г. Егоров в число имён действия включает отглагольные (отпричастные) имена (*nomina actionis*), в определённой мере соответствующие арабскому масдару и совпадающие по grammatischer Forme «с причастиями в определённой (с аффиксом принадлежности 3 лица) (вернее, с аффиксом выделения на *-i*. — В.С.) форме на *-ни*, *-асси* (*-есси*), *-мали* (*-мелли*)». Далее В.Г. Егоров указывает: «По значению своему имена действия далеко отходят от причастий. Они, обозначая отвлечённое понятие действия, процесса, состояния, т.е. обозначая действие в отвлечении от действующего предмета, приближаются к именам существительным и даже совпадают с ними. Имена действия — это отглагольные (вернее, отпричастные) существительные. От обыкновенных существительных они отличаются наличием черт, общих у них с причастиями, с которыми их, однако, не нужно смешивать» [70, с. 235].

В.Г. Егоровым приводятся следующие примеры употребления «имён действий».

Ку, вулásран килни (причастие в самостоятельной — субстантивной — форме), *пýртрең тухсанах вëсene ятпа чёнse тухрë* «Как только тот, приехавший из волости, вышел из избы, (он) собрал всех, вызвав по имени» [70, с. 235]. В действительности *килни* (*вулásран килни*) — причастие прошедшего времени (*килнë*) в выделительной форме на *-и*, подвергается субстантивации частично семантически и частично грамматически (морфологиче-

ски), поскольку отдельное слово *килни* без обстоятельства места *вулâсран* мало что значит. Бессспорно, словосочетание *вулâсран килни* принимает аффикс множественного числа -сем (*вулâсран килнисем*) и изменяется по всем падежам, но не бывает в форме категории принадлежности.

Докладчиксем районтан килни (имя действия) *пүт вырâнлай* тулчё «Приезд докладчиков из района оказался очень кстати» [72, с. 236]. Но В.Г. Егоров, на наш взгляд, путает имя действия *килни* «приезд» с причастием прошедшего времени, имеющим определённую, субстантивную форму с аффиксом принадлежности 3 лица -и (вернее, -и здесь аффикс выделения). Так, в предложении *Çырни-пүрни пусма вëçнек килет тесçе* «То, что суждено, придет само» единицу *сырни-пүрни* можно перевести и как «суженый» или «суженая», и как «судьбой или богом определенное». Следует подчеркнуть, что такие формы подверглись частичной субстантивации. А примером полной субстантивированной формы является слово *савни* (< *сав-на-и*) «возлюбленный», «возлюбленная», «милый», «милая», «любимый», «любимая», его формы — *савнисем* (форма множественного числа), *савнисём*, *савниём*, *савниёмер*, *савниёр*, *савнийү*, *савнийё* (формы категории принадлежности), которые имеют полную парадигму склонения.

На наш взгляд, В.Г. Егоров выделительные формы причастий к именам действия причислил неправильно [70, с. 236, 239].

МИМЕМЫ (ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ И ЗВУКООБРАЗНЫЕ СЛОВА, ИМИТАТИВЫ)

Общие замечания

Н.И. Ашмарин опубликовал несколько работ о мимемах чuvашского и других языков [22; 23; 24]. Г.Е. Корнилов посвятил этой теме докторскую диссертацию и издал монографию [97]. В.Г. Егоров высказался против теории Н.И. Ашмарина, утверждавшего, что все слова в любом языке произошли от подражательных слов. В.Г. Егоров, считая такую теорию отсталой, отмечает, что Н.И. Ашмарин хотел воскресить в языкоznании давно сконченную звукоподражательную теорию происхождения языка [74, с. 360].

Высказывание Н.И. Ашмарина: «Нужно полагать, что многие слова в современных нам и в древних языках не могут

найти себе объяснения в подражании только по той причине, что мы не знаем их первоначального значения и нам неизвестно, какая сторона или какое свойство того или другого предмета вызвало в языке к жизни мимему, сделавшуюся впоследствии его постоянным названием» [24, с. 140], нашло отклик и одобрение в работе Г.Е. Корнилова, который критикует языковедов, «не признающих мысль об изобразительных истоках человеческой речи» и считает, «что они представляют собой учёных, ограниченно воспринимающих языковую действительность; их объектом обычно являются либо только литературные “стандарты”, либо диалекты одного языка, или группы родственных языков и т.д., в любом случае их не интересует историческая структура корня и история формирования корнеслова в конкретных семьях языков и человеческой речи вообще» [97, с. 39]. До Г.Е. Корнилова в поддержку теории мимологии выступил Н.К. Дмитриев в статьях «Очерк южнотюркской мимологии», «К изучению турецкой мимологии», опубликованных в немецких изданиях, а затем в монографии «Строй тюркских языков» [67, с. 59—108].

Формообразование мимем

Мимемы относятся к разряду частей речи, у которых нет присущих только им словоизменительных категориальных форм, но которым свойственны некоторые вторичные формообразовательные элементы.

Форма усиления на *-ах* (*-ex*, *-x*). Примеры: *шартах* — подражание внезапному испугу (*Мäнаци çaprē te, шартах сикрём* «Загрохотал гром, и я вздрогнул»), подражание неожиданному удивлению (*Ку кёнекене äçтан илтён?* *Шартах хамär чёлхепе сырнä* [А, XVII, с. 139] «Где достал эту книгу? Как раз на нашем языке написано»; здесь *шартах* может быть и наречием).

Из произведений художественной литературы: *Долгов сামахë вëсене тăпах чарчë* (Шипцов) «Слова Долгова их враз остановили»; *Чёре лăштах каннä пек туйänчë* (Алендей) «Кажется, враз отлегло от сердца».

Сравнительная форма на *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*). Примеры: *Вара калав кал-калрах кайнä пулёччë* (В. Митта) «Тогда и беседа пошла бы ровней»; *Вäрт-вартарах çаврэнкалäр* «Поворачивайтесь живее» [ЧРС, с. 71]; *Вäр-вартарах уткалат* «Похаживает проворно»; *Вäшт-ваштарах хäтланкаласа çүре* [А, V, с. 344]

«Будь поживей»; *Xäp-хартарах калаңма юратать* «Любит выражаться резковато».

Форма образа действия на *-айн* (*-ейн*). Примеры: *Väši-вашиан түмланса тухär* [ЧРС, с. 72] «Быстроенко оденьтесь и выйдите»; *Väшишан-вашиан çил вёрем* [А, В, с. 345] — подражание дуновению ветра; ср.: *Väштин-ваштин çил вёрем, çил арман хүчи хэнэртэй* [А, В, с. 344] «Мельник радуется лёгкому ветерку»; *хäр-харран кайшкäраи* [ЧРС, С. 549] «покрикивать излишне грубо».

Форма выделения на *-и*. Примеры: *Путек йälтти-ялтти сик-келет* [ЧРС, с. 121] «Ягнёнок подпрыгивает, резвясь»; *Вälтти-валтти анчах җаварса пäрахрэ* [А, В, с. 302] «Ловко и легко поборол»; *Пушана шäртти-шартти тутар* [ЧРС, с. 613] «Щёлкнуть несколько раз кнутом»; *Вäртти-вартти та ёччен хëрапам* [ЧРС, с. 71] «Сноровистая и работящая женщина».

Форма выделения на *-скер*: *Вäl вäр-варскер* «Он проворный».

Двойная форма: аффикс сравнения *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*) + аффикс выделения *-и* или *-скер*: *вайшт-ваиштрахскер*, *вайшт-ваиштраххи* « тот, кто проворнее»; *Вëçкëнрехскер*, *йälттäm-ялттämрахскер*, *вäl Макара пëртте килешмен* (Садай) «Хвастунишка какой-то легкомысленный, он вовсе не понравился Макару».

Некоторые подражательные слова могут субстантироваться. Мимема *хам-хам* имеет формы: *хам-хаман*, *хам-хаму*, *хам-хаме*, *хам-хамамäр*, *хам-хамäр*, *хам-хамсем* (*Хам-хам вёрчё* «Собачка по-ляла»; *Хам-хамамäц ман* — *лиска йытä* «Собачка моя — низкопородистая»). Как основа слова *хам-хам*, так и все формы притяжательности и множественного числа имеют полную парадигму склонения:

Осн.	хам-хам	хам-хаме	хам-хамсем
Прит.	хам-хаман	хам-хамэн	хам-хамсен
Дат.	хам-хама	хам-хамне	хам-хамсене
и т.д.			

К полностью субстантированным относим и мимемы, обозначающие животных и птиц: *мäлок* «кошка», *нарт-нарт* «утка», *чиp-чиp*, *шиp-шиp* «цыплёнок», *кикак* «гусь», «лебедь». *Атäл қукри алла күкäр*, *кукрицемэн кäвакал*, *кикак* (здесь мимема. — В.С.) *текенни пёри те չук* [А, VI, с. 197] «У Волги пятьдесят излучин, на каждой излучине утки, ни одного гуся-лебедя».

Субстантированными, на наш взгляд, являются только те мимемы, которые способны принимать аффикс множественного

числа *-сем*, аффиксы принадлежности *-äm* (*-äm*), *-у* (*-y*), *-е* (*-u*), *-ämär* (*-ämär*), *-är* (*-är*) и всех падежей.

Примеры частично субстантивированных мимем, приведенные И.П. Павловым [118, с. 314]: *Чёкең юрри, хурсен кикакे* (Хуз.) «Пение ласточки, журавлинный крик» (словоформа *кикаке* представляет собой 3 лицо принадлежности и имеет не значение «гусь» или «лебедь», а «гоготание», «крики»); *Эй, салтак юррин ян-янә* «Ох, звон солдатской песни» (ян-янә в значении «пение», «звук»); *Тәри юрри те шәрчәксен чәр-чарә* «Пение жаворонка и стрекотанье кузнечика» (чәр-чарә «стремление»).

Мимемы частичной субстантивации, по сравнению с полностью субстантивированными звукоподражательными словами, не склоняются и принимают не все аффиксы личной принадлежности.

ПОСЛЕЛОГИ И СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Послелогами называют обычно морфологически неизменяемые слова, что не всегда соответствует истине. Некоторые послелоги подвержены частичному формообразованию: они не имеют словоизменительных форм, им присущи некоторые некатегориальные формы, выполняющие морфосинтаксическую функцию.

Определение послелога нам видится таким: послелоги в большинстве своём частично изменяемая служебная часть речи (в смысле формообразования), которая употребляется в морфосинтаксическом сочетании со знаменательными словами: с существительными (*май таран* «по шею», *пиләк таран* «по пояс»), местоимениями (*ман вали* «для меня»; *ун вали* «для него (ней)»), числительным (*хәрәх урлә каңа*, *алла չитмен-ха* «ему (ей) за сорок, но нет ещё пятидесяти»), наречиями (*ыран вали* «на завтра»); с частично субстантивированной формой причастий прошедшего времени (*вулани չинчен* «о чтении»), будущего времени (*пуласси пирки* «о будущем»); с причастием будущего времени (*халь-халь каяс пек* «будто вот-вот отправится»), прошедшего времени (*утнә май* «по мере ходьбы»); с причастием долженствования (*каламалла чух* «когда нужно (следует) говорить»); с инфинитивом (*вәрсма патне չит* «дойти до ругательства»); с причастием настоящего времени

(*сывран пек туса вырт* «притвориться спящим»; *Ёзлекен валли яланах ёң нур* «Грудолюбивому всегда есть чем заняться»).

Послелоги употребляются (по И.П. Павлову) с основным падежом (*валли, витёр, евёр, пек, пирки, ынчен, тавра, таран, тарых, тери, урлай, хута*), притяжательным падежом личных и указательных местоимений (*валли, витёр, евёр, пек, пирки, ынчен, тавра, тарых, урлай*), дательным падежом (*кура, май, нула, ыти, хирең, яхайн*), исходным падежом (*нуңе, нуңласа*) [117, с. 299—315]. Из перечисленных И.П. Павловым послелогов [см. также: 118, с. 317—323] сомнение вызывают следующие: *тесе, кура, нула, каца, нуңласа*. Считать ли их послелогами? По нашему мнению, это явно деепричастные формы.

Послелоги выражают следующие основные виды отношений: пространственные (локальные): *витёр* «сквозь», *май* «по», *ыти* «до», *таран* «до», *тарых* «вдоль», *урлай* «через», *хирең* «против», *тавра* «вокруг, кругом»; временные (temporальные): *хыңсан* «после», *хута* (*ёр хута* «среди ночи»), *хыңсан* «после», *каца* (*хөл каца* «в течение зимы»), *нуңласа* «начиная с...», *таран* «до»; меры: *таран*: *чёркүсси таран* «до колен»; инхоативно-финитные: *ыти* «до», *тери* «до»; компаративные отношения: *пек, евёр* «наподобие»; целевые отношения: *нула* «ради»; *валли* «для»; делиберативные: *ынчен* «о, об»; ablative: *нуңе* «кроме»; причинные: *пирки* «из-за»: *кахал пирки* «из-за лени», *кура* «смотря по» [164, с. 491—492].

Как мы уже сказали, послелоги — морфологически частично изменяемые слова. Среди них особенно выделяются слова *пек, евёр* «подобно», которые, принимая аффикс выделения *-и* или *-скер* (*пекки, пекскер; евёрри, евёрскер*), склоняются (квазисклонение):

Осн.	<i>пекки</i>	<i>пекскер</i>	<i>пеккисем</i>	<i>пекскерсем</i>
Прит.	<i>пеккин</i>	<i>пекскерён</i>	<i>пеккисен</i>	<i>пекскерсен</i>
Дат.	<i>пеккине</i>	<i>пекскерне</i>	<i>пеккисене</i>	<i>пекскерсене</i>
Мест.	<i>пеккинче</i>	<i>пекскерёнче</i>	<i>пеккисенче</i>	<i>пекскерсенче</i>
Исх.	<i>пеккинчен</i>	<i>пекскерёнчен</i>	<i>пеккисенчен</i>	<i>пекскерсенчен</i>
Твор.	<i>пеккине</i>	<i>пекскерне</i>	<i>пеккисемне</i>	<i>пекскерсемне</i>
Лиш.	<i>пеккисёр</i>	<i>пекскерсёр</i>	<i>пеккисемсёр</i>	<i>пекскерсемсёр</i>
Прич.	<i>пеккишён</i>	<i>пекскершён</i>	<i>пеккисемшиён</i>	<i>пекскерсемшиён</i>

Иллюстрирующие примеры показывают, что в них нет субстантивации: *сывран пекки туса выртать* «притворяется спя-

щим»; *ман упашка пекскер* «наподобие моего мужа»; *Ларас пеккисем карап çине ларнă та каяс çĕре кайнă* «Кто хотел сесть на корабль, сел и поплыл, куда хотел»; *Хăла лашана анчах пачĕ, ватăскере, ыран-и, паян-и вилес пеккине* (ср.: *пекскерне*. — В.С.) «Выделил савраску старую, которая сегодня-завтра подохнет». Эти примеры взяты из словаря Н.И. Ашмарина [А, IX, с. 153—155]. Нет надобности подтверждать примерами все падежные формы словоформ *пекки*, *пекскер + -сем*.

Послелог *пек* принимает аффиксы: образа действия *-ён* (*пеккён* «подобно»), уподобления *-ле* (*пекле* «схоже, похоже»), прошедшего времени *-чё* (*пекчё*: *Кашкар пекчё вăл йытă* «Та собака была точно волк»), усиления *-ех* (*пекех*: *ашиё пекех* «точно отец»). Такая широкая аффиксальная «разворотливость» послелога *пек* имеет историко-этимологическую подоплëку: чув. *пек* происходит от существительного *кан* «форма», хотя слово перешло в другую часть речи (в послелог), «привычки» имени существительного и прилагательного подспудно сохранил.

Вопреки высказываниям тюркологов о том, что послелоги относятся к морфологически неизменяемым словам, мы утверждаем, что многие послелоги чувашского языка имеют частичное формообразование, т.е. обладают некатегориальными формами, но, как ни странно, ещё и вторичными категориальными формами усиления и прошедшего времени:

вали — *валииҳ*: *мана валииҳ* «специально для меня»; *валличчё*: *ача валиччё* «было (приготовлено) для ребёнка»;

витер — *витерех*: *Вăрман витерех тухма лекрĕ* «Пришлось пройти через лес»; *Çумăр витерех килтёмĕр* «Пришли, несмотря на дождь»; *витерччё*: *Энир каяс çул пахча витерччё* «Путь, который мы должны были пройти, был через сад»; *вимтёртерех*: *Сан куçусем те вимтёртерех* (~ *витертерех*) «Зрение у тебя острее» [А, V, с. 259];

вара — *варах*: *ёнертен варах* «со вчерашнего дня»; *çав кунтан варах* «с того самого дня»;

евёр — *евёрех*: *кашкар евёрех* «точь-в-точь как волк»; *евёрччё*, *евёрлётччё*: *Вëсем пëр евёрлётччё* «Они были похожими»;

пек — *пекех*: *сан пекех* «похож на тебя»; *пекехчё*: *тем пекехчё* «чрезвычайно важно (нужно)»;

пирки — *пиркиех*: *Пупсем пиркиех çак инкеке куратпăр* (И. Мучи) «Из-за попов терпим (букв.: видим) это несчастье»; *пиркиччё*: *Энир ёç пиркиччё* «Мы по поводу работы»;

çинчен — çинченех: Ёс çинченех калаçать-ха вäl «Он говорит о деле (о работе) же; çинченчё: Калаçу çёр тенкё çинченчё «Разговор был о ста рублях»;

тавра — таврах: Ял таврах çаврәнма лекрё «Пришлось обойти деревню»; таврачё: Çулё күлә таврачё «Путь лежал вокруг озера»;

таран — таранах: Шывे унта май таранах «Вода там по шею»; таранчё: Клеверё пилёк таранчё «Клевер был по пояс»;

тäрäх — тäрäхах: Селектор тäрäхах калаçрäm «Я говорил по селектору же»; тäрäхчё: Çурчё ун урама тäрäхчё «Его дом был вдоль улицы»;

тери — териех: Çав териех ан тарäх-ха «Не гневайся до такой степени»; териехчё, териччё: Илемё тата мён териччё! «Красота была какая!»;

урлä — урлах: Шыв урлах каçма лекрё «Пришлось перейти вброд»; урлахчё: Çулё уй урлахчё, урлаччё «Дорога была через поле»;

хута — хутах: Мёнле хäрамарäр-ха çёр хутах вäрман урлä каçса килме? «Как же вы не побоялись среди ночи идти через лес»; хутаччё: Су хутаччё — пански чäлха, хёл хутаччё — тäла чäлха «Панские (вязанные) чулки были на лето, а чулки из скунка — на зиму»;

кура — курах: Ёçне курах — тупäшё «По работе и прибыль»; кураччё: Екки те ун хайнэ кураччё «И нрав у него был на свой лад»;

май — маях: пёрмаях «всё время»; майччё: Ёçлесси те вëсен хайнене майччё «И трудились они на свой манер»;

хирёç — хирёçех: Вëсене хирёçех Иван пурänать «Напротив их живёт Иван»; хирёçчё: Петёр вëсене хирёçчё «Петр был против них»;

яхäн — яхäнах: сехете яхäнах «около часа»; яхäнччё: Тарäнäшиё метра яхäнччё «Глубина была около метра»;

юнашар — юнашарах: Вäl манта юнашарах «Он рядом же со мной»; юнашарччё: Пирён пахчасем юнашарччё «Наши огороды были рядом».

На то, что послелоги чувашского языка обладают вторичными категориальными формами: формой усиления на *-ax* (*-ex, -x*), формой прошедшего времени на *-чё* (*-ччё*) — чувашские языковеды не обратили внимания потому, что ни один из них не поднимал формы с этими показателями до категориального статуса: аффикс *-ax* (*-ex, -x*) считали частицей

усиления, а *-чё (-ччё)* оставался на уровне «недостаточного глагола».

Формообразование послелогов рассматривалось, но только всё ограничивалось примерами без комментариев. Например, *ку таран-чен* «до сих пор» [117, с. 304], при этом ничего не говорится о формообразовательном аффиксе *-чен (-ччен)* как об аффиксе предельности.

К некатегориальным формам послелогов относятся следующие:

формы выделительности на *-и*, *-хи*, *-скер*: *пекки*, *хирёцци*, *урли*, *тäрäххи* (*урама тäрäххи*), *вимёрри*, *евёрри*, *таранхи* (*ку таранхи*), *валискер* (*ун валискер*);

форму предельности на *-чен*: *яхэнчен*, *таранчен*, *çитичен*;

формы некоторых падежей (неполное склонение): *нам* (*ман пата* — дательный падеж, *ман патра* — местный падеж, *ман патран* — исходный падеж); других падежных форм нет;

форма компаративности + усиления: *Вëсем ёлëк тури чаваш-сем пекрехех тумланнай иккен* «В старину они одевались, оказывается, наподобие верховых чувашей»;

форма усиления + прошедшего времени: *Шывë чёркуçси таранахчё* «Вода была по колено».

И.П. Павлов среди послелогов выделяет особую группу слов под названием «служебные имена» [117, с. 317—323]. По его мнению, «в форме локальных (или пространственных) падежей служебные функции могут приобретать следующие имена существительные: *ай* “низ”, *аяк* “бок”, *аш* “нутро”, *варä* “середина”, *ен* “сторона”, *кут* “основание”, *нам* “близость”, *пуç* “голова”, *чи* “верх”, *сывাহ* “близость”, *тавраши* “окрестность”, *тäрäй* “верх”, *тёл* “противоположная сторона”, *ум* “перед”, *хушäй* “промежуток”, *хыç* “зад”, *хёре* “край”» [117, с. 317].

Автор предупреждает, что эти слова не являются послелогами, они не утратили полностью своё именное значение и частично сохранили словоизменительные функции существительных: изменяются по некоторым падежам и лицам категории принадлежности.

Некоторые из приведенных слов принимают аффиксы лица принадлежности: *ман айämра* «подо мной», *сан айänта* «под тобой», *ун айёнче* «под ним (ней)». Словоформы с аффиксами принадлежности являются неполносклоняемыми:

Осн.	<i>ман патäm</i>	<i>сан пату</i>	<i>ун пачë</i>
Прит.	?	?	?
Дат.	<i>ман патämа</i>	<i>сан патна</i>	<i>ун патне</i>
Мест.	<i>ман патämра</i>	<i>сан патäнта</i>	<i>ун патëнче</i>
Исх.	<i>ман патämран</i>	<i>сан патäнтан</i>	<i>ун патëнчен</i>
Твор.	?	?	<i>ун пачëне</i>
Лиш.	?	?	<i>ун пачëсëр</i>
Прич.	<i>ман патämшиän</i>	<i>сан патäнишиän</i>	?

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

(Вместо заключения)

Что такое строй языка? Обратимся к словарям лингвистических терминов. Язык — «одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.» [19, с. 530], строй языка — «способ выражения грамматических отношений между словами как синтаксическая характеристика языка» [19, с. 457], близок по значению термин «система» — «внутренне организованная совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми инвариантными отношениями» [19, с. 412]. Стой языка выявляется в следующих параметрах: фонетический, морфологический, семантический, лексико-фразеологический и грамматический. «Грамматический строй — строение слова и предложения, присущее данному языку» [19, с. 113]. А грамматика — «раздел языкоznания, изучающий такой строй, его неодноуровневую организацию, его категории и их отношения друг к другу» [100, с. 113]. Итак, грамматическая (морфологическая) структура — это значащее расположение элементов (единиц) высказывания. Лингвотактика (или грамматика порядков) как раздел лингвистики занимается описанием сочетаемости не только грамматических, но и фонетических, морфемных, лексико-фразеологических единиц языка. Изучение сочетаемости морфем, т.е. последовательности морфем в словоформах, нас выводит на словоизменительные, формоизменительные категориальные формы, а при рассмотрении формообразования мы вынуждены признать наличие некатегориальных форм. Категориальные и некатегориальные формы являются стержневым элементом морфологического строя чувашского языка. Без их учёта адекватно описать морфологический строй чувашского языка невозможно.

В своё время Л.В. Щерба написал: «...грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий...» [188, с. 79—80], но им не затронут вопрос о некатегориальных формах.

Чувашский язык от других тюркских языков отличается наличием словоизменительной морфологической категории выделения (выделительности) на *-и*, *-скер* прилагательных и формоизменительной категориальной формы выделения существительных, прилагательных, местоимений, причастий настоящего (*сыраканни*), прошедшего (*сырни*), будущего (*сырасси*) времени. Категория выделения проявляется и в формоизменении падежных форм: *ку́ришённи* «то, что принадлежит соседу», *ку́ршёри* «то, что находится по соседству», *ку́ршёренни* « тот, кто из соседей », *ку́ршёсёрри* « тот, кто не имеет соседей », *ку́ршёшённи* « тот, кто хочет иметь соседей ». Обычно мы говорим вообще о категории падежа. Однако термином «категория» (вернее, «субкатегория») называются и отдельные субкатегории падежей — категории выделения притяжательного, местного, исходного, лишильного, причинно-целевого падежей, но нет субкатегории выделения дательного итворительного падежей. Форма выделения на *-и* творительного падежа встречается редко даже в разговорной речи: *Ёçпех килсеччё-и эсё?* «По делу же ты пришёл?»; *Ёçпине ёçпехчё та-ха* «По делу-то, конечно, по делу». Словоформу *ёç-п-и-н-е* можно отнести только к формообразованию.

Морфологические словоизменительные и формоизменительные категории подчиняются принципу тотальности употребления грамматических форм, т.е. морфологическая категория распространяется на всё множество (или большинство) элементов (слов) рассматриваемой части речи.

В нашей работе в качестве рабочей установки принято то, что под морфологической категорией, или категориальной формой, следует понимать как совокупность форм (например, категория принадлежности, образуемая аффиксами *-ам* (*-ём*, *-м*), *-у* (*-й*), *-ё* (*-и*), *-ам-är* (*ём-эр*, *-м-эр*, *-м-эр*), *-är* (*эр*)), так и одну отдельную форму с автономной семантикой (например, категория множественного числа на *-сем*, категория прошедшего времени на *-чё* (*-ччё*)), придерживающиеся принципа тотальности употребления в пределах одной части речи или ряда частей речи. Признавая категорией одну отдельную

форму с автономной семантикой, мы не ставим цели полностью отказаться от термина «оппозиция» — формального смыслового противопоставления языковых единиц (в нашем случае — морфем). Мы признаём многочленность и многочисленность категорий, но категорически против трактовки Д.А. Штelinga, который признаёт только противопоставление двух (и не более!) форм при определении категории. Д.А. Штeling и поддерживающие его теорию грамматической категории видят в ней отражение основного закона человеческого мышления — закона единства взаимоисключающих противоположностей [185, с. 56, 63].

Признавая привативную (бинарную) оппозицию, где один из членов отличается от другого наличием или отсутствием какого-либо отличительного признака, мы предлагаем свою оппозицию — «категориальная форма — некатегориальная форма».

Некатегориальной формой следует считать как совокупность форм (например, форма лица у числительных от двух до семи: *иксёмёр* «мы вдвоём», *иксёр* «вы вдвоём», *вицсёмёр*, *вицсёр*; *тäватсамär*, *тäватсär*; *пилексёмёр*, *пилексёр*; *ултсамär*, *ултсär*; *çичсёмёр*, *çичсёр*), так и одну отдельную форму с автономной семантикой (например, *ачарах* «ребенок еще»), характеризующиеся принципом избирательности употребления в пределах одной части речи (или нескольких частей речи) и служащие в большинстве случаев для формообразования. К примеру, определительное местоимение *пур* «каждый» может выступить в формах 1, 2, 3 лица: *пурсамär* «все мы», *пурсär* «все вы», *пурë*, *пурашë* «все вместе».

Противопоставление «категориальная форма — некатегориальная форма» даёт возможность противопоставить термины «словоизменение», «словоформоизменение» (сокр.: формоизменение) и «формообразование». Все случаи некатегориальной формы относятся к формообразованию.

Членение на три уровня позволяет дать стройное описание морфологических форм. Например, с позиций формоизменения мы можем уверенно сказать, что прилагательным чувашского языка присущи категории падежа и множественного числа, но при выделительных формах на *-и*, *-скер*: *лайăххин*, *лайăххине*, *лайăххинче*, *лайăххинчен*, *лайăххине*, *лайăххисёр*, *лайăххишён*; *лайăххи-сем* (с полным склонением). Чувашские языковеды не отмечали категории падежа и множественного числа прилагательных, хотя

и приводили образцы склонения форм *асли*, *аслисем*. Также указывается: «...в роли определения прилагательные всегда предшествуют существительному, своему определяемому. Как определение прилагательные не изменяются» [15, с. 104]. Но это в корне неверно. Следует учесть, что у прилагательных основной категориальной формой является категория сравнения на *-рах* (*-рех*, *-тарах*, *-терех*): когда прилагательное принимает аффикс сравнения, оно изменяется: *пысак ял* «большая деревня» — *пысакрах ялсем* «деревни побольше»; *çүллөт ту* «высокая гора» — *çүллөрех тусем* «горы повыше». Есть ещё форма усиления качества прилагательных (интенсив) (*сан-сарап уйах* «жёлтая-прежёлтая луна»; *хуп-хура çёр* «чернозём», «чёрная-чёрная земля»); естественно, интенсив относится к формообразованию, т.е. является некатегориальной формой, поскольку подчиняется принципу избирательности употребления: в чувашском языке интенсив образуется от названий цвета, но нет форм *лат-лайах*, *хип-хитре* и т.д.

Принцип тотальности употребления форм причастий и деепричастий вынуждает нас отнести их к категориальным и многочленным субкатегориальным формам, а инфинитив — к одиночленным словоизменительным категориальным формам.

Итак, морфотактика (морфемотактика, грамматика порядков), являясь частью морфологии — раздела языкоznания, изучающего формы словаизменения и формообразования, способов выражения грамматических значений, а также морфологических категорий в виде категориальных форм, учитывая наличие некатегориальных форм — имеет большое значение для описания морфологии (словоизменения, формоизменения и формообразования) чувашского языка.

Грамматика порядков представляет словоформу как упорядоченный набор морфем. Благодаря грамматике порядков мы говорим о словоизменении, формоизменении и формообразовании с точки зрения тотальности и избирательности употребления аффиксов, о порядке морфем, т.е. о позиционных рангах. Грамматика порядков определяет морфологический строй чувашского языка, и, возможно, это положение справедливо и для всех других тюркских языков как языков агглютинирующего типа.

Категориальные формы, морфологические категории подчиняются принципу тотальности (универсальности) употребления

формальных морфологических показателей со всеми словами или большинством слов той или иной части речи (здесь хозяйничает мерило «больше половины», в идеале до 100 % совокупности единиц морфологических классов слов). Если эта мера соблюдается, неизбежно сталкиваемся с принципом избирательности употребления форм с оценкой «меньше», т.е. меньше половины слов той или иной части речи. Мера «меньше» охватывает от 0,01 % до 49,9 % вокабуляра определённой части речи. В этом случае имеем дело с некатегориальными формами слов, т.е. с формообразованием. Например, определительные местоимения *пур*, *пурте* «все» могут быть оформлены с аффиксами лица: *пурсамар* (*ta*), *пурсар* (*ta*), *пурё*, *пурёши* (*te*), но ни одно местоимение такими личными формами местоимения не обладает, т.е. *пур*, *пурте* демонстрируют принцип избирательности личных форм.

По принципу избирательности формируются квазикатегориальные формы формообразования. Например, послелоги *пек*, *евёр* «подобно, наподобие» принимают аффиксы выделения *-i*, *-скер*: *сан пекки*, *пекскер* «наподобие тебя», многие другие послелоги (*хута*, *май*, *пүсне* и др.) в выделительной форме не выступают. Но элемент *-i* может входить в состав основы некоторых послелогов: *вали* «для», *пирки* «по причине», *тери* «до такой степени», *չити* (< *չւտե*) [116, с. 241, 258; 117, с. 297, 311]. Послелоги *пек*, *евёр* в форме выделения имеют полное склонение. Поскольку большинство послелогов в форме выделения на *-i*, *-скер* не выступает, перед нами квазивыделение и квазисклонение, так как нарушаются принцип тотальности употребления.

Приложение 1

«АНТИЗАЛОГОВЫЙ» МАТЕРИАЛ

**(Данные, доказывающие тезис об отсутствии
в чувашском языке категории залога)**

1. Примеры, иллюстрирующие словоизменительную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-tar* (*-ter*, *-ttar*, *-ttter*) как основу категории понудительности (соблюдается принцип тотальности). Список составлен на основе «Обратного словаря чувашского языка» [181, с. 96—104, 109—113] с соблюдением правил оформления реестров словарей такого типа.

шăтар	тăрăлтар
автар	карăлтар
савтар	çурăлтар
чавтар	касăлтар
хывтар	пăсăлтар
яvtар	кавсăлтар
кайтар	үçалтар
тайтар	ватăлтар
пуйтар	хăтăлтар
туйтар	çутăлтар
актар	шăлтар
çактар	култар
чактар	пултар
тăктар	тултар
ланктар	кăмтар
тăпăлтар	чăмтар
хăшкăлтар	кумтар
тăкăлтар	антар
саpăлтар	вантар
чарăлтар	йăвантар
хайăрăлтар	кантар
какăрăлтар	лăкантар
мăкăрăлтар	аркантар
самăрăлтар	путăркантар

лайчаркантар	хыпалантар
хускантар	варалантар
чавалантар	сараплантар
йавалантар	չարалантар
явалантар	шարгалантар
лаймакалантар	шултранлантар
չավրակалантар	уралантар
չառրակалантар	чуралантар
чакалантар	самсалантар
лачакалантар	үкçалантар
авкалантар	аталантар
явкалантар	асталантар
тайкалантар	ыталантар
йаштэрккалантар	хавхалантар
лачэрккалантар	չامхалантар
манкалантар	тумхалантар
лапкалантар	չэрхалантар
չափкалантар	калчалантар
тэпкалантар	аշалантар
пайэрккалантар	йашалантар
пэрккалантар	нушалантар
лаппэрккалантар	йавалантар
չуркалантар	йавалантар
шуркалантар	լայկալантар
тэсккалантар	տակակալантар
хүсккалантар	շաշկալантар
хыչкалантар	чапլялантар
турткалантар	խավալլանтар
муклашканлантар	тутгялантар
амалантар	йыштэлантар
тамалантар	хэмпялантар
тэрмалантар	ырэлантар
ханалантар	չատалантар
саналантар	пыйтэлантар
тагалантар	паччялантар
хапалантар	шакшялантар
тэпалантар	харушялантар
кэмпялантар	авлантар
аппялантар	юлхавлантар
сэрпялантар	активлантар

шывлантар	шällлантар
расходлантар	суллантар
какайлантар	суллантар
самайлантар	пыллантар
нумайлантар	сäпрамлантар
шуйлантар	лämлантар
çäваклантар	улämлантар
пышлаклантар	çулämлантар
чäмаклантар	парämлантар
тармаклантар	йäрämлантар
чармаклантар	хäрämлантар
усмаклантар	яräмлантар
чараклантар	çäмлантар
кäвасаклантар	çумлантар
çаклантар	тумлантар
лаптаклантар	аванлантар
хаклантар	тäманлантар
вачаклантар	йäранлантар
йäмшаклантар	мäранлантар
йäпшаклантар	сäранлантар
кäпшаклантар	суранлантар
лäклантар	тусанлантар
мамäклантар	ырханлантар
касмäклантар	çäханлантар
кäмräклантар	äнлантар
кäсäклантар	аскäнлантар
алтäклантар	ускäнлантар
лапчäклантар	çäткäнлантар
вашäклантар	юшкäнлантар
усаллантар	мäнлантар
çаллантар	тäнлантар
халлантар	кутäнлантар
кахаллантар	чухäнлантар
сахаллантар	курпуnlантар
пäшаллантар	чунлантар
йäллантар	юнлантар
тäватkäллантар	пүянлантар
хäшkäллантар	каплантар
çäмäллантар	лаплантар
тäллантар	асаплантар

чаплантар	хаярлантар
лайлантар	хаваслантар
калайллантар	çарамаслантар
тайллантар	талпаслантар
шайллантар	араслантар
хуплантар	атаслантар
кайварлантар	йакыслантар
тасамарлантар	такыслантар
тутламарлантар	намаслантар
тымарлантар	пяслантар
парлантар	кураслантар
хастарлантар	выраслантар
тутарлантар	шарсалантар
начарлантар	шайваслантар
таварлантар	тайнаслантар
хайярлантар	пяслантар
макарлантар	тухаслантар
кукарлантар	куслантар
самарлантар	пуслантар
чамарлантар	хаватлантар
пэрлантар	таматлантар
ийасарлантар	сунатлантар
пасарлантар	апатлантар
сасарлантар	туратлантар
тутасарлантар	ансатлантар
халсарлантар	хатлантар
хеч-пашалсарлантар	картлантар
камалсарлантар	хапартлантар
сансарлантар	хавартлантар
сынсарлантар	шартлантар
харсарлантар	хуртлантар
чарсарлантар	утлантар
канасарлантар	путлантар
чарусарлантар	улпутлантар
сусарлантар	тутлантар
мантарлантар	çултантар
сахарлантар	чалахлантар
машарлантар	ухмахлантар
хурлантар	вайрахлантар
упшурлантар	уксахлантар

çурхалнтар	пälхантар
çывäхлантар	чäхлантар
çäñäхлантар	ылхантар
урäхлантар	хумхантар
турäхлантар	вайäрхантар
сäхлантар	асäрхантар
äшäхлантар	пäшäрхантар
çыхлантар	шантар
мäйкäчлантар	äntar
пäчлантар	авäntar
тäпäрчлантар	савäntar
ашлантар	çäвäntar
йäвшлантар	ывäntar
чäкрашлантар	хывäntar
юлташлантар	явäntar
хурäнташлантар	тайäntar
чыхлантар	туйäntar
ачашлантар	кäntar
лäшлантар	акäntar
чалäшлантар	çакäntar
наркämäшлантар	такäntar
кäпäшлантар	тäkäntar
шäршлантар	чавкäntar
хäюлантар	вайкäntar
туялнтар	вайкäntar
мантар	вäркäntar
чäрмантар	ыткäntar
ийпантар	ашкäntar
тäрантар	йäллäntar
шäрантар	çäллäntar
пäтрантар	шäллäntar
äмсантар	сулäntar
юсантар	сапäntar
вäтантар	çапäntar
лапäргантар	тапäntar
тäрантар	хупäntar
тутантар	сыпäntar
мухтантар	хыпäntar
пыгантар	варäntar
хуйхантар	каräntar

парәнтар	çыхәнтар
сарәнтар	чыхәнтар
пуңтарәнтар	юхәнтар
чарәнтар	лапчәнтар
вәрәнтар	ләпчәнтар
չавәрәнтар	айшәнтар
тавәрәнтар	шәршәнтар
пәрәнтар	хүтшәнтар
пүсәрәнтар	ютшәнтар
ләпсәрәнтар	хүшәнтар
չәрәнтар	йышәнтар
тәрәнтар	сунтар
хәрәнтар	çунтар
лапчәрәнтар	юнтар
ләпчәрәнтар	таянтар
չавәрәнтар	кулянтар
пурәнтар	вылянтар
сырәнтар	туянтар
çырәнтар	саптар
хырәнтар	çаптар
ярәнтар	таптар
асәнтар	хәптар
хапсәнтар	суптар
усәнтар	чулптар
пүсәнтар	сыптар
түсәнтар	хылптар
юсәнтар	юптар
пүсәнтар	лартар
шыңсәнтар	партар
йәтәнтар	чартар
ывтәнтар	шартар
салтәнтар	сәрттар
уртәнтар	çәрттар
туртәнтар	хәрттар
сүтәнтар	урттар
тытәнтар	сурттар
пәхәнтар	çурттар
сәхәнтар	хурттар
тәхәнтар	ырттар
сәрхәнтар	вырттар

пыртар	лайкантар
сыртар	майкантар
хыртар	шакканттар
яртар	лакканттар
астар	ляпканттар
кастар	арканттар
пастар	варканттар
тастар	вэрканттар
хастар	лэрканттар
алхастар	шултэрканттар
ъастар	сүптэрканттар
ава́стар	лутэрканттар
пэстар	кушэрканттар
хáстар	васканттар
кустар	лайсканттар
пустар	хусканттар
тустар	лачканттар
юстар	лайчканттар
кастар	лашканттар
кала́стар	пашканттар
ягла́стар	хашиканттар
вырна́стар	пайшканттар
сура́стар	якаттар
ява́стар	алаттар
канáстар	савалаттар
а́нáстар	чавалаттар
пăрнáстар	йавалаттар
шăннáстар	хăвалаттар
çапáстар	явалаттар
сыпáстар	калаттар
тыгáстар	çавракалаттар
вэрстар	çатракалаттар
үстар	чакалаттар
кустар	лачакалаттар
пустар	лачăркалаттар
высстар	лаптакалаттар
хысстар	сăмалаттар
шысстар	улалаттар
ваттар	тăрмалаттар
каттар	хăналаттар

тăлпалаттар	мăклаттар
купалаттар	касмăклаттар
хыпалаттар	нăклаттар
варалаттар	лăрăклаттар
пăралаттар	чăрăклаттар
лапралаттар	çамрăклаттар
салаттар	кăтăклаттар
сăмсалаттар	мăтăклаттар
пăталаттар	мăйтăклаттар
улталаттар	лачăклаттар
ыталаттар	пышчăклаттар
çämхалаттар	ланчăклаттар
çăрхалаттар	лапчăклаттар
сухалаттар	ашăклаттар
ăшалаттар	панклаттар
сăвăллаттар	кранклаттар
ухăллаттар	танклаттар
шавллаттар	чанклаттар
сывллаттар	лăнклаттар
монтажлаттар	янклаттар
айлаттар	аллаттар
пайллаттар	савăллаттар
шайллаттар	йăллаттар
вайлаттар	мăшкăллаттар
суйлаттар	çämăллаттар
ваклаттар	тăллаттар
лаклаттар	шăллаттар
шакмаклаттар	кăшăллаттар
йăлмаклаттар	туллаттар
паклаттар	хуллаттар
краклаттар	тыллаттар
çаклаттар	хăрăмлаттар
таклаттар	утăмлаттар
лаптаклаттар	хăмлаттар
чаклаттар	чăмлаттар
шаклаттар	тумлаттар
мăйăклаттар	аинлаттар
кăйăклаттар	таканлаттар
кăклаттар	тусанлаттар
лăклаттар	таилаттар

чанлаттар	вайсэрлаттар
шанлаттар	ансэрлаттар
шаршанлаттар	тэрлаттар
вайнлаттар	чагэрлаттар
йайнлаттар	шагтэрлаттар
пайнлаттар	мантэрлаттар
тараңнаттар	хэрлаттар
вәрәңнаттар	пахэрлаттар
кәрәңнаттар	чэрлаттар
тәңнаттар	сәнчэрлаттар
тукуннаттар	машэрлаттар
яннаттар	ырлаттар
каплаттар	юрлаттар
лаплаттар	анаслаттар
саплаттар	тархаслаттар
таплаттар	васлаттар
хаплаттар	йаслаттар
чаплаттар	кәр(а)слаттар
шаплаттар	тәр(а)слаттар
ләплаттар	шәрçалаттар
каләплаттар	ләçлаттар
хуплаттар	пәрәçлаттар
арплаттар	пәрахәçлаттар
тәварлаттар	үслаттар
карлаттар	куçлаттар
ларлаттар	пуçлаттар
парлаттар	латлаттар
тарлаттар	патлаттар
харлаттар	сәпатлаттар
чарлаттар	чаглаттар
шарлаттар	шатлаттар
вәрлаттар	çатлаттар
майэрлаттар	талтлаттар
хайэрлаттар	халтлаттар
кәрлаттар	чалтлаттар
такәрлаттар	шалтлаттар
ләрлаттар	вайлтлаттар
мәрлаттар	йайлтлаттар
пусмәрлаттар	пантлаттар
сәрлаттар	чантлаттар

кäнтлаттар	качлаттар
картлаттар	хäшкäчлаттар
тартлаттар	лачлаттар
хартлаттар	начлаттар
шартлаттар	майкäчлаттар
йäртлаттар	мäчлаттар
кäртлаттар	нäчлаттар
нäртлаттар	вашлаттар
мäртлаттар	кашлаттар
тäртлаттар	нашлаттар
шäйтäртлаттар	лашлаттар
хäртлаттар	машлаттар
чäртлаттар	пашлаттар
сортлаттар	хыпашлаттар
яртлаттар	ташлаттар
лäслаттар	хашлаттар
тäрäстлаттар	чашлаттар
хутлаттар	ачашлаттар
чутлаттар	вашлаттар
шутлаттар	чäвäшлаттар
вåштлаттар	йäшлаттар
мäштлаттар	лäшлаттар
нäштлаттар	мäшлаттар
ятлаттар	нäшлаттар
улаттар	пäшлаттар
вулаттар	шухäшлаттар
çулаттар	чäшлаттар
тулаттар	шäршлаттар
ахлаттар	яшлаттар
кахлаттар	сäннаттар
лахлаттар	унаттар
сäмахлаттар	хунаттар
ухмахлаттар	сараттар
уксахлаттар	çараттар
ушахлаттар	çäраттар
лайхлаттар	тäраттар
çäварлäхлаттар	шäраттар
çänäхлаттар	авраттар
урäхлаттар	хäйраттар
тунсäхлаттар	анраттар

упраттар	чампälттаттар
усрattар	шампälттаттар
пäттаттар	ямпälттаттар
пураттар	çapälтtаттар
тураттар	харälттаттар
хураттар	чарälттаттар
шураттар	вäрлттаттар
ыраттар	лäрлттаттар
шыраттар	мäрлттаттар
юраттар	häрлттаттар
тасаттар	täрлттаттар
äсаттар	xäрлттаттар
юсаттар	çatäлттаттар
кäвлттаттар	käтäлттаттар
кäйвлттаттар	çäтäлттаттар
каквлттаттар	axäлттаттар
маквлттаттар	лахäлттаттар
таквлттаттар	väчäлттаттар
шаквлттаттар	вашäлттаттар
лäквлттаттар	машäлттаттар
мäквлттаттар	хашäлттаттар
кäквлттаттар	väшäлттаттар
шäквлттаттар	ийшäлттаттар
нäйквлттаттар	пäшäлттаттар
тäнквлттаттар	чäшäлттаттар
чанквлттаттар	тупттаттар
мäнквлттаттар	варттаттар
танквлттаттар	лачарттаттар
чäнквлттаттар	лакäрттаттар
харквлттаттар	чакäрттаттар
мäрквлттаттар	шакäрттаттар
хäрквлттаттар	лäкäрттаттар
хäшквлттаттар	täkäрттаттар
хäймвлттаттар	чäкäрттаттар
чапвлттаттар	шäкäрттаттар
шапвлттаттар	ланкäрттаттар
йäпвлттаттар	ханкäрттаттар
лäпвлттаттар	чанкäрттаттар
шäпвлттаттар	лäнкäрттаттар
шампälттаттар	ханкäрттаттар

чәнкәртаттар	йәлтәртаттар
шәнкәртаттар	кәлтәртаттар
кәмәртаттар	пәлтәртаттар
капәртаттар	хәлтәртаттар
лапәртаттар	шәлтәртаттар
тапәртаттар	хултәртаттар
чапәртаттар	ялтәртаттар
шапәртаттар	хантәртаттар
йәпәртаттар	пәнтәртаттар
кәпәртаттар	хәнтәртаттар
ләпәртаттар	каптәртаттар
тәпәртаттар	ластәртаттар
чәпәртаттар	ләстәртаттар
шәпәртаттар	каштәртаттар
лампәртаттар	лаштәртаттар
чампәртаттар	чаштәртаттар
шампәртаттар	кәштәртаттар
ләмпәртаттар	ләштәртаттар
тәмпәртаттар	мәштәртаттар
чәмпәртаттар	чаштәртаттар
шәмпәртаттар	качәртаттар
шупәртаттар	лачәртаттар
ламсәртаттар	кәчәртаттар
кәмсәртаттар	ләчәртаттар
лапсәртаттар	нәчәртаттар
катәртаттар	шәчәртаттар
латәртаттар	ламчәртаттар
патәртаттар	лапчәртаттар
çатәртаттар	кашәртаттар
шатәртаттар	йәшәртаттар
кәтәртаттар	кәшәртаттар
ләтәртаттар	ләшәртаттар
пәтәртаттар	ләпәстаттар
çәтәртаттар	тәхтаттар
шәтәртаттар	лакәштаттар
калтәртаттар	йәкәштаттар
палтәртаттар	ләкәштаттар
халтәртаттар	тәкәштаттар
чалтәртаттар	якәштаттар
шалтәртаттар	лапәштаттар

пälхаттар	тäрälттагар
хумхаттар	тулгарттар
асäрхаттар	авäрттар
äшäрхаттар	çавäрттар
çухаттар	тавäрттар
хавшаттар	сäвäрттар
пушаттар	çывäрттар
çавäттар	хäйäрттар
ыväттар	шайäрттар
йäттар	уйäрттар
ухäттар	какäрттар
лапчäттар	чакäрттар
äшäттар	кäшкäрттар
ыйттар	палäрттар
алттар	самäрттар
салттар	äмäрттар
вälттар	läpsäрттар
тулттар	каçäрттар
аманттар	сäтäрттар
тäранттар	ахäрттар
ханттар	шäхäрттар
хäварттар	хуйхäрттар
шäварттар	çухäрттар
карттар	йыхäрттар
чакарттар	турттар
кäкарттар	вырттар
шäнкарттар	çырттар
ларттар	юрттар
кäларттар	уярттар
хäпарттар	уттар
пäсарттар	путтар
пусарттар	суттар
каçарттар	çуттар
куçарттар	хуттар
тарттар	тыттар
кäтарттар	выляттар
шäтарттар	тутар
автарттар	шугтар
кайтарттар	çырлахтар
актарттар	пäрахтар

çүйäхтар	чунлаштар
йäläхтар	хуплаштар
улäхтар	туслаштар
çулäхтар	хутлаштар
йämäхтар	харкаштар
хänäхтар	ылмаштар
юнäхтар	кармаштар
япäхтар	юнаштар
тарäхтар	капаштар
сäрäхтар	арпаштар
шурäхтар	ахäрапштар
асäхтар	çухäрапштар
каçäхтар	аврапштар
куçäхтар	пäтрапштар
выçäхтар	аташтар
çäтäхтар	хуйхаштар
антäхтар	йаштар
пäнтäхтар	талкäштар
тутäхтар	чалкäштар
пäчäхтар	йайлкäштар
кäнчäхтар	ялкäштар
пäшäхтар	танкäштар
кушäхтар	варкäштар
пухтар	вärкäштар
тухтар	чалаштар
çыхтар	улäштар
чыхтар	пулäштар
юхтар	урмäштар
аштар	йänäштар
айкашкар	йынäштар
аркаштар	тупäштар
харкаштар	варäштар
çапкалаштар	тäрапштар
тавлаштар	хутäштар
майлаштар	куштар
шайлаштар	хуштар
паллаштар	чыштар
хапäллаштар	тивтер
тäванлаштар	активтер
танлаштар	пëтер

çе́тер	кука́лентер
ви́тер	упа́лентер
çи́тер	кéвелентер
ле́ктер	сéвелентер
сéктер	нимекелентер
си́ктер	чикелентер
чи́ктер	сикке́лентер
кéвелтер	лепéркке́лентер
ки́велтер	лепéркке́лентер
хéрлтер	пéтéркке́лентер
тéмсельтер	тинке́лентер
çýхэлтер	йéркелентер
ленчелтер	пéркелентер
кéвэ́лтер	тéркелентер
пéлтер	лéчéркелентер
сéвэрэ́лтер	ленчешкелентер
пéкэ́рэлтер	тéмелентер
лéпсéрэлтер	шерепелентер
ýсéрэлтер	хиврелентер
чéрэлтер	çéпрелентер
ирéлтер	тéтрелентер
си́рэлтер	хитрелентер
иксéлтер	вéселентер
тéмсéлтер	кéсселентер
çéтэ́лтер	вéтелентер
сýтэ́лтер	ëшлентер
чéлтер	тéвэ́лентер
ишéлтер	лéкэ́лентер
ки́лтер	тéкэ́лентер
кýлтер	иккéлентер
ёмтер	хéрэнкéлентер
сéвентер	анка́-минкéлентер
ти́нтер	çýллéлентер
пи́кентер	лéпéлентер
пéркентер	çýтéлентер
лéпéркентер	вéтэ́лентер
лýчéркентер	пéтэ́лентер
ýркентер	питéлентер
чýкентер	хýтэ́лентер
лéпéшкентер	илентер

килентер	хёмлентер
му билентер	типшёмлентер
вёрилентер	ёлккенлентер
тарттилентер	кёренлентер
каклентер	кёсенлентер
çёвеклентер	мёскёнлентер
шёвеклентер	чёнлентер
түлеклентер	йёплентер
чикмеклентер	цирёплентер
кёрмеклентер	юплентер
кёрнеклентер	тискерлентер
пёрпеклентер	лўпперлентер
чёрпеклентер	мекёрлентер
тёrekлентер	кёпёрлентер
кутеклентер	пёсёрлентер
чечеклентер	чёмсёрлентер
йёклентер	тимсёрлентер
лёклентер	сиенсёрлентер
кирёклентер	ирсёрлентер
йўрёклентер	хатёрлентер
хёсёклентер	тётёрлентер
çёклентер	сехёрлентер
шиклентер	нўрлентер
куклентер	тўрлентер
майдлентер	эрлентер
кёселлентер	хёремеслентер
кемёллентер	интереслентер
тёллентер	хёреслентер
силлентер	тикёслентер
çиллентер	симёслентер
илемлентер	ислентер
çеремлентер	сўслентер
тўремлентер	пётёслентер
хёлхемлентер	чёркуслентер
çилёмлентер	экметлентер
эрёмлентер	черетлентер
сёмлентер	рехетлентер
сисёмлентер	ёглентер
тёксёмлентер	ћётлентер
тётёмлентер	камитленетер

тертлентер	йёрәнтер
ўглентер	пёрәнтер
хёрўлентер	лёпсёрәнтер
тўлентер	тэрәнтер
хёрхўлентер	пётрәнтер
сивёлентер	сётрәнтер
кирпёлентер	хёрәнтер
эрешлентер	сёнер
тёшмёшлентер	хёсёнер
иментер	ўсёнер
ёнентер	çёнер
йёпентер	çитёнер
тёрентер	сёртёнер
кисрентер	тेरтёнер
чётрентер	хёртёнер
ку́рентер	иртёнер
кё́нтер	вирхёнер
сү́нтер	тे́ршёнер
вёччёрхентер	чёнер
чўхентер	сўнгер
ёшентер	тўнгер
сёвёнтер	кўнгер
сивёнтер	ергер
пёкёнтер	пергер
тёкёнтер	вёргер
чикёнтер	сёргер
вёркёнтер	хёргер
виркёнтер	тиргер
сицкёнтер	хиргер
ўкёнтер	пўргер
пёшкёнтер	хёстгер
йўшкёнтер	пистгер
лўшкёнтер	систгер
тёлёнтер	ўстер
кўлёнтер	тўстер
чёрпёнтер	ле́стгер
сирпёнтер	вале́стгер
ўпёнтер	кўрне́стгер
кўпёнтер	йўне́стгер
перёнтер	суе́стгер

ěстер	лёклеттер
вѣстер	сѣклеттер
кѣвѣстер	лёрѣклеттер
тивѣстер	пѣчѣклеттер
çемѣстер	кариклеттер
хирѣстер	хиклеттер
пѣтѣстер	шиклеттер
виcтер	сѣнклеттер
пиcтер	тўнклеттер
чиcтер	пўклеттер
йўcтер	тўклеттер
пѣветтер	чўклеттер
шѣветтер	тѣллеттер
киветтер	пиллеттер
тиеттер	пехиллеттер
кўпкеттер	илемлеттер
лѣчѣркеттер	тўремлеттер
тиркеттер	çилѣмлеттер
кѣскеттер	тѣтѣмлеттер
лѣшкеттер	тѣттѣмлеттер
лўшкеттер	типшѣмлеттер
тѣревлеттер	йёвенлеттер
пѣвелеттер	вѣренлеттер
йёркелеттер	кивсенлеттер
тѣркелеттер	леплеттер
лѣчѣркелеттер	лёрѣплеттер
кѣслелеттер	хѣрѣплеттер
тўмелеттер	чѣрѣплеттер
шерепелеттер	çирѣплеттер
тўpelеттер	тѣплеттер
сўрелеттер	типлеттер
хўтѣлеттер	лёрплеттер
мумилеттер	кўплеттер
вѣслиеттер	лўплеттер
редакцилеттер	тўплеттер
тирпейлеттер	йёнерлеттер
шѣвеклеттер	йёрлеттер
леклеттер	кѣрлеттер
пеклеттер	тимѣрлеттер
ёклеттер	хѣсѣрлеттер

кансे́рлеттер	мекёлтеттер
тे́рлеттер	лекёлтеттер
хате́рлеттер	тёнкёлтеттер
чёнтे́рлеттер	тинкёлтеттер
чи́рлеттер	лепёлтеттер
тýрлеттер	шемпёлтеттер
хéреслеттер	тýпёлтеттер
вéслеттер	кéрёлтеттер
тике́слеттер	тéрёлтеттер
кéрэ́слеттер	вéтёлтеттер
тéрэ́слеттер	вéчёлтеттер
е́злеттер	кéшёлтеттер
вéзлеттер	лекёртеттер
перекетлете́ттер	хýнкёртеттер
пичетлете́ттер	лепёртеттер
тике́тлете́ттер	кéпёртеттер
и́тлете́ттер	тéпёртеттер
витлете́ттер	хéпёртеттер
вéлтлете́ттер	кéмпёртеттер
мéлтлете́ттер	лёмпёртеттер
хýглете́ттер	тéмпёртеттер
кéрглете́ттер	кéмсёртеттер
тéрглете́ттер	лёмсёртеттер
тý́лете́ттер	лепсёртеттер
лéхлете́ттер	лёпсёртеттер
чи́вёлтеттер	вéтёртеттер
тéшлете́ттер	вéлтёртеттер
çéнеттер	кéлтёртеттер
хéнеттер	чéлтёртеттер
йéпеттер	шéлтёртеттер
вéреттер	хýлтёртеттер
хéреттер	хéнтёртеттер
тéрреттер	кéлтёртеттер
ки́реттер	кéштёртеттер
чéттеттер	лечёртеттер
нýреттер	лечёртеттер
çýреттер	ленчёртеттер
тéсsetтер	лёнчёртеттер
çемсéттер	лéпёстtеттер
чéвёлтеттер	макáльтеттер

çүхеттер	ирттер
чүхеттер	сýттер
шёкёлчеттер	сýтер
ленчеттер	хýтер
тёпчеттер	шýтер
ෑрчеттер	илéхтер
кéттер	ෑрехтер
кимéттер	пёрехтер
типéттер	пиcéхтер
сирpéттер	йýcéхтер
çéттер	иртéхтер
кéçттер	вéчехтер
виттер	тиркештер
вéренттер	перкелештер
éнттер	тýпелештер
ерттер	илештер
тиверттер	меллештер
ýкергтер	сиpлештер
вéлергтер	ěрлештер
вéçергтер	пёрлештер
пéçергтер	мирлештер
катергтер	тýрлештер
пéтергтер	ретлештер
шёвéргтер	витлештер
кéрттер	кýлештер
мéкéрттер	кéрмештер
чéкéрттер	кéрештер
çéмéрттер	хéвéштер
тилмéрттер	тéкéштер
ýçéрттер	чикéштер
çéрттер	вéлкéштер
тéрттер	тéлкéштер
пéтéрттер	тéркéштер
сéтéрттер	пéлéштер
тéтéрттер	килéштер
хéтéрттер	кéрмéштер
питéрттер	кéрёштер
xéрттер	иштер
чéрттер	кýштер

2. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) именных и глагольных основ с аффиксом *-än* (-ён, -н) (соблюдается принцип избирательности):

с именными основами:

ас-än «вспоминать, поминать», от *ас* «память»;
пуç-än «начинать», от основы *пуç* «начало»

с глагольными основами:

авän «гнуться», от основы *ав* «гнуть»
авсän «веяться, просеиваться», от *авс* «веять»
айаплан «обвиняться», от *айапла* «винить»
акän «сеяться», от *ак* «сеять»
ваклан «дробиться», от *вакла* «дробить»
валесён «раздаваться, делиться», от *валес* «раздавать»
витетён «покрываться», от *вит* «крыть»
вулан «читаться», от *вула* «читать»
выран «быть сжатым», от *выр* «жать»
ёнерён «напеваться», от *ёнер* «напевать»
илён «браться», «быть взятым», от *ил* «брать, взять»
илёртён «обольщаться», от *илёрт* «манить, обольщать»
шатён «слышаться», от *шат* «слышать»
йäвалан «валяться», от *йäвала* «валять, катать»
йätän «подниматься», от *йат* «поднимать»
карän «потягиваться», от *кар* «натягивать»
куран «виднеться», от *кур* «видеть»
мäшкäллан «терпеть издевательство», от *мäшикäлла* «издеваться»

мухтан «хвастаться», от *мухта* «хвалить»
пёвелен «запруживаться», от *пёвеле* «прудить»
пуçлан «начинаться», от *пуçла* «начинать»
пуçтарän «собираться», от *пуçтар* «собирать»
пытарän «спрятаться», от *пытар* «спрятать»
савалан «строгаться», от *савала* «строгать»
савän «радоваться», от *сав* «любить»
салтän «раздеваться», от *салт* «развязать»
сäтäрän «тереться», от *сäтäр* «тереть»
суйлан «выбираться», от *суйла* «выбирать»
суллан «качаться», от *сулла* «качать»
сутän «продаваться», от *сут* «продавать»
сыхлан «остерегаться», от *сыхла* «оберегать»

сүрелен «борониться», от сүреле «боронить»
 җавран «вертеться», от җавар «вертеть»
 җапан «париться (в бане)», от җан «быть»
 җәвән «мыться», от җу «мыть»
 җәлән «спастись», от җал «спасти»
 җәклен «подниматься», от җәкле «поднимать»
 җитён «достигнуть совершеннолетия», от җит «достигать»
 җулан «скашиваться», от җул «косить»
 җырән «подписываться», «записываться», от җыр «писать»
 таврән «вернуться», от тавар «вернуть»
 таптан «угаптываться», «вытаптываться», от тапта «топтать»
 тәварән «распрягаться», от тәвар «распрягать»
 тәттәмлен «темнеть», от тәттәмле «темнить»
 тәшшәлен «лущиться», от тәшшәле «лущить»
 ўсён «спориться», от ўс «расти»
 хାналан «угощаться», от хାнала «угощать»
 хେсён «жаться», от хେс «жать»
 хупән «закрываться», от хуп «закрыть»
 хушән «прибавляться», от хуши «прибавлять»
 хыпән «суетиться», «хотеть», от хып «загораться»
 чарән «остановиться», от чар «остановить»
 шайлән «вытираться», от шайл «вытирать»
 штрафлан «быть оштрафованным», от штрафла «штрафовать»
 шутлан «считаться», от шутла «считать»
 ывтән «бросаться», от ыват «бросать»
 юсан «выздороветь», от юса «чинить»

3. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) именных и глагольных основ с аффиксом -ал (-ёл, -л) (соблюдается принцип избирательности):

с именными основами:

ватә-л «стареть»
 күкәр-ал «исправляться»
 мәкәр-ал «выпячиваться»
 самәр-ал «жиреть»
 җит-ал «светать»
 урә-л «трезветь»
 үсәй-л (үсәй-ал, үс-ал) «открываться»
 ҹәрә-л «ожить, выздороветь».

с глагольными основами:

кав(ă)с-ăл «желать»
какăr-ăл «запрокинуть (голову)»
кар-ăл «раскрываться»
кас-ăл «резаться»
кат-ăл «убывать»
кайвăр-ăл «ссыхаться»
пăс-ăл «портиться»
саp-ăл «расширяться»
сăтăр-ăл «тереться»
çăp-ăл «меситься»
çур-ăл «колоться»
там-ăл «разорваться»
тăс-ăл «тянуться»
уйăр-ăл «отделяться»
хайăр-ăл «гнуться»
хăйăр-ăл «отделяться»
шайăр-ăл «царапаться»
чар-ăл «таращиться»

4. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-ăç* (*-ěç*, *-ç*) (соблюдается принцип избирательности):

ăн-ăç «удаваться»
вăр-ç «ругаться»
кала-ç «разговаривать»
курăн-ăç «видеться»
пăрăн-ăç «искривиться»
çан-ăç «бороться»
çура-ç «мириться» (ср.: *юра* «подходить», тат. *яраш* «сватать»)
тав-ăç «спорить»
тăп-ăç «стараться»
тыт-ăç «схватиться»
хир-ěç «ссориться»
ятла-ç «ругаться»

5. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-ăш* (*-ěш*, *-ш*) (соблюдается принцип избирательности):

вăрç-ăш «ругаться друг с другом»
виртле-ш «дразниться»

кил-ёш «соглашаться»
күпкеле-ши «дубасить друг друга»
сав-айи «миловаться»
сёк-ёши «бодаться»
çёр-ёши «гнить»
тёк-ёши «бодаться»
тула-ши «грызться»
турт-айи «тягаться»
түпкеле-ши «пререкаться»
хир-ёс «ругаться»

6. Примеры, иллюстрирующие словообразовательную валентность (сочетаемость) глагольных основ с аффиксом *-аи* (-*еш*, -*ши*) (соблюдается принцип избирательности):

ахар-аи «кричать»
ёнэр-еш «скулить», «бормотать»
йёкёлте-ши «дразнить друг друга»
кашикар-аи «кричать друг на друга»
перкеле-ши «перекидываться»
пехилле-ши «желать друг другу (добра, счастья)»
тула-ши «грызться»
сухар-аи «визжать»
хакла-ши «торговаться»
чакала-ши «рыться»

Приложение 2

**МАТЕРИАЛ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ НАЛИЧИЕ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ
ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ (ЁС ЯЧЁ) КАК ЧАСТИ РЕЧИ**

чупкалу	макару
кулу	палару
пулу	пăру (от <i>năр</i> «крутить»)
çулу	тавçару
шухăшшу	хăтăру
вану	ахăру
кану	шăнăçу
аталану	туртăçу
авлану	мăкăртату
ваклану	лăпăртату
суллану	турту
пуçсăрлану	çырлаху
хăтлану	иксĕлү
чăрману	ирĕксĕрлү
йăпану	вĕтлү
тапрану	именү
пăтрану	йĕрĕнү
ăмсану	хĕнү
вăтану	вĕлерү
мăкалтану	перү
чăлхану	пĕçерү
ылхану	сиктерү
тăвăну	сүнтерү
йăлăну	йĕрү
çăлăну	тĕлĕрү
тапăну	çемĕрү
тупăну	ÿсĕрү
пăрăну	çĕрү
курăну	сисү
йăтăну	тÿсү
туртăну	ерçү
пăхăну	кисретү
куляну	вĕтү
шăнăçтару	пĕтү
пуçтару	перkelешү
пытару	тĕртkelешү
тавăру	

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. — Л.: Наука, 1988. — 238 с.
2. Азаманов А.С. Логические формы и их выражение в языке // Мышление и язык. — М.: Госполитиздат, 1957. — С. 142—182.
3. Андреев В.А. Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: материалы конференции. — Чебоксары, 1986. — С. 97—103.
4. Андреев В.А. Словообразовательные функции падежных аффиксов в чувашском языке // Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та. Востоковедение. 12. Филологические исследования. — 1986. — Вып. 28. — С. 20—27.
5. Андреев В.А. Категория склонения в чувашском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1987. — 18 с.
6. Андреев В.А. Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения в чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. — 166 с.
7. Андреев В.В., Абрамов А.С., Исаев Ю.Н. Язык: внутренняя структура и функционирование. — Чебоксары, 1999. — 122 с.
8. Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1961. — 262 с.
9. Андреев И.А. О категории дефинитивности в чувашском языке // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 28: Филологический сборник. — Чебоксары, 1965. — С. 76—87.
10. Андреев И.А. [Рецензия] // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. — Чебоксары, 1966. — С. 193—204. — Рец. на кн.: Павлов И.П. Современный чувашский литературный язык: морфология. — Чебоксары, 1965. — 343 с. — На чув. яз.
11. Андреев И.А. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. — Чебоксары, 1966. С. 90—103.
12. Андреев И.А. Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. II пайĕ. — Шупашкар, 1975. — 208 с.
13. Андреев И.А. Хальхи чăваш чĕлхи: синтаксис. — Шупашкар, 2005. — 334 с.
14. Андреев Н.А. Имя существительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 5—62.

15. *Андреев Н.А.* Имя прилагательное // Там же. — С. 62—106.
16. *Андреев Н.А.* Имя числительное // Там же. — С. 107—123.
17. *Андреев Н.А.* Местоимение // Там же. — С. 124—150.
18. *Арутюнова Н.Д.* О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 58—116.
19. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1969. — 605 с.
20. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. — Казань, 1898. — 392 с.
21. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса — Казань, 1903. — Ч. 1. — 570 с.; Симбирск, 1923. — Ч. 2. — 176 с.
22. *Ашмарин Н.И.* Основы чувашской мимологии: о подражательных словах в чувашском языке. — Казань, 1918. — 12 с.
23. *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского ун-та. Общественные науки. — Баку, 1925. — Вып. 1—2. — С. 143—157; Вып. 4. — С. 75—99.
24. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань, 1928. — 160 с.
25. *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Труды / ЧНИИ. Вып. 66: Чувашский язык. — Чебоксары, 1976. — С. 3—86.
26. *Базелл Ч.Е.* Лингвистическая типология // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 15—30.
27. *Бархударов Л.С.* Очерки по морфологии современного английского языка. — М.: Вышш. шк., 1975. — 156 с.
28. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. 2: Фонетика и морфология. — М., 1952. — 543 с.
29. *Баскаков Н.А.* Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 263—304.
30. *Баскаков Н.А.* Очерк грамматики ногайского языка // Ногайско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. — М., 1963. — С. 495—562.
31. *Баскаков Н.А.* Морфологическая структура слова в тюркских языках // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 76—83.
32. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. — М.: Наука, 1975. — 287 с.
33. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков: структура слова и механизм агглютинации. — М.: Наука, 1979. — 274 с.
34. *Баскаков Н.А.* Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // Вопросы языкознания. — 1985. — № 1. — С. 42—49.

35. *Баскаков Н.А.* О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. — 1986. — № 2. — С. 3—11.
36. *Батманов И.А.* Краткое введение в изучение киргизского языка. — Фрунзе, 1947. — 118 с.
37. *Бертагаев Т.А.* Бурятский язык // Языки народов СССР. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. — Л.: Наука, 1968. — С. 13—33.
38. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1871. — № 2. — С. 3—26.
39. *Болдырев Б.В.* Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. — М.: Наука, 1976. — 149 с.
40. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976. — 255 с.
41. *Бондарко А.В.* О структуре грамматических категорий // Вопросы языкоznания. — 1981. — № 6. — С. 17—28.
42. *Бондарко А.В.* О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. — М.: Наука, 1984. — С. 29—38.
43. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — 208 с.
44. *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. — М.: Наука, 1977. — 286 с.
45. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. — М.; Л., 1947. — 785 с.
46. *Виноградов В.В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1972. — 614 с.
47. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. — М.: Наука, 1975. — С. 166—220.
48. *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики: среднеазиатский ареал. — М.: Наука, 1975. — 304 с.
49. *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 283 с.
50. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка: морфология. — М.: Высш. шк., 1986. — 312 с.
51. *Головин Б.Н.* К вопросу о сущности грамматической категории // Вопросы языкоznания. — 1955. — № 1. — С. 117—124.
52. *Головин Б.Н., Березин Ф.М.* Общее языкоznание. — М.: Просвещение, 1979. — 414 с.
53. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология. — М., 1962. — 340 с.

54. Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис / под общ. ред. Н.А. Баскакова. — Нальчик, 1976. — 571 с.
55. Грамматика современного башкирского литературного языка. — М.: Наука, 1981. — 495 с.
56. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 768 с.
57. Грамматика современного якутского литературного языка. — М.: Наука, 1982. — 336 с.
58. Грунина Э.А. К теории тюркского залога // Советская тюркология. — 1987. — № 2. — С. 3—15.
59. Гузев В.Г. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. — 1985. — № 2. — С. 3—11.
60. Гузев В.Г. Значения форм страдательного и возвратного залогов // Советская тюркология. — 1986. — № 4. — С. 5—12.
61. Гузев В.Г. К вопросу о «категории лица» в тюркской морфологии // Тюркология. — Л.: Наука, 1986. — С. 96—101.
62. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-турецкого языка). — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.
63. Гузев В.Г., Насилов Д.М. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. — 1981. — № 3. — С. 22—35.
64. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. — М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1967. — 330 с.
65. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 276 с.
66. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 22—37.
67. Дмитриев Н.К. Стой тюркских языков. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 607 с.
68. Дмитриев Н.К., Горский С.П. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Русско-чувашский словарь / под ред. Н.К. Дмитриева. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. — С. 872—896.
69. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении: дис. ... д-ра филол. наук. — Чебоксары: ЧГПИ, 1949.
70. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 151—239.
71. Егоров В.Г. Наречие // Там же. — С. 273—295.
72. Егоров В.Г. Союз // Там же. — С. 324—330.

73. Егоров В.Г. Частица // Там же. — С. 331—342.
74. Егоров В.Г. Подражательные слова // Там же. — С. 352—360.
75. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. — 353 с.
76. Есперсен О. Философия грамматики. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
77. Жирмунский В.М. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 6—33.
78. Земская Е.А. Понятия производности, оформленности и членности основ // Развитие словообразования современного русского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 3—12.
79. Иванов А.И. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением его специфики // Записки / ЧНИИ. Вып. 8. — Чебоксары, 1953. — С. 167—192.
80. Иванов А.И. Несколько слов об образовании форм спряжения в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 16. — Чебоксары, 1958. — С. 158—176.
81. Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 34: Филология. — Чебоксары, 1967. — С. 67—99.
82. Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 39: Филология. — Чебоксары, 1969. — С. 106—126.
83. Иванов С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана: грамматический очерк. — Ташкент: ФАИ, 1969. — 203 с.
84. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. — Л.: Наука, 1977. — 88 с.
85. Иванова А.М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкоznании: типолого-контрастивный аспект. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. — 307 с.
86. Иванова И.П. Морфемный статус нулевой морфемы // Philologica: Исследования по языку и литературе. — Л.: Наука, 1973. — С. 163—168.
87. Исаков А.И. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алма-Ата, 1964. — 21 с.
88. Исхаков Ф.Г. Имя прилагательное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 143—175.
89. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: фонетика, морфология. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — 472 с.
90. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкоznания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. — М., 1965. — С. 85—93.

91. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. — М.: Наука, 1983. — 308 с.
92. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — 569 с.
93. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 446 с.
94. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VI—IX вв. — Л.: Наука, 1980. — 255 с.
95. Кормушин И.В. Система времен глагола в алтайских языках. — М.: Наука, 1984. — 85 с.
96. Кормушин И.В., Потелуевский Е.А., Пюрбееев Г.Ц. IV Всесоюзная тюркологическая конференция // Советская тюркология. — 1986. — № 6. — С. 85—93.
97. Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, — 1984. — 183 с.
98. Краткий очерк грамматики венгерского языка: составлен на основе грамматики проф. Иожефа Томпа // Венгерско-русский словарь. — М.: Русский язык; Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1974. — С. 817—871.
99. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М.: Наука, 1976. — 206 с.
100. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 683 с.
101. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкоznанию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 478 с.
102. Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкоznания. — 1987. — № 6. — С. 43—51.
103. Лыкова Н.А. О границах между словоизменением, формоизменением и словообразованием в русском языке // Филологические науки. — 1981. — № 3. — С. 48—54.
104. Матвеев Т.М. Грамматика чувашского языка: морфология (учение о формах). — Симбирск, 1919.
105. Матвеев Т.М. Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства: [сб. статей] / ЧНИИ. — Чебоксары, 1960. — С. 3—14.
106. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 563 с.
107. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. — 1945. — № 1. — С. 5—15.
108. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. — М.: Просвещение, 1981. — 254 с.
109. Мусаев М.Н. Грамматика караимского языка: фонетика и морфология: учеб. пособие. — М.: Наука, 1964.

110. *Насилов В.М.* Аффиксы включения // Советская тюркология. — 1985. — № 3. — С. 86—98.
111. *Нигматов Х.Г.* О классификации грамматических категорий в тюркских языках // Советская тюркология. — 1984. — № 4. — С. 3—9.
112. *Никитевич В.М.* Грамматические категории в современном русском языке. — М.: Учпедгиз, 1963. — 246 с.
113. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд. — М., 1982.
114. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1994.
115. *Орудбаева Б.О.* Словообразование в киргизском языке. — Фрунзе, 1964. — 102 с.
116. *Павлов И.П.* Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1957. — С. 240—272.
117. *Павлов И.П.* Послелог и служебное имя // Там же. — С. 296—323.
118. *Павлов И.П.* Хальхи чаваш литература чёлхи: морфологи. — Шупашкар, 1965. — 343 с.
119. *Павлов И.П.* О лексических группах и грамматических формах числительных в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. — Вып. 74: Вопросы истории и грамматики чувашского языка. — Чебоксары, 1977. — С. 3—15.
120. *Павлов И.П.* К изучению продуктивных деривационных суффиксов имен прилагательных в чувашском языке // Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1981. — С. 3—21.
121. *Павлов И.П.* О двух тенденциях развития суффиксальных морфем в чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. — Чебоксары, 1983. — С. 85—108.
122. *Павлов И.П.* V—VI классенче чаваш чёлхин морфологине вёрентесси. — Шупашкар, 1985. — 112 с.
123. *Павлов И.П.* Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. — Чебоксары, 1985. — С. 3—15.
124. *Павлов И.П.* О некоторых проблемах, связанных с категорией лица в чувашском языке // Исследования по лексике и грамматике чувашского языка. — Чебоксары, 1986. С. 3—14.
125. *Павлов И.П.* По поводу категории времени в современном чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. — Чебоксары, 1987. — С. 5—27.
126. *Петров Н.П.* Образование прилагательных на *-лā* (-лē) и некоторые тенденции его развития // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 2. — Чебоксары, 1973. — С. 364—405.

127. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. — М., 1956. — 432 с.
128. *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка: фонетика и морфология. — М., 1964.
129. *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка: краткий очерк. — Кишинёв: Лумина, 1990.
130. *Покровская Л.А.* Формообразование и его отношение к словообразованию и словоизменению в тюркских языках // Советская тюркология. — 1990. — № 1. — С. 12—16.
131. *Поппе Н.Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. — М.; Л., 1938. — 268 с.
132. *Поцелуевский А.П.* Руководство для изучения туркменского языка. — Ашхабад, 1929.
133. *Поцелуевский Е.А.* Сравнительная степень и аффикс -рак // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 181—193.
134. Программы по лингвистическим курсам. Современный чувашский язык: морфология. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1981.
135. *Рамстедт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание: морфология. — М.: Изд-во иностр. лит. 1957. — 254 с.
136. *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. — М.: Наука. 1987. — 288 с.
137. *Ревзин И.И., Юлдашева Г.Д.* Грамматика порядков и ее использования // Вопросы языкознания. — 1969. — № 1. — С. 42—56.
138. *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики: к 75-летию академика И.И. Мещанинова. — М.; Л., 1960. — С. 384—401.
139. *Реформатский А.А.* Введение в языкоковедение. — М., 1967. — 542 с.
140. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
141. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 709 с.
142. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. — М.: Сов. энцикл., 1979. — 431 с.
143. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 238 с.
144. *Севортыян Э.В.* К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. — М.: АН СССР, 1952. — С. 306—367.
145. *Севортыян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 643 с.

146. *Севорян Э.В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3: Синтаксис. — М., 1969. — С. 9—15.
147. *Севорян Э.В.* Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков) // Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1972. — С. 132—144.
148. *Сергеев В.И.* Способы выражения множественности в чувашском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1973. — 186 с.
149. *Сергеев В.И.* Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 4. — Чебоксары, 1975. — С. 96—108.
150. *Сергеев В.И.* Хальхи ч'ваш ч'лхи: морфологи: в'ренү к'неки. — Шупашкар, 1992. — 176 с.
151. *Сергеев В.И.* Именные части речи: учеб. пособие. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. — 152 с.
152. *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. — 300 с.
153. *Сергеев Л.П.* Ч'ваш аффиксологиё: ятарл' курс: в'ренү пособий. — Шупашкар, 2009. — 124 с.
154. *Сергеев Л.П., Андреева Е.А., Котлеев В.И.* Ч'ваш ч'лхи. — Шупашкар: Ч'ваш к'неке изд-ви, 2012. — 430 с.
155. *Серебренников Б.А.* О значениях прошедших времен в чувашском языке // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 16. — Чебоксары, 1958. — С. 177—188.
156. *Серебренников Б.А.* О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках // СТ. — 1982. — № 4. — С. 3—13.
157. *Скорик П.Я.* Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 448 с.
158. Словарь иностранных языков. — СПб.: Victory, 2010. — 813 с.
159. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1959. — 440 с.
160. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. / глав. ред. А.М. Прохоров. — М.: Сов. энцикл., 1988. — 1599 с.
161. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфонология. Морфология / под ред. П.П. Щубы. — Минск, 1981. — 399 с.
162. Современный русский язык: учебник / под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Высш. школа, 1981. — 560 с.
163. *Соссюр Ф.* Труды по языкоznанию. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
164. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. — М.: Наука, 1988. — 559 с.
165. *Старичёнок В.Д.* Большой лингвистический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 809 с.

166. *Сыромятников Н.А.* Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. — Л.: Наука, 1971. — С. 51—64.
167. Татарская грамматика: в 3 т. Т. 1: Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Основные понятия грамматики. Морфонология. Словообразование. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. — 583 с.
168. *Тенишев Э.Р.* Страй саларского языка. — М.: Наука, 1976. — 569 с.
169. *Тенишев Э.Р.* Страй сарыг-югурского языка. — М.: Наука, 1976. — 307 с.
170. *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. — М.: Наука, 1966.
171. *Терещенко Я.М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. — М.: Наука, 1966. — 464 с.
172. *Тимухха Х.* Чӑваш чӗлхин грамматики: фонетика, морфологи. — Шупашкар, 1924. — 143 с.
173. Тюркское языкознание в СССР за семьдесят лет // Советская тюркология. — 1987. — № 5. — С. 3—31.
174. *Усманов С.У.* Морфологические особенности слова в современном узбекском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 1964. — 151 с.
175. Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 12. — Чебоксары, 1955. — 230 с.
176. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. — Ч. 2. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. — 136 с.
177. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. — Ч. 3. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. — 128 с.
178. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. — Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1996. — Т. 1: А—Р. — 470 с.; Т. 2. — 509 с.
179. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языкознание // Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. — М., 1956. — С. 23—197.
180. *Цинциус В.И.* Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках (по материалам языков тунгусо-маньчжурской группы) // Морфологическая типология и проблема классификации языков. — М.; Л.: Наука, 1965. — С. 141—154.
181. Чӑваш чӗлхин тுнтер словарӗ = Обратный словарь чувашского языка / В.И. Сергеев [и др.]. — Шупашкар: Чӑваш кӗнеке изд-ви, 1985. — 160 с.
182. *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2: Словообразование. Морфология. 2-е изд. — М., 1987. — 256 с.
183. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 3-е изд. — М., 2001. — 624 с.
184. *Шведова Н.Ю.* Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. — М.: Наука, 1988. — С. 152—166.

185. Штенинг Д.А. О неоднородности грамматических категорий // Вопросы языкоznания. — 1959. — № 1. — С. 55—64.
186. Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола // Эргативная конструкция предложения / сост. Е.А. Бокарев. — М., 1950. — С. 103—106.
187. Щерба Л.В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. Т. 1. — М., 1958. — 182 с.
188. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.
189. Щербак А.М. О морфологической структуре слова в тюркских языках // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.; Л., 1963. — С. 267—270.
190. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: имя. — Л.: Наука, 1977. — 189 с.
191. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. — Л.: Наука, 1981. — 183 с.
192. Щербак А.М. Последовательность морфем в словоформе как предмет специального лингвистического исследования // Вопросы языкоznания. — 1983. — № 3. — С. 39—43.
193. Benzing J. Tschuwaschische Forschungen. Die Kasus // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — Band 96. — Heft 3. — Leipzig, 1942. — S. 421—471.
194. Benzing J. Das Tsohuwaschische // Philologiae Turcicae Fundamenta. Band 1. Wiesbaden, 1959. — S. 695—751.
195. Budenz J. Csuvas közlések és tanulmányok: 1—3 // Nyelvtudományi Közlemények. — 1862. — P. 200—268, 353—433; 1863. — P. 15—68.
196. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1: Teorie odvozování slov. — 263 s.
197. Haas W. Zero in linguistic description // Studies in Linguistic Analysis. — Oxford, 1957. — P. 33—53.
198. Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior / 2-nd ed. — The Hague; Paris, 1967. — 762 s.
199. Pike K.L. Linguistic concepts: An introduction to tagmemics. — London, 1982.
200. Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkssprachen. — St.-Pbg., 1906. — 35 s.
201. Räsänen M. Materialien zur Morphologie der turkischen Sprachen. — Helsinki, 1957. — 256 s.
202. Serebrennikov B.A. Über tschuwaschischen Themen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — Vol. 17. — № 2. — Budapest, 1964. — P. 129—138.
203. Whorf B.L. Language, Thought and Reality. — Cambridge, 1959. — 278 p.

СОКРАЩЕНИЯ

А, I—XVII — Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка. — Вып. 1—17. — Казань; Чебоксары, 1928—1950.

АН СССР — Академия наук СССР.

ЧГПИ — Чувашский государственный педагогический институт (ныне университет) им. И.Я. Яковлева.

ЧНИИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук).

ЧРС — Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. — М.: Русский язык, 1982. — 712 с.

азерб. — азербайджанский язык

алт. — алтайский язык

англ. — английский язык

араб. — арабский язык

башк. — башкирский язык

греч. — греческий язык

др.-турк. — древнетюркский язык

к.-калп. — каракалпакский язык

каз. — казахский язык

карач.-балк. — карачаево-балкарский язык

кирг. — киргизский язык

лат. — латинский язык

мар. — марийский язык

монг. — монгольский язык

нем. — немецкий язык

рус. — русский язык

тат. — татарский язык

тоф. — тофаларский язык

тув. — тувинский язык

турец. — турецкий язык

туркм. — туркменский язык

тюрк. — тюркские языки
удм. — удмуртский язык
узб. — узбекский язык
хак. — хакасский язык
чув. — чувашский язык
шор. — шорский язык
якут. — якутский язык

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Указатель включает служебные слова и аффиксы чувашского языка, в том числе и некоторые словообразовательные форманты, которые рассматриваются или упоминаются в работе (за исключением встречающихся в примерах — как в составе словоформ, так и в словосочетаниях или предложениях).

Приведен общий список языковых единиц, расположенных в алфавитном порядке. Фонетически совпадающие морфы с разными грамматическими значениями (включая аффиксы-омонимы) разграничены. Алломорфы помещены в скобках за морфом, условно поставленным на первое место.

Звездочкой (*) отмечены аффиксы или композиты, представленные в том виде, как трактовались ранее; после двоеточия дан современный взгляд на эти грамматические единицы.

В комментариях использовались следующие сокращения:

буд. — будущее (время);
вежл. — вежливая (форма);
возм. — возможности (форма);
вопр. — вопросительное (местоимение);
выд. — выделения, выделительности (форма) (выделительная форма);
гл. — глагол;
дат. — дательный (падеж);
деепр. — деепричастие;
диал. — диалектный;
долж. — долженствование;
дост. — достаточности (форма);
ед. — единичность, единственное (число);
жел. — желательное (наклонение);
инт. — интенсив (интенсивная форма);
инф. — инфинитив;
исх. — исходный (падеж);

л. — лицо;
лич. — личная (форма);
лиш. — лишительный (падеж);
мест. — местный (падеж);
местоим. — местоимение;
мн. — множественность, множественное (число);
многокр. — многократность, многократное (время);
налич. — наличности (форма) (наличная форма);
напр. — направительности (форма) (направительная форма);
наст. — настоящее (время); неопр. — неопределенный;
облад. — обладания (форма); однокр. — однократное (время);
отр. — отрицание (отрицательная форма);
повел. — повелительное (наклонение);
понуд. — понудительная (форма);
поряд. — порядковость (порядковая форма);
пр. — причастие;
пред. — предельности (форма) (пределная форма);
предн. — предназначения (форма);
преф. — префикс;
прил. — прилагательное;
прин. — принадлежности (форма);
прит. — притяжательный (падеж);
притв. — притворная (форма);
прич. — причинный (падеж);
прош. — прошедшее (время);
разд. — разделительности (форма) (разделительная форма);
словообр. — словообразовательный;
соб. — собирательность (собирательная форма);
ср. — сравнительная (форма);
сущ. — существительное;
твор. — творительный (падеж);
упод. — уподобительности (форма) (уподобительная форма);
усил. — усиление (усилительная форма);
уст. — уступительное (наклонение);
устар. — устарелое;
учащ. — учащательности (форма) (учащательная форма);
частот. — частотности (форма);
числ. — числительное.

- a* (-*e*) дат. 71, 76, 106, 138, 144, 160, 166, 170, 248
- a* (-*e*) деепр. 105, 293—295, 302, 305, 310—313, 323, 325
- a* (-*e*) наст. (наст.-буд.) 288, 293—296, 302, 305, 310
- a* (-*e*) словообр. (имя действия) 311, 332
- a* (-*e*) словообр. (сущ.) 311, 332
- ай* (-*ей*, -*й*, диал. -*и*) жел. 44, 108, 289, 290
- акан* (-*екен*, -*кан*, -*кен*, -*аканн*, -*екенн*, -*канн*, -*кенн*) пр. наст. 39—45, 105, 270, 305, 317, 319, 325
- ал* (-*ел*, -*ам*, -*елл*, -*лл*) напр. 18, 166, 185, 212, 231
- ала* (-*еле*) инт. 283
- *-*ала* (-*еле*) словообр. (гл.): инт. 283
- *-*алла* (-*елле*) напр.: -*ал* (-*ел*, -*ам*, -*елл*) + -*а* (-*e*) (дат.) 176, 185, 231
- ан* частица 308
- ан* (-*ен*, -*н*) пр. наст. 39, 43—45, 305, 316, 317, 325
- ан* (-*ен*) словообр. (гл.) 278
- *-*анчи* (-*енчи*) пр.: -*ан* (-*н*) + -*ç(ă)* + -*u* (выд.) 305, 314, 315
- ар* (-*ер*) разд. 222
- ар* (-*ер*) мн. (1 л.) повел. 59
- ар* (-*ер*) понуд. 280
- ар* (-*ер*) словообр. (гл.) 275—277, 280
- ас* (-*ес*, -*с*, -*асс*, -*есс*, -*сс*) пр. буд. 21, 45, 105, 270, 305, 317, 320, 321, 325
- *-*ам* (-*ем*) наст.: -*а* (-*e*) + -*м* 295, 302, 305, 310, 313
- ам* (-*ем*) словообр. (гл.) 275, 277
- *-*амм* (-*емм*, -*атч*, -*етч*) прош.: -*а* (-*e*) + -*м* (наст.) + -*mă* (-*mĕ*, -*и*) (прош.) 302, 305
- ax* (-*ex*, -*x*) усил. 4, 16, 18, 61, 65, 66, 105, 106, 155—157, 165, 169, 181, 199, 203, 204, 206, 212, 225, 318, 319, 321, 322, 324, 326, 328, 329, 334, 338, 339
- аш* (-*еш*, -*и*) словообр. (гл.) 370
- *-*ашкал* (-*ешкел*) упод. местоим.: -*а* (-*e*) (дат.) -*шкал* (-*шкел*) 247
- ă* (-*ĕ*) буд. 288, 296, 297, 305
- ал* (-*ĕл*, -*л*) словообр. (гл.) 274, 278, 368
- ам* (-*ĕм*, -*м*) поряд., устар. 212, 221, 230
- ам* (-*ĕм*, -*м*) 1 л. прин. 45, 79, 80, 125, 127, 132, 135, 158, 172, 227, 318, 321, 336, 343

- äm* (-*äm*, -*m*) 1 л. гл. 270, 312
- än* (-*än*, -*n*) образа (способа) действия 19, 60, 61, 63, 105, 185, 186, 188, 195, 196, 198, 203, 204, 206, 223, 224, 235, 311, 316, 319–321, 325, 327, 335
- än* (-*än*, -*n*) соб. 177, 196, 198, 210–212, 223, 235
- än* (-*än*, -*n*) 2 л. гл. 128, 270, 297, 312
- än* (-*än*, -*n*, -*in*, -*änn*, -*änñ*, -*nn*) прит. 10, 75, 90, 106, 138, 142–144, 146, 163, 179, 180, 185, 186, 245, 246, 251, 255, 260, 262
- än* (-*än*) словообр. (гл.) 274, 278, 281, 367
- *-*än* (-*än*) словообр. (наречие): образа (способа) действия 185, 195, 196, 198, 327
- än* (-*än*, -*n*) 1 л. гл. 297
- är* (-*är*) мн. (1 и 2 л.) прин. 56, 58, 66, 79, 80, 125, 135, 227, 321, 336, 343
- är* (-*p*) мн. (1 и 2 л.) местоим. 59, 61, 75, 243, 246, 249
- är* (-*är*) мн. (1 и 2 л.) гл. 59, 270, 312, 321
- äç* (-*äç*, -*ç*) словообр. (гл.) 274, 275, 278, 369
- *-*ämm* (-*ämm*, -*mm*) буд. 305
- äsh* (-*äsh*) выдел. 194, 222
- äsh* (-*äsh*) словообр. (гл.) 274, 275, 278, 369
- валли* послелог 50, 337, 338, 346
- вара* послелог 314, 338
- вár* частица 193
- вér* частица 193
- вимéр* послелог 337, 338
- ev* соб., устар. 212, 230
- евéр* (*евéрр-*) послелог 5, 50, 53, 63, 180, 181, 337, 338, 340, 346
- el* соб., устар. 230
- ë* выд. 26, 27, 28, 37, 39, 41–43, 51, 172, 175, 194, 203, 221, 228, 246
- ë* 3 л. гл. 151, 270, 297
- ë* (-*u*) 3 л. прин. 26, 27, 36, 38, 39, 42, 45, 51, 53, 54, 79, 80, 126–127, 134–136, 149, 160, 168, 172–175, 179, 184, 189, 203, 227, 228, 236, 318, 321, 332, 333, 336, 343
- ii* выд. 4, 8, 9, 24–34, 36–43, 45–50, 52, 53, 55–59, 62–65, 73, 90, 105, 107, 163, 164, 168–172, 176, 178–180, 188,

- 189, 193–195, 201, 203, 204, 212, 216, 228, 231, 236, 246–248, 251, 255, 262, 264, 266, 311, 315, 316, 318–320, 332, 333, 335, 337, 340, 343, 344, 346
- *-и пр. возм.: выд. 47, 303, 305, 315
  - ин 1 и 3 л. уст. 288, 305
  - ине поряд. 212
  - *-иччен деепр.: -и + -чен (-чен) 32, 47, 48, 305
  - ии (-аш, -еш) притв. 305
- йам* частица 193
- кала (-кеle) многокр. (учащ.) 105, 278, 280–282, 326
- каса* послелог 337
- кура* послелог 337, 339
- ла (-ле, -ла, -лле, -л, -лл) упод. 18, 75, 84, 139, 140, 164, 180, 181, 184, 192, 203, 205, 206, 315, 319, 321, 322, 326, 327, 338
- лă (-лĕ, -ллă, -ллĕ, -л, -лл) облад. (налич.) 18, 30, 56, 84, 139, 149, 150, 171, 174, 175, 192, 207
  - лă (-лĕ, -л) словообр. (прил.) 139, 148–150, 174, 175, 192, 199
  - лăх (-лĕх) дост. (предн.) 18, 75, 82–84, 173, 174, 192, 304, 315, 322
  - лăх (-лĕх) словообр. (сущ.) 21, 54, 75, 82, 83, 173
- ма (-ме, -м) отр. 44, 108, 306–308, 312, 321
- ма (-ме, -м, диал. -мак, -мек) инф. 119, 192, 304, 315, 322, 323
  - май* послелог 337, 339, 346
  - *-малах (-мелех) пр.: -ма (-ме) + -лăх (-лĕх) 304, 305, 314, 315
  - *-малла (-мелле, -малл, -мелл) пр. долж. или повел.: -ма (-ме) +
- ла (-ле) (упод.) 46, 291, 292, 305, 315
- *-ман (-мен) отр. пр. наст., прош.: -ма (-ме, -м) (отр.) + -ан (-ен) 44
  - мар* (*mapp-*) частица 50, 53, 63, 308
  - мас (-мес) отр. 108, 306–308
  - *-массерен(-мессерен) деепр.: -ма (-ме) + -серен 304, 305, 314, 323
  - мĕш поряд. 58, 77, 105, 177, 196, 210–212, 220–222, 231
  - нă (-нĕ, -н) пр. прош. (и прош. неопр.) 39, 40, 44, 45, 91, 105, 200, 293, 298–300, 304, 305, 314, 316, 317, 319, 320, 325

- нāн (-нēн) устар., то же, что -āн (-ēн) 143
 *-нāрannा (-нēренне) деепр.: -нā (-нē) + -ран (-рен) + -на (-ne) 304, 305, 314
 *-нāçem (-нēçem), -нāçemēn (-нēçemēn) деепр.: -нā (-нē) + -çem (-ён) 305
 ни- преф. отр. 260
- на (-ne, -n, -нала, -неле, -нал, -нел, -нalan, -нелен, -нalanн-, нe-лenn-) твор. 138, 139, 147, 148, 304, 314, 325
 пек (пекк-) послелог 5, 50, 53, 63, 180, 181, 337, 338, 340, 346
 пирки послелог 50, 337, 338, 346
 пула послелог 337
 пулин (пулсан) частица 261
 пур (пурр-) частица 50, 53, 63
 пүçне послелог 337, 346
 пүçласа послелог 337
- p (-m, -pă, -pě, -mă, -mě, -u) прош. 298, 301, 302, 305
 -pa (-pe, -ma, -me, -ce, -p, -m, -u) мест. 4, 29, 34, 58, 138, 145, 146, 180, 232
 -ран (-рен, -тан, -тен, -чен, -ранн, -ренн, -тенн, -тенн, -ченн) исх. 63, 138, 146, 164, 304, 314
 -рах (-рех, -тарах, -терех, -рахх, -рехх, -тарахх, -терехх) ср. (компаратив) 4, 19, 20, 41, 51, 57, 60, 61, 65, 71, 72, 83, 84, 103, 105, 113, 149, 150, 174—176, 178, 179, 188—192, 203, 206, 248, 311, 319, 324, 325, 328, 334, 335, 345
 *-ри (-ти, -чи): -ra (-pe, -ma, -me, -ce) + -u 28, 29, 34, 180, 192
- са (-ce) деепр. 105, 270, 299, 305, 312, 313, 323—325
 -са (-ce) (диал.) прош. неопр. 299
 -сам (-сем) вежл. 1 л. ед. повел. 286, 287
 -сан (-сен) деепр. 105, 305, 313, 324, 325
 -сассан (-сессён) деепр. 305, 324
 *-сатт (-сett) прош.: -са (-ce) + -mm (прош.) 270, 305, 312, 313
 -сāн (-сēн) 2 л. ед. уст. 288, 289
 -сāр (-сēр, -сäpp, -сëpp) лиш. 138, 139, 148—150, 181, 192, 322
 -сäр (-сëр, -сäpp, -сëpp) словообр. (прил.) 22, 139, 148—150, 192

- cāp* (-*cēp*) 2 л. мн. уст. 288, 289
- сем* (-*се*, -*сен*, диал. -*сам*) мн. 4, 10, 14, 16, 17, 20, 34, 37, 41, 43, 44, 49, 50, 54–62, 64, 65, 75, 79, 86, 89, 90, 100, 101, 105, 106–108, 121–126, 145, 148–150, 157, 168, 169, 174, 175, 203, 218–220, 227, 234, 235, 243, 244, 246, 249, 253, 254, 256, 257, 261, 266, 311, 317–319, 328, 330, 333, 336, 338, 343
  - сем* словообр. (сущ.) 123
  - серен* частот. 19, 85, 184, 185, 304, 322, 323, 327
  - сём* частица 193, 208
  - скер* выд. 4, 9, 19, 24–26, 28, 30–33, 35, 37, 39–43, 46, 48–52, 55–57, 62–65, 73, 85, 105, 107, 163, 168–170, 176, 178, 188, 189, 193–195, 201–204, 216, 248, 258, 264, 266, 311, 316, 318–320, 335, 337, 340, 343, 344, 346
  - ç* (-*çç*) мн. 296
  - çe* словообр. устар. 259
  - çем* (-*çем-ён*) 316, 318, 319
  - çи* притв. 316
  - çинчен* послелог 337, 339
  - çити* послелог 50, 337, 346
  - çук* (*çукк-*) частица 50, 53, 63
  - m* понуд. 280
  - m* (-*mā*, -*mē*) наст. 21, 293–296, 302, 310
  - m* (-*mā*, -*ç*, -*mm*, -*çç*) прошл. 108, 151, 270, 312
  - m* словообр. (гл.) 115, 275–277
  - ma-* (*me-*) преф. неопр. 260, 261
  - ma* (*me*) частица 240, 261, 262
  - mавра* послелог 50, 337, 339
  - map* (-*terp*) словообр. (гл.) 115, 275, 276, 347
  - map* (-*terp*) понуд. 275–278, 280, 347
  - таран* послелог 337, 339
  - mā* (-*mē*, -*ç*) прошл. многокр. (перфект) 302
  - mā* (-*mē*, -*rā*, -*pē*, -*p*, -*ç*) прошл. однокр. 108, 298, 301
  - mār* частица 193
  - mār* (-*mēr*) 3 л. ед. повел. 288
  - mārāx* послелог 50, 337, 339
  - тери* послелог 50, 337, 339, 346
  - mmāp* (-*mmēr*) понуд. 275, 277, 278, 280, 347
  - mmā* (-*mmē*) буд. 290, 291

-у (-ý, диал. -ă, -ě) 2 л. ед. прин. 45, 79, 80, 125—128, 133, 135, 146, 172, 318, 321, 336, 343
-у (-ý) словообр. (сущ.) 119, 330, 331
-у (-ý) словообр. (имя действия) 119, 309, 330—332
урлă послелог 50, 337, 339
*-үçän (-ўçëñ) деепр. 305
хай частица 32, 253
-хи выдел. 24, 25, 28—34, 37, 47—49, 52, 53, 58, 64, 65, 85, 178—180, 193, 194, 327—330, 340
хирëç послелог 50, 337, 339
хута послелог 337, 339, 346
хыççän послелог 337
чăлт частица 193, 208
чăн частица 190, 193, 208
-чен (-ччен, -ченн, -чченн) пред. 18, 32, 47, 48, 84, 147, 164, 179, 181—184, 203, 205, 212, 231, 327, 329, 340
-чё (-ччё) прош. 4, 16, 17, 60, 65, 105—108, 150—154, 157, 165, 167, 169, 171, 176, 200, 203, 212, 224, 244, 250, 254, 299, 318, 319, 324, 326—329, 338—340, 343
чи частица 190, 193, 208
-ччăr (-ччёр) 3 л. мн. повел. 288
-ччё вежл., инт. 286—289, 322
-шар (-шер) разд. 19, 20, 78, 85, 105, 177, 196, 206, 210—212, 222, 223, 226, 235, 259, 267, 268, 329
-шăн (-шён, -шăнн, -шённ) прич. 138, 150, 181
-(ш)ё 3 л. прин. 132, 210, 227, 228
-шкал (-шкел, -шкалл, -шкелл) упод. 61, 75, 217, 238, 239, 247, 248, 253, 256, 260, 266, 326
юнашар (*юнашарр-*) послелог 50, 63, 339
яхăн послелог 337, 339

Составлен А.П. Долговой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Раздел 1. Теории и терминология морфологической структуры языка	8
Введение в теорию агглютинации и лингвотактику	—
Морфотактика, морфемотактика. Последовательность морфем в словоформе и грамматике порядков	13
Что такое слово и словоформа, лексема и граммема?	21
Раздел 2. Особенности агглютинативного строя чувашского языка. Словоизменительные и формоизменительные категориальные формы	23
Грамматические (морфологические) категории. Сквозные и стержневые категориальные формы	—
Категориальные формы выделения на <i>-и</i> , <i>-скер</i> и некатегориальная форма на <i>-хи</i> как отличительная черта морфологического строя чувашского языка	24
Формоизменительная категория выделения на <i>-и</i> , <i>-скер</i> глагольных (категориальных причастных и деепричастных) форм	39
Формоизменение причастий на <i>-нă (-нē)</i> , <i>-кан (-кен)</i> , <i>-ан (-ен)</i>	—
Формоизменение причастия на <i>-ас (-ес, -с)</i>	45
Формоизменение причастия на <i>-малла (-мелле)</i>	46
О так называемом причастии возможности на <i>-и</i>	47
Формы выделения на <i>-и</i> , <i>-хи</i> , <i>-скер</i> наречий	48
Формы выделения на <i>-и</i> , <i>-скер</i> послелогов	50
Выделительное формообразование частиц <i>мар</i> , <i>сук</i> , <i>пур</i> посредством аффиксов <i>-и</i> , <i>-скер</i>	—
Выделительное формообразование подражательных слов (мимем, имитативов)	51
Сквозная стержневая категориальная форма множественного числа на <i>-сем</i>	54
Форма множественного числа существительных	—
Форма множественного числа прилагательных	56

Форма множественного числа числительных	58
Форма множественного числа местоимений	59
Форма множественного числа глаголов	60
Сквозные нестержневые категориальные формы	—
Формы на <i>-чё</i> (<i>-ччё</i>)	—
Формы усиления на <i>-ах</i> (<i>-ex</i> , <i>-x</i>)	61
Падежные формы	62
Раздел 3. Грамматика порядков чувашского языка	67
Общие замечания	—
Категориальные и некатегориальные формы	68
Словоизменение, формоизменение и формообразование	76
Философские, логические, логико-грамматические, понятийные и языковые категории	85
Словоизменительные и формоизменительные морфологические категории	94
Двусторонняя сущность морфологических категорий	98
Явные (морфологические) и скрытые (логические) категории	100
Словоизменение и словоизменительная категориальная форма в грамматике порядков	104
Формоизменение и формоизменительная категориальная форма в грамматике порядков	106
Формообразование, форма слова и словоформа в грамматике порядков	109
Об основообразовании.	113
Раздел 4. Морфология, основанная на словоизменении, формоизменении и формообразовании	116
Уровни морфологии. Части речи, имеющие категориальные и некатегориальные формы	—
Имя существительное	120
А. Словоизменение существительных	—
Категория числа	—
Категория принадлежности и формы косвенной принадлежности	124
Категория падежа	137
Вторичные категориальные формы	150
Б. Формоизменение существительных	156
От словоизменения к формоизменению	—

О «двойном склонении» и категории склонения в чувашском языке	159
Потенциальные изменения словоформ падежей	164
Формоизменительная категориальная форма выделения на <i>-и</i>	169
В. Формообразование существительных	173
Формообразование на базе словообразования	—
Формообразование на базе словоизменения	175
Г. Формы, близкие к падежным	180
Уподобительная форма на <i>-ла</i> (<i>-ле</i> , <i>-лла</i> , <i>-лле</i>)	—
Форма предельности на <i>-чен</i> (<i>-ччен</i>)	181
Форма регулярной частотности на <i>-серен</i>	184
Форма направительности на <i>-алл</i> (<i>-елл</i>)	185
Форма образа действия на <i>-айн</i> (<i>-ён</i>)	—
Имя прилагательное	187
Общие замечания	—
А. Словоизменение прилагательных	189
Категория сравнения	—
Аналитическая сравнительная категориальная форма превосходства качества	192
Категория выделения	193
Категория образа (способа) действия	195
Категория усиления	199
Категория времени	—
Б. Формоизменение прилагательных	201
Категории множественного числа и падежа	—
Формоизменение на основе категории сравнения	203
Формоизменение на основе категории образа (способа) действия	204
В. Формообразование прилагательных	—
Некатегориальные формы отдельных падежей и лиц	—
Некатегориальные формы уподобления на <i>-ла</i> (<i>-ле</i> , <i>-лла</i> , <i>-лле</i>) и предельные формы на <i>-чен</i> (<i>-ччен</i>)	205
Разделительная форма на <i>-шар</i> (<i>-шер</i>)	206
Форма обладания на <i>-лй</i> (<i>лё</i> , <i>ллй</i> , <i>ллё</i>)	207
Форма усиления качества (интенсив)	—
Имя числительное	209
Общие замечания	—
Классификация форм числительных	212
Количественные числительные	213

A. Словоизменение числительных	217
Категория падежа	—
Категория приблизительного множественного числа	218
Категория порядковости	220
Категория разделительности	222
Категория образа действия или собирательности?	223
Категория времени	224
Категория усиления	225
B. Формоизменение числительных	—
Категории падежа и склонения	—
Категория числа	227
B. Формообразование числительных	—
Личные формы	—
Форма собирательности на <i>-ев</i>	230
Форма порядковости на <i>-ам</i> (<i>-ём</i>)	—
Форма направительности на <i>-алл</i> (<i>-елл</i>) + аффикс дательного падежа	231
Формы предельности на <i>-чен</i> (<i>-чен</i>) и выделения <i>-и</i>	—
О нумеративах, или именах счёта (счётных именах)	232
Местоимение	237
Общие замечания	—
A. Словоизменение и формоизменение личных местоимений	240
Единичность и множественность лиц	—
Категория времени	244
Категория усиления	—
Категория падежа и склонения	—
Категория выделения	247
Категория уподобления на <i>-шкал</i> (<i>-шкел</i>)	—
B. Словоизменение и формоизменение лично-возвратных местоимений	248
Единичность и множественность лиц	249
Категория времени	250
Категории падежа и склонения	250
Категория выделительности	252
Категория уподобления на <i>-шкал</i> (<i>-шкел</i>)	253
B. Словоизменение и формоизменение указательных местоимений	—
Категория множественного числа	254
Категории прошедшего времени и усиления	—

Категории падежа и склонения	254
Категория уподобления на <i>-шкал</i> (<i>-шкел</i>)	256
Г. Словоизменение, формоизменение	—
и формообразование вопросительных местоимений	—
Категория множественного числа	257
Категории падежа и склонения	—
Формоизменительные и формообразовательные формы	258
Д. Определённые (определительные) местоимения	259
Е. Об отрицательных и неопределенных местоимениях	261
Именные части речи чувашского языка с точки зрения категориальных и некатегориальных форм	262
 Раздел 5. Глагол.	269
Общие замечания	—
А. Словоизменение, словообразование и вопросы	—
формообразования глаголов	272
Есть ли залоги в чувашском языке?	—
Категория многократности (учащательности) или категория многократного вида?	280
Интенсивная некатегориальная форма глаголов на <i>-ала</i> (<i>-еле</i>).	283
Глагольные многочленные категории и их субкатегории	284
Категория и субкатегории наклонения	—
Повелительное наклонение	285
Уступительное наклонение	288
Желательное наклонение (оптатив) на <i>-ай</i> (<i>-ей</i> , <i>-й</i>)	289
Есть ли в чувашском языке сослагательное и долженствовательное наклонения?	290
Категория времени	292
Настоящее время	293
Будущее время	296
Прошедшее время	298
Новая система временных форм глагола	—
И.П. Павлова	303
Категория отрицания	306
Б. Формоизменение и формообразование неличных	—
форм глагола	309
Система вербоидов чувашского языка	—

Формоизменение и формообразование	
категориальных форм причастий	317
О парадигме временных форм причастий	—
Формоизменение причастий настоящего времени	—
Формоизменение и формообразование причастий прошедшего времени	319
Формоизменение и формообразование причастий будущего времени	320
Формоизменение и формообразование категориальной формы инфинитива	322
Формоизменение и формообразование категориальных форм деепричастий	323
Раздел 6. Части речи без присущих только им	
категориальных и некатегориальных форм	326
Наречие	
Общие замечания	327
Вторичные категориальные формы наречий	328
Формообразование наречий. Некатегориальные	
формы наречий	—
Формоизменение некоторых наречий	329
Имя действия	330
Мимемы (звукоподражательные и звукообразные	
слова, имитативы)	333
Общие замечания	—
Формообразование мимем	334
Послелоги и служебные имена	336
Морфологический строй чувашского языка	
(вместо заключения)	342
<i>Приложения</i>	347
<i>Литература</i>	372
<i>Сокращения</i>	383
<i>Указатель аффиксов и служебных слов чувашского языка</i>	
(составлен А.П. Долговой)	385

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Серия «Строй чувашского языка»

Научное издание

СЕРГЕЕВ Виталий Иванович

МОРФОЛОГИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

**словоизменение, формоизменение
и формообразование**

Монография

Редактор и корректор *Т.Н. Таймасова*
Вёрстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 15.12.17. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать оперативная. Гарнитура Times.
Физ. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 20,42. Тираж 220 экз. Заказ № 16.
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428014, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.